

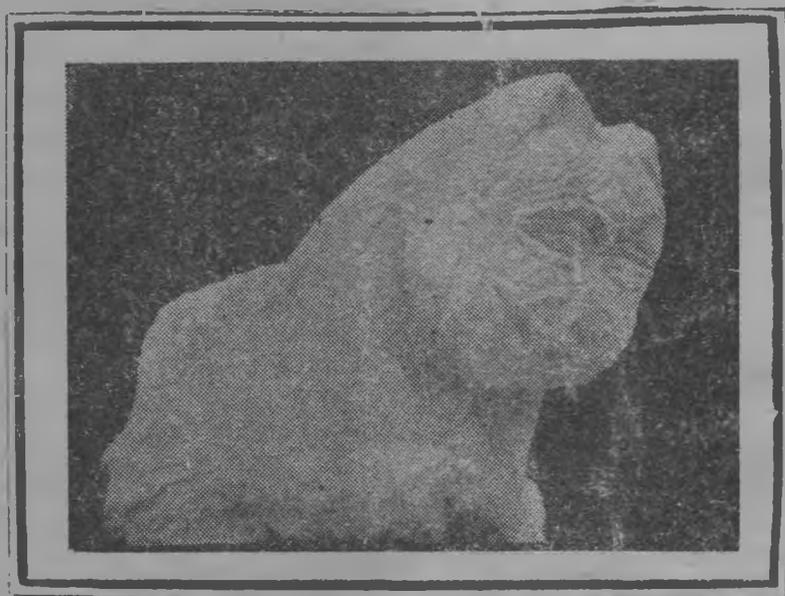
902.6(726)

Д-73

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ДАГЕСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ

ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
им. Г. ЦАДАСЫ

Древние и средневековые археологические памятники Дагестана

Махачкала 1980

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ДАГЕСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ

ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
им. Г. ЦАЛАСЫ

902.6 (Дэ)
Д 73

Древние и средневековые археологические памятники Дагестана

(Тематический сборник)

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Махачкала 1980

МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ ДАГЕСТАНА
№ 9

Ответственный редактор
А. Р. ШИХСАИДОВ

Махачкала
Научная библиотека
ДарФАН СССР

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник является продолжением серии изданий сектора археологии Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы, посвященных различным вопросам древней и средневековой археологии Дагестана. В написании статей сборника приняли участие, наряду с сотрудниками сектора археологии, научные работники Института археологии АН СССР (С. Н. Корневский), Государственного исторического музея (М. П. Абрамова) и преподаватели Дагестанского государственного университета им. В. И. Ленина (А. Р. Магомедов, А. Е. Криштопа).

Большинство статей посвящено культурно-историческому осмыслению материалов раскопок древних и средневековых бытовых памятников — поселений и городищ Дагестана. Так, в статье М. Г. Гаджиева «Древнейшие поселения горного Дагестана» на основе изучения данных раскопок древнейших поселений, жилых и других бытовых построек, производственного и бытового инвентаря V—IV тыс. до н. э. доказываются, что основные признаки, характерные для хозяйственно-культурного комплекса куро-аракской культуры на Северо-Восточном Кавказе, сложились еще в эпоху энеолита. Серия статей посвящена изучению древних и средневековых городов и поселений городского типа. В них намечаются основные этапы (протогородской — IX—IV вв. до н. э., албанский — III в. до н. э. — IV в. н. э., средневековый — V—XIV вв. н. э.) процесса урбанизации в древнем и средневековом Дагестане (В. Г. Котович. О процессе урбанизации в древнем Дагестане), с привлечением данных письменных источников и археологии делаются попытки локализации древних городов (М. С. Гаджиев. К вопросу о локализации сасанидского города Шахристан-и Иездигерд), на примере крупнейшего города Кавказа — Дербента с широким привлечением новых данных археологии рассматриваются вопросы сложения исторической топографии, структуры и динамики развития средневекового города (А. А. Кудрявцев. Сложение исторической топографии средневекового Дербента), освещается роль и значение раннесредневековых крепостных сооружений Северного Дагестана в истории раннего Хазарского каганата и Юго-Восточной Европы (М. Г. Магомедов. Крепостные

сооружения Хазарии). В сборнике публикуются также материалы раскопок одного из городищ албанского и средневекового времени горного Дагестана (А. И. Абакаров, М. Г. Гаджиев. Нижнечуглинское городище), результаты археологического изучения средневековой крепости в горном Дагестане, рассматриваемой как феодальный замок (В. М. Котович. Анадинский замок), и новые археологические материалы к характеристике социального развития и исторической топографии средневекового Дербента (Г. Г. Гамзатов. Дворцовые комплексы XIV—XV и XVI—XVII вв. в Дербенте).

В ряде статей сборника рассматриваются вопросы, связанные с изучением древнего и средневекового металлургического и металлообрабатывающего производства и его продукции. В них показано своеобразие местного металлообрабатывающего производства горного Дагестана во II тыс. до н. э. (С. Н. Корневский. О металле могильника Гицци эпохи средней бронзы), прослеживается генезис некоторых форм биметаллических кинжалов, своеобразие которых свидетельствует о существовании северокавказского очага их производства (О. М. Давудов. О генезисе некоторых форм кинжалов на Кавказе), вводятся в научный оборот новые материалы, характеризующие один из средневековых очагов железной металлургии в горном Дагестане (А. Е. Криштопа. Средневековый очаг металлургии в бассейне Кара-Койсу).

Две статьи сборника посвящены хронологическому и культурному осмыслению материалов раскопок могильника эпохи бронзы (А. Р. Магомедов. Раскопки Тахиркалинского могильника) и Большого Буйнакского кургана (М. П. Абрамова, Буйнакский курган¹).

Л. Б. Гмыря в своей статье «Некоторые сведения о гуннах в Дагестане» систематизирует данные письменных источников о гуннах в Дагестане и классифицирует бытовые и погребальные памятники Северного и Приморского Дагестана т. н. «царства гуннов».

В статье В. М. Котович «О некоторых верованиях раннеземледельческого населения Дагестана» на основе анализа данных наскальных изображений воссоздаются некоторые мировоззренческие представления населения горного Дагестана V—II тыс. до н. э., имеющие многочисленные параллели в древнеземледельческих очагах Евразии.

Как явствует из краткого обзора, содержание статей данного сборника значительно расширяет наши представления о древней и средневековой истории и культуре Дагестана. Поэтому тематика статей может оказаться интересной не только для специалистов-археологов, историков, этнографов, искусствоведов и других смежных наук, но также для широкого круга читателей, интересующихся древней историей и культурой народов Дагестана и Кавказа.

¹ В данном сборнике публикуется вторая часть статьи М. П. Абрамовой. Первая опубликована в сб. Средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1977, с. 54—73.

ДРЕВНЕЙШИЕ ПОСЕЛЕНИЯ ГОРНОГО ДАГЕСТАНА

Археологические работы, проводившиеся в горных районах Северо-Восточного Кавказа, выявили группу древних памятников, представляющих культуру начального периода освоения металлов. В горном Дагестане, в частности, исследованы поселения эпохи энеолита, изучение которых имеет важное значение как для освещения хозяйственного и культурно-исторического развития местных племен, так и для понимания некоторых закономерностей и особенностей возникновения и становления оседлого быта и оседлых поселений в горных областях Северного Кавказа в целом.

Как известно, горный Дагестан был заселен еще в нижнем палеолите¹. С этого времени человеческая деятельность здесь не прекращалась. Многие поколения обитавших здесь людей накопили известный опыт организации хозяйства и быта в различных естественно-географических условиях края. Максимально используя природные убежища горного Дагестана, человек еще в палеолитическую эпоху активно пытался приспособить их для обживания. В этом отношении особый интерес представляет стоянка верхнепалеолитического и мезолитического времени, открытая у с. Чох Гунибского района. Она находится в укромном, хорошо замаскированном и защищенном от ветров месте, у основания обращенного на юг небольшого навеса². Имеются некоторые данные, говорящие о возможности существования на Чохской стоянке искусственных жилищ. К ним относятся дугообразная каменная выкладка, ограждавшая небольшое пространство между нею и скалой, большая насыщенность этого пространства культурными остатками, чем за пределами выкладки, иной цвет культурных отложений, а также остатки

¹ Котович В. Г. Каменный век Дагестана. Махачкала, 1964, с. 219.

² Там же, с. 103.

кострищ, обнаруженные между скалой и каменной выкладкой³. Полагают, что необходимость утепления скальных убежищ и приспособления их искусственными мерами под более надежные жилища могли быть вызваны оледенением Большого Кавказа⁴.

Но, повидимому, характер стоянок даже этих еще первобытных охотников и собирателей определялся уже не только экономическими, но и социально-экономическими факторами. В этой связи обращают на себя внимание значительные по мощности культурные напластования Чохской стоянки, свидетельствующие об относительной оседлости ее обитателей. Объяснение этому, повидимому, следует искать в характере экономики. Одну из основ хозяйственной деятельности обитателей Чохской стоянки составляла охота на козлов и муфлонообразных баранов, начало domestikации которых по определению специалистов не исключается⁵.

Второй ведущей отраслью хозяйства обитателей стоянки было специализированное собирательство, которое включало также систематический сбор дикорастущих злаков, являющийся важным шагом на пути окультуривания злаков и перехода к их возделыванию. В этом плане особый интерес представляют находки в поздних слоях Чохской стоянки каменной рукоятки жатвенного ножа⁶ и кремневых микропластинок, которые трасологически определены как вкладыши жатвенных орудий, использовавшихся, видимо, для сбора злаков. Такое специализированное, усложненное собирательство являлось предвестником возникновения земледелия. Примечательно, что археологические комплексы Чохской стоянки обнаруживают близкие параллели в каменной индустрии Елизаветинского Востока⁷ — древнейшего очага возникновения производящего хозяйства. Они обнаруживают также близкое сходство с материалами прикаспийских мезолитических памятников южного Туркменистана⁸. Племена же с культурой, сходной с прикаспийским мезолитом, образовывали ту основу, на базе которой произошло сложение самой ранней оседлоземледельческой культуры Средней Азии⁹. Очевидно, прежде всего эти специализированные формы охоты на муфлонообразных баранов и козлов, усложненное собирательство, особенно сбор злаков, наряду с другими факторами, в частности природными, создавали необходимые

³ Амирханов Х. А. Верхний палеолит Северного Кавказа и его соотношение с верхним палеолитом смежных территорий. Автореф. дис... канд. ист. наук, М., 1977, с. 20.

⁴ Там же.

⁵ Котович В. Г. Чохская стоянка — перзый памятник каменного века в горном Дагестане. Учен. зап. Института ИЯЛ Дагфиллаала АН СССР (далее УЗ ИИЯЛ), т. III, Махачкала, 1957, с. 153.

⁶ Котович В. Г. Каменный век Дагестана, с. 158, рис. 35; 5.

⁷ Там же, с. 180—181.

⁸ Амирханов Х. А. Типологические параллели поздним комплексам Чохской стоянки в мезолите восточного Прикаспия. — В сб.: Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1977, с. 11—12.

⁹ Массон В. М. Средняя Азия и Древний Восток. М.: Л., 1964, с. 18.

предпосылки для возникновения у охотничьих коллективов горного Дагестана отмеченной относительной оседлости. Подобные места более длительного обитания верхнепалеолитических коллективов, чем один сезон, как подчеркивает В. М. Массон, неправильно относить к числу стоянок, их можно классифицировать как древнейшие поселения¹⁰. Некоторые принципы устройства поселений и организации быта; выработанные еще верхнепалеолитическими и мезолитическими коллективами, становятся традиционными, широко используются в последующем в период уже сложившегося земледельческо-скотоводческого хозяйства. К сожалению, поселения эпохи неолита — времени сложения оседло-земледельческо-скотоводческого уклада в горном Дагестане почти не исследованы, и поэтому мы лишены возможности охарактеризовать их. Известные в горном Дагестане памятники этой эпохи представляют собой временные стоянки — производственные мастерские по первичной обработке и расщеплению кремня. Значительная концентрация таких стоянок в местах естественного выхода кремня свидетельствует о больших потребностях в этом сырье и интенсивной обживаемости в неолитическую эпоху горных районов Дагестана¹¹. В развитии кремневого инвентаря эпохи неолита прослеживается определенная закономерность, выразившаяся в постепенном исчезновении микролитондной техники и смене ее крупнопластинчатой индустрией. Исследователи связывают это явление с важнейшими изменениями, происшедшими в хозяйстве неолигических племен Кавказа, — окончательным сложением производящей экономики, основанной на земледелии и скотоводстве¹².

Переход к земледелию и скотоводству явился качественным скачком в развитии первобытной экономики, повлекшим за собой коренные перемены во всех сферах общественного развития, в том числе и в облике поселений. Сложение земледельческо-скотоводческого хозяйства привело в первую очередь к установлению прочной оседлости и возникновению, наряду с сезонными, долговременных поселений, рассчитанных на длительное постоянное обитание. Оседлые поселения, относящиеся к неолиту — начальному периоду сложения хозяйства нового типа, в горном Дагестане еще не исследованы. Лучше изучены поселения энеолитической эпохи, периода уже полного господства экономики нового типа. Поселения или находки энеолитического времени встречаются в различных естественно-географических условиях горного Дагестана: в горных речных долинах и котловинах, на склонах и вершинах высокогорий и плато. Они ничем не выделяются в местности, не имеют внешних признаков, чем отличаются от одновременных поселений — тепе

¹⁰ Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976, с. 127—134.

¹¹ Котович В. Г. Каменный век Дагестана, с. 195—203.

¹² Там же, с. 212, 213.

¹³ Кушнарёва К. Х., Чубинишвили Т. Н. Древние культуры Южного Кавказа. М., Л., 1970, с. 48.

Южного Кавказа и Передней Азии¹³. Поэтому выявление древних поселений в горном Дагестане чрезвычайно затрудняется. Они, как правило, обнаруживаются случайно. Сравнительную малочисленность известных сейчас памятников этого времени в горном Дагестане, очевидно, следует объяснить не столько слабой заселенностью края, сколько их слабой изученностью.

Известные сейчас в горном Дагестане энеолитические поселения подразделяются на два типа: постоянные, или оседлые, и сезонные (временные).

Из оседлых поселений лучше всего изучено Гинчи¹⁴, открытое в центральной части северо-западного нагорного Дагестана, в Гидатлинской долине. Оно находится в урочище Гинчи, на правом берегу р. Гидерил-Ор, в 3 км к востоку от с. Тидиб Советского района. Поселение расположено в скрытой местности у подножья южных склонов двух

Рис. 1. Урочище Гинчи.

горных хребтов. Участок, занятый поселением, имеет вид треугольника, вклинившегося между двумя крутыми скальными откосами (рис. 1). А с третьей, открытой стороны, как выяснено раскопками, оно было ограждено оборонительной стеной. Поселение занимает около 1,5 тыс. м² площади. Значительная часть культурного слоя перерыта еще в древности, в эпоху средней бронзы при сооружении подземных каменных

¹⁴ Гаджиев М. Г. Новые данные о южных связях Дагестана в IV—III тыс. до н. э. КСИА, вып. 103, М., 1966, с. 55—61.

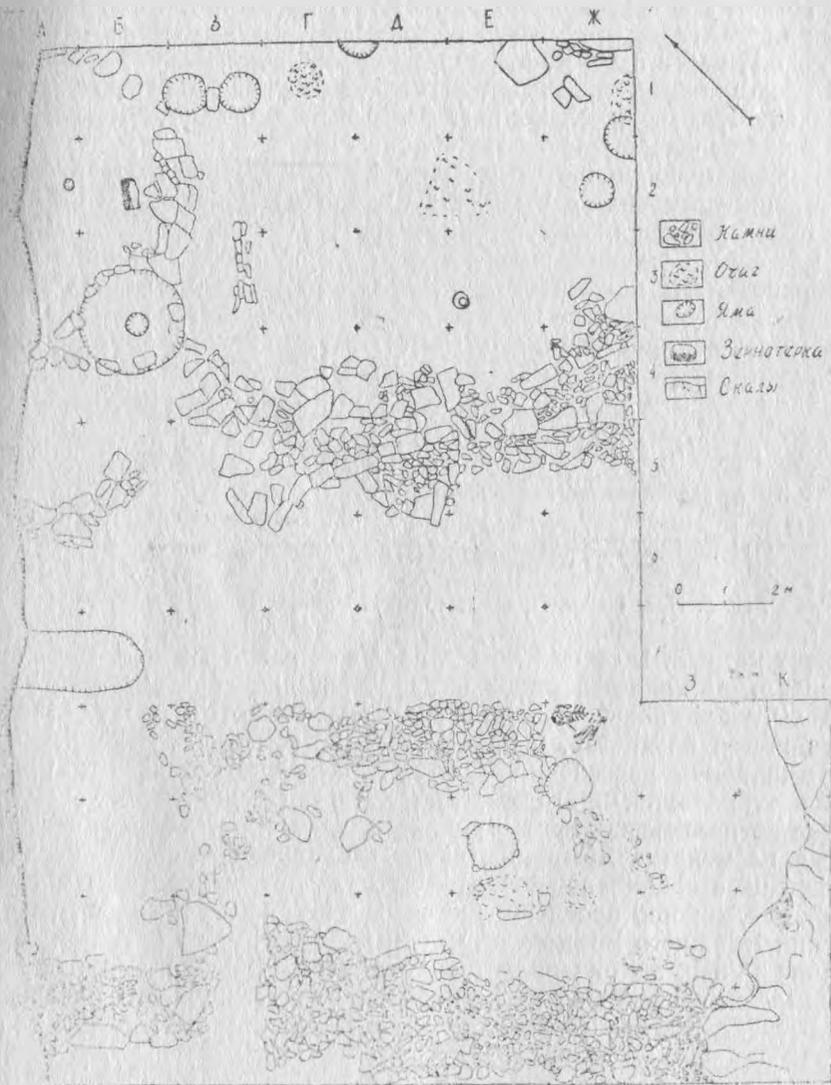

Рис. 2. Поселение Гнячи. План раскопа.

склепов могильника Гинчи¹⁵. Около 400 м² площади разрушено речкой Гинчинкой, протекающей по центру поселения, по руслу шириной около 10 м. Часть поселения скрыта под многометровой толщиной обвалившейся скалы. Поэтому потревоженной осталась только небольшая часть поселения.

В южной части поселения, где находились склепы, раскопано около 320 м² площади. Раскопками вскрыты культурные напластования толщиной 0,50—1,20 м, выявлены различные строительные остатки и большое количество вещественного материала (рис. 2).

Исключительно важно открытие в Гинчи остатков каменных стен, ограждавших поселение с открытой стороны. Стена вскрыта на протяжении 15 м, до края оврага, образованного рекой Гинчинкой. Ширина стены 1,5—2 м. Сохранившаяся высота — 0,60—1,15 м. Она сложена из необработанных камней без скрепляющего раствора. На хорошо сохранившихся участках удалось проследить панцирную кладку из крупных блоков, пространство между которыми заполнено забутовкой

Рис. 3. Пос. Гинчи. Профиль северо-восточной стенки раскопа.

из мелких камней. В стене имеется проём шириной около 1 м. Появление укреплений является одной из специфических особенностей раннеземледельческой эпохи. Оно стимулировано сложением и развитием производящего хозяйства, в процессе чего происходит накопление богатств и широкое расселение земледельческо-скотоводческих племен, освоение территорий, пригодных для хозяйствования, следствием чего является возникновение вражды и военных столкновений между различными племенами. Возникновение и эволюция оборонительных стен, обусловленные социально-экономическим развитием раннеземледельческих племен, хорошо прослеживаются на материалах раскопок оседлых поселений Ближнего Востока и Средней Азии¹⁶. Что касается стены поселения Гинчи, то она является пока что древнейшим из известных на Кавказе каменных фортификационных сооружений. Она предвещает возникновение в эпоху ранней бронзы в Дагестане естественно укреп-

¹⁵ Гаджиев М. Г. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы. Махачкала, 1969.

¹⁶ Массон В. М. К эволюции оборонительных стен оседлых поселений. КСИА, вып. 108, М., 1966, с. 39.

енных поселений¹⁷, а также мощных оборонительных стен в эпоху развитой бронзы (Верхнегунибское поселение)¹⁸.

На поселении Гинчи вскрыты остатки жилых построек, рассчитанных на долговременное обитание, что также характерно для оседлоземледельческих поселений. Помимо беспорядочных каменных завалов и участков прямых стен, свидетельствующих о возможности существования прямоугольных построек, в Гинчи обнаружены также остатки круглоплановых наземных построек и полуземлянки (рис. 3). Основания

стен наземных построек сохранились лишь частично. Они обнаружены у оврага. Остатки дугообразной стены одной из таких построек выложены из небольших необработанных, но хорошо подобранных камней прямоугольных очертаний. Кладка двухрядная. Сохранилась на высоту в 2—3 яруса, до 0,50 м. Ширина — 0,80 м, длина по овалу 3 м. К северо-востоку от нее сохранилась еще одна кладка из четырех камней, плотно пригнанных друг к другу. Обе кладки принадлежат одной и той же постройке круглого плана диаметром 3 м. От другой наземной каменной постройки, находившейся в 3 м к северо-востоку от первой, также сохранилась часть дугообразной стены (рис. 4). Ширина стены 0,70—0,80 м, протяженность по кругу 3 м. Судя по кривизне стены, помещение имело диаметр 4 м. В центре его находилась яма диаметром 0,20 м, глубиной 0,58 м, служившая по видимому для закрепления центрального

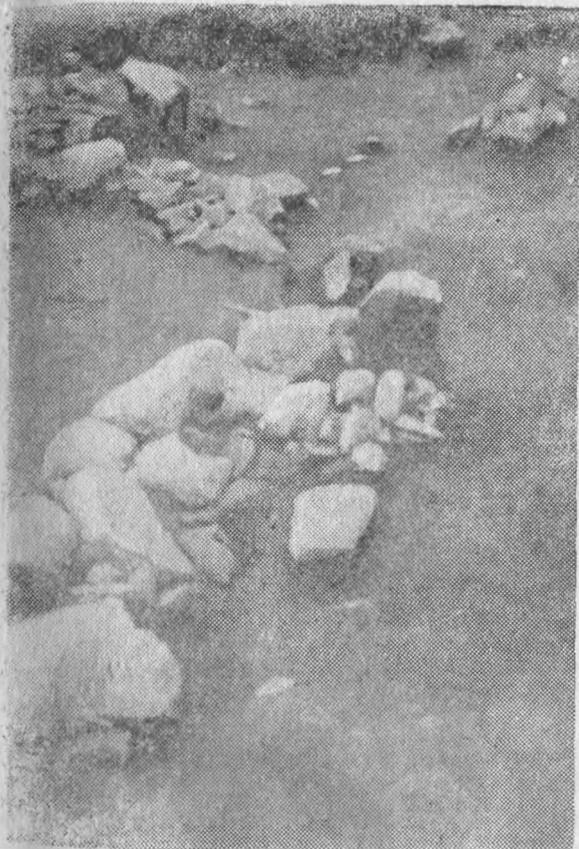

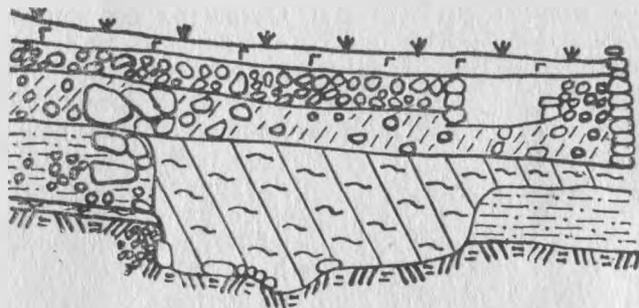
Рис. 4. Пос. Гинчи. Остатки каменной стены круглопланового жилища.

¹⁷ Мунчаев Р. М. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. МНА. № 100, М., 1961, с. 31—34.

¹⁸ Котсвич В. М. Верхнегунибское поселение. Махачкала, 1965, с. 59—70.

столба. Сохранилась только одна половина помещения. На полу у стены находилась крупная зернотерка (0,50×0,30 м) и открытый очаг. Культурные слои внутри помещения обильно насыщены обломками керамики, костями животных. Здесь же обнаружена серия кремневых ножевидных пластин.

Между этими двумя наземными постройками находилась полуземлянка диаметром 2,5 м. Она углублена в материковый слой на 0,30—0,50 м. По краю землянки лежали отдельные камни. В центре находилась яма круглого плана диаметром 0,40 м, глубиной 0,10 м, видимо служившая для закрепления центрального столба (рис. 5).

- Дерн.
- Гумус.
- ЗАВАЛ КАМНЕЙ ОТ СТЕН СКЛЕПОВ
- Камни с землей
- Зольный слой с культурными остатками.
- Глинистая земля с культурными остатками.
- Зола.
- Стенки склепа
- Материк.

Рис. 5. Пос. Гинчи. Разрез полуземлянки по линии СВ—ЮЗ.

Наряду с оборонительной стеной и жилыми постройками, какими были описанные круглоплановые сооружения, на территории поселения Гинчи выявлены и другие хозяйственно-бытовые сооружения. К ним относятся хозяйственные ямы и очаги. На вскрытой части поселения

в разных местах обнаружено 9 ям, вырытых в материке и заполненных культурным слоем. Они имели круглую в плане форму; диаметры ям 0,60—1,05 м, глубина 0,25—0,60. Следы открытых очагов обнаружены на разных горизонтах культурного слоя. Зольные пятна и обожженная земля, оставшаяся от очагов, имели круглую в плане форму и линзовидное сечение, толщина которых достигала до 20 см.

Характерным для оседлоземледельческих племен является также зафиксированный в Гинчи обычай хоронить умерших в пределах поселка¹⁹.

Основу экономики обитателей поселения Гинчи составляли земледелие и скотоводство. В горном Дагестане, особенно в таких микрорайонах, как Гидатлинская долина, где в вегетационный период выпадает достаточное количество осадков, при условии естественного поддержания плодородия почв в подножьях горных склонов и поймах рек, где производились посевы, богарное земледелие гарантировало получение устойчивого урожая. Это явилось основой для раннего сложения оседлого быта в горных районах Северо-Восточного Кавказа. Помимо отпечатков зерен злаков на керамике, развитие земледелия у обитателей поселения Гинчи документируют зернотерки, которые имели весьма крупные размеры, терочники и особенно вкладыши серпов, изготовленные из правильных ножевидных пластин. Среди кремневых орудий вкладыши серпов составляли 17%. Важно отметить также, что, по определению Г. Ф. Коробковой, наряду с архаическими прямыми жатвенными ножами, в Гинчи были распространены весьма совершенные и прогрессивные формы жатвенных орудий — серпы изогнутой формы.

Второй ведущей отраслью хозяйства в Гинчи было скотоводство. Разводили мелкий и крупный рогатый скот и свиней. Примечательно, что в отличие от Закавказья, где в энеолите разводили преимущественно крупнорогатый скот²⁰, в стадах Гинчи абсолютно преобладал мелкий рогатый скот. В начале обживания поселения мелкий рогатый скот составлял почти 90%, а крупный 10%.

Большое место занимала в экономике также охота. Объектами охоты были в основном олени и козы. Доля охотничьего промысла в мясном рационе обитателей Гинчи составляла около 40%.

Различные домашние производства, в том числе связанные с переработкой продуктов земледелия, скотоводства и охоты, занимали в хозяйстве и быту древних гинчинцев одно из важнейших мест. Среди кремневых орудий труда в наибольшем количестве представлены скребки (37%) для обработки шкур и выделки кож, ножи для разделки туш животных (12%). С обработкой кож и шкур и их утилизацией связаны различные костяные изделия: скребки, струги, шилья, проколки. Большое место в домашних производствах гинчинцев занимали различные

¹⁹ Массон В. М. Средняя Азия и Древний Восток. М., Л., 1964, с. 47, 212.

²⁰ Кушнарева К. Х., Чубиншвили Т. Н. Указ. соч., с. 54.

работы, связанные с обработкой дерева и изготовлением деревянных изделий. Для этой цели служили скобели, составлявшие среди кремневых орудий Гинчи 18%. Судя по тому, что среди кремневых изделий нередко встречаются отщепы и осколки с желвачной коркой, первичная обработка кремневых ядрищ происходила частично на территории поселения. Изготовление орудий из кремня, для чего служили в частности каменные отжимники-ретушеры, кремневые и костяные ретушеры, также занимало одно из важнейших мест в быту обитателей Гинчи.

Этот типичный для ранних оседлоземледельческих поселений культурно-хозяйственный и бытовой комплекс Гинчи дополняется еще характерным для раннеземледельческих племен весьма развитым гончарным производством. Посуда изготовлялась вручную, без применения гончарного круга. Тем более вызывает удивление мастерство и сноровка древних гончаров! Они выработали различные приемы изготовления сосудов: наращивание ленточным способом, лепка в песчаной и рогожьей формах, в корзинах и на тканевой основе, изготовление их по частям с последующим соединением. При всем этом керамика отличалась разнообразием форм, симметрией подстроения, а порою и изяществом. Последнее особенно относится к тонкостенным сосудам малых форм. Особо следует остановиться на обжиге керамики. Посуда в основном красного обжига, реже серого и только в единичных случаях черного. Большая часть керамики обожжена равномерно на всю толщину. Меньше распространена двух-, трехцветная в изломе керамика. Поверхность одного и того же сосуда нередко бывает разноцветной, что также связано с особенностями обжига. Прочность и равномерность обжига керамики, который зачастую доведен до степени закалки фаянса (характерно для парадной посуды), совершенно противоречат предположению о примитивизме техники обжига древней посуды. Судя по тому, что поверхности некоторых черепков ошлакованы и поверхностный слой доведен до степени плавления, древние гончары были уже знакомы с обжигательными приспособлениями, в которых достигалась высокая температура. Высокое качество обжига керамики, единичность ошлакованных обломков свидетельствуют о том, что мастера умели регулировать температуру и что это были уже настоящие гончарные печи, о конструкции которых, к сожалению, мы пока не располагаем данными.

Керамика разнообразна по назначению и форме. По назначению она подразделяется на кухонную и столовую. Кухонная керамика характеризуется в основном обломками сосудов, изготовленных из грубой по составу глины, содержащей в большом количестве крупные примеси дресвы. Поверхности сосудов грубые с выступающими неровностями теста, отпечатками циновок, корзин (рис. 6, 9, 10), также грубо ангобированная. Кухонная керамика представлена двумя основными формами: 1) жаровни — мискообразные сосуды большого диаметра со сквозными отверстиями под закранной, служившие для обжаривания

зерна и выпечки хлеба (рис. 6, 13); 2) крупные горшки с округлым туловом без выраженной шейки, имеющие подкос в нижней части для установления на подставке.

Помимо этих двух основных форм для кухонных целей, повидимому, использовались корчагообразные сосуды и высокие горшки с широкой цилиндрической горловиной, плавно переходящей в тулово. У таких сосудов венчик зачастую оформлен в виде воротничка, орнаментированного насечками, а на поверхности имеются следы копти.

Столовая и другая посуда бытового назначения более совершенна в технологическом отношении и разнообразна по сравнению с кухонной. Сосуды лепились из более промешанной глины, содержащей меньшее количество примесей дресвы и речного песка, преимущественно ленточным способом. Иногда сосуды изготовлялись на тонкой тканевой основе способом, широко практиковавшимся на Восточном Кавказе в эпоху ранней бронзы у племен куро-аракской культуры²¹. Столовая керамика в основном гладкостенная, преимущественно лощеная или тщательно заглаженная. Распространен также прием ангобирования поверхности и последующего ее лощения. Иногда поверхности сосудов трещиноватые. Характерны также разноцветные пятнистые сосуды (от коричневого до черного цветов).

Ведущими формами столовой керамики являются миски, горшки, баночные сосуды. 1) Миски представлены двумя типами: а) миски в виде перевернутого усеченного конуса с ровными разложистыми стенками (рис. 6, 17, 18); б) сосуды со сферическими, слегка загнутыми во внутрь стенками (рис. 6, 19). 2) По форме горловин горшки подразделяются на два типа: а) горшки со сферическим туловом и резко отделенной от него цилиндрической горловиной (рис. 6, 24). Иногда место перехода тулова к горловине подчеркнуто желобчатой полоской. Среди такой посуды имеются очень крупные экземпляры. У одного из таких частично реставрированных сосудов тулово (горловина не сохранилась) имеет в диаметре 1 м, а в высоту достигает 0,70 м. Такие сосуды служили в качестве тары для жидкостей и сыпучих продуктов. Появление подобных сосудов является важным показателем сложившегося оседлоземледельческого уклада, при котором забота о длительном хранении пищевых продуктов, особенно зерна становится важнейшей чертой быта. б) Второй тип горшков отличается плавным переходом тулова к горловине, а сами горловины слабо выражены или имеют воронковидную форму. 3) Сосуды баночной формы имеют вертикальные стенки и слегка отогнутый наружу короткий венчик (рис. 6, 21).

Сосуды рассмотренных типов снабжались разнообразными ручками. Среди них наряду с горизонтальными выступами, представлявшими собой ручки-держакки, имеются настоящие ручки в виде полушарного выступа с горизонтально просверленным отверстием или выполнен-

²¹ Круглов А. П. Северо-Восточный Кавказ во II—I тыс до н. э. МИА, 68, с. 39, 40.

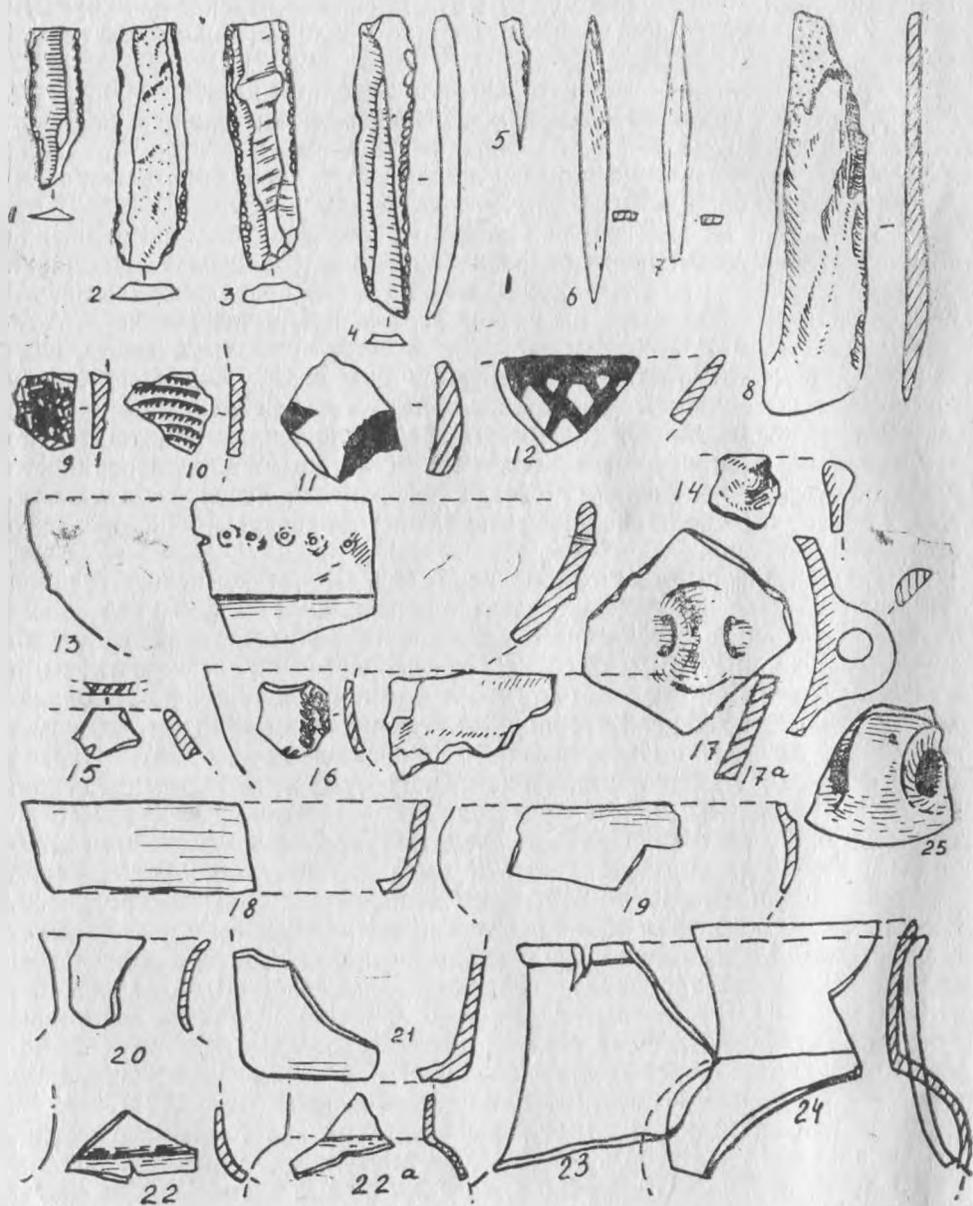

Рис. 6. Кремневые (1—4), костяные (5—8) изделия и керамика (9—25) пос. Гинчи.

дые из валика овального сегментовидного сечения также с горизонтальным отверстием (рис. 6, 17, 25).

В коллекции керамики Гинчи значительное место занимает высококачественная парадная посуда. Она изготовлялась из чистой или с небольшими примесями песка глины. Черепок тонкий, плотный и идеально обожженный. Цвет посуды в основном красно-оранжевый, розоватым отверстием (рис. 6, 17, 25).

Формы парадной посуды почти те же, что и столовой: миски, чаши, горшки (рис. 6, 20, 22). Однако они отличаются большей стройностью и изяществом. Особенно выделяются сосуды малых форм, в частности, кувшины со сферическим туловом и высокой трубчатой горловиной, которые по своей форме напоминают металлическую посуду²².

Особый интерес представляют найденные в Гинчи фрагменты расписных сосудов. Это первые находки подобной керамики на Северо-Восточном Кавказе. Всего обнаружено 13 фрагментов. Из них 5 экз. представляют собой обломки обычной столовой посуды, остальные (8 экз.) — принадлежат высококачественной парадной посуде. Геометрические узоры: ряды волнистых линий, прямые полоски, кружочки, точки, скрещивающиеся полоски, которые образуют треугольники, ромбы, нанесены красной и коричневой красками на розоватый фон (рис. 6, 11, 12)²³.

Находки расписной керамики, характерной для халколитических культур Передней Азии²⁴, как и посуды, изготовленной на циновках и рогожках подставках, широко распространенной на энеолитических поселениях Закавказья²⁵, вполне соответствуют производственному инвентарю поселения Гинчи, типичному для эпохи энеолита, когда материалом для изготовления орудий служил камень, особенно кремль.

Однако основная масса керамики Гинчи как по технико-технологическим признакам (лепная посуда из глины с неорганическими примесями светлого, нередко пятнистого обжига с лощеной поверхностью), так и по формам (миски, горшки, кувшинообразные сосуды с цилиндрической горловиной, отделенной от тулова резким перегибом, снабженные ленточными ручками, жаровни), является типичной для раннего этапа развития куро-аракской культуры эпохи ранней бронзы. Такая керамика выявлена уже на многих закавказских памятниках этой культуры²⁶, при этом на некоторых памятниках точно установлено, что подобная керамика встречается в горизонтах, перекрытых слоями с чернолощеной посудой (например Тетри-Цқаро)²⁷.

²² Гаджиев М. Г. Новые данные о южных связях Дагестана в IV—III тыс. до н. э., рис. 19, 1, 2.

²³ Там же, рис. 19, 3, 8.

²⁴ Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975, с. 129—130.

²⁵ Кушарева К. Х., Чубинишвили Т. Н. Указ. соч., с. 24—41.

²⁶ Там же, с. 149.

²⁷ Гобеджишвили Г. Ф. Селище Тетри-Цқаро. Тбилиси, 1978, с. 114, 115.

В начале изучения поселения Гинчи казалось, что это двухслойный памятник, бытовавший на рубеже двух эпох: энеолита (IV тыс. до н. э.) и ранней бронзы (III тыс. до н. э.). Это как будто бы подтверждали и находки в верхнем слое Гинчи около 3-х десятков обломков посуды с лощеной (серой, черноватой, красной) поверхностью и типичных для эпохи ранней бронзы широких пластинчатых ручек²⁸. Однако статистическая обработка всей керамикой и производственного инвентаря показала, что между материалами верхнего и нижнего горизонтов культурного слоя поселения Гинчи существенных различий не имеется. Керамика, характерная для ранних этапов куро-аракской культуры, одинаково была распространена как в верхнем, так и в нижнем горизонтах. В свете этих данных поселение Гинчи предстает как однослойный памятник эпохи энеолита, характеризующий древнейший этап куро-аракской культуры, неизвестный пока в ее закавказском ареале. Исходя из этого, можно заключить, что куро-аракская культура не является культурой одной только эпохи ранней бронзы, а что ведущие черты ее особенно в области керамического производства сложились окончательно еще в эпоху энеолита²⁹.

Поселение Гинчи в настоящее время уже нельзя считать единственным памятником такого рода в Дагестане. Кроме местонахождений отдельных находок, происходящих из разных мест, к этому кругу памятников можно отнести еще четыре частично обследованных в горном Дагестане поселения. В отличие от пос. Гинчи, рассчитанного на постоянное обитание, это были сезонные стойбища, возникновение которых связано с особенностями организации и ведения земледельческо-скотоводческого хозяйства в условиях горного Дагестана.

К ним следует отнести Ругуджинские стоянки, находящиеся в долине р. Багар-ор между Гунибским плато и г. Тлимеэр³⁰. Русло р. Багар-ор и впадающие в нее небольшие потоки глубоко врезались в долину. Склоны, окружающие русло и долину, покрыты лесами и пастбищами с сочной субальпийской растительностью, что не могло не привлечь внимания древних обитателей горного Дагестана.

Стоянки располагаются на правом берегу р. Багар-ор. Одна из них расположена на небольшом мысе (120×20 м) Малин-карат, возвышающемся над дном реки на 30—40 м. С востока верхняя площадка мыса круто обрывается к реке, а с севера и юга плавно переходит в пологие склоны, упирающиеся в неглубокие овраги. Стоянка сама находится на

²⁸ Гаджлев М. Г. Указ. соч., с. 60, 61.

²⁹ Аналогичная мысль предположительно уже высказывалась Ш. Ш. Дедабришвили по отношению памятников Кахетии. Однако она не была подкреплена необходимыми материалами, происходящими из памятников куро-аракской культуры, энеолитическая древность которых бесспорна. (Пицхелаури К. Н., Дедабришвили Ш. Ш. Археологические исследования на новостройках Кахетии. — В сб.: Археологические исследования на новостройках Грузинской ССР. Тбилиси, 1976, с. 13, 14).

³⁰ Котович В. Г. Каменный век Дагестана, с. 162—163.

южной оконечности мыса. Хорошо выраженного культурного слоя здесь нет. Следов каких-либо построек, даже легких, временных, также не удалось обнаружить. Находки встречаются на глубине 0,25—0,60 м от современной поверхности и представлены кремневыми изделиями и фрагментами керамики.

Вторая стоянка Мучу-бахил-бакли находится на склоне долины р. Багар-ор в 2,5—3 км от стоянки Малин-крат и приурочена к оконечности небольшого скалистого отрога. Культурные остатки в виде керамики, кремневых изделий и песчаниковой терки встречаются в слое толщиной 0,30—0,50 м под гумусом, вскрытым на площади 36 м²³¹.

Третья стоянка, Архида, расположена на том же склоне, что и стоянка Мучи-бахил-бакли, примерно в 250—300 м ниже по реке³². Она занимает небольшую поляну, окруженную с трех сторон лесом, а с четвертой, восточной, ограниченную глубоким ущельем. На площади 48 м² в слое толщиной 0,03—0,12 м найдены кремневые изделия и керамика, аналогичные находкам из первых двух стоянок. Все три стоянки объединяются общностью представленных на них предметов материальной культуры и относятся к одной эпохе³³.

Кремневый инвентарь, обнаруженный на всех трех стоянках, характеризует ярко выраженную пластинчатую индустрию. Набор изделий (пластины с краевой ретушью, острия, концевые скребки), техника вторичной обработки кремня на Ругуджинских стоянках такие же, что и в Гинчи. Кремневые индустрии свидетельствуют о культурном единстве поселений Гинчи и Ругуджинских стоянок, при некоторой архаичности последних³⁴.

Культурное единство указанных памятников весьма отчетливо улавливается и в керамическом материале. Керамика Ругуджинских стоянок представлена небольшим количеством окатанных фрагментов из грубого теста с большим содержанием примеси крупнотолченной дресвы. Толщина черепков 5—10 мм, иногда достигает 1,6 мм. Поверхности заглажены или залощены по ангобу. Цвет розовый и бурый. Обжиг слабый. По этим технико-технологическим признакам, за исключением обжига, керамика Ругуджинских стоянок такая же, что и в Гинчи.

Это сходство еще больше подчеркивают типологические параллели

³¹ Там же, с. 207.

³² Там же, с. 207.

³³ Там же, с. 209.

³⁴ Гаджиев М. Г. К выделению северо-восточнокавказского очага каменной индустрии ранних земледельцев.— В сб.: Памятники эпохи бронзы и раннего железа Дагестана. Махачкала, 1978, с. 21. Котович В. Г. отнес Ругуджинские стоянки к финальному неолиту (Котович В. Г. Каменный век Дагестана, с. 203), но, по-видимому, прав А. А. Формозов, который считает, что, судя по кремневому инвентарю стоянки Марлин-крат, она может относиться и к энеолиту (Формозов А. А. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории европейской части СССР. М., 1977, с. 47, сноска 25).

в керамике. Часть фрагментов стоянок принадлежит кухонной посуде типа жаровень со сквозными отверстиями ниже края стенок³⁵. Верхняя часть сосудов заглаженная, а нижняя — грубая, что, по-видимому, объясняется особым приемом их изготовления в грубых формах, в том числе и рогожках. Форма этой кухонной посуды, а также способ изготовления сосудов в матерчатых и других формах, как отмечалось выше, широко представлены на поселении Гинчи.

Вторая форма — глубокая чаша с выпуклыми стенками. Наружная поверхность ангобирована и залощена. Цвет охристо-красный, обжиг слабый, черепок мажущийся, «пачкающий»³⁶. Сходные формы чаш также встречаются среди столовой посуды поселения Гинчи. Особый интерес представляет наличие на таких архаических памятниках, как Ругуджинские стоянки, «пачкающей» керамики, распространившейся позднее среди племен не только майкопской культуры³⁷, но известной и в древнейших памятниках куро-аракской культуры (Тетри-Цкаро Сиони, Грени и др.)³⁸.

Несмотря на очевидное культурное единство поселения Гинчи и Ругуджинских стоянок, в типологическом отношении они достаточно четко различаются между собой. Гинчи является поселением оседлых земледельцев и скотоводов с большим удельным весом земледелия, домашних производств, с прочными каменными строениями, оборонительной стеной, рассчитанными на долговременное обитание. Ругуджинские же стоянки имеют очень слабо выраженные культурные слои. На них не выявлены следы жилищ, орудия, связанные с обработкой земли, очень невыразительны. Это фактически две небольшие терки, свидетельствующие не о производстве продуктов земледелия, а только лишь об их потреблении. Наличие здесь кремневых вкладышей серпов трасологически также не доказано. На кремневых пластинах отсутствует визуально определяемый зеркальный блеск, характерный для вкладышей серпов. Кремневые орудия стоянок (типологически выделяются острия, пластины с краевой ретушью и без нее, с выемками, концевые скребки) связаны с обработкой продуктов животноводства и охоты (разделка туш, обработка шкур).

Исходя из сказанного, можно заключить, что Ругуджинские стоянки оставлены скорее всего скотоводами, пастухами, выпасавшими в этих местах свой скот в летнее время года. Этому соответствовали и природно-географические условия долины с ее пастбищами с сочными альпийскими кормами. Условия долины не благоприятствовали земледелию: здесь нет естественных речных террас, естественно выровненных площа-

³⁵ Котович В. Г. Указ. соч., с. 206.

³⁶ Там же.

³⁷ Мунчаев Р. М. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа, с. 101, 102.

³⁸ Дедабшвили Ш. Ш. Культура эпохи ранней бронзы Иоро-Алазанского бассейна. Автореф. дис... канд. ист. наук. Тбилиси, 1970, с. 10, 11; Гобеджигвили Г. Ф. Указ. соч., с. 114, 115.

Рис. 7. Местонахождение пос. Чинна.

док и даже слегка покатых склонов, которые можно было бы использовать под пашни. Очевидно, продукты земледелия обитатели стоянок получали из постоянного поселения, наподобие Гинчи, которое, видимо, располагалось в этой же округе, в месте благоприятном для занятия земледелием и организации оседлого быта.

Временные поселения типа Ругуджинских стоянок, повидимому, были широко распространены и в других районах горного Дагестана. Одно из таких ранних поселений было исследовано на Хунзахском плато³⁹, на высоте около 2 тыс. м над уровнем моря. Поселение расположено у скалистого обрыва высотой ок. 50 м, обращенного на северо-восток (рис. 7). Под скалой имеется небольшой навес глубиной 2 м, перед которым начинается крутой склон (45°). Поселение занимает узкую площадку (80×5 м) вдоль скалы под навесом и перед ним (рис. 8).

³⁹ Атаев Д. М., Кушнарёва К. Х. Два поселения в урочище Чинна. КСИА, вып. 108, с. 68.

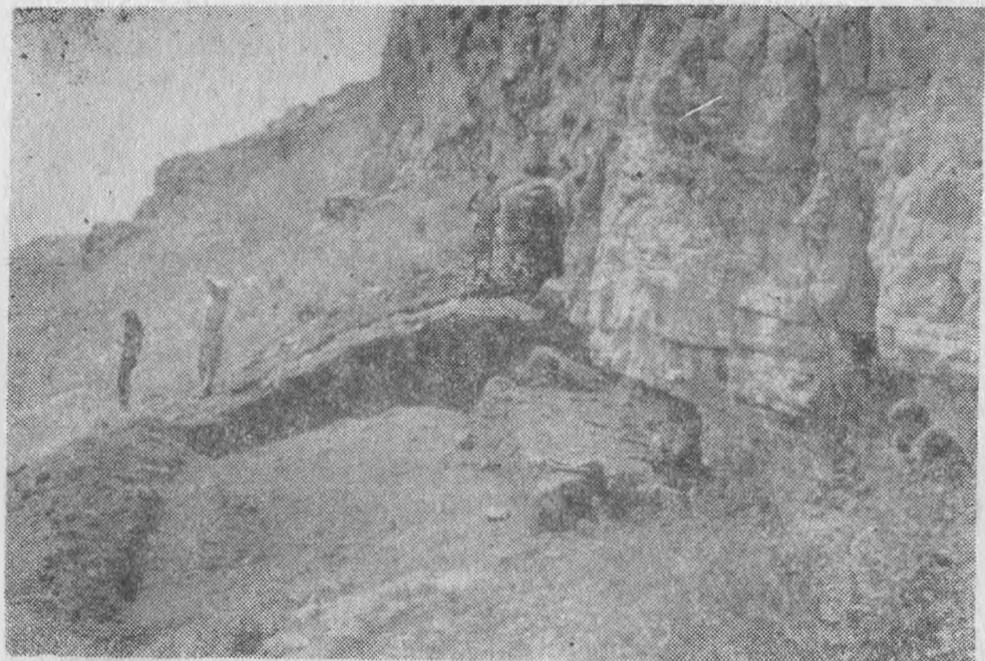

Рис. 8 Пос. Чинна. Вид на раскоп.

На поселении вскрыто ок. 70 м² площади. Культурный слой толщиной в среднем 0,60 м насыщен керамикой, костями животных и кремневыми предметами. В верхнем горизонте культурного слоя керамика бронзового века находится вперемешку со средневековой, а в нижнем горизонте (толщина в среднем 0,40 м) встречается только архаическая керамика эпохи неолита и бронзы⁴⁰.

Остатков каменных построек на поселении не обнаружено. В процессе раскопок была расчищена только каменная засыпка, предназначенная для увеличения полезной обживаемой площади на крутом склоне перед навесом.

В пользу того, что поселение Чинна являлось временной сезонной стоянкой пастухов, говорят следующие обстоятельства:

1) северная ориентация площадки, которую здесь, в условиях сурового климата, можно было использовать только в летнее время;

⁴⁰ Поселение Чинна по данным разведочных работ предварительно относили к эпохе неолита в прежнем его понимании (ныне эпоха ранней бронзы III тыс. до н. э.). Атаев Д. М., Кушнарёва К. Х. Указ. соч., с. 71, 72. Наши работы позволили значительно расширить хронологические рамки его обживания.

- 2) небольшой размер площадки;
- 3) отсутствие построек, рассчитанных на длительное проживание;
- 4) незначительная толщина культурного слоя⁴¹, хотя поселение обживалось в эпоху энеолита, бронзы и в средневековье.

Судя по материалам раскопок, наиболее интенсивно поселение обживалось в конце эпохи энеолита и начале ранней бронзы. В эпоху развитой бронзы и в средневековье оно, видимо, посещалось редко.

Культурную принадлежность памятника определяют изделия из камня, кости и особенно керамики. На раскопанной площадке Чинна обнаружено 254 кремневых предмета, характеризующие особенности заключительного этапа длительного периода господства кремня как основного материала для изготовления орудий, когда приходит в упадок деградирует пластичная индустрия (пластин всего 15 экз. (рис. 9, 2, 3, 5) и в качестве заготовок для изготовления орудий используются главным образом отщепы⁴². Техника вторичной обработки кремневых изделий остается еще традиционной и характеризуется в основном ретушью краевой. На поселении не обнаружено кремневых предметов, изготовленных с помощью двусторонней ретуши. Даже наконечник стрелы из Чинна сформован краевой ретушью, не заходящей на спинку и брюшко (рис. 9, 1), хотя, как известно, подобные наконечники, начиная с палеолита, изготавливались преимущественно с помощью двусторонней ретуши. Широкое распространение двустороннеобработанных изделий на Восточном Кавказе связано уже с началом бронзового века. Все это говорит о культурной и эпохальной близости кремневого инвентаря Чинна и Гинчи⁴³.

Коллекции кремневых и костяных изделий Чинна трасологически не изучались, поэтому они не могут быть в полной мере использованы для объективной характеристики различных производств и в целом экономики обитателей поселения. Орудия, функции которых можно определить по технико-морфологическим признакам (долотовидные изделия, резцы, наконечник стрелы, костяные проколки, шилья (рис. 9, 6—8), говорят об охотничьем промысле населения, занятиях его, связанных с обработкой шкур, дерева и кости. Среди кремневых изделий отсутствуют визуально определяемые орудия, связанные с земледелием, в том числе и кремневые вкладыши серпов. Это еще раз свидетельствует, что поселение Чинна, как и Ругуджинские стоянки, являлось временной сезонной стоянкой местных скотоводов, выпасавших здесь поблизости свои стада. Последние состояли из крупного и мелкого рогатого скота. Судя по костным остаткам (их соотношение 1×5), обитатели Чинна занимались преимущественно овцеводст-

⁴¹ Агаев Д. М., Кушнарера К. Х. Указ. соч., с. 71.

⁴² Гаджиев М. Г. К выделению северовостокавказского очага каменной индустрии... с. 24, 25.

⁴³ Там же, с. 25—27.

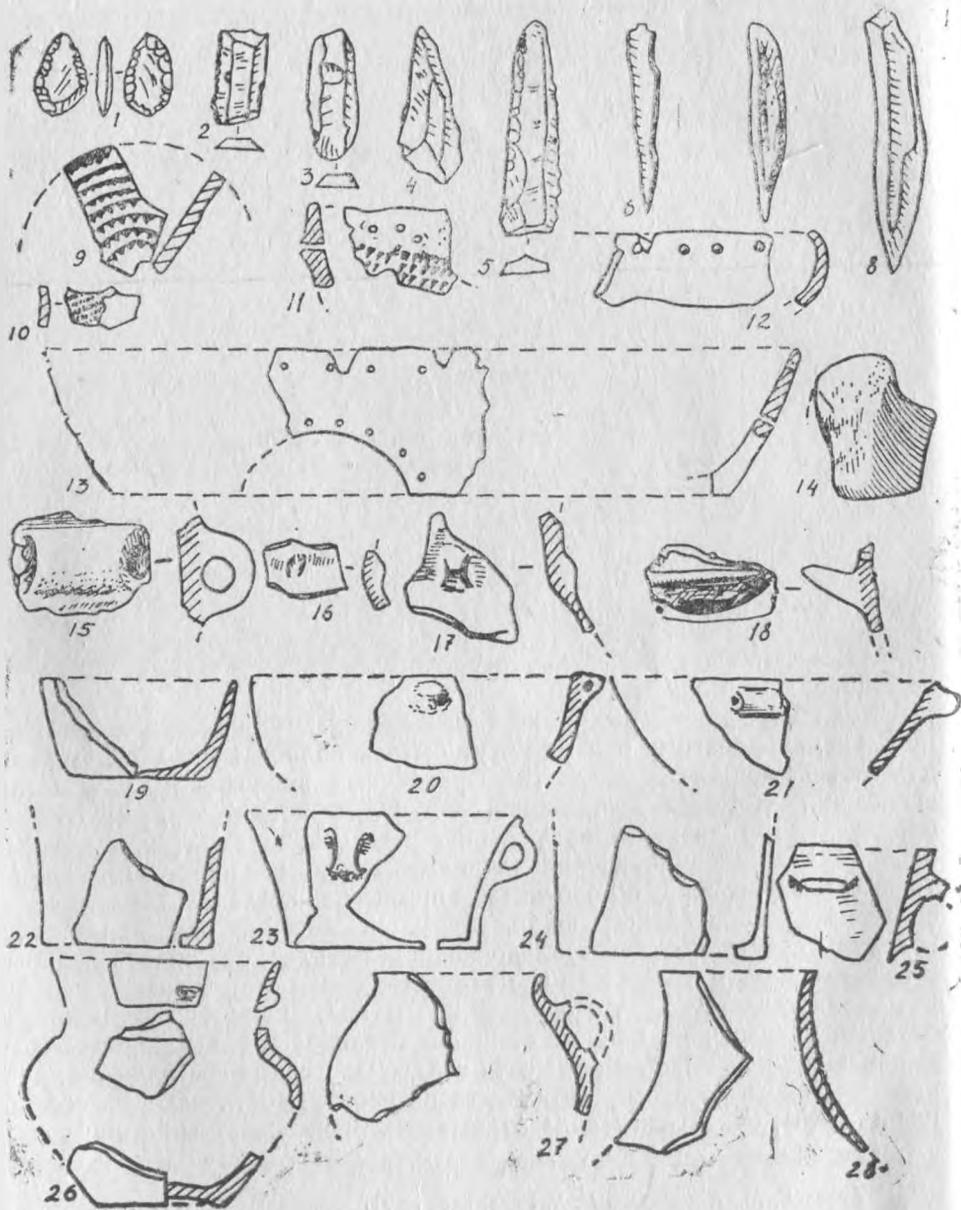

Рис. 9. Кремневые (1—5), костяные (6—8) изделия и керамика (9—28) пос. Чинна.

вом. Это сближает поселение Чинна с Гинчи, где, как отмечалось выше, скотоводство также имело овцеводческое направление.

Значительное место в хозяйственной деятельности обитателей Чинна занимала и охота. Примечательно, что, как и на поселении Гинчи, охотились, в основном, на оленей и коз.

Из домашних производств гончарное дело, несмотря на сезонный характер поселения, находилось на высоком уровне развития. Здесь обнаружена в основном такая же посуда, что и в Гинчи, хотя представлена она более совершенными и почти стандартными формами. Такая керамика могла изготавливаться только на постоянных поселениях, откуда она попадала на сезонные.

Говоря об идентичности основной массы керамики этих двух памятников, следует иметь в виду, что в Чинна не найдена высококачественная и расписная посуда. Но при этом массовая керамика Чинна по своим технико-технологическим особенностям более качественна, чем массовая керамика Гинчи: примеси дресвы и песка в глиняном тесте керамики Чинна менее грубы и в количественном отношении меньше, чем в керамике Гинчи; редко встречается посуда с грубой поверхностью, с выступающими на поверхность неровностями теста; основная масса керамики имеет хорошо залощенную поверхность и отличный обжиг. Наряду с красной розовой керамикой, характерной для Гинчи, в Чинна уже широко представлена керамика с серолощенной поверхностью. Встречается также и чернолощенная посуда.

Показательным является единство приемов изготовления керамики. В Чинна, как и в Гинчи, при формовке сосудов широко использовались циновки, корзины, грубые ткани, следы которых отчетливо сохранились на донцах, на внешней поверхности и в толще стенок сосудов (рис. 9, 10, 11). Широко был распространен прием изготовления сосудов по частям с их последующим соединением.

Особенно следует отметить типологическое сходство керамики этих двух памятников. Кухонная посуда в Чинна представлена такими же горшками и жарознями с рядом сквозных отверстий под закраиной, что и в Гинчи (рис. 9, 12, 13, 27). В Чинна найдены обломки очажных подставок, на которые устанавливались подобные сосуды (рис. 9, 14). Среди столовой посуды широко представлены известные в Гинчи миски (рис. 9, 19, 21), сосуды баночной формы (рис. 9, 22—25), кувшиноподобные сосуды с цилиндрической горловиной, резко отделенной от тулова уступом или желобком (рис. 9, 26). Для посуды Чинна характерны широкие горизонтальные трубчатые ручки, выступы-держки, появившиеся еще в Гинчи. Ранняя керамика редко орнаментирована. Найдены только отдельные фрагменты сосудов с одиночными налепами-выступами.

Наряду с такой посудой, составляющей подавляющее большинство керамики энеолитического и раннебронзового этапов обживания поселения, в Чинна встречается также посуда развитого этапа эпохи ранней

бронзы, эпохи средней бронзы и даже средневековья, что свидетельствует о длительном использовании поселения, основанного еще в конце эпохи энеолита.

В заключение нашего обзора древнейших поселений горного Дагестана подведем некоторые итоги. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы, несмотря на их фрагментарность, позволяют сделать выводы очень важные для понимания культурно-исторического и хозяйственного развития не только местного населения, но и племен Восточного Кавказа в целом. Прежде всего они позволяют установить, что еще в начале возникновения и развития земледельческо-скотоводческого хозяйства в горных районах Дагестана сложилось два типа поселений: постоянные и временные, сезонные. В этом нашел отражение наиболее рациональный в горных условиях способ организации быта и хозяйства оседлых земледельческо-скотоводческих племен. Как указывает Б. Б. Пиотровский, преимущественное развитие мелкого рогатого скота в эпоху ранней бронзы свидетельствует об исторической закономерности развития хозяйства в горной зоне Кавказа, выразившейся в усилении роли скотоводства и формировании его отгонной формы с сезонными перекочевками неприхотливых овец на высокогорные яйлаги⁴⁴. Развитие земледелия и скотоводства преимущественно овцеводческого направления, связанного с сезонными перегонами скота в летнее время на альпийские пастбища, приводит к необходимости существования наряду с постоянными поселениями временных стоянок пастухов.

Важной особенностью устройства древнейших поселений горного Дагестана является также тенденция использования защищенных природой мест, а в отдельных случаях и дополнительная их защита искусственными мерами (пос. Гинчи).

В области развития домостроительства особо следует отметить выявление в Гинчи круглоплановых построек наземного и полуземляночного типов. Характерным является также обычай хоронить умерших в пределах поселений.

Все указанные особенности организации быта и ведения земледельческо-скотоводческого хозяйства являются характерными для племен куро-аракской культуры эпохи ранней бронзы⁴⁵. В этой связи особый интерес представляет керамика, происходящая из рассмотренных поселений горного Дагестана. Как уже отмечалось выше, ей присущи все технико-технологические и типологические признаки керамики раннего этапа развития куро-аракской культуры, причем ее сопровождает производственный инвентарь, энеолитическая древность которого не вызывает сомнений.

Все это свидетельствует о том, что комплекс основных признаков

⁴⁴ Пиотровский Б. Б. Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье, СА, XXIII, 1955, с. 5.

⁴⁵ Кушнарёва К. Х., Чубинишвили Т. А. Указ. соч., с. 172, 173.

куро-аракской культуры сложился еще в энеолите, она не является культурой только одной эпохи ранней бронзы и, что особенно важно, Дагестан являлся одним из очагов формирования данной культуры. Этот вывод приобретает особое значение в связи с тем, что, несмотря на выявление в Закавказье энеолитической культуры, предшествующей куро-аракской, между ними непосредственная генетическая связь не прослеживается⁴⁶ и вопрос о происхождении последней до сих пор остается не решенным.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

⁴⁶ Мунчаев Р. М. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа, с. 151, 152; он же. Кавказ на заре бронзового века, с. 196. Джавахишвили А. И. Строительное дело и архитектура поселений южного Кавказа V—III тыс. до н. э. Тбилиси, 1975, с. 365—367; Джапаридзе О. М. К этнической истории грузинских племен по данным археологии. Тбилиси, 1976, с. 331; Кигурадзе Т. В. Периодизация раннеземледельческой культуры Восточного Закавказья. Тбилиси, 1976, с. 172, 173.

О НЕКОТОРЫХ ВЕРОВАНИЯХ РАННЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ДАГЕСТАНА

Важными источниками для изучения искусства и религиозных представлений раннеземледельческого населения горного Дагестана могут служить выявленные здесь в последние годы многочисленные древние наскальные изображения, а также полученные при раскопках древних поселений различные культовые предметы.

В Дагестане уже сейчас известно 41 местонахождение наскальных изображений, в которых насчитывается более 7000 изобразительных единиц, что значительно превосходит общее количество наскальных изображений, известных в пределах остального Кавказа (примерно 5500 изобразительных единиц), причем основная их масса — это расположенные в горных районах древние писаницы. Среди нескольких сюжетных циклов, характерных для древних наскальных изображений горного Дагестана, заметное место принадлежит сюжетам аграрного цикла¹. Самый факт их появления можно рассматривать как отражение сложившихся основ хозяйства, быта и системы идеологических представлений древних дагестанских земледельцев.

Переход от присваивающего хозяйства к производящему завершился в горном Дагестане в конце неолита. В энеолите и бронзовом веке оседлое земледельческое хозяйство уже составляло прочную экономическую основу местных племен, познакомившихся не позднее ранне-бронзовой эпохи с пашенным земледелием². Очевидно, что и широкое распространение сюжетов аграрного цикла в древних наскальных изображениях горного Дагестана началось не раньше эпохи энеолита, хотя их зарождение может относиться еще к неолиту.

¹ Котович В. М. Опыт классификации древних писаниц горного Дагестана.— В сб.: Древности Дагестана, Махачкала, 1974, с. 41, 44—45

² Котович В. Г. О хозяйстве населения горного Дагестана в древности — СА, 1965, 3, с. 13.

К этому времени в Дагестане могут быть отнесены контурные и силуэтные изображения местонахождения Харитани-1, расположенного неподалеку от с. Чирката Гумбетовского района³. Здесь встречены изображения фигур людей в позе оранта и в окружении крупного рогатого скота (рис. 1, 1—5). Люди одеты в конусовидные одежды типа юбок.

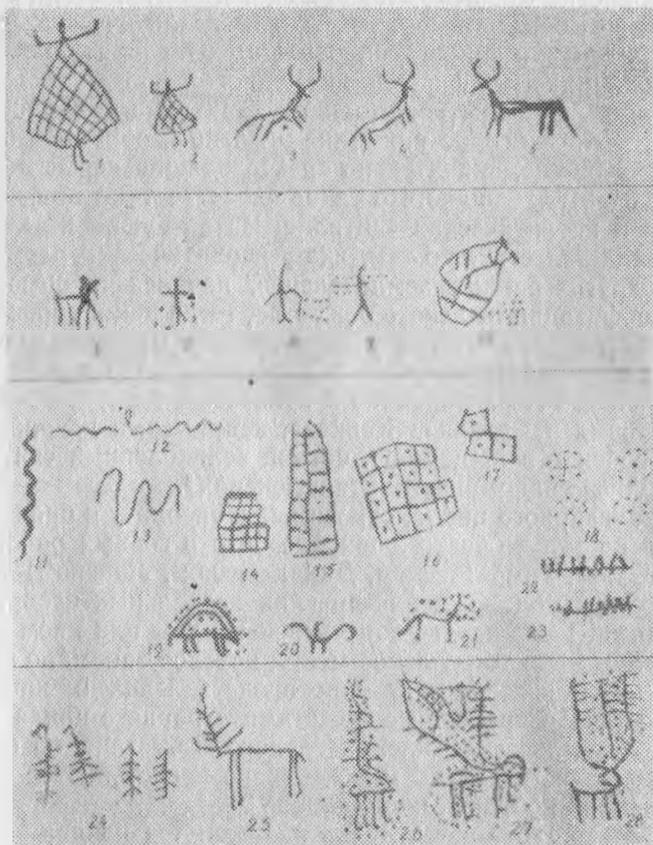

Рис. 1. Раннеземледельческие образы и символы в древних наскальных изображениях горного Дагестана.

1—5, 12 — Харитани — 1; 6—8 — Трисанчи, группа IV; 7, 13, 18 — Кара, группа XIV; 9, 16, 17, 22—24 — Кара, группа XV; 10 — Трисанчи, группа II, 2; 11 — Салжи; 14, 25 — Кара, группа XXIII; 15, 26—28 — Кара, группа XXII.

³ Исаков М. И. Археологические памятники Дагестана. Махачкала. 1966, с. 55, табл. 13; Котович В. М. Опыт классификации древних писаниц горного Дагестана, с. 31, 38—39, рис. 12.

По особенностям одежды они уже были сопоставлены А. А. Формозовым с известными изображениями людей из Зараут-Камара в Узбекистане, относимыми им к мезолиту-неолиту⁴. Нам представляется, что в пользу неолитического возраста хаританинских изображений может также служить как сама их поза, так и окружающие рисунки крупного рогатого скота. Интересно отметить, что эта же весьма характерная поза придана и женским божествам в известных неолитических святилищах Чатал-Гуюка, где они также сопровождались изображениями бычьих голов, а иногда и целыми фигурками крупного рогатого скота с подчеркнутыми рогами⁵. Любопытно, что и на хаританинских рисунках крупного рогатого скота особое внимание уделено изображению рогов: выделяется их величина, значительно превосходящая нормальные пропорции (рис. 1, 3—5). Очевидно что такое сходство тематики изображений хаританинских и неолитических святилищ Чатал-Гуюка не является случайным, а свидетельствует о том, что у неолитических племен Дагестана, как и у других ранних земледельцев, начался процесс выделения и антропоморфизации женского божества, тогда как в образах крупного рогатого скота, в образе быка олицетворялось мужское начало, символизирующее источник плодородия⁶. Характерно, что дальнейшее развитие этого процесса зафиксировано в культовых сооружениях некоторых древних бытовых памятников Кавказа, например, в доурартских слоях Двина⁷ и особенно в Мецамюре, богини великолепных святилищ которого очень близко напоминают чаталгуюкских⁸.

Сюжеты аграрного цикла, относимые к энеолиту и бронзовому веку, встречаются настолько часто и широко, что в горных районах республики (Гунибском, Гумбетовском, Дахадаевском, Лакском) практически нет ни одного местонахождения древних наскальных изображений, где бы они не были многократно запечатлены в том или ином виде, убедительно документируя то реальное место, которое занимало земледельческое хозяйство и связанные с ним представления в жизни древних горцев Дагестана. Отраженные сюжетами аграрного цикла представления раннеземледельческих племен горного Дагестана об окружающем их мире достаточно сложно и многообразно преломляются в многократно повторяющихся образах и символах.

Сюжеты аграрного цикла четко разделяются на два вида, один из которых повторяет распространенную раннеземледельческую символи-

⁴ Формозов А. А. Памятники первобытного искусства на территории СССР. М., 1966; с. 56; *он же*. Очерки по первобытному искусству. М., 1969, с. 67.

⁵ Mellaart J. Gatal Hüyük. A Neolithic Town in Anatolia. London, 1967, с. 115—128, рис. 27, 28, 34, 41, 42.

⁶ Радунчева Ана. За предназначението на някои глинени енеолитни животински фигурки. Археология. София, 1971, кн. 2, с. 63—65; Массон В. М. Поселение Джейтун. МИА, 180. Л., с. 152.

⁷ Кушнарева К. Х. Древнейшие памятники Двина. Ереван, 1977, с. 40—49.

⁸ Ханзидян Э. В., Мкртчян К. А., Парсаян Э. С. Мецамор. Ереван, 1973 (на арм. яз. с русск. резюме), с. 191, рис. 110, 113, 143.

ку⁹, другой — воспроизводит бытовые сцены. Последние, изображающие некоторые стороны труда земледельца имели скорее всего ритуально-магическое назначение. Стремясь воздействовать на природу и ее явления, подчинить их и заставить служить себе и еще не до конца понимая действительной причинной связи происходящих событий, человек хотел определенными действиями вызвать желаемое для себя явление, что и породило многочисленные магические обряды, нашедшие свое отражение и в наскальных изображениях.

Это убедительно доказывают материалы одного из замечательных местонахождений древних дагестанских писаниц в ущелье Виттурзилабу, близ с. Кара, расположенного в зоне алпийских лугов, у подножья высокогорного Турчидагского плато. Местонахождение это одно из самых насыщенных (23 группы). Встречаемые здесь бытовые сцены, показывающие разные стороны труда земледельца: пахоту, молотьбу, засеивание поля (рис. 1, 6—10), вероятно, служили основной идее обеспечения плодородия земли посредством магии.

Другой вид изображений этого сюжетного цикла, представленный раннеземледельческой символикой, в значительной мере был определен теми же ритуально-магическими целями, долженствующими обеспечить обильный урожай полей и увеличение стад. Это прежде всего многообразные символы, изображающие засеянное поле: ромбы, «решетки» из нескольких клеток с точками в центре каждой клетки, «лестничные» знаки, различные и разнообразные знаки плодородия, изображения змей, деревьев (рис. 1, 14—17, 24). Любопытно отметить, что такая «чистая» земледельческая символика составляет 7,3% всего образительного материала местонахождения Кара.

Внутри изображений аграрного цикла возможно выделение изображений скотоводческих сюжетов и в этом плане особенно интересно часто повторяющееся изображение крупного рогатого скота, быков и в реалистическом облике и в виде символизирующих их букраниев. Все эти изображения отражают широко распространенный культ почитания быка, олицетворяющего мощь, силу. Весьма примечательны и знаки плодородия около фигур животных, бык, букраний в сознании древних земледельцев были символами обеспечения плодородия почвы и продолжения рода в широком смысле. Ригведа, например, сохранила нам специальные гимны древних ариев, воспевающих силу и мощь быка, творящего жизнь¹⁰. А в древнеиндийской эротической терминологии самое слово «бык» олицетворяет мужскую силу¹¹. Очевидно, что и подчеркивание мужского начала у большинства изображений животных служило той же цели обеспечения увеличения стад и отражало установившиеся магические обряды и связанные с ними ритуалы.

⁹ Рыбаков Б. А. Космогония и мифология земледельцев энеолита. СА, 1965, I, с. 30—32, рис. 1, 8.

¹⁰ Ригведа. Избранные гимны. М., 1972, с. 180, 184, 340.

¹¹ Там же, с. 285.

Одним из довольно сложных представлений древних земледельцев, является многократно зафиксированное в Кара и отражающее достаточно высоко развитую способность в абстрактному мышлению представление о жизни, выраженное в близком земледельцу образе дерева, — представление о «древе жизни». Зародившееся на самой заре сложения мировоззрения древних земледельцев, представление это прошло долгий путь развития через многочисленные образы, оставленные нам всемирно известными древними и средневековыми памятниками искусства Переднего Востока и сопредельных стран, и дожило в Дагестане до наших дней, нередко появляясь то в схематизированных до неузнаваемости элементах орнамента дагестанского ковра, то в замысловатых завитках орнамента, украшающего изделия современного кубачинского или гоцатлинского мастера¹².

Само сложение идеи древа жизни и эволюция связанных с нею представлений настолько значительны и важны, что могут и должны стать темой специального исследования, для которого в Дагестане найдется масса разнообразных и разновременных материалов. Среди них древние наскальные изображения особенно интересны, так как они отражают, вероятно, начальные этапы эволюции подобных представлений. Это хорошо иллюстрируется материалами из Кара. Так, сравнительно редко встречающиеся здесь изображения отдельных деревьев (рис. 1, 24) являются, по нашему мнению, такими свидетельствами, которые наиболее прямолинейно подтверждают существование поклонения деревьям уже в медно-бронзовом веке. Но можно думать, что этот культ оказал определенное влияние и на развитие других культов. В этой связи небезынтересно, в частности, проследить изменения одного из часто встречаемых в Кара солярных символов, передаваемого в образе оленя. У таких оленей первоначально вместо рогов на голове изображалось дерево (рис. 1, 25). Затем этот образ заметно усложнялся: над головой животного вместо одного «дерева» изображается по два-три преувеличенно крупных, порою причудливо изогнутых «древовидных» рога, а все животное или только его рога обрамляются многочисленными точками (рис. 1, 26—28). Можно полагать, что благодаря этим изменениям образ «оленя золотые рога» или «солнечного оленя» получал еще и дополнительную символическую нагрузку, отражающую идею непрерывности бытия, заключенную в венчающем его древе жизни. Дальнейшим развитием этого сюжета можно считать изображения деревьев со стоящими по сторонам оленями, столь широко распространенные в декоративно-прикладном искусстве раннесредневекового Дагестана¹³.

Среди нашедших отражение в древних наскальных изображениях

¹² Алиханов Р. Кубачинский орнамент. М., 1963, рис. 32, 33, 34 и др.

¹³ Маммаев М. М. О происхождении одного дагестанского орнаментального мотива. Учен. зап. Института ИЯЛ Дагфиллиала АН СССР. XVII, серия обществ. наук, Махачкала, 1967, с. 147—163; Давудов О. М. Еще раз о пряжках бежтинского типа. — В сб.: Древности Дагестана. Махачкала, 1974, с. 108—111, 116—117.

идеологических представлениях ранних земледельцев есть и очень характерная для них вера в духов-хранителей домашнего очага. В качестве такового здесь, как и повсеместно, выступает змея, олицетворяющая постоянное возрождение жизни и обеспечивающая, по понятиям древних, сохранность рода, очага. Изображение змеи очень широко представлено в дагестанских писаницах с конца неолитического времени (рис. 1, 11—13).

Весьма значительный круг мировоззренческих представлений ранних дагестанских земледельцев связан с солярной символикой, возникшей однако, в гораздо более глубокой древности. О том, что поклонение солнцу было широко распространено и в среде мезолитических охотничьих племен свидетельствует его «реалистически» исполненные изображения в виде окружностей с отходящими от них лучами, встреченные в некоторых местонахождениях древнейших писаниц горного Дагестана¹⁴. Но в медно-бронзовом веке солярная символика заметно усложняется. Наряду с весьма схематическими, обычно выполненными точками, изображениями солнца в виде простых окружностей или окружностей с крестом в центре (рис. 1, 18), появляются новые символы, нередко взятые из реальной действительности, но олицетворяющие все те же солярные представления. Таковы, например, солнечная ладья, — сложный образ, возникший в древнем Египте и распространившийся на широких просторах Евразии (рис. 1, 22—23)¹⁵, олень с широко раскинутыми рогами — реплика представлению об олене-золотые рога, одном из символов солнца (рис. 1, 26—28), козлы в окружении множества точечных знаков (рис. 1, 19), орел — один из устойчивых символов солнца (рис. 1, 20) и, наконец, конь (рис. 1, 21), то есть все те животные, которые у многих горных народов в древности наделялись солярной символикой¹⁶.

Изучение дагестанских писаниц эпохи энеолита и бронзы показывает, что символические рисунки в них занимают весьма значительное место среди общего количества изображений. Например, из 60 изобразительных элементов, выделенных в XIV группе изображений Кара, половина приходится на символы. И, очевидно, подобное соотношение является еще одним весомым доказательством того, что творцами этих наскальных изображений были именно древние земледельцы, ибо, как справедливо считается, объект наблюдений земледельца — явления природы

¹⁴ Котович В. М. Опыт классификации древних писаниц горного Дагестана, с. 37—38, 41—42.

¹⁵ Формозов А. А. Памятники первобытного искусства на территории СССР, с. 42—43, рис. 16.

¹⁶ Окладников А. П. Олень золотые рога. М.; Л., 1964, с. 170—174; Вязьмитичи В. И. Ранние памятники скифского звериного стиля.—СА, 1963, 2, с. 165—166; Членова Н. Л. О связях племен Южной Сибири и Средней Азии в скифскую эпоху. Доклады и сообщения археологов СССР на VII Международном конгрессе доисториков и протосториков. М., 1966, с. 198—200.

в реалистической форме трудновыразимы и требовали условной, схематической и символической формы передачи¹⁷.

Находя себе параллели в символике раннеземледельческих племен, изображения аграрного цикла древних дагестанских писаниц обнаруживают удивительное сходство с росписями на керамике раннеземледельческих памятников Передней и Средней Азии (Сузы, Сиалк I и III, Намазга III и др.). Сходство это не ограничивается только зооморфными рисунками, но отмечается также и в композициях из точечных знаков и многочисленных и разнообразных геометрических фигурах и узорах¹⁸. Подобные факты следует рассматривать и как еще одно подтверждение реально существовавших связей между древнейшими земледельческими культурами Передней и Средней Азии и Кавказа.

В соответствии с уже сложившимся мнением, древним земледельцам не было присуще создание наскальных изображений. Сферой их стремления к «самовыражению» считалась расписная керамика, тогда как творцами наскальных изображений признавались скотоводческие и охотничьи племена¹⁹. Но горный Дагестан, будучи одним из очагов древнего земледелия на территории нашей страны, оказался вместе с тем и весьма насыщенным очагом древних наскальных изображений с большим числом аграрных символов и тем самым поставил исследователей перед необходимостью внести определённые коррективы в существующие представления.

В бытовых памятниках Дагестана III тыс. до н. э. появляются небольшие глиняные статуэтки людей и животных. Статуэтки, изображающие женщин, найдены в кургане Катарагач-Тапа и на Джемикентском поселении²⁰. Весьма показательны, что женские фигурки представлены в характерной позе оранта, что уже само по себе свидетельствует об их культурной принадлежности. Подобные фигурки, распространенные повсеместно в широком ареале памятников раннеземледельческих племен, рассматриваются как изображения женских божеств, олицетворяющих идею плодородия²¹. Фигурки животных, изображающие быков,

¹⁷ Антонова Е. В. К вопросу о происхождении и смысловой нагрузке знаков на статуэтках анауской культуры.—СА, 1972, 4, с. 7.

¹⁸ Флигтнер Н. Д. Культура и искусство Двуречья. М.; Л., 1956, с. 54—56; Массон Б. М. Энеолит южных областей Средней Азии. САИ, 5 3—8, М.; Л., 1962, с. 15—18, табл. II, VII—XIV; он же. Средняя Азия и Древний Восток. М.; Л., 1964, с. 375, рис. 72; он же. Поселение Джейтун, с. 56, 57, рис. 12, XI, 15; Хлопин И. Н. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. М.—Л., 1964, с. 161, рис. 55, 9; Котэвич В. М. Узак, соч., с. 40, рис. 18.

¹⁹ Формозов А. А. Очерки по первобытному искусству, с. 224.

²⁰ Русов А. А. Отчет о летних и осенних археологических работах (1880 г.) в Южном Дагестане. V археологический съезд в Тифлисе. Труды предварительных комитетов. М., 1882, с. 571, табл. XVI; Круглов А. П. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э. МИА, 68, 1958, с. 44.

²¹ Бибииков С. Н. Раннетрипольское поселение Лука Врублевская на Днестре. МИА, 38, 1953, с. 237—238.

найденны в нижнем слое Верхнегунибского поселения²². Подобные фигурки, имеющие несомненно культовое назначение, являются одним из наиболее ярких свидетельств почитания быка у раннеземледельческих племен²³.

Рассматривая все эти предметы под углом зрения нашей темы, можно полагать, что они не только фиксируют определенный этап процесса антропоморфизации божеств, и сложения древнейших аграрных культов, начавшегося еще в неолитическое время, но и отражают своеобразное «одомашнивание» этих божеств, вступление их в пределы жилищ, где появляются для них домашние культовые уголки, очевидно, обслуживающие повседневные потребности каждой отдельной семьи.

Развитие аграрных культов запечатлено и в орнаментации глиняных рельефов, обнаруженных при раскопках высокогорного Верхнегунибского поселения (рис. 2, 1, 2)²⁴. Здесь прослеживается два мотива, один представлен концентрическими окружностями и спиралями, другой — роговидными наклепами в сочетании с рядами параллельных линий. В первом мотиве можно видеть солярные символы, являющиеся отражением широко распространенных в языческих верованиях древних земледельцев космогонических культов, в частности, культа солнца. Сюжет второго орнаментального мотива ранее уже истолковывался нами по археологическим и особенно этнографическим данным как схема-

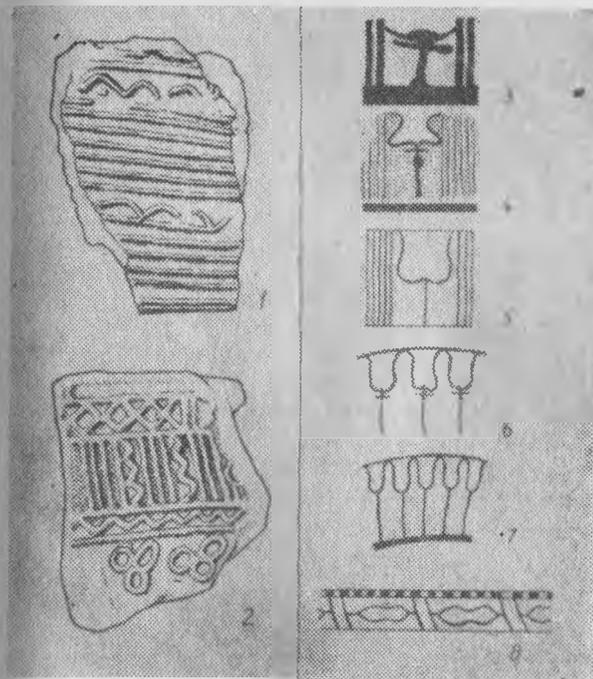

Рис. 2. Символические изображения пахоты.
1, 2 — верхнегунибские глиняные рельефы. 3—8 — халафская керамика из Тель-Арпачийя (по А. Перро).

²² Котович В. М. Верхнегунибское поселение — памятник эпохи бронзы горного Дагестана. Махачкала, 1965, с. 169—170, рис. 52, 1, 2.

²³ Бибииков С. Н. Указ. соч., с. 243, 245, 265, 268.

²⁴ Котович В. М. Указ. соч., с. 160—169, рис. 57.

тическое изображение сцены пахоты. При этом двойные роговидные налепы рассматривались как букранны — символы парной запряжки быков, а ряды параллельных линий — как пашня²⁵.

Известно, что мотив букрания был широко распространен в раннеземледельческих памятниках Древнего Востока, особенно в памятниках халафской культуры (V тыс. до н. э.)²⁶. В росписях халафской керамики нередко встречаются как реалистические, так и сильно стилизованные букранны, заключенные между рядами прямых параллельных линий (рис. 2, 3—8)²⁷ и по этим признакам, напоминающие изображения на верхнегунибских рельефах. По-видимому этими линиями здесь также передавались борозды пашни. Значение прямой и глубокой борозды хорошо осознавалось древними земледельцами²⁸, поэтому мы вправе рассматривать упомянутые композиции на халафской, керамике, образованные символическими изображениями быка, заключенными между прямыми линиями-бороздами, как сцены пахоты. Подтверждением этому могут служить, по нашему мнению, некоторые образцы халафских росписей, где подобные композиции дополнены точечными знаками вероятно обозначающими засеянное поле (рис. 2, 4)²⁹.

Совпадение основных элементов композиций верхнегунибских глиняных рельефов с таковыми же на халафской керамике, несмотря на хронологический разрыв между ними, может служить еще одним аргументом в пользу истолкования этих композиций как культовых изображений вспашки поля.

Заканчивая на этом предварительное, самое общее рассмотрение образительных материалов, характеризующих идеологические представления раннеземледельческих племен, населявших горный Дагестан в V—II тыс. до н. э., мы должны будем признать наличие у них развитой мировоззренческой системы, нашедшей воплощение в многочисленных и разнообразных символических и реалистических образах, имеющих многочисленные параллели в аналогичных памятниках раннеземледельческого населения сопредельных областей.

²⁵ Там же, с. 164—165.

²⁶ Чарлд Г. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956. с. 175; Флитт-енр Н. Д. Указ. соч., с. 50; Массон В. М. Средняя Азия и Древний Восток, с. 366; его же. Раскопки погребального комплекса на Алтып-депе. СА, 1974, 4, с. 19; Богословская Н. Ф. К проблеме сложения халафской культуры. СА, 1972, 2, с. 3—15.

²⁷ Parrot A. *Archeologie Mesopotamienne. Technique et problemes.* Paris, 1953; с. 149. рис. 37; Богословская Н. Ф. Указ. соч., с. 11, рис. 2, 1, 2, 18—24, рис. 7, 12.

²⁸ Крамер С. Н. История начинается в Шумере. М., 1965. с. 80, 83.

²⁹ Богословская Н. Ф. Указ. соч., рис. 2, 19, рис. 7, 12 с.

О МЕТАЛЛЕ МОГИЛЬНИКА ГИНЧИ ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ

В эпоху средней бронзы в горном Дагестане существовал своеобразный очаг металлообработки. Здесь древние кузнецы первой половины — середины II тыс. до н. э. производили ряд оригинальных украшений, имевших хождение главным образом среди местных племен. Выделение и описание продукции этого очага является заслугой М. Г. Гаджиева¹. Основным источником для этого послужили материалы могильника у с. Гинчи, одного из наиболее интересных памятников эпохи средней бронзы Дагестана. В его погребениях было найдено более ста бронзовых предметов. Предлагаемая статья посвящена изучению состава их металла.

Их первоначальное изучение методом спектрального анализа было произведено И. Р. Селимхановым. В монографии М. Г. Гаджиева приведена таблица с 21 анализом предметов из склепов 2 и 3². В кабинете спектрального анализа лаборатории ИА АН СССР было произведено 67 анализов изделий из гинчинского могильника из склепов 2, 3, 5, 7, 9, 12. Их результаты были обработаны статистически. Помимо них в работе использованы 7 анализов изделий из склепа 2, выполненных в бакинской лаборатории.

Общие гистограммы распределения примесей в предметах могильника Гинчи указывают на неоднородность состава металла (рис. 1, 2). На их основании можно выделить две основные металлургические группы: мышьяковую (рис. 1, 4) и мышьяково-оловянистую (рис. 1, 3). Один предмет изготовлен из мышьяковой бронзы с лигатурой свинца, то есть представляет собой мышьяково-свинцовистую бронзу (анализ 18497). Для удобства изложения ниже назовем мышьяково-оловянистую бронзу индексом Д-1, мышьяковую — индексом Д-2 и мышьяково-свинцовистую — Д-3.

¹ Гаджиев М. Г. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы. Махачкала, 1969.

² Там же, с. 160—161.

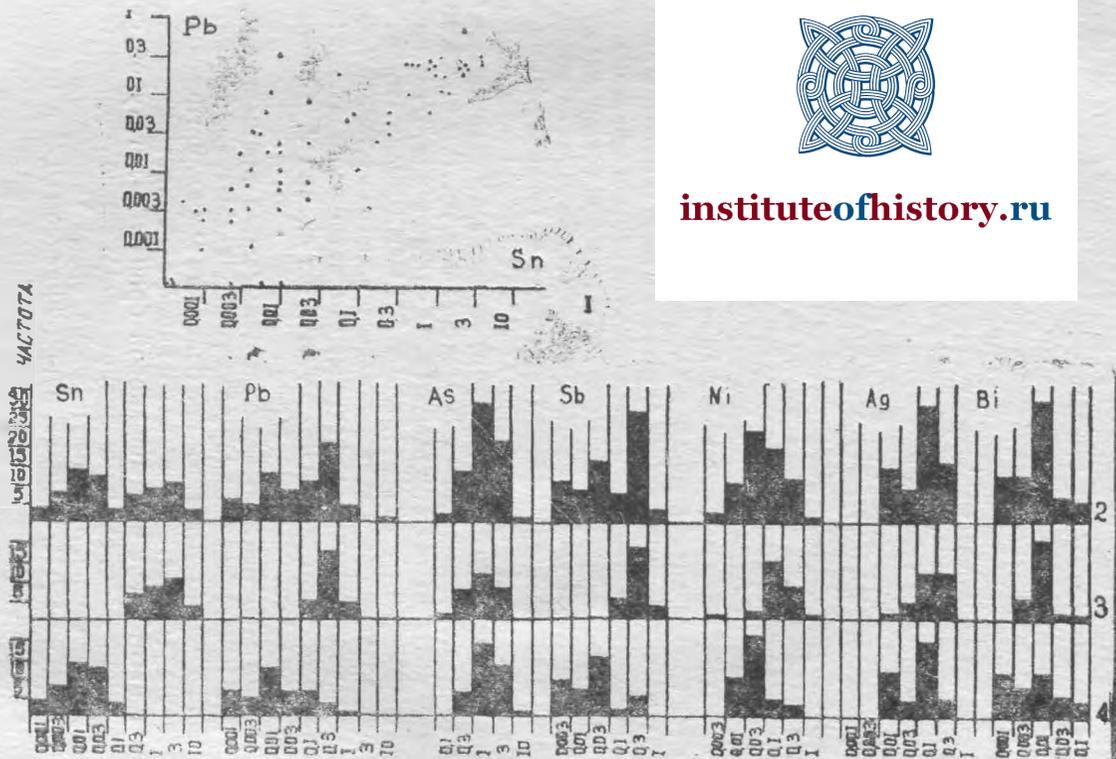

Рис. 1. Корреляционный график и гистограммы анализов металла могильника Гинчи.

Мышьяково-оловянистая группа Д-1 отличается от группы мышьяковых бронз прежде всего высоким содержанием олова. Граница между ними на гистограмме приходится на интервал 0,03—0,1% (рис. 1, 2). Она заметна и на корреляционном графике (рис. 1, 1), но не так отчетливо. Поэтому условно мы принимаем её за 0,1%. Исходя из этого к группе мышьяково-оловянистых бронз возможно отнести изделия с содержанием олова равным и большим 0,1%, а к группе мышьяковых бронз — с меньшим 0,1%.

Группа мышьяково-оловянистых бронз насчитывает 26 предметов (рис. 2, 1--25). Содержание олова в изделиях группы Д-1 колеблется от 0,1 до 7%. Она включает в себя предметы явно легированные оловом и, возможно, вещи, полученные из переплавки оловянистой бронзы или с добавлением в плавку лома. Добавление к меди олова даже в десятых долях процента улучшали её литейные качества, увеличивали пластичность³. Другим элементом, существенно влиявшим на литейные качества металла, группы Д-1 был мышьяк. Однако его концентрации не высоки. Они находятся в диапазоне 0,03 до 3%. Формы гистограмм других элементов этой группы: свинца, сурьмы, никеля, серебра, висмута не обнаруживают систематических разрывов (рис. 1, 3), что позволяет предполагать определенную однородность металла группы Д-1. Возможно, она отражает происхождение металла из какого-либо одного источника или группы источников меди близких по геохимическим характеристикам.

Группа Д-2 насчитывает 38 изделий (рис. 3, рис. 4). Содержание мышьяка в составе металла её орудий очень близко к его распределению в группе Д-1 (рис. 1, 3, 4). Оно колеблется от 0,1% до 3% и редко бывает больше. Такое распределение мышьяка на полпорядка или порядок ниже его небольших концентраций встречено в металле других групп Северного Кавказа эпохи средней бронзы терской и кубанской, выделенных Е. Н. Черных. У последних наиболее часто встречаемое содержание мышьяка приходится на интервал 3—10% или 1—3%⁴. Видимо низкая лигатура мышьяка в украшениях средней бронзы Дагестана является свособразной чертой металлообработки местных литейщиков. М. Г. Гаджиев справедливо связывает низкое содержание этого элемента в украшениях могильника Гинчи с тем, что многие из них подверглись проковке, скручиванию. Высокие концентрации мышьяка в этом случае приводили бы изделия к слому или другим нежелательным деформациям⁵.

Судя по формам гистограмм свинца, сурьмы, серебра группа Д-2 не однородна и представляет собой более разнообразную картину, чем

³ Кашкай М. А., Селимханов И. Р. Из истории древней металлургии Кавказа. Баку, 1975, с. 47.

⁴ Черных Е. Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966, с. 43, рис. 15.

⁵ Гаджиев М. Г. Указ. соч., с. 161.

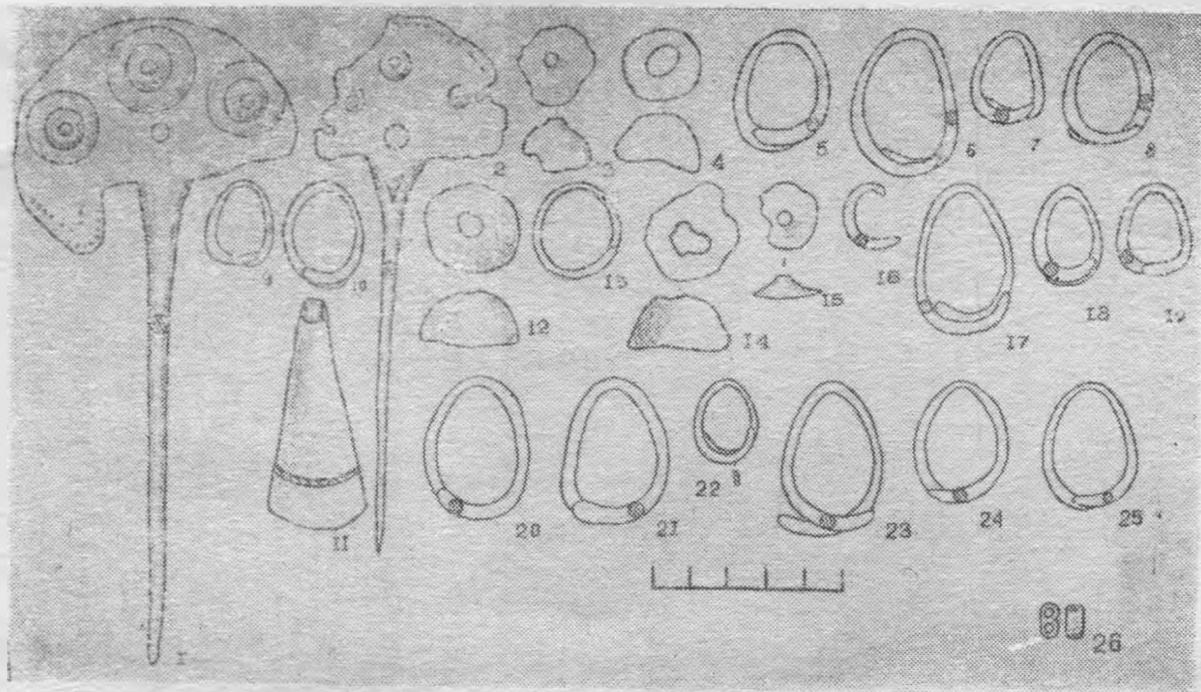

Рис. 2. Предметы группы Д-1 (мышьяково-оловянистая бронза) и Д-3 (мышьяково-свинцовистая бронза)

1—25 — группа Д-1; 26 — группа Д-3.

группа Д-1. Так, выделяются изделия с повышенным содержанием сурьмы, равным и большим 0,1%, повышенным содержанием серебра, равным и большим, примерно, 0,03% (рис. 1, 4). Вероятно, группа Д-2 объединяет несколько геохимических групп, связанных с различными источниками металла. Однако, в данной работе не ставится цель их выделения, так как для решения такой задачи требуется привлечение более широкого материала. Не поднимается так же вопрос и о конкретных источниках металла, поскольку он является особой проблемой, требующей специального исследования.

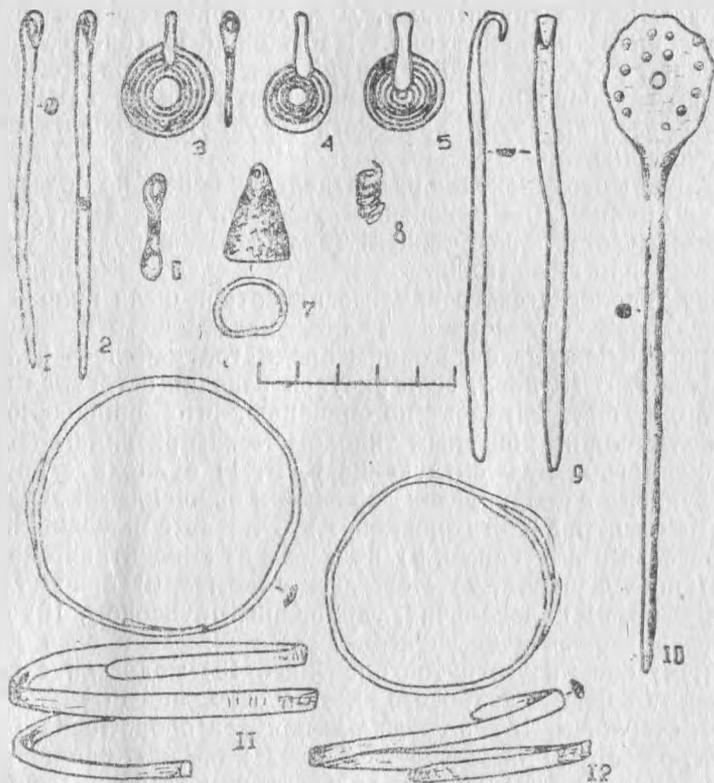

Рис. 4. Предметы группы Д-2 (мышьяковая бронза).

При сравнении группы Д-2 с группой Д-1 по многим элементам: свинцу, сурьме, никелю, серебру, висмуту — обнаруживается их полное несходство (рис. 1, 3, 4). В группе Д-2 значительно ниже концентрации свинца, сурьмы, никеля, а распределение серебра, висмута носит другой

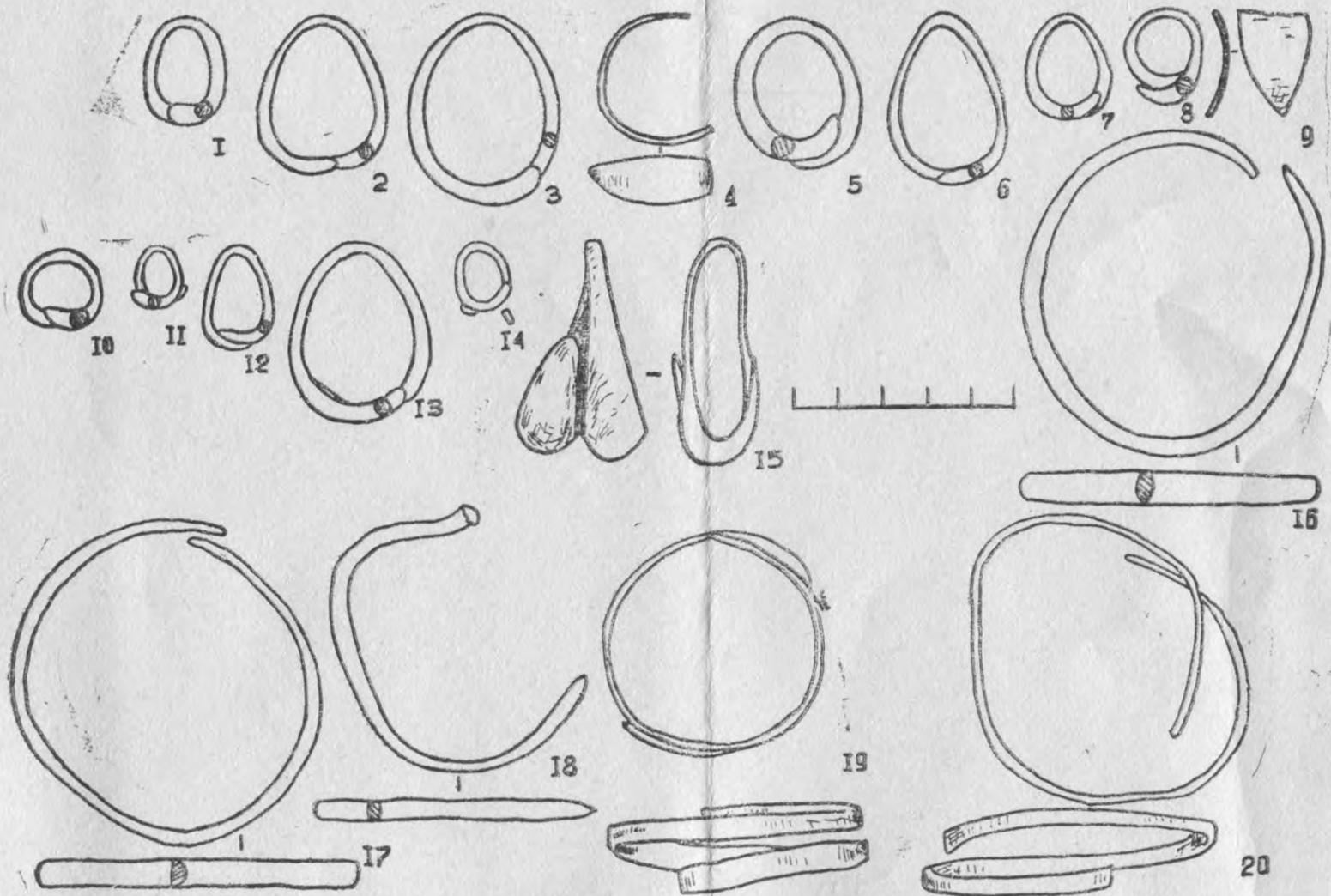

Рис. 3. Предметы группы Д-2 (мышьяковая бронза).

характер. Таким образом эти группы отличаются друг от друга по многим геохимическим примесям. Это наблюдение позволяет прийти к выводу о различных сырьевых источниках металла, шедшего для изготовления украшений из мышьяковой и мышьяково-оловянистой бронзы.

Металл группы Д-3 представлен в могильнике Гинчи очень скудно: лишь одним предметом (рис. 2, 26), легированным мышьяком и свинцом. Подобные изделия крайне редки и в других районах Северного Кавказа в эпоху средней бронзы, как показывают серни анализы, опубликованных Е. Н. Черных⁶.

Металлургические группы Д-1, Д-2, Д-3 распределены в склепах могильника Гинчи неравномерно. На таблице II (рис. 5) приведен подсчет изделий этих групп по склепам с учетом их распределения по ярусам. Ярусы склепов в этом случае выступают как закрытые комплексы, так как более дробную хронологическую последовательность их погрешений установить часто невозможно.

Что отражает неодинаковое распределение вещей по составу металла в склепах Гинчи? Для выяснения этого вопроса было проведено сопоставление между качественным (видовым) набором украшений в ярусах и составом их металла.

В основу типологического анализа инвентаря была положена классификация находок могильника Гинчи, приведенная в монографии М. Г. Гаджиева⁷. Иногда категориям предметов давалась более дробная группировка. В случаях, если рисунок изделия оставался неизвестным, его форма определялась по описанию, что приводило, в свою очередь, к более общим конечным типологическим разрядам (КТР).

Всего были выделены следующие КТР: 1) булавка с круглой головкой, 2) булавка с полукруглой головкой и опущенными вниз краями, 3) булавка с биспиральной головкой, 4) булавка с плоской вершиной головки и роговыми выступами, 5) подвеска из концентрических кругов с ушком, 6) игла с ушком, 7) стерженек с петлей, 8) браслет из уплощенного стержня, 9) колокольчик, украшенный пунсоном, 10) колпачек с пунсоном, 11) колпачек без пунсона, 12) стержень плоский, 13) пронизь витая, 14) бусы из согнутой пластины, 15) подвеска с кованым плоским концом в форме лаврового листа и отходящим от него завитым уплощенным стержнем, 16) подвеска в полтора оборота из округлого в сечении стержня, 17) подвеска из тонкой пластины овальной формы с суженным верхним концом, 18) подвеска из тонкой пластины в виде широкой лопасти. Рисунки выделенных КТР приведены в таблице I. В случае, если вид подвески установить точно не удавалось, в корреляционной таблице I ставился знак вопроса. Весьма сложно было определить и формы некоторых аморфных предметов. К ним относятся медная

⁶ Черных Е. Н. Указ. соч., с. 107, № 143, с. 113, № 218, 237.

⁷ Гаджиев М. Г. Указ. соч., с. 137—147.

КТР		2	II	17	18	16	15	1	8	3	4	6	5	7	9	10	12	13	14	КОСОРЬ, ДЕЛЕНИЕ	МЕТАЛЛУРГ. ГРУППЫ		
НОМЕР СКАЛЕПА	ЯРУС																				4-1	4-2	4-3
3	1 2 3 4	I 2	I 2 4		I I?	14 3 5 1														I	18	7	
11 12	1 1	I		2 1		18 4														I	9	2	
6	1 2 3			2 2																			
9	1 2 3			2 3		3 7 1		I I	I												3	3	
13	1 2			I?		2 1 1		I?	I														
2	1 2 3					2 1 1	2	I? I	I			I									I	7	I
5	1 2 3 4 5				I 2	I 5 12				2 2 3		I I	3	I	I	I					I	19	
7	1			2		2 5 3	3	2		3		I	2	2		I	I	I	2				2

Fig. 5. Корреляционная таблица распределения по ярусам могильника Гипчи типов изделий и состава их металла.

пластинчатая скоба из погребения 1 в ярусе 1 склепа 3, медный стержень из погребения 2 в ярусе 1 склепа 12⁸. Если точное число находок какого-либо КТР в склепе установить не представлялось возможным, то ставился знак «больше» известного количества вещей. В схему также не были включены нестратифицированные находки из склепа 2. Они были найдены в выбросе раскопа 1956 года⁹.

В целом склепы с металлическим инвентарем могильника Гинчи распадаются на две группы по видовому своеобразию предметов и их сочетанию (рис. 5, табл. 1). К первой группе относятся склепы №№ 3, 6, 11, 12. Набор украшений в них ограничен и представлен лишь булавками с полукруглой головкой, колпачками без пунсона и подвесками в полтора оборота. Анализ состава металла украшений из склепов 3 и 12 показал, что изделия из мышьяково-оловянистой бронзы группы Д-1 явно преобладают над предметами из мышьяковой группы Д-2 (рис. 5). Их соотношение в склепе 3 равно 18 к 7, а в склепе 12 — 3 к 2. Среди мало выразительного набора украшений этих склепов наибольший интерес для хронологических сопоставлений представляют собой булавки с полукруглой головкой и опущенными вниз концами. Они весьма специфичны для памятников Дагестана. М. Г. Гаджиев связывает их с более поздними комплексами могильника Гинчи, включающими бусы с тремя «бородавками», которые относятся к концу эпохи средней бронзы на Кавказе и датируются третьей четвертью II тыс. до н. э.¹⁰ Эту дату, вероятно, можно распространить и на всю первую группу склепов.

К другой группе склепов относятся сооружения №№ 2, 5, 7, 13. В них не встречены булавки с полукруглой головкой, а набор других украшений существенно разнообразнее. Здесь найдены булавки с круглой головкой, булавка с биспиральной головкой, булавка с плоской вершиной и роговидными её изгибами в нижней части, браслеты из уплощенного стержня, стерженьки подвески, иглы, колпачки с пунсоном, подвески в виде лаврового листа и другие украшения (рис. 5, табл. 1). Подвески в полтора оборота из округлого в сечении стержня или пластины встречаются в склепах обеих групп. Во второй групп склепов сочетание металлургических групп совершенно иное, чем в первой. В склепах 2, 5, 7 подавляющее большинство изделий отлито из мышьяковых бронз. Украшения группы Д-1 обнаружены лишь в 2 экземплярах в склепах 2 и 5. В то время как предметов из группы Д-2 обнаружено в склепе 2 — семь, в склепе 5 — девятнадцать, в склепе 7 — два. Один предмет из склепа 2 отлит из мышьяково-свинцовой бронзы Д-3.

Набор украшений второй группы склепов, включающий такие изделия как булавки с дисковидной головкой, булавку с бивалютной голов-

⁸ Гаджиев М. Г. Указ. соч., с. 32, стр. 80.

⁹ Там же, с. 20, с. 21, рис. 6, 3—5.

¹⁰ Там же, с. 140.

кой, булавку с уплощенной вершиной головки и роговидными выступами, витые подвески с ушком, подвески-стерженьки, браслеты из уплощенного стержня, иволгистные подвески — весьма характерны для первой половины II тысячелетия до н. э. северо-восточного Кавказа. Часть из них имеет прямые параллели в материалах этого времени могильника Гатын-Кале в Чечено-Ингушетии¹¹.

Инвентарь склепа 9 занимает как бы промежуточное положение между двумя выделенными группами склепов. Два его нижних яруса тяготеют ко второй группе склепов. Состав металла проанализированных вещей в склепе дает равное сочетание групп Д-1 и Д-2. Три изделия относятся к группе Д-2 и три — к группе Д-1.

Предложенная схема хронологического деления склепов могильника Гинчи на две основные группы, безусловно, касается лишь сооружений, в которых найден металлический инвентарь. Однако, она имеет подтверждение в ряде случаев и на керамическом материале. Так, М. Г. Гаджиев рассматривал склеп 7, входящий во вторую, более раннюю группу, как самый древний в могильнике, а склеп 6 из первой, из более поздней группы склепов, близким к каякентско-хорчоевскому времени¹².

В целом изложенный материал позволяет сделать следующие выводы. На материалах могильника Гинчи возможно различить раннюю фазу местного металлопроизводства эпохи средней бронзы. В общих чертах она связана с первой половиной II тыс. до н. э. Для неё характерен своеобразный набор украшений. Исходным сырьем для них служила мышьяковая бронза. Изделия из мышьяковой бронзы с повышенным содержанием олова, большим или равным 0,1% в это время встречаются редко.

Другая более поздняя фаза местной древней металлообработки отличается заметным обеднением видового набора украшений, приближающимся в какой-то мере к сериям каякентско-хорчоевского времени, появлением нового вида булавок с полукруглой головкой и опущенными вниз краями. Смена в типах изделий совпала с внедрением новых литейных рецептов — мышьяково-оловянистых бронз, и, возможно, изменением источников сырья. Производство украшений из традиционных мышьяковых сплавов без присадок олова сохранялось, но, очевидно, в меньших масштабах, уступая количеству продукции с высокими примесями олова. Условно, эту фазу древней металлургии в горном Дагестане можно связать с третьей четвертью II тыс. до н. э. до наступления классического этапа поздней бронзы.

¹¹ Там же, с. 155.

¹² Гаджиев М. Г. Указ. соч., с. 157.

РАСКОПКИ ТАХИРКАЛИНСКОГО МОГИЛЬНИКА

В 1976 г. археологической экспедицией Дагестанского государственного университета им. В. И. Ленина были начаты раскопки могильника, относящегося к каякентско-хорчоевской культуре¹.

Могильник расположен у хутора Тахир-кала Ленинского района на невысокой террасе (высота 6—7 м); площадь ее около 200×400 м (с СВВ на ЮЗЗ). С восточной стороны террасы выработан карьер глубиной 3—4 м. В юго-восточной ее части расположен оросительный канал глубиной 0,5—1 м, идущий с ЮЗ на СВ и доходящий до карьера. На раскопанной площади было выявлено 20 погребальных сооружений — каменных ящиков различной величины, конструкции и степени сохранности.

ПОГРЕБЕНИЯ

Погребение № 1 расположено в северо-западном углу кв. А1, перекрыто плитой 0,6×0,6 м. Из боковых плит частично уцелела лишь восточная. Небольшой баночный сосуд со слабо согнутым венчиком стоял в юго-западной части погребения. У стенки сосуда — небольшая бронзовая височная подвеска в 1,5 оборота. В 0,2 м к северо-западу от сосуда — фрагмент горловины крупного сосуда, орнаментированного налепными валиками и насечками. В 0,5 м к востоку от сосуда — обломок венчика другого крупного сосуда. При углублении до 0,3 м расчищено пятно белого тлена. Других остатков не обнаружено.

Погребение № 2 в юго-восточной части кв. А1. Остатки погребального сооружения: плита 0,5×0,2 м, а также обломки других плит. Никаких находок не обнаружено.

Погребение № 3 расположено в восточной части стыка кв. кв. «а»—

¹ Могильник был открыт в 1975 г. разведочной археологической экспедицией Дагестанского государственного университета им. В. И. Ленина.

Л1. Овальное ограждение размером $0,6 \times 0,6$ м из каменных плиток толщиной 6—7 см, северо-восточная плита отсутствует, а северо-западная стенка повалена. Глубина погребения 0,3 м, юго-восточная плитка осела. В западной части камеры находился небольшой сосудик баночной формы. Металлический инвентарь представлен крупной бронзовой подвеской в виде согнутого по овалу стержня с заходящими краями, двумя маленькими бронзовыми подвесками с заходящими краями и бронзовой бушенью.

Погребение № 4 расположено в кв. кв. «б»—В1. Массивная перекрывающая плита ($1,2 \times 0,65$ м) не потревожена. Верхние части торцовых стенок ящика до половины высоты выполнены кладкой, на верхнем крае юго-восточной стенки — ряд из четырех крупных камней. Размеры камеры каменного ящика $1,05 \times 0,45 \times 0,6$ м. В южном углу ее обнаружен развал черепа, расчищены остатки ребер, таза, бедренных и берцовых костей (сохранность очень плохая). Костяк лежал на левом боку, головою на юг, в скорченном положении. У юго-западной торцовой стены каменного ящика расчищен крупный сосуд с яйцевидным туловом, широким раструбообразным венчиком и непропорционально узким дном. Между черепом, верхней частью ребер и сосудом расчищено плоское вальтообразное бронзовое украшение, осевой выступ которого загнут и приклепан, образуя проушину. Между остатками ребер и дном сосуда обнаружено скопление удлиненно-цилиндрических сурьмяных бус (26 шт.). Здесь же лежали мелкие плоско-цилиндрические сурьмяные бусы (3 целые и 1 фрагмент). Между бедренными и берцовыми костями расчищено скопление мелких бус — пастовых (белый и зеленоватый блесер — 18 шт.) и гагатовых (34 шт. целых и множество фрагментов). Отметим, что на глубине 0,4 м от края камеры обнаружено 3 мелких кремневых отщепов.

Погребение № 5 почти квадратное в плане, расположено в кв. кв. В1—В1. Размеры камеры: $0,9 \times 0,1 \times 0,54$ м. При расчистке заполнения были обнаружены кости, лежавшие вне анатомического порядка: у юго-западной стенки на глубине 0,2 м от края камеры — челюсть, фрагменты лицевой части черепа, кости рук. У северо-восточной стенки — бедренные и обломки бедренных костей на глубине 0,4—0,5 м от края камеры.

Остатки инвентаря представлены одним фрагментом керамики с врезными штрихами, сердоликовой бусиной, обломком бронзовой бусины, квадратной пряжкой из сурьмы ($14 \times 14 \times 5$ мм). Отметим также фрагмент кремневой ножевидной пластины (27×14 мм) уплощенного треугольного сечения).

Погребение № 6 расположено в квадрате Г1. При расчистке обнаружено скопление плитообразных камней. Очевидно, представляющих поваленные боковые стены каменного ящика неопределенной конфигурации. Размеры: $1,0 \times 0,8$ м. Внутри каменного ящика обнаружен лишь

один фрагмент черной пористой керамики. Останков в каменном ящике не обнаружено.

Погребение № 7 расположено в квадрате А2. Размеры: $0,6 \times 0,5 \times 0,4$ м. Перекрывающая плита лежала в западной части квадрата А2. При расчистке обнаружено несколько маловыразительных фрагментов керамики.

Погребение № 8 расположено в кв. Г2. Перекрывающая плита ($1,2 \times 0,7$ м) несколько сдвинута с ящика. С с.-в. стороны — скопление крупных камней; несколько камней есть у ю.-з. стороны этой плиты.

Размеры камеры: $1 \times 0,9 \times 0,7$ м. Перекрывающая плита ($1,2 \times 0,7$ м) несколько сдвинута с ящика. В южном ее углу — крупный яйцевидный сосуд с раструбообразным венчиком и орнаментированными плечами. У ю.-в. стенки — несколько меньший сосуд того же типа, без орнамента. Вблизи ю.-з. торца лежала на боку небольшая коническая миска. К СВ от нее, касаясь теменем ее края, лежал череп (лицевой скелет сильно поврежден, нижняя челюсть отсутствует), по сторонам которого, у скуловой и височной частей, были найдены бронзовые двухлопастные подвески. Между миской и ю.-з. торцом обнаружены обломки третьей такой же подвески и две бронзовые бусинки).

Погребение № 9 расчищено на стыке кв. кв. Г2, 3. Размеры камеры: $0,8 \times 0,65 \times 0,45$ м. В с.-в. углу обнаружен лежащий на боку баночный сосудик, в ю.-з. части — фрагментированное дно небольшого сосудика, а также фрагменты красноглиняной керамики с гребенчатым орнаментом.

Погребение № 10 расположено в кв. кв. В3, 4. Размеры каменного ящика: $1,4 \times 0,9 \times 0,55$ м. В северном углу камеры, вблизи ее верхнего края, обнаружены две берцовые кости, а также мелкие костные фрагменты, окрашенные окисью бронзы, и мелкие невыразительные фрагменты керамики светлокоричневого цвета, слабого обжига. У ю.-з. торца, вблизи верхнего его края, обнаружен кольцеобразно согнутый в $1\frac{1}{2}$ оборота тонкий бронзовый стержень.

Погребение № 11 расположено в кв. А5. Однако западный его угол выходил за линию раскопа и был расчищен прирезкой; южный угол выдавался в кв. А6, где были обнаружены также многочисленные обломки (разной величины) каменной плиты из галечника, видимо, перекрывавшей каменный ящик.

На глубине 0,6 м от верхнего края ящика, у ю.-в. борта — мелкие фрагменты темно-бурой керамики слабого обжига и костей со следами зеленого окисла. В центре камеры обнаружены бронзовая и сердоликовая бусины, ниже них (на глубине 0,7 м) — две небольшие ($1,8 \times 1,2 \times 0,7$ см) двувальные бляшки из сурьмы. В восточной части камеры (глубина 0,8 м) найдены еще 10 бронзовых бус и полусферическая бронзовая бляшка.

В кв. А5 среди предполагаемых обломков перекрывающей плиты расчищены развелы двух сосудов — небольшой усеченно-конической

мски и высокого баночного сосуда (III, 39) с выраженным поддоном, которые из-за крайне слабого их обжига восстановить не удалось. Очевидно, данные сосуды относились к погребению № 11.

Погребение № 12 расположено в с.-з. четверти кв. В5. Каменный ящик сложен 4-мя плитами и перекрыт плитой $0,45 \times 0,4 \times 0,1$ м. Размер камеры — $0,3 \times 0,3$ м, глубина ее — $0,3—0,4$ м. В южном углу камеры — лежащий на юг баночный сосуд.

Погребение № 13 расположено на стыке кв. кв. В5—В6. Размеры камеры — $0,5 \times 0,3 \times 0,3$ м. У с.-в. торцовой стенки на $0,3$ м ниже ее верхнего края выявлены фрагменты сосуда слабого обжига (ввиду плохой сохранности форму его выявить не удалось). В с.-в. части камеры на той же глубине расчищены маленькая бронзовая подвеска в $1\frac{1}{2}$ оборота, тонкий бронзовый стержень с заходящими концами.

Погребение № 14 расположено в кв. Г5. Боковые плиты каменного ящика заклонены внутрь, размеры камеры: $0,55 \times 0,3 \times 0,2$ м. В с.-в. части ее обнаружена бронзовая подвеска.

Погребение № 15 расположено в кв. В6. Размеры камеры ящика $0,85 \times 0,3—0,4$ м, глубина $0,3$ м. У ю.-з., южного и ю.-в. края которой расчищены развалы сосудов и скопления фрагментов керамики.

Погребение № 16 расположено в кв. Г7. Размеры камеры: $0,4 \times 0,3 \times 0,25$ м. При ее расчистке обнаружены три сосуда. В с.-в. углу камеры — небольшой тонкостенный баночный сосудик с тремя горизонтальными налестками с насечками и врезным елочным орнаментом, в ю.-з. углу — баночный сосуд с двойными сосцевидными налестками и вертикальными врезными линиями. Рядом с ним, у южной стенки ящика — баночный сосудик.

Погребение № 17 расположено в кв. Д7. Размеры камеры: $0,5 \times 0,25 \times 0,2$ м. При расчистке в центре ее, на дне, обнаружена бронзовая подвеска в $1\frac{1}{2}$ оборота.

Погребение № 18. Западный угол каменного ящика лежал на стыке кв. кв. Д7, 8; основная же его часть расчищена прирезкой. Размеры камеры: $0,5 \times 0,4 \times 0,3$ м. У нижнего края с.-з. ее стенки выявлены фрагменты сосуда слабого обжига.

Погребение № 19 расположено в кв. Б8. Стенки небольшого каменного ящика разомкнуты, промежутки (до $0,25$ м) не имеют обычной заделки мелкими камнями; плиты производят впечатление раздвинуты. Размеры каменного ящика $0,5—0,4$ м. Размеры перекрывающей плиты $0,5 \times 0,4 \times 0,2$ м. В кв. А8, на глубине $0,3$ м обнаружены: бронзовый стержень толщиной $3,5$ мм, согнутый в разомкнутое кольцо диаметром 4 см (табл. I); бронзовая игла длиной 11 см, толщиной 3 мм, с ушком; согнутая в овал бронзовая бочонковидная бусина (длина 14 мм), диаметр 11 мм, две сплюснутые бронзовые бусины (диаметр 10 мм); три бронзовые бусины в форме колечек (диаметр $5—6$ мм); одна плоско-цилиндрическая сердоликовая бусина, а также мелкие фрагменты керамики.

Погребение № 20 расположено в кв. Д8. Размеры камеры: $0,9 \times$

×0,75 м, глубина — 0,5 м. При расчистке ее в северной части был обнаружен обломок двухлопастной подвески в западной части камеры у дна — лучевая кость, окрашенная зеленым окислом. У ю.-з. и с.-з. плит — фрагменты керамики.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

Из 20 обследованных погребений на Тахиркалинском могильнике 13 оказались разграблены полностью, 4 — частично (№№ 1, 3, 8, 9). При этом 4 погребальных сооружения (№№ 1, 2, 6, 19) повреждены настолько, что о конструкции их можно сделать выводы лишь самого общего характера (остатки каменных ящиков). Какие-либо элементы инвентаря, которые могут указывать на пол погребенных, были обнаружены лишь в 11 погребениях (№№ 1, 3, 4, 5, 8, 10, 11, 13, 14, 17, 20), причем весь подобный материал оказался односторонним (подвески, бусы, браслеты и др. украшения); два ненарушенных погребения, не содержащие указанных предметов, должны быть отнесены к детским (№№ 12 и 16). Все это затрудняет реконструкцию полного обряда погребения.

Не нарушенных погребений выявлено всего 3 (№№ 4, 12 и 16), но лишь погребение № 4 позволяет проследить погребальный обряд, с достаточной полнотой, ибо там захоронен взрослый человек — материал остальных погребений (в т. ч. частично уцелевший инвентарь и т. п.) позволяет лишь сделать догадки.

Ориентировку можно проследить лишь у 17 каменных ящиков: у №№ 4, 6, 8, 12, 19 — на ЮЮЗ, у №№ 7, 10, 15, 17, 18, 20 — на ЮЗ, у №№ 5, 9, 11, 13, 14, 16 — на ЮЗЗ, причем разница между крайними отклонениями достигает 40° (№№ 12 и 13).

Таким образом, костяк ориентирован головой на ЮЗ с небольшими отклонениями в ту или иную сторону. В погребении № 4 костяк лежал спиной вплотную к ю.-в. стенке, кости черепа — в южном углу камеры (IX). Однако расположение инвентаря и черепа в погребении № 8 указывает на возможность размещения костяка и у с.-з. стенки (XV, XVI, 8в, XVII, 8г—е).

Погребенный лежал в скорченном положении на левом боку. У головы погребенного (№№ 4, 8) — один-два больших сосуда, стоящих у противоположной боковой стенки, в углу. В погребении № 8 у головы находилась миска — этот вид каякентско-хорочоевской керамики многие исследователи считают специфически погребальным, обрядовым (мисочка почти цилиндрической формы найдена и вблизи погребения № 11)².

В погребениях №№ 4, 5 обнаружены пластинки кремня микролитиче-

² Марковин В. И. Дагестан и горная Чечня в древности. М., 1969, с. 40, 58.

ского облика. Аналогию этому дают погребения Белгатов, Хорочоя³. Следует отметить наличие украшений — двухлопастных височных подвесок, валютообразной плоской шейной подвески (погр. 4), бус различных типов (пастовых и гагатовых).

Особо следует сказать о малых каменных ящиках (около 0,6×0,6 м). Элементы погребального обряда можно проследить в двух неразграбленных (№№ 12 и 16), а также нарушенных (№№ 1, 3, 13, 14, 17), но сохранивших отчасти инвентарь погребенных.

Сосуды, всегда баночного типа (от 1 до 3), различной величины, стоят у ю.-з. и с.-в. (№ 16), у ю.-в. (№ 12), у западной (№№ 1, 3) сторон камеры. Подле них, чаще ближе к средней части камеры, иногда находятся бронзовые колечки-подвески с заходящими концами диаметром чаще 1—1,5 см (№№ 1, 3, 10, 13, 14, 17) иногда детские браслеты (№ 3, 13), а также отдельные бронзовые бусины.

В погребениях такого типа ни разу не обнаружены костные останки (если не считать пятно светлого тлена в № 1), и интерпретации их как детских погребений допускается лишь по аналогии с подобными же сооружениями на других каякентско-хорочоевских могильниках⁴.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ

Для сооружения каменных ящиков использовались плиты из песчаника, известняка и галечника. Наиболее тщательно обработаны плиты из песчаника и белого мелкозернистого известняка. Обследованные погребальные сооружения можно разделить на три типа.

1. «Большие каменные ящики»: длина их колеблется от 1,1 до 1,5 м, ширина от 1,1 до 0,6 м, а глубина — до 0,8 м. Большинство их в плане близко к прямоугольнику (№№ 4, 8, 10, 11, 15, 20). Лишь погребение № 5 имеет квадратный план (1,3×1,3 м). Примечательно, что это самый большой квадратный ящик из известных донье в научном обороте⁵.

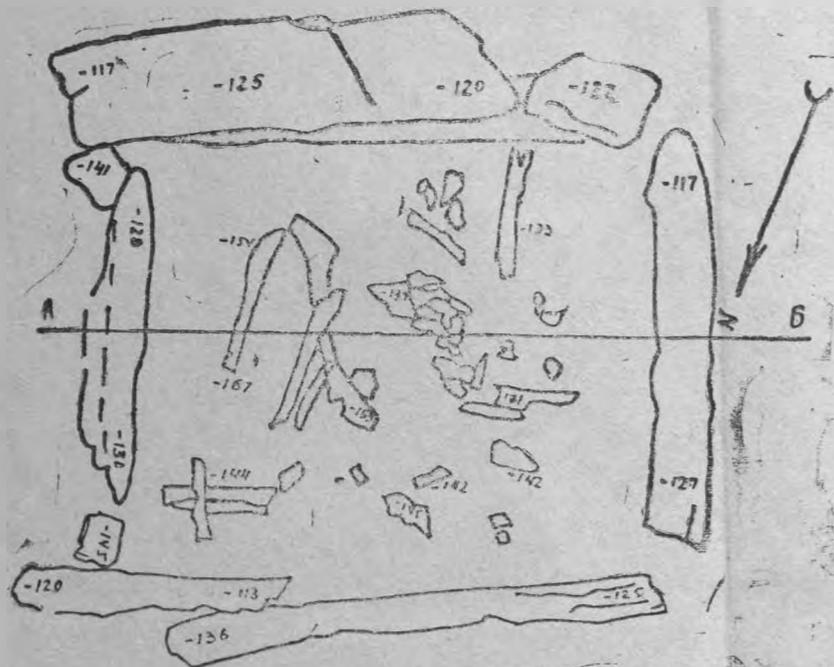
Наиболее важные их конструктивные особенности:

- 1) закрепление торцовых плит путем зажима их между парами концов боковых плит (№№ 10, 11, 20);
- 2) более тщательная обработка и подготовка по уровню верхних кромок плит по сравнению с нижними (№№ 8, 11, 20);
- 3) обязательное использование подпорных камней у нижних концов боковых плит и в углах ящиков, а также для заделки стыков, и иногда — для подпора бортов ящика снаружи (№ 20);
- 4) цельные, массивные перекрывающие плиты (№№ 4, 8), иногда с дополнительным завалом камней (№ 8, возможно, и 20).

³ *Круглов А. П.* Северо-Восточный Кавказ во II—I тыс. до н. э. МИА—68. М.—Л., 1958, с. 97, 106; *Марковин В. И.* Указ. соч., с. 70, ан. 256.

⁴ *Марковин В. И.* Указ. соч., с. 32.

⁵ *Марковин В. И.* Указ. соч., с. 32.

Погребение № 5
I тип. Квадратный 1,3x1,3

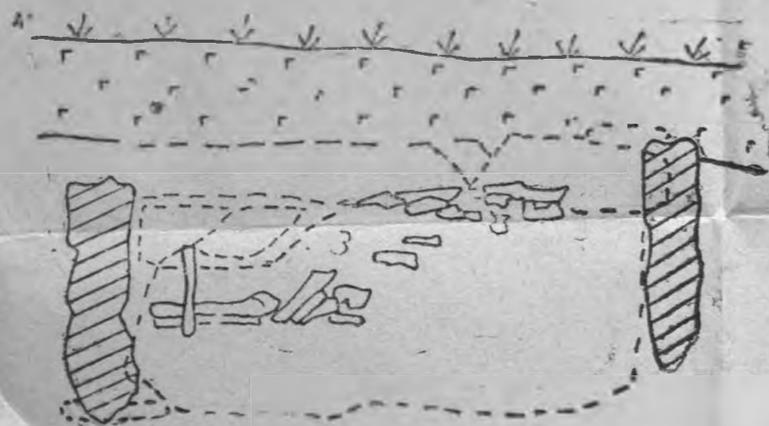
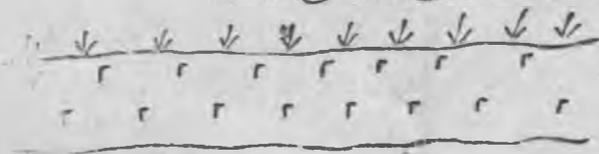
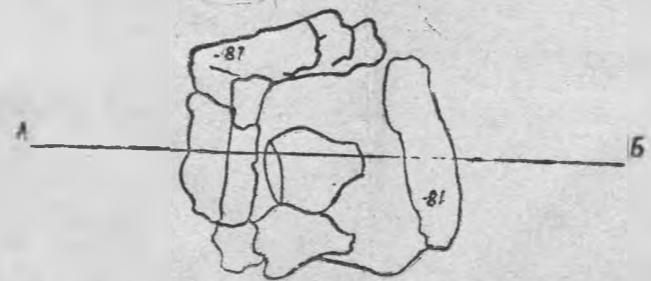
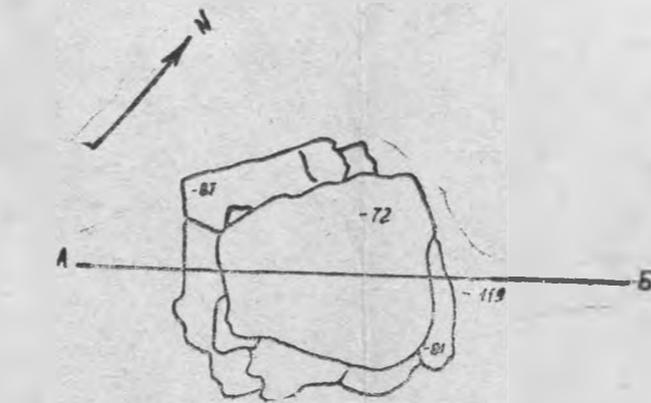

ТАБЛИЦА I

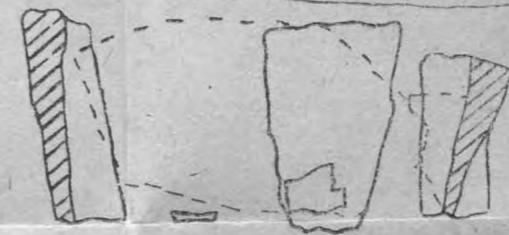
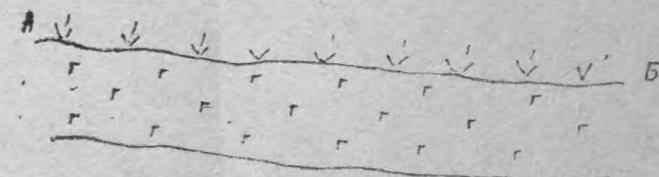
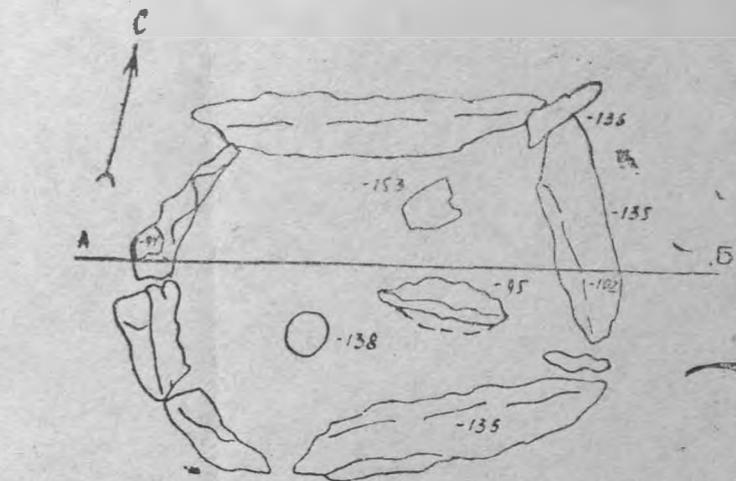
Рис. 1. Внутренний фасад Верхне-Чирюртовской оборонительной стены.

Погребение № 12 II тип.

ТАБЛИЦА II

Рис. 2. Остатки антисейсмических камышовых поясов.

Погребение № 9 III тип.

ТАБЛИЦА III

Рис. 3. Остатки оборонительной стены и башни у въезда.

Примечательно наличие кладки в конструкции верхней части торцов ящика № 4, а также ряд кладки на верхнем краю его ю.-в. боковой стенки. Такой конструктивный прием нетипичен для каякентско-хорочевских погребальных сооружений Приморского Дагестана, аналогии ему следует искать на территории Чечни⁶. (Табл. I).

II. «Малые каменные ящики» (№№ 6, 7, 12, 13, 14, 16, 17, 18, 19): длина 0,6—0,7 м, ширина 0,6—0,3 м, глубина — до 0,4 м. Прямоугольный план преобладает, но ввиду меньшей разницы длины и ширины некоторые (№№ 7, 12, 17) можно рассматривать как «подквадратные». Сооружены они из четырех поставленных вертикально под прямым углом друг к другу плит. Подпорные камни применялись очень редко (№ 18), чаще проемы в стыках заделывались мелкими камнями (№№ 12, 14, 16, 18). (Табл. II).

III. «Овальные сооружения, которые лишь условно можно назвать каменными ящиками. Очевидно, они образованы каменными плитками, прислоненными к стенкам ямы в виде сплошной ограды образуют погребальную камеру⁷. (Табл. III).

План «прямоугольных» каменных ящиков, собственно, чаще ближе к трапеции или неправильному четырехугольнику (№№ 4, 8, 10, 12, 13, 14, 15, 16, 18, 20), причем у большинства наиболее широкая часть направлена на ЮЗ.

В заключение следует также отметить, что у обследованных прямоугольных каменных ящиков одна из боковых стенок иногда бывает составной (№№ 5, 13, 14), что находит ближайшие аналогии на территории Чечни, как и применение в рассматриваемых погребальных сооружениях (№ 4)⁸, завала камнями сверху (№ 8)⁹, а также и сооружения «овального типа» (№№ 3, 9)¹⁰. Таким образом, из 17 каменных ящиков, сохранивших достаточно определенные черты конструкции, 7 (№№ 3, 4, 5, 8, 9, 13, 14) обнаруживают ближайшие параллели с погребальными сооружениями западной части ареала каякентско-хорочевской культуры

КЕРАМИКА

В основу классификации керамического материала положены отдельные положения типологий В. И. Марковина¹¹ и К. Ф. Смирнова¹²

По форме, величине и назначению керамику можно разделить на три типа: крупные сосуды, небольшие баночные сосуды и миски. Каж-

⁶ Там же, с. 35—36.

⁷ Марковин В. И. Указ. соч., с. 35—36.

⁸ Там же, с. 32

⁹ Там же, с. 35—36.

¹⁰ Там же, с. 35.

¹¹ Там же, с. 42—59.

¹² Смирнов К. Ф. Указ. соч., с. 248—251.

дый из типов, в свою очередь, делится на два вида соответственно различию деталей.

Тип I — крупные широкогорлые сосуды с яйцевидным туловом и непропорционально узким дном.

Вид А представлен тремя целыми и тремя фрагментированными (табл. IV, 1) сосудами, не считая значительного числа обломков. Отличительный признак — широкий, раструбообразный, круто отогнутый венчик. Высота — 33—36,5 см; тулово на 2—5 см меньше высоты, диаметр составляет $\frac{2}{3}$ высоты, диаметр дна в 3—3,5 раза меньше.

Этот вид керамики — один из ведущих для каякентско-хорочоевской культуры. Многочисленные и близкие аналогии этому виду — в Каякентском, Берикейском, Манасском¹³ и др. могильниках.

Вид Б представлен только фрагментированными сосудами. (Табл. VI, 2). Отличительный признак — слабо отогнутый венчик. Представление об их пропорциях дают размеры наиболее сохранившегося: высота сохранившейся части — 42,5 см¹⁴; диаметр тулова — 35 см, горла — 26 см (т. е. всего на 1,5 меньше тулова), венчика же 25 см. Дно непропорционально маленькое — всего — 9 см, т. е. не более $\frac{1}{5}$ высоты. Аналогии этому виду керамики прослеживаются в Хорочоевском, Таркинском могильниках¹⁵.

Тип II — баночные сосуды. Представлен 12 экземплярами (цельми и фрагментированными) и многочисленными обломками.

Вид А характерен слегка отогнутым наружу венчиком и представлен 5 экземплярами (табл. IV, 3). Высота их колеблется от 20,5 до 11 см, диаметр тулова на 1—5 см меньше высоты, устье по диаметру равно тулову, либо отклоняется в ту или иную сторону на 1,5 см. Горловина либо не выражена вовсе, либо незначительно меньше диаметра тулова (не более 2,5 см). Диаметр дна несколько менее $\frac{1}{2}$ высоты.

Орнамент располагается главным образом на плечиках (отмечен на 4 сосудах этого типа — 6, 7, 11, 34); кроме того, у двух из них нижняя часть покрыта врезными вертикальными, иногда пересекающимися, линиями.

Многочисленные аналогии этим сосудам прослеживаются в керамике Таркинского I и II, Кабарты-Кутанского, Хорочоевского, Каякентского и др. могильников¹⁶.

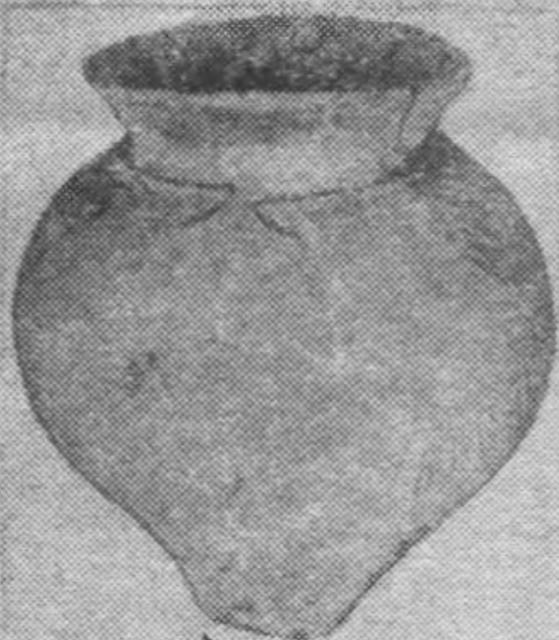
Вид Б отличается направленной внутрь закраиной и представлен тремя сосудами (табл. IV, 3), причем один из них (9) отнесен к этому виду условно, так как закраина его не уцелела и о ее форме можно

¹³ Марковин В. И. Указ. соч., с. 44, 46, 47.

¹⁴ Несмотря на его неполную сохранность, это все же несколько более высоты самого крупного каякентско-хорочоевского сосуда (из гробницы у с. Тарки) из обследованных В. И. Марковиным — см. *он же*. Указ. соч., с. 47.

¹⁵ Марковин В. И. Указ. соч., с. 53, рис. 23, 34; Круглов А. П. Ук. соч., с. 115, рис. 37, 1; Смирнов К. Ф. Указ. соч., с. 245, рис. 10, 6.

¹⁶ Марковин В. И. Указ. соч., с. 53, рис. 23, 5—10, с. 56, рис. 24, 6—9; Смирнов К. Ф. Указ. соч., с. 245, рис. 10, 2, 3.

1

3

ТАБЛИЦА IV

Таблица IV.

судить лишь по направлению верхней части стенок. Высота их — от 10 до 20 см, диаметр их на 1—3,5 см меньше высоты, устье (по диаметру) на 1 см меньше тулова. Диаметр дна в 1,5—2 раза меньше высоты. Орнамент отсутствует.

Аналогичные сосуды найдены в Ишхой-Юртовском, Кабарты-Кутанском¹⁷, Таркинском II могильниках¹⁸.

Что касается обработки поверхности баночных сосудов, то обмозка отмечена лишь в 4 случаях из 13 — поверхность остальных заглажена. Обзор этого типа керамики следует закончить констатацией существенного сходства их по форме с видом Б типа I. К. Ф. Смирнов сосуды типа I вида Б и типа II вида А объединил в один «тип Б», который считал переходным между видом А типа I («тип А» в его типологии) и видом Б типа II (его «тип В»)¹⁹. Мы разделяем их ввиду разницы размеров и предполагаемого назначения.

Тип III — миски — представлен лишь 2 экземплярами. (Табл. IV, 5), из которых один не уцелел ввиду крайней непрочности. Оба сосуда — усеченно-конической формы.

Уцелевший экземпляр имеет высоту 6 см, диаметр устья 10,5 см, дна — 5,5 см. Изнутри дно слегка закруглено, поверхность и подкладка заглажены.

Утраченный экземпляр имел высоту 8 см, диаметр устья — 14,5 см, диаметр дна — 11,5 см. При этом его придонная часть была слегка закруглена. Орнамент на обеих мисках отсутствовал.

Аналогичные по форме миски были обнаружены в Каякентском, Мамайкутанском, Таркинском I могильниках²⁰.

Так, формы сосудов могильника Тахир-кала полностью укладываются в типологию форм каякентско-хорочоевской керамики.

Вся керамика Тахиркалинского могильника лепная. Можно выделить три техники нанесения орнамента: налепную, оттиск, врезную.

В заключение хотелось бы отметить некоторые особенности обследованного керамического материала Тахиркалинского могильника.

1. Не встречено никаких следов ручек.
2. Мелкая частная параллельная штриховка с петлями у дна не находит аналогий среди известных нам орнаментов каякентско-хорочоевской керамики (ближайшие параллели — в штриховой обработке поверхностей раннесредневековой керамики Дагестана).
3. По сравнению с типом I керамика типа II имеет ничтожно мало налепных деталей. В этом смысле тип II обнаруживает большое сходство с керамикой более южных памятников, лежащих южнее линии Избербаш—Уч Авлах—Урма, в то время как тип I такого отклонения не дает.

¹⁷ Там же, с. 17, рис. 3, 2; с. 57, рис. 25, 5.

¹⁸ Смирнов К. Ф. Указ. соч., с. 245, рис. 10, 1; с. 249, рис. 11, 9.

¹⁹ Смирнов К. Ф. Указ. соч., с. 248—251.

²⁰ Марковин В. И. Указ. соч., с. 57, рис. 25, 9—15.

Наиболее распространены были, видимо, предметы из бронзы: они обнаружены во всех 11 погребениях, содержащих находки этой категории; кроме того, из тех же погребений 3 содержали изделия из сурьмы, в них же были обнаружены и предметы из камня, и только в одном из них — пастовые бусы.

К орудиям труда можно отнести только одну иглу длиной 11 см, из бронзового стержня сечением 3 мм, один конец которого заточен, а другой завернут и приклепан, образуя ушко. (Табл. V, 3). Игла найдена вместе с другими предметами в кв. А8, вблизи погребения 19. Близкие аналогии дают кобанские памятники; погребение под Нальчиком²¹, Змейское поселение.

Все остальные предметы этой категории относятся к украшениям. Из бронзовых изделий наиболее распространены шаровидные и уплощенно-шаровидные бронзовые бусы диаметром 4,5—6 мм; диаметр отверстия колеблется от 0,5 до 2,5 мм (погр. 3, 8, 11, а также находка в кв. А8 (табл. V, 8). Следует отметить упоминание в археологической литературе о находках сходных бус в Таркинском II и Талгинском могильниках²².

Другие формы бус из бронзы не находят аналогий в доступных нам публикациях каякентско-хорочоевского материала: это довольно массивная бочонковидная бусина (14×11 мм-см, диаметр отверстия 6 мм) (табл. V, 7);

две слегка сплюснутые бусины (6×8 мм) — все они найдены в кв. А8. Обломок массивной бусины из погр. 5 (некоторая раковистость излома, возможно, свидетельствует о литье), видимо, также принадлежал крупной бусине,

из бронзовых подвесок наиболее многочисленны небольшие (от 13,5 до 17 мм диаметром) бронзовые подвески из кольцеобразно изогнутого бронзового стержня сечением 1—2 мм, с заходящими, но не сомкнутыми концами (табл. V, 9). Примечательно, что такие подвески встречаются в основном в «малых» каменных ящиках.

Типологически очень близки к ним небольшие овальные подвески (табл. V, 6). Обе этих близких разновидности обнаруживают достаточное сходство с подвесками из Хорочоевского²³ и Таркинского II²⁴ могильников, и более с подвеской из Талгинского могильника²⁵ (т. к. у тахиркалинских подвесок не расплющены концы).

Крупные овальные (до 37×28 мм) подвески из бронзового стержня

²¹ Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с. 427, табл. V, 7; табл. IX, 6—7.

²² Марковин В. И. Указ. соч., с. 68.

²³ Круглов А. П. Указ. соч., с. 103, рис. 25, 3.

²⁴ Смирнов К. Ф. Указ. соч., с. 253, рис. 13, 2.

²⁵ Марковин В. И. Указ. соч., с. 64, рис. 28, 7.

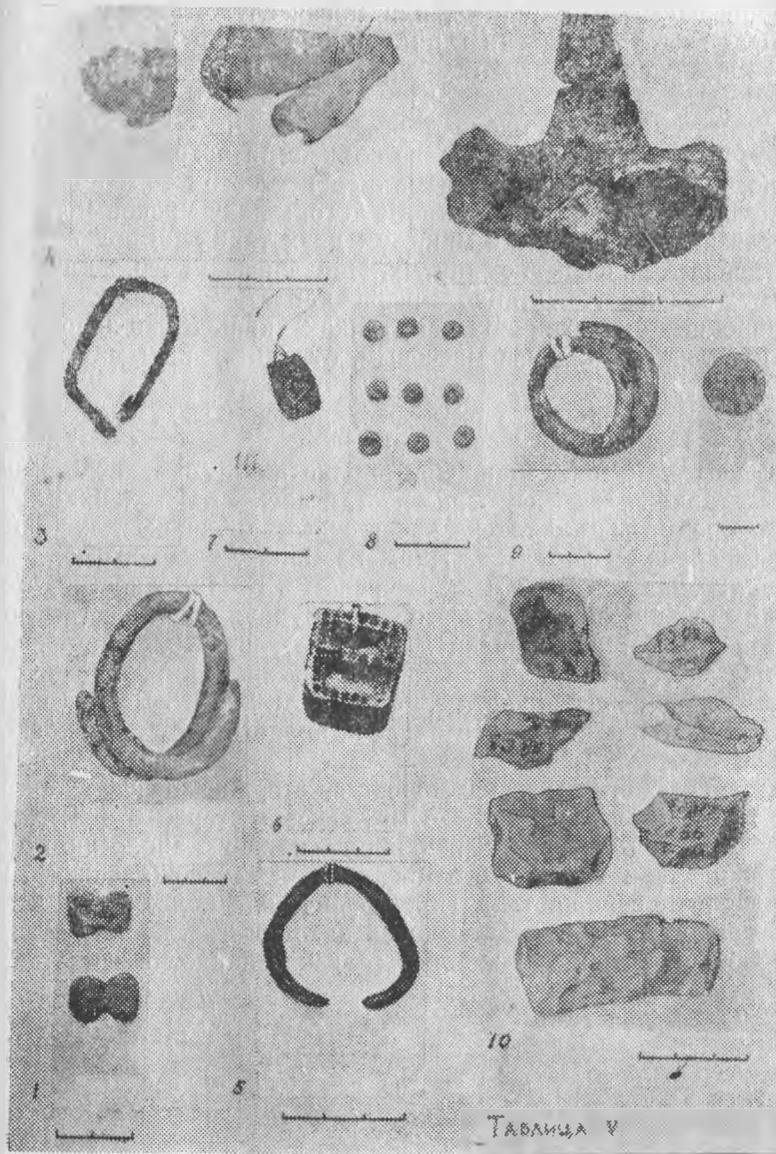

ТАБЛИЦА V

сечением от 2,5 до 4 мм, с утончающимися заходящими концами (табл. V, 5). Примечательно, что данные предметы также были найдены в «малых» погребениях. Вероятно, они могли служить детскими браслетами. Более всего они близки к подвеске из Кабарты-кутанского могильника²⁶ или браслету (3-го типа по типологии В. И. Марковина) из Уч-Авлаха²⁷.

Характерные каякентско-хорочоевские подвески обнаружены в погребениях 8, 20 и в кв. Г2. Не вполне объяснима находка по сторонам черепа в погр. 8 разновеликих экземпляров: высотой 46 мм справа от черепа и высотой 26 мм — слева; кроме того, между миской и торцовой стенкой были найдены обломки минимум двух таких же подвесок, аналогичных меньшей из вышеупомянутых. Найденные в погр. 20 и в кв. Г2 аналогичны большей. Данная разновидность подвесок находит весьма широкие аналогии в памятниках каякентско-хорочоевской культуры и являются для нее массовым, отличительным материалом²⁸ (табл. V, 4).

Волютообразное плоское бронзовое украшение 44×45 мм (табл. V, 12) имеет отходящий по оси симметрии плоский «стебель», конец которого был загнут и приклепан. Оно вполне аналогично подобным же находкам из Маджалиса и особенно из Талгинского могильника²⁹. Там, однако, эти предметы являлись навершиями булавок для закладки одежды, заменяющих фибулы³⁰. Наш экземпляр, однако, имел вместо иглы проушину. Найдено его между черепом и ребрами костяка делает допустимыми предположение, что это — нагрудная подвеска (возможно, вторичное использование булавки). А. П. Круглов сообщает о находке в погребении I у с. Маджалис «медной пластины секирообразной формы: ширина сохранившейся части 3,2 см, высота 2 см³¹. Весьма возможно, что этот предмет — наиболее близкая аналогия нашей находке (по назначению).

Полусферическая бронзовая бляшка со стержнем-перемычкой внутри (диаметр — 16 мм, высота — 6 мм, сечение стержня — 1,5 мм) из погребения 11 (табл. V, 11) имеет наиболее близкую аналогию в находке из гробницы № 5 Таркинского могильника³² (к сожалению, о наличии перемычки не сообщается). Полусферические колпачки из Ведено. Миатли, Хорочая отличаются от нашей находки наличием отверстия и отсутствием перемычки. Наиболее близкие аналогии этой находке

²⁶ Марковин В. И. Указ. соч., рис. 28, 13.

²⁷ Там же, с. 63, рис. 27, 12.

²⁸ Там же, с. 64, рис. 28, 8—11.

²⁹ Там же, с. 63, рис. 27, 18, особенно 19.

³⁰ Марковин В. И. Указ. соч., с. 69.

³¹ Круглов А. П. Указ. соч., с. 146.

³² Смирнов К. Ф. Указ. соч., с. 249, рис. 12, 4

дают памятники кобанской культуры: Кумбултский могильник³³, Кобанское погребение под Нальчиком³⁴.

Некоторые из обнаруженных украшений изготовлены из сурьмы, это удлиненно-цилиндрические бусы (длина — 14—8 мм, диаметр — 7 мм, диаметр отверстия — 2, 3, 5 мм). Обнаружено 26 шт. Среди доступных нам публикаций каякентско-хорочоевского материала никаких аналогий этим бусам нет.

Мелкие округленные плоские бусы (диаметр — 5,5 мм, толщина — 1,6 мм, диаметр отверстия — 2 мм, см. XII681), 3 шт. и фрагмент, обнаружены также в погр. 4. Аналогий им обнаружить также не удалось (табл. V).

Квадратная массивная пряжка (14×14×5 мм) с перемычкой по центру найдена в погр. 5 (табл. V, 6). Выступающая часть обеих поверхностей орнаментирована точечными оттисками. Через торцовую часть сквозь перемычки и параллельные ей боковые стороны проходят три сквозных канала (диаметр 1,5 мм). На боковой поверхности пряжки заметны швы, а внутри — остатки затеков, свидетельствующие об отливке ее в двухчастной форме. Никаких аналогий ей не обнаружено.

Две двувальные бляшки (18×12×6 мм) обнаружены в погр. 11 (табл. V, 1). Одна сторона закруглена, между овалами намечена перемычка — другая сторона плоская, что возможно, свидетельствует об их отливке в односложной форме. Полных аналогий им пока не обнаружено. Следует, однако, обратить внимание на бронзовые двувальные бляшки из Нестеровского могильника. Хотя нестеровские бляшки выполнены из иного материала (бронза), не массивны и орнаментированы точечной чеканкой, однако по форме и величине они близки тахиркалинским³⁵ (хотя разумеется, и те, и другие гораздо меньше двувальных блях из Лугового могильника³⁶) Е. И. Крупнов так определяет их назначение: «...эти бляхи и в женских могилах находились у лобных частей черепа и, следовательно, имели прямое отношение к головному убору, а в мужских могилах они являлись нагрудными украшениями. Несомненно, нестеровские малые образцы и служили именно такими украшениями»³⁷. Мы полагаем, что это допущение Е. И. Крупнова можно распространить и на двувальные бляшки Тахиркалинского могильника.

По мнению Е. И. Крупнова «рассматриваемые бляхи отражают специфику материальной культуры местных племен скифского времени в рамках восточного варианта позднекобанской культуры Северного Кавказа»³⁸. К этой оценке можно лишь добавить, что: а) отмеченная

³³ Крупнов Е. И. Указ. соч., с. 229, рис. 33, 21.

³⁴ Там же, с. 427, табл. V, 3.

³⁵ Крупнов Е. И. Указ. соч., с. 288.

³⁶ Там же, с. 487, табл. XVII, рис. 4.

³⁷ Там же, с. 287.

³⁸ Там же, с. 288.

аналогия, наряду с другими близкими чертами между памятниками именно восточного варианта кобанской и каякентско-хорочоевской культур не может быть случайностью и б) отмеченная аналогия должна быть учтена при датировке Тахиркалинского могильника, наряду с чертами далеко зашедшей формализации некогда функциональных деталей в орнаментике керамики, она также указывает на принадлежность могильника к позднему этапу развития каякентско-хорочоевской культуры.

Украшения из пасты и камня — это известные в каякентско-хорочоевском материале типы бус.

Пастовый бисер белого и салатного цвета (3×2 мм), 18 шт., обнаружен в погр. 4. Большинство бусинок округленно-цилиндрической формы, изредка попадаются круглые плоские (3 шт.). Весьма близкие аналогии им дает Хорочоевский могильник³⁹.

Три сердоликовые бусины одного типа (рубленные, плоско-цилиндрические), но различной величины — из камня оранжевой окраски. Сверление у бусин коническое и цилиндрическое. Все они находят многочисленные аналогии в каякентско-хорочоевском материале⁴⁰.

Мелкие, плоско-цилиндрические бусы из гагата или лигнита разной величины (от 7×4,5 до 4×1 мм) из погр. 4 из слящегося камня: 33 шт. целые и много фрагментов. Сверление цилиндрическое. Находят многочисленные аналогии в каякентско-хорочоевском материале⁴¹.

Говоря о каменных украшениях, коснемся попутно изделий из кремня. В погр. 4 и 5 в верхней части заполнения были обнаружены кремневые отщепы микролитического облика, или пластинчатые. Подобные находки попадались в грунте между каменными ящиками и в еще большем количестве — в подъемном материале (табл. V, 10). Определенно указать их назначение весьма трудно. Исключение составляет лишь пластина из подъемного материала — явный вкладыш составного серпа.

В заключение отметим некоторые особенности описанного материала.

1. Обращает на себя внимание значительное место изделий из сурьмы в металлическом материале: из 69 единиц металлических находок (не считая фрагментом) 32 — сурьмяные. Примечательно также, что формы сурьмяных изделий совершенно особые, не имеющие аналогий среди форм бронзовых изделий. Из 14 видов металлических изделий, выявленных на могильнике — 4 сугубо «сурьмяные» (два вида бус, пряжка, в какой-то степени и двувальные бляшки). В этом смысле Тахир-кала стоит особняком среди каякентско-хорочоевских памятников.

³⁹ Марковин В. И. Указ. соч., 7, с. 74, рис. 33, 22, 24.

⁴⁰ Там же, с. 33, 8—10.

⁴¹ Там же, рис. 33, 14—16.

2. Некоторые виды металлических изделий не находят аналогий на других каякентско-хорочоевских памятниках. Среди материалов этого года таковы: бусы бочонковидные и сплюснутые, все сурьмяные изделия. Впрочем, здесь мы присоединяемся к мнению В. И. Марковина: «каждый новый памятник может принести и новые формы подобных предметов»⁴².

С другой стороны, такие предметы как полусферическая бляшка, игла, двувальные бляшки находят более или менее близкие аналогины в памятниках кобанской культуры.

3. Описанный материал дает некоторое представление об уровне техники обработки металлов и камня у древнего населения оставившего Тахиркалинский могильник. Им знакомы были литье в одностворчатых и двустворчатых формах,ковка, склепка, шлифовка бронзы и сурьмы, а также шлифовка и полировка камня.

Пастовые бусы свидетельствуют о связях (диффузных, транзитных) древнего населения долины р. Манас-озень с ремесленными центрами Древнего Востока.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

⁴² Марковин В. И. Указ. соч., с. 69.

О ГЕНЕЗИСЕ НЕКОТОРЫХ ФОРМ МЕЧЕЙ И КИНЖАЛОВ НА КАВКАЗЕ

В советской археологической литературе о происхождении и датировке кинжалов и мечей с вильчатым основанием и двуструбным навершием рукоятки существуют разные, порою взаимоисключающие мнения. Эти кинжалы были выявлены Ж. де Морганом в персидском Азербайджане и опубликованы¹. Позже А. Годар и Ф. Ганчар писали о способах их применения². Однако, начало их научного изучения положил Б. А. Куфтин, который генетически возводил их к веерообразным луристанским типам и датировал VII—VI вв. до н. э.³ Несколько углубили эту дату А. А. Мартиросян (IX—VIII вв. до н. э.)⁴ и И. М. Джафарзаде (VIII—VII вв. до н. э.)⁵. К. Шеффер датировал их XII—X вв. до н. э., сопоставив с материалами из Шагула-Дерре⁶. М. Н. Погребова в специальной статье, посвященной мечам этого типа, а также в своей фундаментальной монографии привела около 30 образцов двуструбных мечей, определила дату их бытования главным образом в пределах VIII в. до н. э., допустила, что были они и в VII в. до н. э. Она считает, что между кинжалом из Чила-Хане и мечами с вильчатым основанием рукоятки и с ее веерообразным навершием нет хронологического разрыва. Вслед за Б. А. Куфтиным она видит

¹ Morgan H. La préhistoire orientale. Paris, 1927, t. III, p. 200—204.

² Godard A. Les Bronzes du Luristan.—Ars Asiatica, Paris, 1931, band XVII. s. 41, 70—76; Ганчар Ф. Kaukasus—Luristan.—ESA, Helsinki, 1934, IX, s. 78.

³ Куфтин Б. А. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, с. 64, рис. 59, 3; 62.

⁴ Мартиросян А. А. Раскопки в Кировакане и некоторые памятники раннеурартского периода.—Известия АН Арм. ССР, 1956, № 9, с. 76.

⁵ Джафарзаде И. М. Элементы археологической культуры древней Мугани.—Известия АН Аз. ССР, 1946, № 9, с. 25—30, табл. I, 1—2.

⁶ Schaeffer Cl. F. A. Stratigraphie comparee et Chronologie de L'Asie Occidentale (III-e et II-e millénaires). Syrie, Palestine, Asie mineure, Chypre, Perse et Caucase. London, 1948, p. 415; fig. 223; p. 432—434, 437, 438, 478; fig. 232, 1, 3, 4, 11, 12; p. 500; fig. 271, 282, 1, 2, 3, 6.

в луристанских веерообразных мечах прототипов наших мечей⁷. С. А. Есаян генетически возводил мечи с двуструбными навершиями рукояток к длинным бронзовым мечам с ребрами, переходящими у основания клинка в серповидную фигуру, обращенную концами книзу. При датировке этих мечей он следовал за мнением А. А. Мартиросяна⁸. Наибольшее количество мечей с двуструбными навершиями и вильчатыми основаниями рукояток привел Ф. Р. Махмудов, который доказывал, что их прототипов следует искать не в Луристане или горной части Талыша, как полагали Б. А. Куфтин и М. Н. Погребова, а в низменной части Ленкорана и Мугани, где найдено их наибольшее количество и, где с его точки зрения, находился очаг производства этих мечей⁹. Позже он вместе с Г. П. Кесаманлы анализировал материалы, выявленные при строительных работах в Дивалоне, где встречены новые образцы этих кинжалов. При этом оба автора конкретизировали даты мечей в рамках IX—VII вв. до н. э., рассмотрели вновь выявленную разновидность, «как вариант, если не отдельный тип» мечей с двуструбными навершиями¹⁰.

Надо сказать, что споры вокруг датировки и определения генезиса этих мечей и кинжалов возникли из-за того, что мало их происходит из надежно датированных комплексов. Для их хронологии большое значение имеет комплекс, выявленный нами на Мугерганском могильнике. В грунтовой могиле, близкой к квадрату формы, перекрытой деревянным настилом, засыпанной сверху землей и выложенной камнями, был выявлен костяк скорченного на левом боку и ориентированного на юго-запад погребенного.

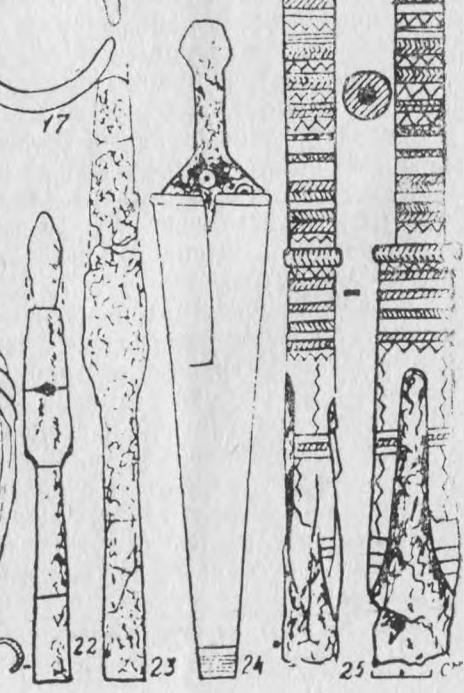
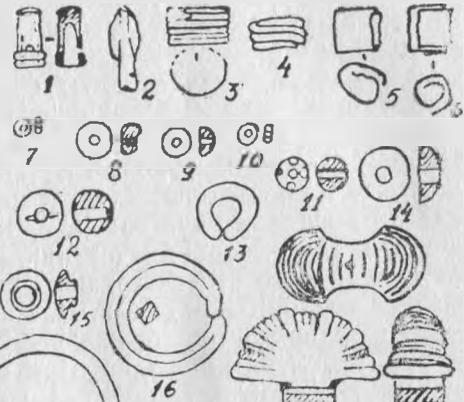
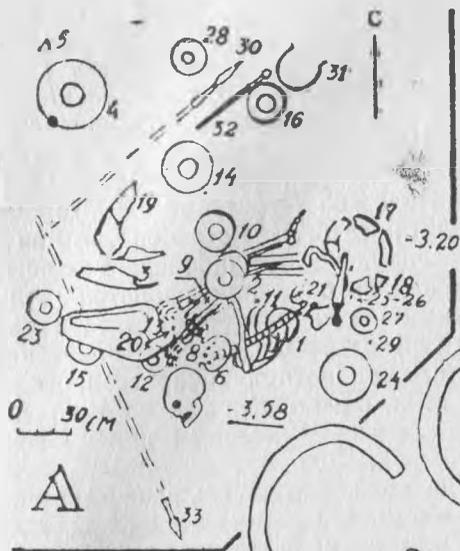
Инвентарь представлен разнообразными, в основном черными и серыми лощеными сосудами, расположенными спереди и сзади костяка бронзовой гривной и сердоликовыми бусами в области шейных позвонков, двумя браслетами на костях правой руки, пластинчатым костяком, бронзовой гривной и сердоликовыми бусами в области шейных пальцев кисти правой руки. У костяка в различных местах лежали браслет и маленькое кольцо с разомкнутыми концами, бусы, поясная пряжка и кольца от темляка, железный нож с горбатой спинкой, ромбовидный втульчатый скифский наконечник стрелы, подток, железный кинжал в бронзовых ножнах вместе с просверленной бляшкой от

⁷ Погребова М. Н. Некоторые формы закавказского оружия раннескифского времени. КСИИ, М., 1962, вып. 89, с. 22—29; она же. Иран и Закавказье в раннем железном веке. М., 1977, с. 51—58.

⁸ Есаян С. А. Оружие и военное дело древней Армении. Ереван, 1966, с. 80—85, табл. XIV, 3.

⁹ Махмудов Ф. Р. Новые археологические данные о древней культуре Талыша и Мугани.— Известия АН Аз. ССР (серия истории, философии и права). Баку, 1970, № 2, с. 66—76, табл. II, 1—4, 7.

¹⁰ Махмудов Ф. Р., Кесаманлы Г. П. О древнем могильнике вблизи Ленкорани.— Известия АН Аз. ССР (серия истории, философии и права). Баку, 1974, № 4, с. 47—56, табл. I, 1.

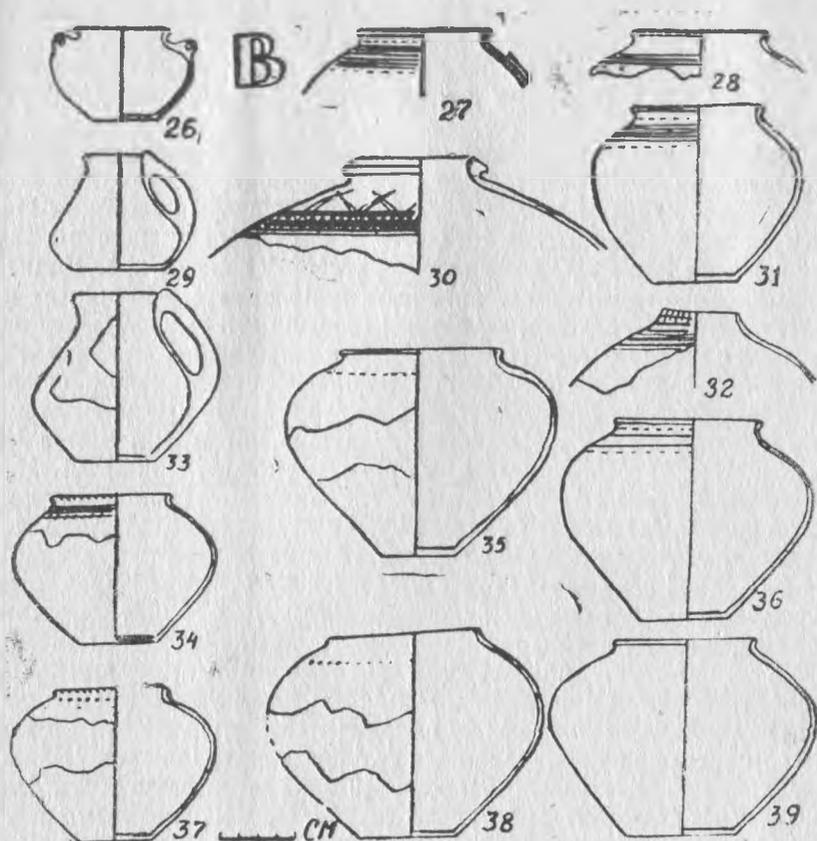

Рис. 1. Погребение Мугерганского могильника (из раскопа 1974 г.).

А — план погребения; 1—5, 10, 12, 14—19, 23, 24, 27, 28 — сосуды; 6, 31 — шейные грибки; 7, 9 — браслеты; 29, 11, 8 — бусины; 13 — кольца; 20 — нож; 21 — наконечник стрелы и вток (?); 22 — пряжка и перстень; 25 — поделка от темляка; 26 — железный кинжал в бронзовых ножнах с составным поясом; 30, 33 — наконечники колий; 32 — железный меч с бронзовой рукояткой. Б — инвентарь из погребального сооружения. 1—6, 13, 15—17, 19—21 — бронза; 7—10, 12 — сердолик; 11 — пахта, 14 — кость, 18, 22 — железо; 24 — бронза и железо. В — керамика.

темляка и составным поясом, шаровидная крупная бусина из горного халцедона, биметаллический кинжал с вильчатым основанием и двуструбным навершием бронзовой рукоятки и узким коротким железным клинком, два остролистных втульчатых наконечника копий, венчик из узкой бронзовой пластинки.

У изголовья погребенного лежал череп коня. Около костей встречены угольки (рис. 1).

Датируется это погребение по сочетанию железного кинжала и бронзового ромбовидного с внутренней втулкой наконечника стрелы скифского типа. Этот железный кинжал в бронзовых ножнах из Мугерганского погребения находит аналоги в комплексах Ванской эпохи Мхартского могильника¹¹, в погребениях VII—VI вв. до н. э. Дванского могильника (Грузия)¹². Двухлопастные бронзовые ромбовидные наконечники стрел с внутренней втулкой, аналогичные нашему типу встречаются на территории Евразии. П. Д. Рау называл их «доскифскими», поскольку они получили распространение еще до сложения скифской археологической культуры. Действительно, прототипы ромбовидных наконечников встречаются в Нижнем Поволжье, широко бытуют в VII в. до н. э. и к концу этого столетия выходят из употребления¹³. А. И. Милюкова датирует их VII—VI вв. до н. э. (вариант 5,1 типа, I отдел)¹⁴, К. Ф. Смирнов — VII в. до н. э. (тип V-A)¹⁵. Наш наконечник относится к середине и второй половине VII в. до н. э.

Таким образом, инвентарь мугерганского погребения отчасти определяет время бытования кинжалов и мечей с двуструбными навершиями и вильчатыми основаниями. Разумеется, один комплекс не может установить время появления и отмирания этих мечей. Поэтому их широкий анализ на фоне материалов Евразии даст нам ожидаемый ответ. Мечи и кинжалы с вильчатыми основаниями рукояток довольно широко распространены на территории Кавказа, Ближнего и Среднего Востока, а также Европы. Обычно вилки основания бывают длинные, но встречаются и короткие (их М. П. Грязнов называет «шипями»), с укороченными срезанными вилками и арочным пазом между ними; такими же или зооморфными «вилками» и прямоугольным пазом между ними; с полумесяцевидными, обращенными концами вниз вилками. Это указывает на популярность вильчатого основания рукояток на территории Кавказа и Ближнего Востока. У мечей с таким основа-

¹¹ Куфтин Б. А. Указ. соч., с. 64, рис. 62, 2.

¹² Макалатия С. И. Раскопки Дванского могильника.—СА, 1949, XI, с. 225, рис. 4, 1.

¹³ Рау Р. Die gräber der frühen Eisenzeit im Unteren Wolgagebiet. Pokrowsk, 1929, taf. XIV, 2 с. d, e; Иессен А. А. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР.—СА, 1953, XVIII, с. 67, рис. 10.

¹⁴ Мелюкова А. И. Вооружение скифов. САИ, М., 1964, вып. Д1—4, с. 18, табл. V.

¹⁵ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов.—МИА, М., 1961, № 104, с. 41, 42, табл. I, 19—21.

нием рукояток встречаются двураструбные; серповидные, обращенные концами вверх или вниз; грибовидные; катушковидные навершия. Встречаются и вовсе без наверший. Но у мечей с такими навершиями позже появляются прямое, бабочковидное, почковидное и прямое перекрестья (рис. 2). Для всех этих изделий характерно отдельное изго-

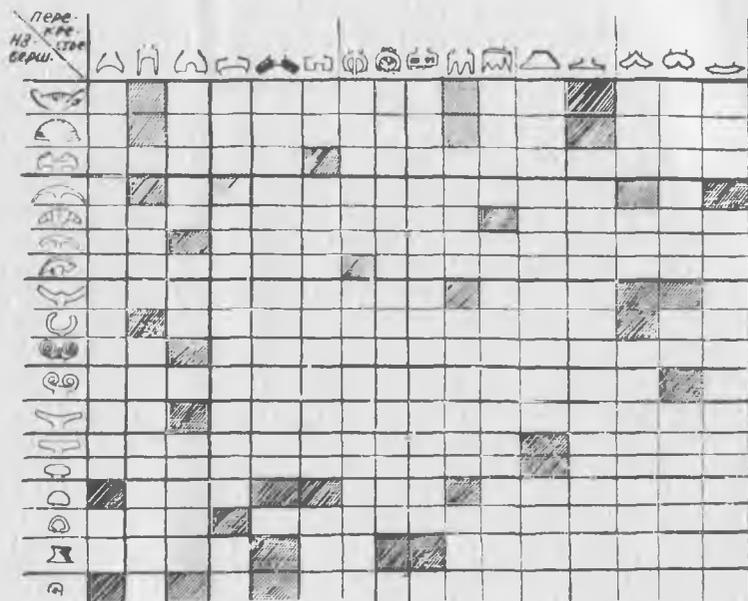

Рис. 2. Сочетание разных форм вильчатых оснований меча с навершиями рукояток.

товление клинков и рукояток, причем основания их клинков обхвачены вилками, насаженных на черенок рукояток. На основании этих признаков кавказско-ближневосточных мечей Н. Л. Членова определяла генезис тагарских мечей¹⁶. Этими же признаками характеризуются кинжалы из додинастического Египта (рис. 3, 1, 2)¹⁷. Их рукоятки костяные, клинки кремневые. Они лежат в основе нескольких линий развития кавказско-ближневосточных кинжалов и мечей. Наиболее четкая линия прослеживается между ними и кинжалом из Кобанского могильника (рис. 3, 25)¹⁸. Их генетически связывают многочисленные образцы,

¹⁶ Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967, с. 18.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа.— МАК. 1900, VIII, табл. VIII, 3.

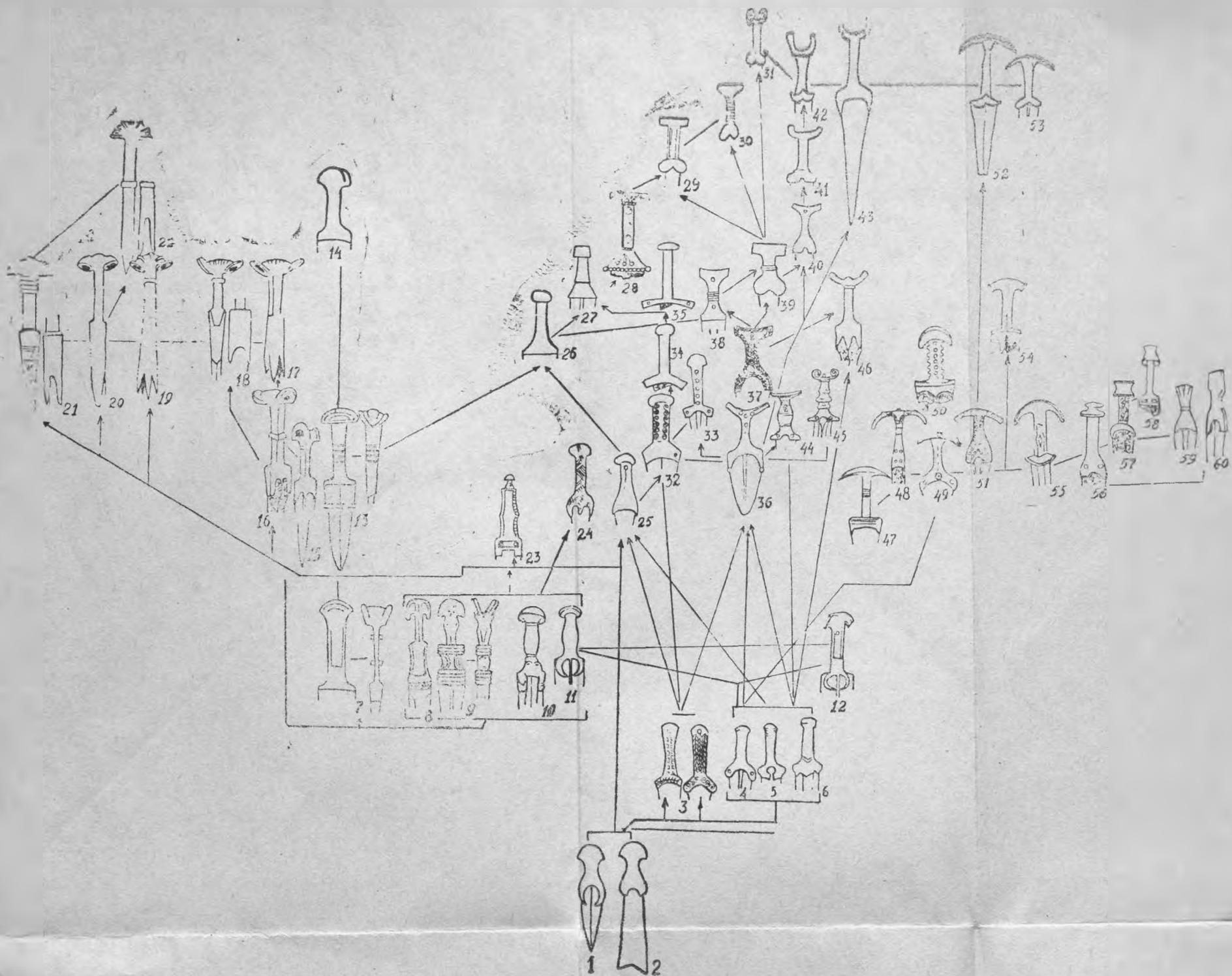

Рис. 3. Генеологическая таблица кавказских кинжалов и мечей.

1, 2 — из додинастического Египта (Morgan J., 1926); 3 — из Сачхерии Грузинской ССР (Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н., 1970, рис. 42, 32,

33); 4 — из Италии, Венгрии и др. (Uenze O., 1938, s. 1, 5, 71—74, fig. 27—62, 31—69, 39; Kovacs T., 1977, pl. 17); 5, 6 — из эгейского мира (Сидорова Н. А., 1972, рис. 143, 164); 7 — из Чила-Хане (Schaeffer Cl., 1948, p. 415, fig. 223); 8—11 — из Луристана (Schaeffer Cl., 1948, p. 478, fig. 265, 18, 19; p. 486, fig. 265, 14; p. 478, 486, fig. 265, 15); 12 — из Шагула-дерре (Morgan J., 1905, s. 281—284, fig. 461); 13 — из Решта (Maxwell R., 1962); 14 — из Мингечаура (Асланов Г. М., Ваидов Р. М., Ионе Г. И., 1959, табл. XIII, 7); 15 — из Караклиса (Куфтин Б. А., 1941, с. 64, рис. 59, 3); 16 — из Шагула-дерре (Morgan H., 1950, fig. 469); 17 — из Севана (Куфтин Б. А., 1941); 18, 21, 43 — из Дивалона (Махмудов Ф. Р., Кесаманлы Г. П., 1974, табл. 1, 1, 2, 5); 19 — из Мардакяна (раск. Асланова Г. М.), 2 — из Шиловара (Махмудов Ф. Р., 1970); 22 — из Мугергана; 23 — из урартских комплексов (Погребова М. Н., 1967, с. 137—145); 24 — из Кюльтепе (Schaeffer Cl., 1948, fig. 16, 1); 25 — из Кобани (МАК, VIII, табл. VIII, 3); 26 — из Самтавро (Абрамишвили Р. М., 1961, табл. IX); 27 — из Тли (Техов Б. В., 1977, рис. 89, 6); 28 — из Куга (Давудов О. М., 1974, табл. XVIII, 19); 29 — из Хосрехского святилища; 30 — из Софиевки (Терепожкин А. И., 1975, рис. 1, 13); 31, 41 — из Нестеровского могильника (Крупнов Е. И., 1960, табл. LXII, 1, 2); 32 — из Кисловодска (Виноградов В. Б., 1972, рис. 10, 5); 33 — из Сержень-Юрта (Козенкова В. И., 1975, рис. 3, 4); 34 — из Мугергана (Пикуль М. И., 1967); 35 — из Хосрехского святилища; 36 — из Грузии (Пицхелаури К. Н., 1972, рис. 1, 142); 37 — из Шилда (раск. Майсурадзе В.); 38 — из Тли (Техов Б. В., 1971, рис. 72, 5); 39 — из Кумбулта (МАК, VIII, табл. XCIII, 19); 40 — из Кобани (МАК, VIII, табл. X, 2); 42, 52 — из Абхазии (Воронов Ю. Н., 1975, рис. 5, 4, 8, 11); 44, 45 — из памятников З. Европы (Монгайт А. Л., 1974, с. 74—75); 46 — из Закавказья (Przeworski S., 1939, т. XII, 1); 47 — из Талыша (Schaeffer Cl., 1948, fig. 233, 3); 48 — из Алак-Хююка (Schaeffer Cl., 1948, fig. 180-a); 49 — из Абхазии (Воронов Ю. Н., Вознюк А. С., 1975, рис. 2, 5); 50 — из Луристана (Луконин В., 1977, с. 46—51); 51 — из Кобани (Крупнов Е. И., 1960, рис. 21, 3); 53 — из Сирии (Schaeffer Cl., 1948, fig. 95, 5); 54 — из Прикубанья (Анфимов Н. В., 1975, рис. 2, 1); 55 — из Тель-атана-алалак (Сирия) (Schaeffer Cl., 1948, p. 98, 99, fig. 95, 5); 56—58 — из Талыша (Schaeffer Cl., 1948, fig. 232, 1, 11; 237, 16); 59 — из Армении (Мнацаканян А. О., 1957, рис. 1); 60 — из Бешташинского могильника (Куфтин Б. А., 1941).

распространенные на территории Ближнего Востока, эгейского мира, Западной Европы и Кавказа (рис. 3, 4—6, 24, 25)¹⁹. Причем на Кавказе они представлены образцами, выявленными в окрестностях станции Новослободный (Прикубанье), Царине-Гора (Самхерский район Грузинской ССР)²⁰, Туапсе²¹ и Стырфас (Юго-Осетия)²². По Н. Л. Членовой эти кинжалы бытовали в VI—III тысячелетиях до н. э. в Египте и Месопотамии, в первой половине II тысячелетия до н. э. они распространяются по всему Ближнему и Среднему Востоку, со второй половины II тысячелетия до н. э. — по эгейскому миру, Греции, Европе, на Кавказе, Сибири и Казахстане, а в I тысячелетии до н. э. — в степях Восточной Европы²³.

На Кавказе, Ближнем Востоке и Эгейском мире кинжалы с грибовидными навершиями рукояток имеют прямые, многовильчатые (Кюльтепе²⁴ — рис. 3, 24, Толос в Миренихори²⁵ — рис. 3, 6), двухвильчатые с прямоугольным пазом (Луристан²⁶ — рис. 3, 10, Урарту²⁷ — рис. 3, 23) основания. От кинжала с прямым основанием и грибовидным навершием рукоятки получают дальнейшее развитие путем удлинения и уплощения навершия кинжалы типа встреченных на Самтаврском (компл. IX в. до н. э.²⁸, рис. 3, 26), Тлийском (компл. XI—X вв. до н. э.)²⁹ и Кугском (IX в. до н. э.)³⁰ могильниках. Эти кинжалы развиваются от исходных форм вместе с трансформацией типично кавказского оружия в акинаки скифского типа. По мнению А. И. Тереножкина скифские акинаки с прямым навершием и бабочковидным перекрестьем

¹⁹ Членова Н. Л. Указ. соч., с. 18—20.

²⁰ Куфтин Б. А. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 г. в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949, табл. IX, 1; Попов Г. Б. Дольмены станции Новослободской. М., 1963, с. 33, табл. XVII, 2.

²¹ Котович В. Г. О происхождении «кираринно-пятиугольных» или «киммерийских» биметаллических кинжалов и мечей. — В сб.: Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1978, с. 115.

²² Техов Б. В. К истории изучения памятников эпохи железа и бронзы в нижнем течении реки Большой Лиахви. Тбилиси, 1961, рис. 11.

²³ Членова Н. Л. Указ. соч., с. 19, 20.

²⁴ Schaeffer Cl. Op. cit., fig. 16, 1.

²⁵ Сидорова Н. А. Искусство эгейского мира. М., 1972, рис. 143, 164; Uenze O. Die frühbronze zeitlichen triangelaren vollgriffdolche. Berlin, 1938, s. 1, 5, 71—74.

taf. 27—62, 31—69, 39, 41—92; Schaeffer Cl. Op. cit., fig. 16, 1; Kovacs Tibor. The bronze age in Hungary. Budapest, 1977, pl. 17.

²⁶ Schaeffer Cl. Op. cit., fig. 265, 14; p. 48.

²⁷ Погребова М. Н. Урартские мечи Закавказья. — СА. 1967, № 2, с. 137—145, рис. 1: 3, 1—8.

²⁸ Абрамшвили Р. М. К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии. — ВГМГ, 1961, XXII—В, с. 378—379, табл. IX, 1.

²⁹ Техов Б. В. Очерки древней истории и археологии Юго-Осетии. Тбилиси, 1971, с. 153—154, 156, рис. 56, 1; он же. Центральный Кавказ в XVI—X вв. до н. э. М., 1977, с. 107, рис. 89, 6.

³⁰ Даудов О. М. Культура Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974, с. 64, табл. XVIII, 19.

(или почковидным) формируются на территории Сибири и Центральной Азии из типично карасукских кинжалов. Причем становление скифских акинаков он демонстрирует на примере удлинения грибовидных наверший бронзовых кинжалов и мечей из Южной Сибири³¹. Вопрос этот стал предметом пристального внимания археологов еще с начала 50-х годов. Так, Г. Ф. Гобеджишвили ставил вопрос о распространении скифских акинаков из Закавказья на север³². Его целиком поддержал Е. И. Крупнов: «В свете все увеличивающихся фактов и доказательств столь раннего, притом местного изготовления на Кавказе железного оружия (кинжалов с характерными для скифских акинаков рукоятками и с продольными углублениями на лезвийной части, топоров-секир, втульчатых наконечников копий, а также удила) возможность не только переноса в степные районы Скифии и Савроматии готовых форм, но и прямого импорта этих изделий с Кавказа исключаться не может³³. Н. Л. Членова, решая проблему генезиса Тагарского оружия, рассматривала кинжалы с сердцевидным (или почковидным) перекрестьем как варианты кинжалов с шипами (по нашей терминологии видками)³⁴. М. П. Абрамова довольно убедительно доказывает появление мечей и кинжалов с прямыми навершиями в раннекобанское время. Причем сю в качестве прототипа кинжала с прямым навершием и почковидным перекрестьем приводится кинжал Кумбултского могильника В. Рутхи³⁵. В. Г. Котович выводит их от кинжалов типа выявленных на Тлийском и Кобанском могильниках. Причем линию развития этих кинжалов от исходных форм он рисует через типов, выявленных на Кугском и Фаскау могильниках к типу кинжалов из Софиевки³⁶. Действительно в Тлийском могильнике в комплексе XIII—XII вв. до н. э. найден бронзовый кинжал с прямым навершием рукоятки и таким же основанием рикассо. Ствол рукоятки его украшен поперечными валиками или проволокой³⁷. У аналогичного бронзового вотивного кинжала из Кумбултского могильника, основание рукоятки имеет форму почковидного перекрестья³⁸. Оба эти кинжала близки типологически, следовательно и хронологически. Из Галиатского могильника Фаскау происходит два биметаллических кинжала (клинки железные, рукоятки — бронзовые) с почковидными или бабочковидными перекрестьями.

³¹ Теренсжкин А. И. Киммерийские мечи и кинжалы.— В сб.: Скифский мир. Киев, 1975, с. 30, рис. 22, 1—10.

³² Гобеджишвили Г. Ф. Памятники древнегрузинского горного дела и металлургии в окрестностях с. Геби.— Сообщения АН Груз. ССР, Тбилиси, 1952, т. XIII, № 3, с. 88.

³³ Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с. 326.

³⁴ Членова Н. Л. Указ. соч., с. 20—21.

³⁵ Абрамова М. П. Мечи и кинжалы Центральных районов Северного Кавказа сарматское время.— В сб.: Древности Восточной Европы. М., 1969, с. 9, рис. 1, 11.

³⁶ Котович В. Г. Указ. соч., с. 120, рис. 1, V, 1—6.

³⁷ Техов Б. В. Центральный Кавказ., с. 104, рис. 89, 4.

³⁸ Уварова П. С. Указ. соч., табл. XCIII, 19.

Навершие этих кинжалов не сохранились. Они отнесены Е. И. Крупным к переходному от эпохи бронзы к эпохе раннего железа времени³⁹. В погребении у Лермонтовского разъезда в окрестностях г. Пятигорска среди предметов новочеркасского типа найден железный акинак с почковидным или бабочковидным перекрестьем. Навершие у этого акинака также утеряно. А. И. Тереножкин вслед за А. А. Иссенем датирует погребение у Лермонтовского разъезда предскифским временем⁴⁰. Наиболее сохранившийся образец железного акинака с прямым навершием и почковидным перекрестьем выявлен нами на Хосрехском святилище. Типологически этот акинак близок к образцу из Лермонтовского разъезда. Следовательно, он должен быть сближен лермонтовскому и хронологически.

Таким образом, приведенные данные генетически связывают акинаки с прямым навершием и почковидным перекрестьем с кавказскими кинжалами XIII—XII вв. до н. э. Следовательно, ставить вопрос о зарождении этого типа акинака вне пределов Кавказа не правомочно. Более того, на Кавказе зародились кинжалы-акинаки с почковидным или бабочковидным перекрестьем и серповидным, а также антенновидным навершиями рукояток. Становление этого типа кинжала отчетливо прослеживается по линии от типа, характерного для Восточной Грузии (рис. 3, 36, 37)⁴¹ через образцы, выявленные в комплексах Кобанского (рис. 3, 40)⁴², Нестеровского (рис. 3, 41)⁴³ и разнообразных абхазских⁴⁴ могильников. Очевидно одно, — становление этой формы акинаков шло параллельно с акинаками с прямым навершием рукояток. Надо отметить, что серповидные навершия имели бронзовый кинжал с двухзильчатым основанием из Дивалонского могильника последних веков II тысячелетия до н. э. вблизи Ленкорани и биметаллический кинжал с многозильчатым основанием из «Закавказья» переходного от эпохи бронзы к эпохе раннего железа времени⁴⁵. Кинжалы и мечи с серповидными и антенными навершиями и короткими срезанными вилами основания встречаются на территории Западной Европы на памятниках последних веков II тысячелетия до н. э.⁴⁶ Близкие к кавказским формам кинжалы встречаются и на территории эгейского мира. Естественно

³⁹ Крупнов Е. И. Указ. соч., табл. XXX, 2, 3.

⁴⁰ Тереножкин А. И. Указ. соч., с. 27—28, рис. 21, 1.

⁴¹ Пицхелаури К. Н. Основные проблемы истории племен Восточной Грузии. Автореф. докт. дис. Тбилиси, 1972, рис. 142.

⁴² Уварова П. С. Указ. соч., табл. X, 2.

⁴³ Крупнов Е. И. Указ. соч., табл. LXII, 1, 2.

⁴⁴ Боронов Ю. Н. Вооружение древнеабхазских племен в VI—I вв. до н. э. — В сб.: Скифский мир. Киев, 1975, с. 222—224, рис. 5.7.

⁴⁵ Махмудов Ф. Р., Кесаманлы Г. П. Указ. соч., с. 47—56, табл. I, 5; Przeworski S. Die metallindustrie anatoliens in der zeit von 1500—700 vor chr. internationales Archiv für Ethnographie. Leyden, 1939, b. XXXVI, taf. XII, 1.

⁴⁶ Монгайт А. Л. Археология Западной Европы. Бронзовый и железный век. М. 1974, с. 73—75, рис. на с. 74.

появление столь близких форм двух элементных кинжалов и мечей на территории этих двух культурно-исторических регионов обусловлено культурно-историческими контактами⁴⁷.

На обширной территории ближневосточно-кавказского региона, начиная с середины XIV в. до н. э. по скифское время встречаются кинжалы и мечи с вильчатыми основаниями рукояток и их навершиями в виде повернутого концами вниз полумесяца. Из Талыша происходят бронзовые двухвильчатые кинжалы такого типа (рис. 3, 47)⁴⁸. По К. Шефферу один из них датируется 1350—1200 гг. до н. э.⁴⁹ В Алак-Хююке (Малая Азия) встречен близкий к талышским типам биметаллический кинжал. Только он более узкий и рукоятка не имеет выделенные плечики основания. Датируется он последней третью второго тысячелетия до н. э.⁵⁰ Из Куланурхвского могильника происходит бронзовый кинжал VIII в. до н. э. (рис. 3, 49). У него широкий клинок и вильчатое основание рукоятки, близкое к талышским⁵¹. Среди кобанских кинжалов встречаются образцы с укороченно-срезанными вилками основания рукоятки и арокным тазом между ними. Навершие его имеет форму круглого стержня с согнутыми вниз концами⁵². Среди луристанского оружия XII—X вв. до н. э. встречаются биметаллические кинжалы с многовильчатым основанием рукоятки и массивным навершием в виде полумесяца, обращенного концами вниз (рис. 3; 50)⁵³. В Марлике, Хурвине, Луристане (Северо-Западный Иран), Тел-Атане (Сирия) встречены образцы мечей и кинжалов с прямым основанием рукоятки; без перекрестья; с трапециевидным перекрестьем и основанием в виде четырехугольного паза между срезанными вилками. У последнего навершие зооморфное. Имеется кинжал с навершием в виде дуговидной пластинки⁵⁴. Два биметаллических кинжала, близких к луристанским образцам форм, встречены на территории Северного Кавказа, один — на Кум-

⁴⁷Захаров А. А. Кавказ, Малая Азия и Эгейский мир. Некоторые археологические параллели.— ТСА РАНИОН, Институт археологии и искусствознания. М., 1928, т. II, с. 33—45.

⁴⁸ Schaeffer Cl. Op. cit., p. 432; fig. 233, 2; Махмудов Ф. Р. Указ. соч., с. 66—76, табл. I, 7—11

⁴⁹ Schaeffer Cl. Op. cit., p. 432; fig. 233, 2.

⁵⁰ Idem., p. 297, fig. 180, a.

⁵¹ Воронов Ю. Н., Вознюк А. С. Новые археологические находки в Гудаутском районе Абхазской АССР.— СА. М., 1975, № 2, с. 270, рис. 2, 5.

⁵² Круинов Е. И. Указ. соч., рис. 21, 3.

⁵³ Moorey P. R. S. Catalogue of the Ancient Persian Bronzes in the Ashmolean Museum. Oxford, 1971, p. 75—77; Idem. Ancient Persian Bronzes in the Adam Collection. London, 1974, fig. 56; 14, 54, 55; см. там же литературу. Лукокин В. Археологические памятники Ирана второго-первого тысячелетий до н. э. и новые поступления в Отдел востока.— СГЭ, Л., 1977, XI.11, с. 46, 47.

⁵⁴ Hancar F. Op. cit., s. 78, abb. 26; Calmeyer P. Datierflare bronzen aus Luristan und kirmanshah. Berlin, 1969, ab. 1321; Moorey P. R. S. Ancient Persian bronzes in the Adam collection, fig. 15, 56; 14, 54, 55; Schaeffer Cl. Op. cit., p. 98, 99; fig. 95, 5; Лукокин В. Указ. соч., с. 46—51.

бултском могильнике, другой — в погребении VIII в. до н. э. Кубанского могильника Прикубанья⁵⁵. Талышские кинжалы по мнению К. Шеффера генетически восходят к древним образцам оружия, бытовавшим в Месопотамии в период первой династии Ура, Малой Азии, в Египте среднего Царства⁵⁶. Кинжалы с бабочковидными перекрестьями и навершиями в виде обращенного концом вниз полумесяца, встреченные на памятниках Абхазии скифского времени⁵⁷, представляют развитие кинжалов талышско-луристанско-Алак-Хююкского типов. Трансформация этих кинжалов в типы, встреченные на абхазских памятниках происходит параллельно и во взаимодействии с развитием кавказских кинжалов в акинаки с почковидными перекрестьями.

Из иранского Талыша происходят бронзовые и биметаллические кинжалы с перекрестьем в виде повернутого остриями вниз полумесяца — разновидность вильчатого основания и катушковидным навершием (рис. 3, 57). К. Шеффер датирует такой кинжал из Шагула-дере 1200—1100 гг. до н. э.⁵⁸ Кинжал, опубликованный Муреем более древнее. Кинжалы несколько иной формы основания рукоятки (с коротко срезанными вилками основания и арочным лезвием между ними) происходят из Тлийского могильника. Б. В. Техов датирует их XI в. до н. э.⁵⁹

В Талыше встречаются биметаллические кинжалы с катушковидными навершиями и в сочетании с рамочными основаниями рукояток (рис. 3, 58). К. Шеффер такие кинжалы из Шагула-дере и Ага-Эвлара датирует 1200—1100 гг. до н. э.⁶⁰

В Закавказье встречаются и разнообразные формы вильчатых кинжалов без наверший (рис. 3, 59, 60). Они явно сформировались при взаимодействии с очагами, производившими вильчатые кинжалы в процессе поиска оптимальной формы рубяще-колющего оружия.

Формирование и развитие кинжалов и мечей т. н. «кабардино-пятигорского» типа нельзя рассмотреть отдельно от проблемы генезиса предметов вооружения на Кавказе. Вопросам их происхождения, классификации и хронологии посвящено довольно много работ⁶¹. Поэтому

⁵⁵ Уварова П. С. Указ. соч., с. 227—228, табл. ХСVI, 4; Анфимов Н. В. Новый памятник древнеиранской культуры (могильник хут. Кубанский).— В сб.: Скифский мир. Киев, 1975, с. 40, рис. 2, 1.

⁵⁶ Schaeffer Cl. Op. cit., p. 432.

⁵⁷ Воронов Ю. Н. Указ. соч., с. 222—224, рис. 5, 8—12, 16, 18.

⁵⁸ Schaeffer Cl. Op. cit., p. 433, 434; fig. 232, 11; Moorey P. R. S. Ancient Persian..., fig. 15, 58.

⁵⁹ Техов Б. В. Центральный Кавказ..., с. 107—108, рис. 89, 8—10.

⁶⁰ Schaeffer Cl. Op. cit., p. 433, 437, 440; fig. 232, 1; 237, 16.

⁶¹ Крупнов Е. И. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 г.— УЗ КНИИ. Нальчик, 1950, вып. V, с. 263; он же. Древняя история..., с. 203; Тереножкин А. И. Среднее Поднепровье в начале железного века.— СА, 1957, № 2, с. 55 и сл.; он же. Предскифский период на днепровском Правобережье. Киев, 1961, с. 137—201; он же. Киммерийцы и Кавказ.— Тезисы докладов секционных и пленарных заседаний Всесоюзной научной сессии, посвященной итогам полевых археологических и этнографических исследований в 1970 г. Тбилиси, 1971, с. 34—38; он же. Киммерийцы.— Тру-

у нас нет необходимости касаться всех сторон этой проблемы. Отметим лишь взгляды о генезисе этих мечей и кинжалов с крестовидными рукоятками. Взгляды исследователей делятся на две основные группы: одни видят их прародину на Кавказе, другие — в степях Северного Причерноморья от исходных карасукских кинжалов Сибири. Н. Л. Членова возводит их к кинжалам из додинастического Египта через кинжалы из Соли. Причем прототипы кинжалов изучаемого типа формировались на территории Восточного Закавказья. В. Г. Котович, развив классификацию, разработанную предшественниками, рассматривает в качестве прототипов отдельных кинжалов типы образцов, представленных в Царцис-Гора, Луристане, а также образцы с вильчатым основанием рукоятки. Наша схема позволяет увидеть развитие разнообразных типов кинжалов и мечей с крестовидными перекрестьями от исходных форм, встреченных в додинастическом Египте и кинжалов, изготовленных под влиянием и во взаимодействии с традициями производства их, представленных в Сачхери-Новослободной⁶², кинжалов, встреченных в Чми, на памятниках Европы после XVI в. до н. э. и т. д.⁶³, а также луристанских кинжалов⁶⁴ (рис. 3, 1, 2, 3, 4, 25, 32—35). По этой схеме основание рукояток в виде вилок, охватывающих основание клинка или шипы удлиняются в ширину и превращаются в крестовину. Один из таких архаичных бронзовых кинжалов встречен в Луристане. Он имеет зооморфное навершие и крестовидное перекрестье (A survey of persian Art). Другой

ды VII МКЭН. М., 1970, т. 5, с. 296—301; *он же*. К истории изучения предскифского периода.— В кн.: Скифские древности. Киев, 1973, с. 7—19; *он же*. Киммерийские мечи и кинжалы.— В кн.: Скифский мир. Киев, 1975, с. 3—34; *он же*. Киммерийцы. Киев, 1976, с. 104—132; *Анфимов Н. В.* Кинжалы кабардино-пятигорского типа из Прикубанья.— В сб.: Новое в советской археологии. М., 1975, с. 197; *Халиков А. Х.* Железные кинжалы с бронзовыми рукоятками из Волго-Камья.— В сб.: Древности Восточной Европы. М., 1969, с. 275—281; *Членова Н. Л.* Хронология памятников Карасукской эпохи. М., 1972, с. 132—135; *она же*. О связях северо-западного Причерноморья и нижнего Дуная с востоком в киммерийскую эпоху.— В сб. ФСКС. София, 1975, с. 69—90; *Виноградов В. Б.* Кинжалы с «крестовидной рукоятью» на Северном Кавказе.— Тезисы докладов и сообщений III Крупновских чтений. Грозный, 1973, с. 9—11; *Козачкова В. И.* К вопросу о ранней дате некоторых кинжалов так называемого кабардино-пятигорского типа.— В кн.: ФСКС, София, 1975, с. 91—102; *Podbor-sky V.* Stramberska dyka s krezovym jilcem a otazka rozsireni, puvodu a datovani tech-

todyk v Evrope — Archeologicke rozhledy, XIX—1967, 2, Praha, p. 219—220; *Котович В. Г.* О времени и путях широкого распространения железа на Северном Кавказе.— Известия СКНЦ ВШ, № 3, с. 20—23; *он же*. О происхождении «кабардино-пятигорских» или «киммерийских» биметаллических кинжалов и мечей, с. 110—123.

⁶² *Куфтин Б. А.* Археологическая маршрутная экспедиция в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949, с. 72, табл. X, 1; *Попова Т. Б.* Дольмены станции Новослободной. М., 1963, с. 33, табл. XVII; *Кушнарева К. Х.*, *Чубинишвили Т. Н.* Древние культуры Южного Кавказа. Л., 1970, с. 126, рис. 42, 32, 33; *Членова Н. Л.* Карасукские кинжалы. М., 1976, с. 42, табл. 8, 19—23.

⁶³ *Увирова П. С.* Указ. соч., табл. VIII, 3, 4.

⁶⁴ *Членова Н. Л.* Указ. соч., с. 14—16; *Hencken H.* Tarquinia and the Etruscanorigines. London, 1968, p. 117.

встречен в комплексе 70 Сержень-юртовского могильника. В. И. Козенкова справедливо считает его ранним, но не первоначальным звеном развития кинжалов этого типа (Клинок у него типично кобанский). Датирует она этот комплекс концом IX—первой половиной VIII в. до н. э.⁶⁵ По нашей датировке этот комплекс относится к XII—X вв. до н. э.⁶⁶

Из всего сказанного очевидно:

1. Развитие разнообразных типов двухэлементных кинжалов и мечей происходит на обширной территории Евразии (на Ближнем Востоке, Кавказе, Западной и Восточной Европе, в Азии) в тесном взаимодействии, друг с другом.

2. На кинжалах навершия и перекрестья встречаются в самых разных сочетаниях.

3. На территории этно-культурных регионов воспринимаются отдельные элементы и детали, а также технико-технологические приемы производства оружия передовых очагов культуры.

На фоне этих выводов можно обосновать вывод и о развитии кинжалов и мечей с двураструбными навершиями. Их в настоящее время довольно много. Они по характеру наверший делятся на две большие группы: I. Собственно двураструбные (по терминологии Б. А. Куфтина) или седловидные (по терминологии Ф. Р. Махмудова) (рис. 3, 15—19). Они представлены типами: с *двухвильчатым* (1 тип) и *многовильчатым* (2 тип) основанием рукоятки; II. Мечи с навершием рукояток в виде симметрично срезанного с двух сторон гриба. Они все имеют двухвильчатые основания рукояток (рис. 3, 20—22).

Эти мечи иногда имеют на стволах рукояток симметричные срезы, видимо, заполнявшие в древности инкрустацией. Чаше стволы рукояток круглые с поперечным геометрическим орнаментом. Навершия широкой стороной развернуты к острию клинка. Если мечей и кинжалов первой группы около 40, то второй группы — всего 7. Один из них происходит с территории северо-западного Ирана, по-два из Шиловара и Дивалона⁶⁷, по-одному — из Апшеронского полуострова и Мугерганского могильника.

В первой группе у обоих типов кинжалов имеются бронзовые и биметаллические изделия.

Меч из эчмиадзинского музея (1 тип I группы) целиком сделан из бронзы. С. А. Есаян датирует его XIII—XII вв. до н. э.⁶⁸ В грунтовой

⁶⁵ Козенкова В. И. Указ. соч., с. 98; *ее же*. Вопросы хронологии восточного варианта кобанской культуры в свете новых раскопок в Чечено-Ингушетии. — В кн.: Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1977, с. 70—84.

⁶⁶ Котович В. Г., Давудов О. М. Опыт уточнения хронологии некоторых памятников поздней бронзы—раннего железа на Северо-Востоном Кавказе. — СА, 1980, № 4 с. 38—54.

⁶⁷ Приношу Ф. Р. Махмудову благодарность за сведения о неопубликованных мечах и кинжалах, а также ценные советы.

⁶⁸ Есаян С. А. Указ. соч., с. 82, табл. XIV, 3.

могиле около школы сел. Куши вместе с длинночерешковыми бронзовыми наконечниками стрел (один относится к варианту с ромбическим концом и полукруглыми выемками, восемь — ко второму варианту с осевым ребром, достигающим вершины — по Б. А. Куфтину) найден железный кинжал с двуструбным навершием и двухвильчатым основанием бронзовой рукоятки⁶⁹. Эти наконечники стрел датируются концом II—началом I тысячелетий до н. э.⁷⁰ Аналогичный кушинскому кинжал выявлен в комплексе VII в. до н. э. в с. Мхарт Борчалинского района Грузинской ССР вместе с бронзовыми браслетами с змеевидными разомкнутыми концами, керамической чашей и железным кинжалом⁷¹. Кинжал из Шагула-дере с орнаментированным стволом рукоятки бронзовой рукоятки с двуструбным навершием и основанием рукоятки в виде срезанных вилок К. Шеффер датирует 1200—1000 гг. до н. э.⁷²

В целом у исследователей хронологический диапазон этих мечей и кинжалов колеблется в пределах XIII—VII вв. до н. э. Что касается верхней даты, то ее достоверность не вызывает сомнений.

К этой же группе (I гр. и 2 тип) с четырехвильчатым основанием рукоятки относится бронзовый меч из Караклиса. Вместе с ним были встречены бронзовый топор-тесло, наконечники стрел и навершие древка⁷³. Этот комплекс М. Н. Погребова относит к началу I тысячелетия до н. э., подчеркнув при этом его архаичный характер. Если учесть, что такие мечи характерны для погребений знати, а знать в первую очередь должна была обладать стратегически важным металлом для производства оружия (железом) и оружием из этого металла, то открывается возможность связать погребение из Караклиса с вопросом об освоении железа в Грузии. По Р. М. Абрамишвили, эпоха раннего железа в Шида-Картли и Квемо Картли начинается со второй половины XII в. до н. э.⁷⁴, по К. Н. Пицхелаури в Шида Картли и Иоро-Алазанском бассейне — с 1100 г. до н. э.⁷⁵ Наиболее древний железный кинжал, подвергнутый термической обработке и цементации происходил из Бешташинского могильника и датируется XIV в. до н. э. Концом XIII и первой половиной XII вв. до н. э. датируется клад с железными предметами из Верхней Картли⁷⁶. Иначе, в XIV—XII (XI) вв. до н. э. на территории Грузии идет процесс освоения и первоначального распространения

⁶⁹ Куфтин Б. А. Археологические раскопки в Триалети, с. 56, 64, рис. 52, 4, 5, табл. XXXVII.

⁷⁰ Есаян С. А. Указ. соч., с. 47, 48.

⁷¹ Куфтин Б. А. Указ. соч., с. 64, рис. 62.

⁷² Schaeffer Cl. Op. cit., p. 437, 438, 478; fig. 232, 12.

⁷³ Погребова М. Н. Иран и Закавказье..., с. 54; Ternbach J. Technical Aspects of the Herzfeld bent Iron Dagger of Luristan.— Dark Ages and Nomads 1000 b. c. Istanbul, 1964, p. 49.

⁷⁴ Абрамишвили Р. М. К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии (XIV—VI вв. до н. э.) — ВГМГ, Тбилиси, 1961, т. XXII-B, с. 378.

⁷⁵ Пицхелаури К. Н. Указ. соч., с. 86—118, рис. 212—286.

⁷⁶ Абрамишвили Р. М. Указ. соч., с. 377, табл. I, 1, 2; II, 1.

железа. Очевидно, в пределах этого времени, до наступления эпохи широкого распространения железа (XII—XI вв. до н. э.) следует датировать комплекс из Караклиса. К тому же меч из Алигриха (Севанское озеро), который М. Н. Погребова датирует I тысячелетием до н. э. биметаллический: имеет железный клинок и бронзовую рукоятку с четырехвильчатым основанием⁷⁷.

Мечи и кинжалы второй группы представлены шестью экземплярами. Все они биметаллические. Лишь один мугерганский происходит из надежно датированного второй половиной VII в. до н. э. комплекса. Остальные внекомплексные.

Меч из Агдаш-дюзи, выявленный в богатом комплексе X—IX вв. до н. э. в Мардакяне (Азербайджанская ССР) по характеру навершия занимает в классификационном ряду промежуточное положение между мечами первой и второй групп. Основание у его бронзовой рукоятки четырехвильчатое, клинок железный⁷⁸.

К двураструбным мечам и кинжалам близок по характеру навершия бронзовый кинжал из Чила-Хане. Его рукоятка, как и рукоятки большинства двураструбных мечей инкрустировалась деревом или костью. К. Шеффер датирует его второй половиной II тысячелетия до н. э. (1450—1350 гг. до н. э.)⁷⁹. Кинжалы, с т. н. «налитыми» ручками, довольно широко встречающиеся в Северном Иране, имеют навершия, аналогичные Чила-ханским. Основания рукояток у них одинаковые. Отличает их только то, что у североиранских рукоятки отлиты из бронзы, а у чила-ханского такую же форму рукоятки обретают путем инкрустации пластинчатой основы. В целом, представляется возможным типологически сблизить эти кинжалы. Североиранские кинжалы с налитыми рукоятками, встреченные в Марлике, Решта, Лихийян, датируются XII—XI вв. до н. э.⁸⁰ Следовательно, их происхождение возможно связать с кинжалом типа выявленного в Чила-хане⁸¹. В более позднее время аналогичные кинжалы встречены на Мингечаурском могильнике⁸².

Таким образом, кинжалы из Чила-хане, Решта и Мингечаура образуют особую типологическую группу, хронологически охватывающую

⁷⁷ Погребова М. Н. Некоторые формы закавказского оружия..., с. 25.

⁷⁸ Прииошу Г. М. Асланову благодарность за ознакомление меня с неопубликованным комплексом его раскопок.

⁷⁹ Schaeffer Cl. Op. cit., p. 415; fig. 223.

⁸⁰ Maxwell-Hyslop R. Bronzes from Iran in the collection of the Institute of Archaeology, University of London.—Iraq, 1962, XXIV, pt. 2; Birmingham J. and Kennon N. F., Malin A. S. A «Luristan» Dagger: an Examinations of Ancient Metallurgical Techniques.—Iraq, 1964, XXXVI, pt. 1; Moorey P. R. S. Op. cit., fig. 14, 55, 54.

⁸¹ Maxwell-Hyslop R., Hodges M. M. A Note on the Significance of the Technique of «Casting on» as applied to a Group of Daggers from N.-W. Persia.—Iraq, 1964, v. 25, pt. 1—2, p. 52—53.

⁸² Асланов Г. М., Ваидов Р. М., Ионе Г. И. Древний Мингечаур. Баку, 1959, табл. XIII, 7, с. 78.

время от второй половины II тысячелетия до начальных веков первого тысячелетия до н. э. Они занимают в нашей классификационной таблице промежуточное положение между кинжалами Кавказа с двуструбными навершиями и вильчатыми основаниями рукояток и луристанскими мечами и кинжалами с веерообразными навершиями рукояток. Эти последние К. Шеффер датирует 1250—1100 гг. до н. э. Среди луристанского оружия имеются и кинжалы с грибовидными навершиями и «вильчатым» основанием рукояток⁸³.

Близость оформления «налитых» рукояток, форма наверший и традиция широкого применения инкрустации костью и деревом сближают кинжалы и мечи Кавказа с двуструбными навершиями и кинжалы чилаханского типа с луристанскими. Производство столь близких форм оружия в сопредельных очагах не мыслимо без тесного историко-культурного контакта и взаимодействия. И здесь отрицать их взаимовлияние невозможно. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы свидетельствуют, что наиболее древние навершия, близкие к двуструбным, отмечены на кинжале из Чила-хане. Двухвильчатое же основание рукояток характерно для оружия кавказско-ближневосточного района с глубокой древности и генетически восходит к кинжалам из додинастического Египта. В сочетании с двух- и многовильчатыми основаниями двуструбные навершия на Кавказе появляются не ранее XIII в. до н. э. Появление многовильчатых оснований рукояток кинжалов на Кавказе по времени совпадает с походами «народов моря». Наиболее архаичные многовильчатые основания характерны для рукояток кинжалов эгейского мира и Малой Азии, но в сочетании с грибовидными навершиями.

Что касается, производственного центра двуструбных кинжалов, то, видимо, прав Ф. Р. Махмудов, локализующий его в низменной зоне Ленкорана и Мугана. Именно отсюда происходит их наибольшее количество, хотя систематические работы здесь не произведены.

По приведенным данным очевидна широкая культурно-историческая связь разл. племен и народностей Передней Азии, Кавказа, Средиземноморья и Европы, вырабатывавших свои формы материальной культуры при тесном взаимодействии и культурных контактах.

⁸³ Schaeffer Cl. Op. cit., p. 478, 486; fig. 265. 14, 18. 19.

О ПРОЦЕССЕ УРБАНИЗАЦИИ В ДРЕВНЕМ ДАГЕСТАНЕ¹

Одним из важнейших достижений дагестанской археологии последнего времени является, по нашему мнению, доказательство того, что коренное население Дагестана с глубокой древности было оседло-земледельческим. Весь накопленный к настоящему времени археологический материал неоспоримо свидетельствует, что переход к новой производящей экономике, основу которой составляли земледелие и скотоводство, произошел здесь уже во второй половине неолитической эпохи, т. е. в VI—нач. V тыс. до н. э. С тех пор оседлое земледельческо-скотоводческое хозяйство существовало здесь, развиваясь, в продолжение энеолита, эпохи бронзы и раннего железа, албанского и средневекового периодов. Как показывают исследования дагестанских этнографов и историков, сложившиеся на протяжении древности и средневековья разные варианты единой хозяйственной системы дожили в Дагестане до этнографической современности, то есть до XIX и даже начала XX столетий. Таким образом, на протяжении по крайней мере семи последовательно сменявших друг друга тысячелетий коренное население края вело оседлый образ жизни, основу которого составляли земледелие и скотоводство.

Наряду с ними и тоже с весьма глубокой древности здесь развиваются другие производства и промыслы: ткачество, гончарство, строительное дело, металлургия и металлообработка и многие другие. Все они в процессе исторического развития становились сначала специализированными, а затем и ремесленными производствами, игравшими немалую роль в экономической жизни края.

Разумеется, в продолжение столь значительного хронологического отрезка многократно имели место и инфильтрации более или менее значительных масс иноэтнического населения на территорию Дагестана,

¹ Доклад, прочитанный на теоретическом семинаре Института ИЯЛ Даг. ФАН СССР 17 января 1979 г.

и демографические перемещения отдельных групп коренного населения края и другие, подобного рода явления и факты, вызывавшиеся политическими, природно-климатическими и иными причинами. Некоторые из них фиксируются в доступных нам археологических материалах, но чаще мы можем лишь догадываться о подобных «катаклизмах» по нарушениям процесса эволюционного развития материальной культуры или ее отдельных компонентов в тот или иной период. Все эти процессы отражались на этнокультурном развитии местного населения, на отдельных или даже многих сферах его материального производства, порою даже изменяли их. Но одно оставалось устойчивым: земледельческо-скотоводческое хозяйство всякий раз преодолевало неизбежные в таких случаях спады и вновь занимало ведущее положение в экономической жизни края.

Из всего сказанного следует, что процесс исторического, в первую очередь, социально-экономического развития оседлоземледельческого населения Дагестана в продолжение указанных эпох должен был определяться и, как показывают имеющиеся археологические данные, действительно определялся теми же основными закономерностями, что и у земледельческого населения оседлых областей Кавказа и сопредельных стран.

Как установлено на множестве конкретных примеров советскими и зарубежными специалистами, одним из наиболее характерных и ярких проявлений этих общих закономерностей является постепенное превращение земледельческих поселков в качественно новые типы поселений, которые принято называть городами. Столь же хорошо известно, что процесс этот являлся одним из конкретных проявлений процесса классообразования, а потому он протекал неравномерно: более быстро в областях с ирригационным земледелием и значительно медленнее в условиях неорошаемого земледелия. Немаловажное воздействие на течение данного процесса оказывали и другие факторы, в том числе и сугубо локальные. Поэтому в каждом отдельном случае в течении процесса урбанизации находят себе отражение как общие для всего древнеземледельческого мира закономерности, так и специфически местные особенности. И нам предстоит выяснить, проявилась ли упомянутая закономерность на примере оседлоземледельческих поселений Дагестана и, если она действительно проявилась, то в какие исторические сроки и в каких формах.

Основными материалами для наших разысканий служат накопленные к настоящему времени данные о древних и средневековых бытовых памятниках Дагестана, особенно — укрепленных, то есть городищах. Остатки таких городищ — Махачкалинского, Белиджиинского, Армен-Калинского были впервые выявлены здесь еще в 20-х гг. нашего столетия А. С. Башкировым. Однако свидетельства об относительно широком распространении в Дагестане подобного рода укрепленных бытовых памятников были получены лишь на протяжении последних 25 лет

в результате плодотворных исследований археологических отрядов и экспедиций Института истории, языка и литературы Дагффилиала АН СССР. Надо сказать, что уже в самом начале этих работ при обследовании городища Новая Надежда в 1951 г. и раскопках Бавтугайского городища в 1955—57 гг. были получены первые данные о многослойном характере этих памятников, функционировавших с конца железного века в продолжение албанского и раннесредневекового периодов; в 1957 г. при обследовании Белиджинского городища были собраны образцы керамики раннебронзовой и раннежелезной эпох, албанского и раннесредневекового периодов. Однако, все эти факты, свидетельствовавшие о весьма продолжительном обживании и развитии названных памятников, не получили в те годы должной оценки. То же самое следует сказать и в отношении ярких результатов раскопок 1956—58 гг. на Нижнесигитлинском и Верхнечирюртовском городищах, которые были выявлены великолепные остатки крепостных сооружений, носившие характерные признаки именно развитой городской фортификации.

Лишь после раскопок на Урцекском (1960—64 гг.) и Аркаском (1963—67 гг.) городищах, которые также функционировали весьма продолжительное время, был впервые поставлен вопрос о существовании в Дагестане древних городов как особой исторической категории, сложившейся в ходе социально-экономического развития местного общества на протяжении эпохи раннего железа и албанского периода, а затем вошедшей в раннесредневековую эпоху. Но эти оценки высказывались лишь применительно к конкретным памятникам; сначала — Урцекскому и Аркаскому городищам, позднее — к Андрейаульскому, Верхнечирюртовскому и Таргунскому и лишь с течением времени все эти факты стали осмысливаться как звенья единого процесса.

В 1964 г. было проведено широкое разведочное обследование ряда равнинных, предгорных и горных районов Дагестана, в результате чего было выявлено или вновь обследовано около 50 многослойных, но в основном, малых городищ. С тех пор разведывательные работы наших экспедиций не прекращаются, а число выявляемых ими подобного рода памятников все более возрастает. К настоящему времени здесь известно уже не менее 100 укрепленных городищ, из которых около 30 расположено во внутреннем, горном Дагестане. Последние также характеризуются многослойной стратиграфией, свидетельствующей об их бытовании в албанский и раннесредневековый периоды, а в отдельных случаях, как, например, Верхнелабкомахинское городище, еще и в эпохи раннего железа, ранней бронзы и даже энеолита.

Здесь нет необходимости подробно останавливаться на каждом из этих памятников, тем более, что в преобладающем большинстве своем они подвергались лишь самому предварительному обследованию, сопровождавшемуся сбором подъемного материала. Отмечу, что на равнине они встречены на Терско-Сулакской и Присамурской низменности,

в предгорьях на территории Новокулинского, Хасавюртовского, Кизил-юртовского, Буйнакского, Ленинского, Сергокалинского, Каякентского, Кайтагского, Дербентского, Табасаранского, Хивского, Касумкентского и Магарамкентского районов, в горах — в Левашинском, Акушинском, Дахадаевском, Гунибском, Советском и Гумбетовском районах. Раскопанные памятники количественно немногочисленны, да и сами результаты раскопок пока еще довольно фрагментарны, чтобы по ним судить о динамике исторического развития каждого из них в отдельности. Как известно, для получения таких сведений раскопки бытовых памятников проводятся десятилетиями, нередко — многими. Но и имеющиеся данные все же дают некоторое представление о характере располагавшихся в этих местах в древности бытовых объектов, а также стратифицированные колонки археологического, главным образом, керамического материала, с которыми затем соотносится подъемный материал с нераскопанных памятников. На основе этих данных мы и попытаемся наметить последовательные этапы процесса урбанизации Дагестана в древности.

Но прежде кратко остановимся на том, какое содержание вкладывается в понятие «древний город». Как известно, между специалистами нет единства в этом вопросе, многие историки и среди них такие авторитетные, как, например, чл.-корр. АН СССР Н. В. Пигулевская, полагают, что «основное и главное отличие города от селения — это его стены. Город огорожен, он составляет как бы особое замкнутое пространство, в которое можно проникнуть лишь через ворота... Город оберегают стена и ров, он как бы возвышается над определенным пространством, областью, которая к нему тянется и которая является его кормилицей».

Однако археологам такое определение кажется недостаточным. Они справедливо указывают на появление огражденных оборонительными стенами земледельческих поселков уже в весьма глубокой древности и связывают это явление со сплошным освоением территорий, пригодных для практикуемых способов ведения земледельческо-скотоводческого хозяйства, что переводит потенциальную враждебность первобытных племен на уровень вооруженных столкновений, порою — регулярных. Яркие примеры подобной ситуации, известные во многих пунктах раннеземледельческой ойкумены, дает и Горный Дагестан. Здесь выявлена древнейшая на Кавказе оборонительная стена из камня на Гинчинском энеолитическом поселении, — первое свидетельство междоусобиц среди земледельческого населения горного края, чрезвычайно бедного пригодными для пашни участками. И несмотря на то, что в поисках таких земель древними горцами уже в III тыс. до н. э. были освоены высокогорные плато с отметками 1800—2000 и более метров над уровнем моря, все выявленные здесь земледельческие поселения — Галгалатли, Усиша, Кули, Ингердах и др. — носят естественно укрепленный характер, а некоторые, как например, Верхнегунибское посе-

ление — были укреплены еще и каменной оборонительной стеной. Однако, все эти памятники, разумеется, нельзя считать городами.

Не может быть приложимо к дагестанским памятникам, равно как и к памятникам других областей Кавказа и некоторых сопредельных территорий определение города, выработанное многими зарубежными и отечественными специалистами на примерах древних городов Передней и Средней Азии и окончательно сформулированное недавно В. М. Массоном, который, считает, что город должен иметь население более 5000 человек, монументальную архитектуру, светскую или религиозную, центры ремесленных производств¹. В данном случае явно не соответствует нашей действительности первое условие — население более 5000 человек. По подсчетам для средневековых городов Средней Азии средняя плотность населения на 1 га городской площади колебалась в довольно широких пределах от 125 до 250—300 человек. Следовательно, городами могли считаться населенные пункты с площадью от 15—16 до 40 и более га, в зависимости от характера застройки. Но в Предкавказье и Северном Причерноморье известны города, занимавшие значительно меньшую площадь и, следовательно, имевшие население заведомо меньше, чем 5 тысяч человек.

Ярким подтверждением сказанному может служить Танаис, остатки которого — Недвиговское городище — занимает площадь всего немногим более 4 га, и в силу этого, имевшим очевидно сравнительно немногочисленное население. Но вряд ли найдется специалист, который на одном только этом основании подвергнет сомнению, что Танаис действительно был городом в прямом и полном смысле этого слова, имевшим на протяжении почти 700 лет важное торгово-экономическое значение в весьма обширном регионе². Небольшими размерами городской территории, колебавшимися от 5 до 2,5 га, отличались боспорские города Мирмекий, Китей, Тиритака, Гераклит, Илурат. Количество подобных фактов можно было бы умножить³. Все они показывают, что выработанное на передне-среднеазиатских материалах представление о количественных параметрах древнего города, не может быть механически перенесено на античные города Северного Причерноморья и во многом сходные с ними древние города Закавказья.

Наиболее приемлемым для нашего региона представляется определение города, сформулированное на примере античных городов Грузии А. М. Апакидзе. Согласно ему город состоял из трех частей:

1) собственно города, то есть населенного пункта с цитаделью — резиденцией местного правителя, общественными зданиями, а также жилыми и торгово-ремесленными кварталами,

¹ Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976, с. 144

² Шелов Д. Б. Экономическая жизнь Танаиса.— В сб.: Античный город. М., 1963. с. 115—131.

³ Кругликова И. Т. Города Боспора в III в. н. э.; Там же, с. 72.

2) системы оборонительных сооружений и

3) сельскохозяйственной территории, составляющей экономическую основу городов, базировавшихся на земледелии⁴. Как видим, в этом определении при отсутствии количественных критериев, отмечены все главные качественные признаки, отличающие древний город от поселения, в том числе и те, на которые обращено внимание в предыдущей формуле.

Древнейшим из известных ныне в Дагестане памятников, которому уже присуща большая часть признаков древнего города, следует признать городище Шах-Сенгер, расположенное неподалеку от сел. Баш-Дикент и относящееся к предскифскому периоду, то есть к началу I тысячелетия до н. э. В топографии этого памятника обращает внимание наличие таких важных структурных элементов как цитадель и оборонительные сооружения. Его общая площадь достигала 11—12 га. Но ее большая часть служила сельскохозяйственной территорией, прежде всего — пашней, поскольку здесь во множестве встречены искусственные террасы. Площадь собственно населенного пункта составляла не более 1,5—2 га. В пределах территории городища находилось также 2 могильных поля с захоронениями в каменных ящиках и гробницах. Над территорией городища доминировала небольшая, площадью около 0,1 га, сильно укрепленная цитадель. Весьма развитый облик имели оборонительные сооружения в виде вала со рвом, полностью окружавшие всю территорию городища. По их периметру на расстоянии от 40 до 65 м друг от друга располагались башенные выступы. На раскопанных участках по верху вала прослежены остатки деревянного тына. Общая протяженность сохранившихся участков оборонительных сооружений достигает 1570 м. Наибольшую мощность они достигали вокруг трехбашенной цитадели, которая вследствие своих малых размеров вряд ли могла служить убежищем для всего населения данного памятника. Поэтому более вероятно видеть в ней резиденцию местных правителей, — носителей уже наследованной, а не выборной власти и, тем самым, свидетельство далеко зашедшей социальной дифференциации местного общества.

Таким образом, городище Шах-Сенгер характеризуется наличием главных структурных элементов древнего города — населенного пункта с цитаделью, сельскохозяйственной территории и регулярной фортификации. И все же по отсутствию монументальных общественных зданий, а главное — ремесленных центров, оно не может быть признано остатками города. Из отраслей ремесленного производства для той эпохи документируется только металлургия и металлообработка, представленная как бронзолитейным, так и железоделательными производствами. Однако мастера-бронзолитейщики и кузнецы в ту пору

⁴ Анакидзе А. М. Результаты археологического изучения античных городов Грузии. — В сб.: Античный город. М., 1963, с. 151.

вероятно еще не выделились из членов общины, а их продукция в основном удовлетворяла потребности и спрос членов «своей» общины.

Из этого следует, что раннее формирование трехэлементной структуры памятников, подобных Шахсенгерскому городищу, было обусловлено исключительно социально-экономической природой самого земледельческого общества. Поэтому появление памятников с подобной структурой следует считать закономерным этапом развития земледельческих поселений и, вероятно, начальным этапом формирования древних городов. Представляется возможным видеть в них памятники протогородского типа.

О дальнейшем развитии подобного рода памятников свидетельствуют данные, относящиеся уже к последующему скифскому периоду VII—IV вв. до н. э. На Урцекском городище к этому времени относится древнейшая — циклопическая — стена вокруг цитадели. Остатки крепостной стены были обнаружены и на прилегающей к ней части городища, где они оказались частично перекрытыми напластованиями зольника, где наряду с древней керамикой встречены наконечники стрел VI—V вв. до н. э. Вблизи цитадели обнаружены остатки монументальной каменной постройки типа святилища, где встречены керамика позднескифского периода.

Остатки каменной крепостной стены скифского времени выявлены вблизи цитадели и в верхней части территории городища Таргу. А на самой цитадели обнаружены остатки монументальных каменных построек, относящихся к V—IV вв. до н. э. Остатки каменной фортификации зафиксированы в слоях скифского времени гор. Дербента и на Верхне-лабкомахинском городище в Левашинском районе. Мощные культурные напластования раннежелезного века выявлены на цитадели Бавтугайского городища на р. Сулак. Наконец, в горах над сел. Аркас, на высоте свыше 2000 м над уровнем моря в урочище Накха-меэр располагались остатки городища раннежелезного века, защищенного насыпным валом с отдельными башнями; им сопутствовали столь же необычные для горного Дагестана остатки турлучных построек. А в глубине горного Дагестана, вблизи сел. Тидиб Советского района выявлены остатки бытового памятника раннежелезного века с каменной архитектурой. Как видим, выявленный к настоящему времени ареал подобных городищ охватывает значительную часть территории Дагестана.

Судя по имеющимся археологическим материалам, основу хозяйства населения, оставившего все эти памятники, составляли земледелие и скотоводство. Наряду с ними активно развивается металлообработка, приобретает характер ремесленного производства и гончарство. Именно тогда окончательно исчезают традиции керамического производства, восходящие еще к III тыс. до н. э. — к раннебронзовой эпохе и устойчиво сохранявшиеся на протяжении II — начала I тыс. до н. э., когда изготовление посуды носило характер домашнего производства. С VII—VI вв. до н. э., а особенно в V—IV вв. до н. э. на смену небогатому набору

посуды, насчитывавшему всего несколько простых типов горшков и мисок приходит значительно более богатый и разнообразный ассортимент посуды, как бытовой, главным образом кухонной и тарной, так и парадной или столовой. Получают широкое распространение кувшины с цилиндрическим горлом и простым или многолепестковым сливом. Последние, повторяющие форму греческой энохории, появились в Дагестане даже раньше, чем в Закавказье. Технология изготовления парадных сосудов во многом повторяет закавказскую. А некоторые типы таких сосудов, изготовленные из коричневато-бурой глины и покрытые черным ангобом, явно воспроизводят технологию и форму подобных же античных сосудов.

Однако нами пока не выявлен в Дагестане ни один сколько-нибудь значительный центр гончарного производства раннежелезного века.

Все это, естественно затрудняет оценки уровня его действительно развития.

В целом, основываясь на имеющихся материалах, мы можем заключить, что в раннежелезном или скифском периоде был сделан новый шаг в развитии укрепленных бытовых памятников протогородского типа. Однако, в некоторых из этих, аграрных, по своей социально-экономической природе памятников уже в тот период более активное развитие приобретают отдельные отрасли ремесленного производства: металлообработка, гончарство, заметно возрастает значение фортификационного строительства. Все это позволяет ставить вопрос о том, что некоторые из дагестанских памятников раннежелезного века можно будет со временем рассматривать как «формирующиеся городские центры».

Коренные изменения, огромный скачок — в урбанизации Дагестана произошел в последующий — албанский период (III—II вв. до н. э.— III—IV вв. н. э.).

Как известно, начиная с эллинистического периода Закавказье активно включилось в мировую торговлю своего времени, что вызвало бурный рост городов и городской культуры в Армении, Иберии, Колхиде и, как проясняется новейшими исследованиями, в Кавказской Албании. Последнее с равной степенью вероятности может быть отнесено как к Северному Азербайджану, так и к Дагестану, поскольку Дагестан, а может быть и другие части Северо-Восточного Кавказа, оказался в конце I тыс. до н. э. втянутым в мировую торговлю своего времени.

Об этом свидетельствует сообщение Страбона о существовании транзитного пути международной караванной торговли между аорсами и Вавилоном и Индией через посредство мидян и армян⁵, а также нумизматические находки из Южного Дагестана, с Терека и из Ставрополя⁶.

⁵ Страбон. География. Кн. XI, 5, 8.

⁶ Пахомов Е. А. Монетные клады Азербайджана (вып. I). — В сб.: Труды общества обследования и изучения Азербайджана. Вып. 3, Баку, 1926, с. 17.

Археологические данные позволяют конкретизировать наши представления о трассе дагестанского отрезка этого транскавказского пути, который мы называем Прикаспийским.

На юге он начался от Белиджинского городища Топрах-кала, на месте которого до сооружения здесь сасанидами огромного (1×1 км) города-крепости из глинобита и сырцового кирпича существовало крупное городище местной культуры, отождествляемое многими исследователями с упомянутым Птолемеем городом Албана⁷. В этом месте от Прикаспийского пути отходили в глубь гор по долинам Самура, Гюльгеры-чая и Рубаса важные местные коммуникации. Затем шел Дербент, на месте которого, как теперь проясняется археологическими исследованиями, также располагалось крупное досасанидское городище с местной культурой. На приморской равнине между Дербентом и нынешней Махачкалой не известно ни одного бытового памятника албанского и раннесредневекового времени. Такого рода памятники располагались либо по кромке предгорий — на передовых хребтах, либо — за ними: в долинах или в глубине предгорий. Все естественные проходы со стороны равнины контролировались либо крепостями, либо укрепленными поселениями, функционировавшими, судя по собранному на них керамическому материалу, и в албанский и в раннесредневековый периоды. С учетом этих данных можно полагать, что приморская равнина в средней части Дагестана не обживалась постоянно, хотя по-видимому, и использовалась местным (и, очевидно, пришлым) населением в хозяйственных целях.

В силу указанных причин трасса Прикаспийского пути проходила здесь не по казалась бы более доступной и удобной равнине, а по предгорьям, поскольку именно в заселенных и защищенных предгорьях существовала реальная гарантия безопасности передвижения и остановок транзитных караванов, ведения перевалочной торговли. Здесь же, на протяжении около 70 км прослежены участки трассы этого пути в виде оплывшей канавообразной колеи, нередко огороженной по краям каменными стенками. Отрезки ее протяженностью от нескольких десятков метров, порою до 2—3 км прослежены от района нынешнего с. Маджалис через городища Таргу и Урцеки, севернее которого она выходила из глубины предгорий и шла вдоль их передовых хребтов. По этой трассе, на расстоянии одного дневного перехода друг от друга располагались крупные раннесредневековые городища — Таргу, Урцеки, Махачкалинское, Верхнечирюртовское, Андрейаульское. Почти все эти памятники многослойные и обладают достаточно мощными культурными напластованиями не только раннесредневекового, но и албанского периода. Однако добраться до них сквозь толщи более поздних отложений весьма трудно. Поэтому наши представления о величине, планировке и иных особенностях существовавших на этих местах в албанское

⁷ Исаков М. Исчезнувший город в Дагестане. ИЖ, 1941. № 6, с. 156—157.

время населенных пунктов, весьма скудны и фрагментарны. И тем не менее они представляют известный интерес для наших разысканий.

Так, на городище Таргу стратиграфическими разрезами установлен факт обживания в первые века н. э. верхней, средней и южной стороны нижней части городской территории. При этом значительный участок территории в средней части городища, интенсивно обживавшийся в албанский период, оказался даже заброшенным в раннем средневековье, причем на нем был устроен катакомбный могильник. Археологически документируется возведение в этот период значительного отрезка раскопанных крепостных стен, окружавших цитадель и верхнюю часть городища. Наконец, на самой цитадели раскопками последних лет раскрыты остатки монументальной каменной постройки с портиком и колоннадой, от которой сохранились три пары каннелированных известняковых баз. Это — первые в Дагестане и на Северном Кавказе свидетельства существования дворцовой или, что более вероятно, храмовой архитектуры в албанский период.

На Урцекском городище интенсивно обживалась в первые века н. э. цитадель и прилегающая к ней верхняя часть городища. Обе они уже в ту пору были полностью обведены крепостными стенами. Есть основания предполагать обживание и нижних частей городской территории к востоку и югу от цитадели, где во множестве встречается светло- и красноангобированная керамика, при крайне малом количестве находок раннесредневековой керамики.

И на Таргунском и на Урцекском городищах интенсивно развивалось строительное дело, металлообработка, гончарство и другие отрасли ремесла. С рубежа н. э. до периода гуннских завоеваний (конец IV—нач. V в.) дважды меняется технология изготовления парадной посуды. Сначала она была светлоглиняной и светлоангобированной, затем красноангобированной, желто- или розовоглиняной. Несмотря на территориальную близость обоих памятников и сходство их керамических комплексов, удается проследить и некоторые микро-локальные различия. Например, в Таргу совершенно не известен прием орнаментации наколами внутренней поверхности донцев мисок, весьма широко практиковавшийся в Урцеках, а в Таргу весьма часты находки красноангобированных кувшинов со сливами в виде трубочек, которые в Урцеках встречаются редко. Эти факты наводят на мысль, что в каждом из названных памятников существовал свой центр гончарного ремесла.

Все пространство на месте города Петровска (нынешн. Махачкала) представляло собой, по свидетельству А. С. Башкирова, в середине 20-х гг. интенсивно насыщенный культурный слой⁸, к сожалению, почти полностью перекрытый ныне жилыми кварталами столицы Дагестана. Лишь в отдельных местах, как, например, на восточной окраине

⁸ Башкиров А. С. Изучение памятников старины. ДС, III. Махачкала, 1926, с. 239.

сел. Тарки сохранились его остатки, в которых достаточно весомо представлены культурные напластования албанского времени.

Далее на север — находится Верхнечирюртовское городище, где албанские слои пока не выявлены. Но в 1,5 км от этого места вверх по Сулаку расположено Нижнесигитминское городище, при раскопках которого встречена керамика, аналогичная найденной в албанских слоях Бавтугайского и Андрейаульского городищ. На этом памятнике имелась цитадель. Раскопками выявлены остатки крепостных стен из глинобитца на каменном фундаменте, а также округлая башня, подобная тем, которые по мнению А. Л. Якобсона, получили широкое распространение в позднеантичной фортификации под влиянием римлян⁹.

Наконец, еще дальше, к северу, находятся Бавтугайское и Андрейаульское городища, где, как уже отмечалось, имеются достаточно мощные слои албанского времени.

Все эти факты, несмотря на их крайнюю фрагментарность, все же позволяют заключить, что рисуемая таким образом картина взаиморасположения крупных городов в Прикаспийском Дагестане сложилась именно в албанский период, когда стал функционировать Прикаспийский путь международной торговли, и что именно это обстоятельство послужило решающим фактором, обусловившим сравнительно быстрое разрастание располагавшихся вдоль этого пути крупных укрепленных поселений в древние города. И это новое качество во многом определяет их более сложную социально-экономическую структуру. Основу хозяйства какой-то, по-видимому, наиболее привилегированной части горожан, как и в других городах той эпохи, составляло земледелие. Наряду с ним все большую роль в хозяйственной и культурной жизни городов приобретают торговля и ремесла. Отметим, что в эту эпоху из металлообработки выделяются в самостоятельные отрасли ремесла оружейное и ювелирное дело, художественная обработка цветных металлов, возникают центры гончарства со своими традициями. По-видимому, в специализированную отрасль вырастают и монументальное каменное домостроительство и фортификация: на ранних этапах (примерно IV—III вв. до н. э.) в фортификационном строительстве преобладают античные традиции: сплошная кладка стен на глиняном растворе с оформлением панцирей, использование выходов скал в качестве фундаментов, круглая планировка башен, позднее же — по-видимому, не без воздействия приемов византийской фортификации в строительстве крепостных стен появляется двухпанцирная кладка с забутовкой. а круглые башни заменяются прямоугольными.

Население таких городов постепенно становится этнически неоднородным, о чем свидетельствует разнохарактерность, (порою и пестрота) погребального обряда на городских некрополях.

Все эти факты указывают на достаточно развитой и сложный ха-

⁹ Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. МИА, 63, М.—Л., 1959, с. 76.

рактически социально-экономических отношений, регулирование которых предполагает и существование особой формы социальной организации в виде городской общины. Вопрос о возможности существования такой социальной структуры в албанскую эпоху только ставится, каковы были ее формы и функции могут прояснить дальнейшие исследования. Но это вопрос будущего.

Втягивание Дагестана в международную торговлю своего времени отразилось и на других сторонах рассматриваемого процесса, обусловив появление не только больших городов, но и сравнительно малых, но тоже хорошо укрепленных поселений. Как уже отмечалось, именно такие небольшие по размерам памятники составляют преобладающее большинство известных ныне в Дагестане городищ с культурными напластованиями албанской и раннесредневековой эпох. Структурно они состояли из собственно населенного пункта (иногда с цитаделью), прилегающей к нему сельскохозяйственной округи, а также сложной и развитой системы фортификации. Основой их экономики являлось земледелие, заметную роль играли торговля и ремесла. Типологически они подразделяются на *горные* — со сложной неправильной планировкой, определяемой особенностью топографии занятых участков, и иррегулярной фортификацией, сочетавшей естественные преграды с крепостными сооружениями из камня, — и *равнинные*, — отличающиеся правильной геометрической планировкой и регулярной, в основном глиняной (сырец и глинобит иногда на каменном фундаменте) фортификацией. Первые находят себе немало параллелей в античных городах Закавказья и Северного Причерноморья, вторые — в аналогичных памятниках Средней Азии, Парфии, а также Сасанидского Ирана.

Значительно труднее определить различия в социальном, политико-административном и правовом положении всех этих довольно многочисленных и различных по размерам памятников. Если остатки наиболее крупных городов Прикаспийского Дагестана можно интерпретировать, не рискуя впасть в большую ошибку, как столичные центры сформировавшихся в ту пору раннеклассовых политических образований, а разницу в размерах подобных городов горного и равнинного типа не только различиями в плотности населения для районов неорошаемого и орошаемого земледелия, но также и разным социально-политическим весом соответствующих раннегосударственных образований, то попытка интерпретации малых городищ встречает серьезные трудности. В самом деле, как можно объяснить такой, например, факт. В низовьях Гамри-озени, неподалеку от выхода ее на равнину расположено 3 городища: Чакавуркент, Эскиюрт и Усемикентское Гяур-кала. Площадь Чакавуркента достигает 15—16 га. У него есть цитадель, верхняя часть городища обнесена крепостной стеной, нижняя — неукрепленная. В 1,5 км напротив него, на левом берегу р. Гамри-озени находится городище Эскиюрт, вся территория которого, площадью около 10 га, обнесена крепостными стенами. Цитадель отсутствует. Примерно в 2,5 км выше по течению

р. Гамри-озени находится городище Усемикентского Гяур-Кала, площадью всего около 5 га, но с цитаделью и также обведенное в верхней части крепостной стеной.

Если считать признаком города такой чисто формальный признак, как наличие цитадели, тогда придется признать в качестве городов самый большой и самый малый из названных памятников, а огромное (10 га) целиком укрепленное городище Эскиюрт рассматривать как сельское поселение. Если же отказаться от признания цитадели в качестве одного из главных признаков памятников городского типа, тогда надо дать ему иное истолкование.

Другой пример, на Левашинском плато выявлено 15 укрепленных городищ рассматриваемого типа. Одно из них — Охлинское подверглось раскопкам. Площадь его около 6 га, что в полтора раза превышает площадь упоминавшегося выше греческого города Танаиса, в низовьях Дона. Верхняя часть Охлинского городища укреплена не менее основательно, чем у того же Танаиса, а мощнейшие укрепления на западной стороне Охлинского городища в виде трех последовательно следовавших друг за другом валов и высеченных в скале рвов в настоящее время вообще не имеют себе аналогий среди укреплений на подобного рода малых городищах. Вместе с тем на Охлинском городище нет цитадели. Отсутствуют здесь и признаки существования сложившихся ремесленных производств.

Но на расположенном примерно в 8—9 км от него Кулециминском городище, отличающемся несколько меньшими размерами, имеется цитадель, а вся площадь этого памятника полностью обнесена крепостными стенами и рвом.

Какой из этих памятников считать или не считать остатками города и по каким признакам все это остается пока трудноразрешимым вопросом. Трудности усугубляются еще и тем, что вопрос этот впервые встает в кавказской археологии,— до сих пор ни наши закавказские, ни северокавказские коллеги не пытались установить социальную природу малых городищ античного и раннесредневекового периодов. Поэтому в поисках ответа приходится обращаться к более отдаленным территориям, таким, например, как Боспорское царство, где неплохо изучены и города и сельские поселения. Среди последних наибольшее сходство с дагестанскими обнаруживают укрепленные поселения на холмах, «основной особенностью которых является сходство во внешнем облике, планировке, характере построек с малыми городами Боспора того же времени»¹⁰. Сходство это порою настолько велико, что специалисты во многих случаях оказываются в затруднении, когда возникает необходимость разграничения городских и сельских памятников. Обычно это делается лишь на основе свидетельств письменных источников о статусе

¹⁰ Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975, с. 149.

того или иного объекта, в ином случае при их большом типологическом сходстве провести подобное разграничение вообще невозможно.

И все же, несмотря на значительное типологическое сходство с памятниками городского типа, большинство рассмотренных малых городищ Дагестана являются только сильно укрепленными сельскими поселениями. Так, считают, исследовавшие такие памятники на Левашинском плато М. Г. Гаджиев и А. И. Абакаров и в этом с ними стоит согласиться, как следует признать их правоту и в том, что наличие автономных систем обороны вокруг каждого из поселений свидетельствует о значительной их политической самостоятельности. Последнее в какой-то мере согласуется с особенностями расселения так называемых независимых сельских общин Малой Азии. Одним из существенных факторов их именно независимого существования являлись их укрепленные поселения. Обычно эти общины объединяли свободных общинников — земледельцев, юридически равноправных, пользовавшихся и рабским трудом. Внутри общинников существовало имуущественное неравенство, порою значительное¹¹.

Археологические материалы из Дагестана в какой-то степени согласуются с обрисованной картиной. Не позднее рубежа н. э. как на городских, так и на сельских некрополях появляются склеповые захоронения, в которых хоронятся члены наиболее состоятельных семей. В отдельных случаях (как например, в Куркли, Цыйша) они сопровождаются еще и конскими захоронениями, особенно подчеркивающими богатство и знатность погребенных. Наряду с этим появляются и такие погребения, в которых одиночное захоронение, по-видимому, свободного общинника, сопровождалось одним или несколькими человеческими черепами (Б. Буйнакский курган, Б. Гоцатль, Цыйша), что с очевидностью свидетельствует и о существовании прослойки зависимого населения, вероятно, рабов.

Все эти материалы могут послужить данными к характеристике независимой сельской общины Дагестана албанской эпохи.

Однако и большие города и малые укрепленные поселения существовали не обособленно друг от друга, а нередко располагались в непосредственной близости друг к другу.

В албанский период в Дагестане складывается новый тип расселения, характеризующийся наличием одного крупного города, вокруг которого группировалось определенное число (иногда более 10) малых городов и укрепленных поселений. Группы таких памятников, обычно приуроченные к геоморфологическим замкнутым районам (речные долины, плато, горные ущелья), по-видимому, соответствуют конкретным исторически сложившимся территориально-политическим образованиям.

¹¹ Голубцова Е. С. Очерки социально-политической истории Малой Азии в I—III вв. Независимая сельская община. М., 1962, с. 65—181; *её же*. Сельская община. Малой Азии. М., 1972, с. 21—168.

Укажем в качестве примера, что вокруг городища Таргу сейчас выявлено еще 12 малых городищ, вблизи Урцекского — 6 малых городищ, вблизи Махачкалинского — 5 городищ, около Верхнечирюртовского и Андрейаульского не менее 10. На Левашинском плато обнаружена группа из 15 таких памятников. Еще 7 выявлено в окрестностях с. Куппа, и 6 — вблизи с. Чирката Гумбетовского района. Но все эти данные, и это следует особо подчеркнуть, не столько отражают действительное положение дел, сколько характеризуют нынешнее состояние изученности той или иной территории, того или иного микрорайона.

Рисуемый таким образом по археологическим материалам тип расселения в Дагестане албанского времени согласуется со сведениями Птолемея о взаиморасположении крупных городов и малых поселений в северной части Кавказской Албании.

Напомним, что в «Географии» Птолемея при описании Кавказской Албании, вся ее территория разделена по рекам на 4 части или обособленных района, в каждом из которых поименно назван сначала лишь один крупный город — *civitas*. Остальные 25 городов и деревень сгруппированы вокруг этих, названных первыми, крупных городов. При этом между реками Албаном и Кесием помещен город Албана и с ним 6 других населенных пунктов, между реками Кесием и Герром — город Гелда и еще 2 населенных пункта, между реками Герром и Соаной — город Телеба и населенный пункт. Как ни относительно эти сведения, в них более или менее определенно зафиксирован для начальных веков н. э. тот тип расселения, о котором с большей полнотой и достоверностью мы уже можем судить по археологическим данным.

Подобного рода территориально-политические единицы типологически более или менее соответствуют существовавшим в ту же пору и ранее грузинским «хевн», армянским «гаварам», иранским «шахарам». Сложившись в Дагестане, в основном в албанскую эпоху, они вошли затем без существенных изменений в раннесредневековую эпоху. Изучение их поможет реальнее ощутить ту историческую подоснову, на которой возникли упоминаемые уже средневековыми источниками на территории Дагестана многочисленные, небольшие по размерам царства, княжества, страны. Они поименно названы в источниках в связи с событиями V и особенно VI и последующих столетий, причем некоторые из них — Филан, Шандан, Хамрин — упоминаются лишь эпизодически. Можно полагать, что они недолго просуществовали самостоятельно, а затем вошли в состав других, более сильных, государственных образований в качестве отдельных административно-политических единиц.

Так, в конце VII в. по свидетельству армянских источников, образовавшееся в средней части Прикаспийского Дагестана царство гуннов с центром в Варачане (Урцекское городище с группой поселений) включало в себя также Семендер (Махачкалинское городище с группой поселений) и Таргу (городище Таргу на Гамри-озени с группой поселений), а спустя несколько десятилетий — в 20-х и 30-х гг. VIII в. — Се-

мендер уже входит в Хазарию, а Хамрин выступает в роли самостоятельной страны или княжества. По-видимому, подобные перекомбинации этих элементов, определявшиеся быстро меняющейся политической обстановкой средневековья, происходили довольно часто.

В целом, раннесредневековый период характеризуется дальнейшим развитием процесса урбанизации, отчасти обусловленным возрождением прерванной гуннскими нашествиями городской жизни во многих пунктах Прикаспийского Дагестана; местами возникают новые крупные города (Верхний Чирюрт). Раннесредневековые города в основном сохраняют структуру и типологию предшествующего времени. В их экономике важное место занимает земледелие, наряду с различными ремеслами и торговлей. Расположенные в стратиграфически важных пунктах, крупные города Прикаспийского Дагестана играют видную роль в бурных политических событиях VII—VIII вв. Некоторые из них время от времени служат резиденциями гуннских и хазарских правителей, вследствие чего они выступают в письменных источниках под названием гуннских и хазарских столиц.

Развитие городской жизни в средней части Дагестана было прервано в первой половине VIII в. в результате арабских завоеваний, в Северном Дагестане — в X в. — походами русов, в южных и горных районах — в XIV в. — нашествием Тимура.

И все же в полосе дагестанских предгорий какие-то отголоски, реликты древних территориально-политических структур живут чрезвычайно длительное время. Так, существовавшие в XVIII в. Эндереевское, Бойнакское и Гамринское княжества, Тарковское шамхальство, территориально почти соответствовали древним территориальным единицам, а резиденции их феодальных правителей — князей, султанов, шамхалов, располагались неподалеку от древних столичных центров. Думается, что подобное территориальное совпадение также не является случайностью.

Таковыми могут быть обрисованы по имеющимся археологическим данным и в самом общем виде основные этапы процесса урбанизации в древнем Дагестане. Основываясь на них, можно полагать, что древние города Дагестана возникли в первую очередь как города, основанные на земледелии. Процесс последующего развития этих городов был во многом обусловлен втягиванием Восточного Кавказа в мировую торговлю своего времени, чем по-видимому следует объяснять и тот факт, что образование крупных и малых городов и укрепленных поселений протекало в Дагестане практически в те же исторические сроки, что и в Восточном Закавказье, а именно — в период существования Кавказской Албании.

А. И. Абакаров, М. Г. Гаджиев

НИЖНЕЧУГЛИНСКОЕ ГОРОДИЩЕ

Среди бытовых памятников албанского и средневекового периодов, исследованных в последние годы в горных районах Дагестана, особый интерес представляет Нижнечуглинское городище¹. На нем удалось выявить четкую стратиграфию перекрывающих друг друга значительных по мощности строительных и других культурных отложений, накопившихся на протяжении албанского, раннесредневекового и средневекового времени. Поэтому стратиграфия Нижнечуглинского городища является надежной основой для создания периодизации и разработки хронологии археологических памятников горного Дагестана этого времени.

Городище находится на Левашинском плато в 5 км к северу от с. Леваша и в 3 км к северу от с. Нижнее Чугли Левашинского района, слева от шоссе в г. Буйнакс. Оно расположено на скальной гряде, вытянутой с северо-запада на юго-восток, занимает его гребень, северо-восточный склон и прилегающую к нему с севера сравнительно ровную поляну. Общая площадь городища 6 га (300×200 м). С юго-запада городище ограждено скалой высотой 30—45 м, вдоль основания которой протекает небольшая речка Чуглинка. На юго-востоке скальная гряда переходит в крутой склон, у подножья которого находится родник. С северо-западной стороны скальная гряда прерывается, образуя широкую ложину с крутыми склонами. С северо-восточной стороны городище не имеет естественных ограждений. По словам местных жителей, здесь находились остатки двух параллельных массивных стен, с открытой стороны ограждавших ту часть городища, которая располагалась на северо-восточном склоне скальной гряды (рис. 1).

Городище сильно потревожено в процессе выборки строительного камня жителями окрестных сел: были разобраны крепостные стены

¹ Раскопки городища производились в 1975 г. Горной археологической экспедицией Института ИЯЛ под руководством М. Г. Гаджиева.

Рис. 1. План местонахождения Нижнечуглинского городища.

и стены домов, перерывы и переотложены культурные напластования на большей части городища, от которых в неповрежденном состоянии сохранились отдельные останцы. На одном из таких останцев был заложен стратиграфический раскоп размером $2 \times 2,45$ м. Поверхность раскопа была покрыта слоем дерна толщиной в среднем 10 см. Под ним в слое гумуса толщиной 10—30 см у западной стенки раскопа находилась каменная кладка из хорошо обработанных камней, сложенных на глиняном связывающем растворе. Длина выявленной в раскопе части стены 0,42 м, ширина — 0,30 м, высота — 0,80 м (рис. 2, 1). Заполнение пространства к югу от стенки состояло из завала камней вперемешку с землей толщиной до 1 м, а под ним из темной рыхлой земли с угольками толщиной около 0,40 м. Под ним находился пол из плотной утрамбованной щебенки с глиной толщиной 5 см.

К северу от стены под гумусом находился слой плотной земли с угольками толщиной 0,20—0,60 м, а под ним на уровне фундамента тонкая прослойка сильно утрамбованной щебенки (толщина — 5 см). Под стеной и прослойкой, состоящей из утрамбованной щебенки, в южной части раскопа последовательно были расчищены перекрывавшие друг друга прослойки щебенки с угольками, а затем земли насыщенной угольками, а под ним — завал мелких камней вперемешку с землей. Толщина этого слоя 0,40—0,80 м (рис. 2, 5). В толще этих напластований строительные остатки не встречены.

Под этими напластованиями на глубине 1 м (у северо-западного угла раскопа) и 1,80 м (у южной стенки раскопа) от современной поверхности была расчищена стена, выложенная из рваного необработанного камня, ориентированная по линии ссз—ююв. Сохранившаяся высота стены 0,60—0,80 м, толщина — 0,50 м (рис. 2, 2). Первая прослойка культурного слоя, связанного со стеной, представляла собой плотный слой щебенки и земли с вкраплениями мелких древесных угольков толщиной от 0,2—0,90 м. Под ним пролегалли две прослойки из угольков и рыхлой земли толщиной 5—10 см, разделенные слоем плотного суглинка с щебенкой толщиной 5—20 см (рис. 2, 5).

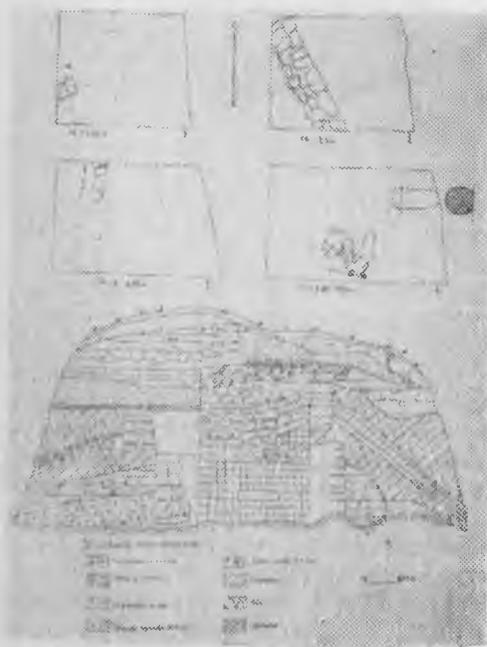

Рис. 2.

При дальнейшем углублении раскопа под этой стеной на глубине 2,40 м была обнаружена еще одна стена, которая была построена в направлении север—юг. Основание стены лежало непосредственно на материковом слое в виде щебенки с глиной. Высота стены 1,40 м, ширина — 0,40 м. Сложена она из хорошо обработанных камней на глиняном растворе и покрыта глиняной обмазкой толщиной около 3 см (рис. 2, 3).

Заполнение раскопа на высоту этой стены состояло из трех прослоек культурных отложений:

1) плотного слоя щебенки и земли с древесными угольками, достигавшего местами до 0,60—0,70 м,

2) завала камней вперемешку с рыхлой землей толщиной 0,60—1 м,

3) щебенки с мелкими камнями толщиной до 0,50 м. По-

следняя прослойка была только в южной половине раскопа. В северной половине раскопа к востоку от завала на этом же уровне пролегалла прослойка темной золистой земли (рис. 2, 5).

На уровне основания стены среди крупных каменных плит, лежавших плашмя, были расчищены отдельные беспорядочно лежавшие человеческие кости (кости рук, ребра, обломки раздавленных черепов). Судя по обломкам черепов здесь были кости не менее, чем от четырех скелетов (одного взрослого человека и трех детских) (рис. 2, 4). Среди костей были обнаружены два бронзовых кольца из круглого в сечении стержня.

На глубине 3,50 м в восточном конце раскопа была расчищена продолговатая яма с закругленными углами, вырытая в материковом слое. Длина ямы 0,90 м, ширина — 0,35 м, глубина — 0,50 м (рис. 2, 4). Заполнение ямы состояло из рыхлой земли, перемешанной с древесной трухой.

На раскопе удалось четко выделить три этапа обживания данной территории городища.

К *первому этапу* относится стена первого (нижнего) строительного периода и соответствующие ей культурные напластования нижнего горизонта. Толщина слоя 1,30 м. В нем обнаружено 209 обломков керамики и обломок каменного пряслица. Наибольшее количество обломков принадлежит столовой керамике, представленной обломками сосудов, покрытых красным ангобом разных оттенков (179 экз.), белоангобированных (7 экз.), близких к ним по тесту, но без ангоба (10 экз.) и серолощенных (12 экз.).

1. Красноангобированная керамика имеет лошеную по ангобу внешнюю поверхность. В изломе черепок обычно красного, розового или белого цвета. Тесто содержит значительное количество мелких примесей шамота, дресвы. В редких случаях имеются и крупные примеси. Среди красноангобированной керамики имеются: верхняя часть кувшина с цилиндрической горловиной, чуть отогнутым наружу венчиком, шаровидным туловом и ленточной ручкой, расположенной на перегибе от шейки к тулову (рис. 3, 36), донная часть кубка с плитчатым поддоном (рис. 3, 19) часть сосуда баночной формы (рис. 3, 38), обломок сосуда (маслобойки) с отростком на внутренней поверхности (рис. 3, 30).

2. Белоангобированная керамика изготовлена из чистой глины. Поверхность заглаженная, матовая. Частично восстанавливается сосуд с шаровидным туловом, плавно отогнутым наружу венчиком и невысокой шейкой (рис. 3, 39).

3. Сосуды, изготовленные из такого же теста, что и красноангобированные, но не покрытые ангобом, представлены обломками донцев и тулова. Среди них имеется также часть неглубокой миски с косо срезанной закраиной (рис. 3, 33).

4. Аспидно-серая керамика из чистой глины с лошеной поверх-

ностью (рис. 3, 29). Среди них встречаются черепки со штрихованной внутренней поверхностью. Среди этой керамики особенно интересны два фрагмента. Один из них обломок закраины сосуда с разложистым венчиком, орнаментированного с внутренней и внешней стороны нарезным узором в виде зигзага (рис. 3, 32), а второй — часть четко профилированной миски с загнутым во внутрь краем (рис. 3, 34). Эти фрагменты принадлежат сосудам, часто встречаемым в таких надежно датированных памятниках как Таркинский² и Карабудахкентский³ могильники албано-сарматского времени, Бавтугайское городище⁴ и др.

Кухонная керамика из слоя представлена обломками черноглиняных, сероглиняных и бурых сосудов с лощеной, реже зглаженной поверхностью. Особенностью кухонной керамики является обязательное содержание в тесте примесей кварца и песка. Кухонная керамика, как и остальная фрагментирована, что не позволяет восстановить формы сосудов. Среди этой керамики имеются обломки коротких вертикальных горловин и плоские донца горшков, орнаментированных рельефными валиками (рис. 3, 27).

В этом слое не представлена тарная посуда в виде больших хумов, характерная для раннесредневековых памятников Дагестана. В самом верхнем горизонте обнаружен только один обломок толстостенного крупного розоватого сосуда с зглаженной матовой поверхностью.

В целом, керамические комплексы нижнего слоя характерны для целого ряда памятников Дагестана албано-сарматского времени. На территории Левашинского плато такая керамика происходит из нижних слоев Верхнелабкомахинского⁵ и частично Охлинского⁶ городищ, которые характеризуют культуру горного Дагестана албанского времени. Исходя из дат, принятых для Таркинского и Карабудахкентского могильников (II в. до н. э.—III в. н. э.), возникновение Нижнечуглинского городища следует отнести к последним векам I тыс. до н. э. Верхний хронологический рубеж нижнего слоя городища может быть отнесен к IV в. н. э.

Второй этап характеризуется материалами второго строительного периода. Толщина культурного слоя, относящегося к этому периоду в среднем 0,80 м. В этом слое обнаружено 425 обломков керамики. Подавляющее большинство их принадлежит столовой красноангобирванной керамике совершенно такого же типа, что и в нижнем слое (220 экз.). Судя по фрагментам, характерной формой посуды были

² Крупнов Е. И. Новый памятник древних культур Дагестана.— МИА, № 23. рис. 9⁴, 3; 11²⁻⁴.

³ Смирнов К. Ф. Грунтовые могилы албано-сарматского времени у с. Карабудахкент.— МАД, т. II, Махачкала, 1961, рис. 22, 24, 33, 37 и др.

⁴ Пикуль М. И. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967, рис. 28.

⁵ Давудов О. М. Раскопки на Верхнелабкомахинском городище.— АО — 1972. М., 1973. с. 122, 123.

⁶ Гаджиев М. Г., Абакаров А. И. Раскопки Охлинского городища — АО — 1972, М., 1973.

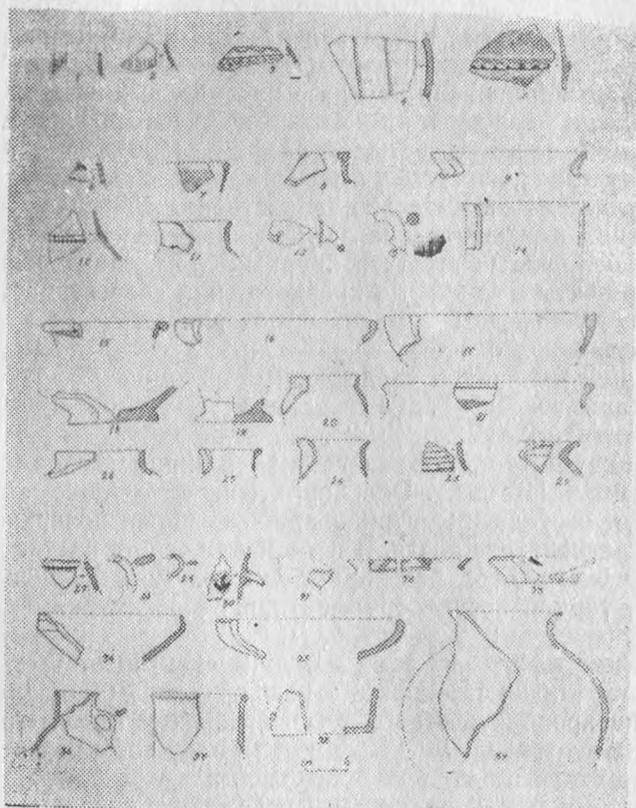

Рис. 3. Стратиграфический раскоп. Керамика первого (27—39), второго (6—26) и третьего (1—5) этапов.

миски с плоско срезанным краем (рис. 3, 16, 17) единственным обломком представлены донная часть миски, внутренняя поверхность которой сплошь покрыта несквозными проколами (рис. 3, 18). Имеются также фрагменты кувшинов с цилиндрической горловиной.

Белоангобированная керамика второго слоя (7 экз.) в отличие от этого типа керамики из нижнего слоя имеет почти такое же тесто, что у красноангобированной, а поверхность ее не заглаженная, как в первом слое, а лощеная.

Аспидно-серая керамика (13 экз.) такого же типа, что и в нижнем слое. Интересен один фрагмент горловины сосуда с отогнутым наружу в виде валика венчиком (рис. 3, 15).

Кухонная керамика представлена 135 обломками. По качеству она такая же, что и в нижнем слое. Среди обломков имеются горловины горшков с короткой шейкой, иногда с плоско срезанным краем, закраины котлов. Некоторые черепки имеют чесанную гребенкой поверхность (рис. 3, 21) или орнамент в виде рельефного валика.

Во втором слое появляются и новые типы керамики. Среди столовой посуды встречается сравнительно тонкостенная керамика с неангобирванной лощеной или тщательно заглаженной поверхностью из глины, содержащей большое количество крупных примесей дресвы. Поверхности их красноватые, в изломе красного или серого цвета (19 экз.). А также красные сосуды с матовой поверхностью (14 экз.), не представленные в нижнем слое.

Во втором слое найден единственный обломок черноангобирванного сосуда с примесями кварца в тесте и лощеной каннелюрованной поверхностью (рис. 3, 25).

В этом слое появляется неизвестная в нижнем слое особого типа тарная керамика (16 экз.). Она характеризуется обломками больших толстостенных сосудов с заштрихованной внешней поверхностью коричневого или красноватого цвета. В изломе они серого цвета. Тесто в большинстве случаев чистое, без примесей. Кроме глубокой штриховки поверхности, тарная посуда орнаментировалась валиком с пальцевыми нащипами.

Отсутствие стерильного слоя между первым и вторым культурными слоями, а также преемственность в развитии керамики свидетельствуют об отсутствии хронологического разрыва между ними. Поэтому конец первого этапа в то же время должен быть и началом второго. Исходя из этого, начало второго этапа следует отнести к V в. н. э. Начало второго этапа характеризуется появлением неизвестной ранее неангобирванной розовой лощеной или заглаженной керамики. Подобная керамика наряду с красноангобирванной широко распространяется в Дагестане до р. Сулак в раннесредневековую эпоху (Урцекское⁷, Охлинское⁸, Верхнелабкомахинское⁹ и др.). Верхняя дата Урцекского городища — начало VIII в. н. э. совпадает с началом арабских завоеваний в Дагестане, с которыми связывается разрушение целого ряда городов в Приморском Дагестане. Для Охлинского городища такую четкую дату установить не удастся. Затухание жизни на нем происходило где-то в пределах VIII—IX вв., т. е. в период, последовавший после арабских завоеваний.

Установлению верхнего рубежа второго этапа обитания Нижнечуллинского городища помогают материалы из верхних культурных отложений.

⁷ Маммаев М. М. Ремесло Дагестана албано-сарматского и раннесредневекового времени. Автореф. дис... канд. ист. наук, Махачкала, 1970.

⁸ Гаджиев М. Г., Абакаров А. И. Указ. соч., с. 16.

⁹ Давудов О. М. Указ. соч., с. 122, 123.

Второй строительный горизонт перекрывали наслоения толщиной 0,40—0,80 м без строительных остатков. На них лежали строительные остатки третьего (верхнего) строительного горизонта. В этих промежуточных напластованиях обнаружена очень измельченная керамика, представленная маловыразительными обломками (287 экз.). Судя по ним, в целом керамика не претерпела резких изменений по сравнению с керамикой из подстилающего второго строительного горизонта: а) ведущее место здесь занимали обломки преимущественно тонкостенной лощеной или заглаженной неангобированной столовой посуды, появившейся с самого начала второго строительного горизонта (70 экз.). Среди них — обломки цилиндрической горловины с отогнутым наружу венчиком, ручки из круглого в сечении валика, фрагменты с орнаментом в виде точечного пунктира, нарезного или вдавленного елочного узора (рис. 3, 6, 10).

Наряду с ней представлена красноангобированная столовая посуда такого же типа, что и в нижних слоях (69 экз.). Среди обломков — венчики кувшинов с цилиндрической горловиной, донная часть баночного сосуда, ручка из овального в сечении валика. В этом слое имеются единичные обломки красноангобированной керамики, изломы которой имеют серый цвет, что не характерно для красноангобированной керамики из нижележащих слоев.

Некоторые изменения претерпевает белоангобированная керамика. Для нижних слоев, особенно албанского времени, характерна белоангобированная керамика с заглаженной матовой поверхностью, изготовленная из чистой глины. А в данном слое из 12 обломков белоангобированной керамики 10 имеет лощеную поверхность и тесто уже с примесями почти такого же качества, как красноангобированной керамики.

К столовой посуде относятся также обломки аспидно-серой керамики из чистой глины с хорошо лощеной поверхностью (23 экз.), аналогичной керамике из нижних слоев.

Кухонная керамика также не претерпела изменений (37 экз.).

Тарная посуда тоже такая же, что и во втором строительном горизонте. В слое найдено 63 обломка посуды в виде толстостенных хумов красно-коричневого, розового цвета с заглаженной матовой или заштрихованной поверхностью.

Отсутствие существенной разницы между керамикой, найденной в культурном слое, соответствующем второму строительному горизонту, и рассмотренной керамикой перестилающего его слоя позволяет отнести оба слоя ко второму этапу. Однако характер перестилающего слоя (угольная прослойка, невыразительность, измельченность керамики, отсутствие строительных остатков) свидетельствует об определенном уладке. Возможно, этот слой соответствует времени, последовавшему арабским завоеваниям в Дагестане — VIII—IX вв. н. э.

Наряду с керамикой, обычной для второго строительного горизонта. В этом слое было найдено несколько фрагментов совершенно новой

керамики. Они обнаружены на самом верхнем уровне слоя, на его стыке с верхним слоем. Это единичные обломки (5 экз.) коричневой, красной высококачественной керамики с гладкой поверхностью, изготовленной на быстро вращающемся круге, а также один обломок белой в изломе импортной керамики с бирюзовой поливой.

С появлением глазурованной керамики и керамики, изготовленной на быстро вращающемся круге завершается второй риннесредневековый этап культуры, представленной Нижнечуглинским городищем, который укладывается в хронологические рамки V—IX вв. н. э.

3. *Третий последний этап* характеризуют строительные остатки верхнего горизонта и соответствующие им культурные отложения толщиной в южной части раскопа — 1,40 м, а в северной — 0,20—0,65 м. В слое обнаружено 113 обломков керамики (рис. 3, 1—5). Основная масса керамики представлена теми же типами, что и во втором слое. Однако меняется их количественное соотношение. Ведущее место занимает тарная посуда (44 экз.). Из столовой посуды наибольшее количество обломков принадлежит неангобирванной лощеной или заглаженной керамике (36 экз.), красноангобирванной керамике — только 6 обломков, серой — 1. Кухонная керамика представлена 2 обломками. Но не они определяют специфику этого слоя, а та новая керамика, которая занимает здесь уже прочное место. Это керамика, изготовленная на быстро вращающемся круге (16 экз.) и художественная (поливная) монохромная и полихромная посуда (7 экз.). Помимо керамики в слое обнаружены обломки двух стеклянных браслетов круглого и сегментного сечения.

Распространение стеклянных браслетов, керамики, изготовленной на быстро вращающемся круге, а также поливной посуды является характерной особенностью третьего этапа развития культуры, представленной материалами Нижнечуглинского городища.

Для характеристики культуры третьего средневекового этапа, обоснования его хронологии значительные материалы получены в результате вскрытия верхних горизонтов культурных слоев на раскопе № 1, площадью ок. 80 м², заложенного рядом с стратиграфическим, к югу от него (рис. 4).

На поверхности раскопа в толще перемешаного насытного слоя, передвинутого бульдозером было обнаружено каменное скульптурное изображение хищника кошачьей породы, служившее деталью архитектурного декора. Размеры его: длина — 47 см, высота — 19—29 см (рис. 5).

В толще культурного слоя, достигавшего в некоторых местах раскопа до 2 м, были выявлены остатки двух каменных построек, расположенных на склоне террасообразно. Между ними пролегалла улица шириной 2,20—3 м. Постройки сохранились лишь частично.

В юго-восточной части раскопа расчищены остатки прямоугольного сооружения, от которого сохранились две стены длиной 5 м и 6 м,

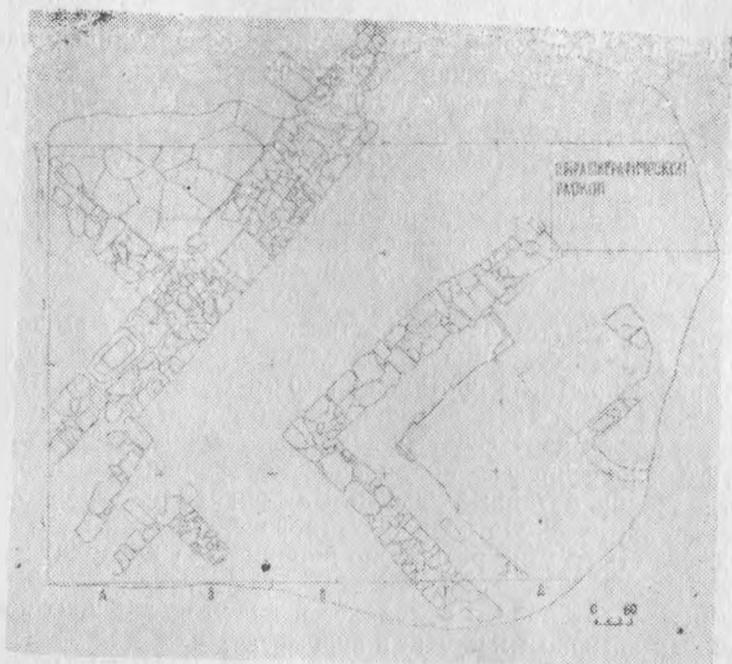

Рис. 4. План раскопа № 1.

Рис. 5. Деталь архитектурного декора.

шириной 60—80 см, сложенных тщательно из обработанных камней на глиняном растворе. Наибольшая сохранившаяся высота — 1,90 м. На внутренней поверхности стен сохранились остатки глиняной обмазки. Пол покрыт спрессованной массой из мелкой щебенки и глины толщиной 5 см. Вдоль стен располагались возвышения-лавки (высота — 40 см, ширина — около 40 см).

Помещение было сооружено на террасе, созданной на крутом склоне, ввиду чего фундамент стены, врезанной в склон, находился, как это обычно для горных поселений, немного (1,20 м) ниже проходящей выше улицы.

Остатки второго комплекса построек находились выше первого через улицу. От него сохранилась выходящая на улицу часть фасадной стены, которая вскрыта на протяжении 10 м. Стена отличается массивностью. Ширина стены в юго-восточной части достигает 2 м. Со стороны улицы она сложена из массивных каменных блоков, поставленных вертикально, а с внутренней — облицована двухрядной кладкой из более мелких хорошо обработанных камней. Внутреннее пространство забутовано мелкими камнями. Остальная часть фасадной стены имеет ширину 40 см. В месте стыка этих разных по ширине стен проходит вертикальный шов.

К северо-востоку от шва находился дверной проем шириной 0,80 м, с выложенным каменными плитами порогом.

Вся сохранившаяся к северо-востоку от дверного проема часть фасадной стены была сложена из двух параллельных стен, плотно пристроенных друг к другу. Ширина внешней стены — 0,50 м, внутренней — 0,90 м. Стена в целом сложена из хорошо обработанных камней на глиняном растворе. Лучшее всего стена сохранилась у дверного проема, где она достигала 1,50 м.

С помощью поперечных стен, построенных с северо-западной стороны, перпендикулярно к фасадной стене, были образованы прямоугольные в плане помещения. Вскрыты остатки двух помещений. В южном конце раскопа была вскрыта угловая часть помещения. Хорошо сохранилась северо-восточная стена помещения (высота — 2 м, ширина — 0,80 м). Сохранившаяся длина — 3,20 м. Конец стены разрушен. Между нею и фасадной стеной находился дверной проем, шириной 1,10 м, порог которого выложен каменными плитами. Внутри помещения слева от дверного проема в фасадную стену встроена ниша шириной (1,25—0,60 м), где было установлено каменное корыто (размеры 1,05×0,50×0,25 м).

Дверной проем в фасадной стене вел во второе помещение. Его юго-западная стена была смежной для обоих помещений. От северо-восточной стены сохранилась только кладка основания, протяженностью 0,80 м. Пол помещения был выложен каменными плитами.

В заполнении помещений и улицы обнаружены различные изделия из камня, металла, кости, стекла и большое количество керамики.

В первом нижнем помещении находились точильный камень и ступка (рис. 6, 21, 27), железный наконечник стрелы с пирамидальной головкой и круглым в сечении черешком (рис. 6, 19), стержень с отверстием (рис. 6, 16), дугообразная поделка (рис. 6, 25), гвозди (рис. 6, 26), кольцевая обкладка ножен (рис. 6, 18), изделие в виде шляпки гвоздя (рис. 6, 11—15), обломки стеклянных сосудов (рис. 6, 6—12), стеклянных браслетов (рис. 6, 5) и бусина из стекловидной пасты (рис. 6, 3). Обломок костяного, слегка изогнутого предмета с отвер-

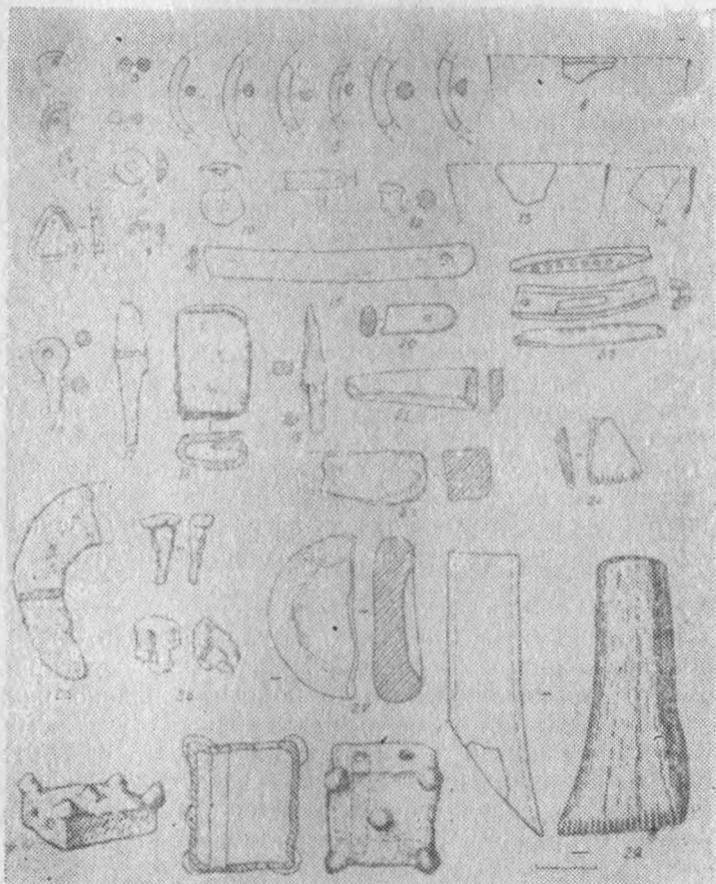

Рис. 6. Изделия из камня, металла, кости из раскопа № 1.

ствиями на одном конце и в середине, орнаментированного нарезными жужжочками с точками в центре (рис. 6, 23).

В помещениях второго строительного комплекса, кроме керамики, найдены: оселок с отверстием (рис. 6, 20), железный нож (рис. 6, 17), бронзовая треугольная бляшка с гнездом для инкрустации (рис. 6, 7) костяной гребень, использовавшийся в ткацком деле для уплотнения нити (рис. 6, 29), круглая костяная бусина (рис. 6, 8), обломки гладких стеклянных браслетов круглого и овального сечения и колечек (рис. 6, 1), фрагменты стеклянного сосуда (рис. 6, 13), боченковидная бусина из стекловидной пасты (рис. 6, 4).

В культурных отложениях улицы обнаружены: обломок костяного гребня (рис. 6, 24), железный замок (рис. 6, 28), бронзовая ажурная позолоченная бусина — разделитель (рис. 6, 9), костяная проколка, обломки стеклянных браслетов, колец и сосудов (рис. 6, 25), фрагменты глиняных сосудов (рис. 6, 14).

Наиболее массовым материалом, происходящим из всего верхнего строительного горизонта является керамика. Всего обнаружено 3138 обломков. Керамика подразделяется на две категории: простая (2744 экз.) и художественная (поливная) (3947 экз.). Простая керамика в свою очередь делится на три группы: тарная, столовая, кухонная.

Тарная посуда представлена 679 обломками, что составляет 21,6% от общего количества керамики (рис. 7). В основном обломки принадлежат большим толстостенным сосудам-хумам, предназначенным для хранения продуктов и жидкостей. Сосуды характеризуются широкой невысокой горловиной с отогнутым наружу венчиком с плоским верхом, покатыми плечиками, раздутым туловом и плоским дном. На некоторых сосудах имеются следы изготовления их на быстро вращающемся круге.

По способу обработки поверхности они подразделяются на два типа.

1. Сосуды первого типа имеют заглаженную шероховатую поверхность. Они изготовлены, как правило, из глины, содержащей большое количество крупных примесей дресвы. Цвет поверхности красный разных оттенков: от кремово-красного до коричнево-красного или темно-бордового. Черепок в изломе серого, реже красного цвета. Внутренняя поверхность красного или серого цвета (рис. 7, 2—4, 6, 7, 9). Для посуды этого типа орнаментация не очень характерна. Иногда венчики некоторых сосудов с внешней стороны украшались пальцевыми защипами (рис. 7, 4, 6, 9), редко встречаются обломки, украшенные полоской из резных волнистых линий (рис. 7, 7).

2. Ко второму типу относятся сосуды с заштрихованной внешней поверхностью. Большинство сосудов этого типа изготовлено из чистой глины, реже встречаются черепки с примесями дресвы. По цвету они не отличаются от сосудов первого типа. Характерной их особенностью является заштрихованная внешняя поверхность. Штриховкой покрыва-

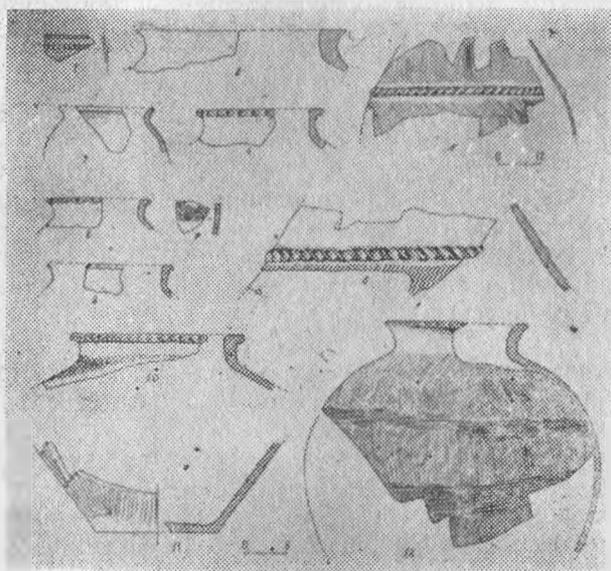

Рис. 7. Раскоп № 1. Тарная посуда: с заглаженной (2—4, 6—9), заштрихованной (1, 5, 8, 10, 12) поверхностями.

Вся поверхность сосуда, за исключением горловинки. Большинство сосудов покрывались широкими и глубокими штрихами. Редки сосуды с тонкой неглубокой штриховкой. Штриховка то параллельная, то пересекающаяся, вертикальная или сплошная бессистемная. Иногда горизонтальной и вертикальной штриховкой на тулове сосудов обобразованы пояса из квадратов. Кроме того сосуды украшались рельефными валиками с пальцевыми защипами, опоясывающими тулово (рис. 7, 1, 5, 8). Нередко внешние края отогнутых наружу венчиков также украшались защипами (рис. 7, 10, 12).

Наиболее многочисленна и разнообразна столовая посуда. Она представлена 1922 обломками, что составляет 61,2% от общего количества керамики.

Столовая посуда подразделяется на несколько типов:

1. К первому типу относятся обломки ангобированных сосудов (рис. 8, 36—38). Большинство их принадлежит красноангобированной керамике с лощеной по ангобу поверхностью (184 экз.). Цвет ангоба разных тонов (красный, кремово-красный, красно-коричневый, бордовый). Цвет черепка в изломе красный или розовато-белый. Сосуды изготовлены из хорошо промешанной глины, содержащей большое количество мелких примесей шамота или дресвы. Исключение составляют

несколько фрагментов керамики с коричневым ангобом, которая была изготовлена из глины с большим количеством крупных примесей и серым в изломе черепком.

Керамика фрагментирована, сосуды не восстанавливаются. Судя по отдельным черепкам, ведущими формами были кувшины с цилиндрическими горловинами со слегка отогнутыми наружу венчиками, миски. Один фрагмент с отверстием для слива принадлежит маслостойке (рис. 8, 36). Среди красноангобированной керамики имеются обломки крышек с плитчатым верхом с отверстиями для крепления (рис. 8, 37—38). Эта группа керамики не орнаментировалась.

Среди ангобированной керамики имеются также фрагменты, покрытые белым ангобом (14 экз.). Черепки розоватого цвета с серым изломом, мелкими примесями в глине. На внутренней поверхности имеются следы изготовления на быстро вращающемся круге. Среди белоангобированной керамики имеется один обломок овальной в сечении ручки с матовой поверхностью.

II. Ко второму типу относится неангобированная красная керамика, которая подразделяется на несколько подтипов.

а) В наибольшем количестве (1157 экз.) представлена керамика красного цвета разных оттенков, изготовленная из глины, содержащей большое количество мелких добавок (шамота, песка). Черепок в изломе серый. Внутренняя поверхность серая или красная. Посуда сравнительно тонкостенная (5—7 мм) лощеная (лощение сплошное или полосчатое) или заглаженная. На некоторых черепках на внутренней стороне имеются следы изготовления на быстро вращающемся круге.

Формы сосудов полностью не восстанавливаются. Судя по некоторым выразительным обломкам, наиболее распространены были кувшины с высокой цилиндрической или расширяющейся к закраине горловиной (рис. 8, 20), встречаются чаши (рис. 8, 33), горшки с невыраженной шейкой и резко отогнутым наружу венчиком (рис. 8, 35). Кувшины у венчика в отдельных случаях имеют ушки (рис. 8, 5). Для кувшинов характерны ручки из валика круглого или уплощенно овального сечения (рис. 8, 21, 27). На некоторых ручках имеются знаки в виде продольных двойных, тройных насечек (рис. 8, 27), двойных круглых вдавлен (рис. 8, 24). Посуда этого типа нередко орнаментировалась резным узором в виде зигзага (рис. 8, 28), резной глубокой полоской, опоясывающей сосуд по горловине (рис. 8, 20), вертикальными радиально расходящимися резными линиями (рис. 8, 31), пунктирными линиями, иногда образующими геометрические фигуры (рис. 8, 29—35);

б) Ко второму подтипу относится посуда с лощеной или заглаженной матовой поверхностью, изготовленная из хорошо отмученной чистой глины (554 экз.). Цвет черепков в изломе и на поверхности красный, разных оттенков. Вся посуда этого подтипа изготовлена на быстро вращающемся гончарном круге.

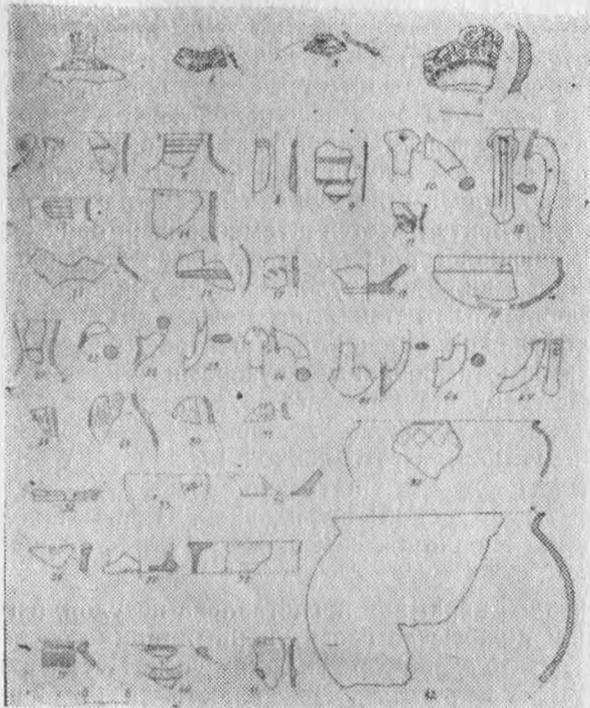

Рис. 8.

Рис. 8. Раскоп № 1. Столовая посуда: ангобированная (36—38), неангобированная (1—35). Кухонная посуда (39—42).

Ведущей формой посуды этого подтипа являются кувшины с высокой или короткой цилиндрической горловиной, иногда с ушками (рис. 8, 6—9, 11—13). Встречаются также миски. Среди них миска с невысокой вертикальной закраиной, поставленной на хорошо выраженное плечико, от которого тулово сосуда резко сужается к небольшому плоскому дну (рис. 8, 19). Ручки сосудов в сечении овальные (рис. 8, 10). Одна ручка с вертикальной ложбинкой и наделом наверху прикреплена к краю венчика (рис. 8, 12). Горловины кувшинов украшались рельефными валиками (рис. 8, 6), врезными глубокими двойными, тройными линиями, опоясывающими горловину (рис. 8, 7—9, 13). Плечики украшались пояском из вертикальных пунктирных линий (рис. 8, 15), а тулово иногда волнистой нарезной линией, заключенной между двумя

параллельными нарезными линиями (рис. 8, 16); в) К третьему подтипу относятся сосуды с матовой внешней поверхностью, украшенные штампованным рельефным орнаментом. Они представлены обломками верхних частей тулова кувшинов (4 экз.).

На одном из фрагментов имеется следующая орнаментальная композиция: верхний ряд образован неширокой лентой из кружочков, ниже которых проходит рельефный валик; под валиком расположены рельефные короткие валики, а между ними в нижнем ряду помещены фигурные медальоны с зооморфными изображениями (рис. 8, 4).

На другом фрагменте имеется штампованный орнамент в виде двух валиков, опоясывающих горловину сосуда, на которые нанесены косые пунктирные линии, а ниже них тулово сосуда украшено радиально расходящимися вдавленными линиями, между которыми расположены штампованные кружочки с точками в центре (рис. 8, 1). Горловины кувшинов с такими штампованными узорами имеются среди подъемного материала с городища (рис. 8, 1, 2).

III. Третий тип столовой посуды представлен обломками (9 экз.) аспидно-серой керамики, изготовленной из хорошо отмученной чистой глины. Внешние поверхности тщательно залощены, а внутренние заглажены или покрыты глубокой штриховкой. Среди обломков имеется часть плоского дна и обломок высокой шейки кувшина с отогнутым наружу венчиком.

Группа кухонной керамики представлена посудой, изготовленной из глины с большим количеством огнеупорных примесей в виде кварца, песка, ракушек или толченых речных камушек. Цвет керамики черный, серый, бурый. Черепок рыхлый. Поверхности заглаженные или слаболощенные. Иногда встречаются фрагменты сосудов с чесанным верхом (рис. 8, 39). Частично восстановлен большой горшок с широким горлом, отогнутым наружу венчиком, шаровидным туловом. Цвет поверхности черный с бурыми пятнами. Внутренняя поверхность красно-бурого цвета. Диаметр горловины — 28 см, тулова — 36 см (рис. 8, 42).

Встречаются обломки тонкостенных котлов с вертикальными стенками. На одном фрагменте сохранилась горизонтальная ручка-выступ, верхняя часть которой украшена насечками (рис. 8, 41).

Среди обломков имеется фрагмент горшка с загнутым во внутрь краем (с собранным устьем). По верху закраины расположен орнамент из ряда косых проколотых линий. Внешний край закраины украшен вдавлениями (рис. 8, 40).

На единичных фрагментах сохранились наклепные орнаментированные валики.

Наряду с простой посудой в верхнем слое Нижнечуглинского городища обнаружено значительное количество поливной, художественной керамики. Всего обнаружено 394 фрагмента, что составляет 12,5% от общего количества керамики.

Поливная керамика подразделяется на три группы: 1) монохромная, 2) полихромная, 3) импортная.

1. В наибольшем количестве представлена монохромная керамика (219 экз.). Она изготовлена из хорошо вымешанной глины без примесей, черепок красного цвета. Керамика фрагментирована, формы все восстанавливаются. Судя по обломкам, распространенными формами были тарелки, блюда, чаши с плоскими закраинами, с пологими стенками. Обычно эти сосуды имеют кольцевые поддоны. Встречаются поддоны с плавным переходом ко дну и резкие уступчатые (рис. 9, 8—10). Сосуды покрывались поливой по белому ангобу. Наиболее широко применялась зеленая полива разных тонов (светло-зеленая, травянисто-зеленая, табачно-зеленая, темно-зеленая). Встречаются также коричневая, бордовая, желтая, белая с желтым оттенком и в одном случае — темно-синяя.

Отдельные фрагменты монохромной керамики гравированы параллельными линиями, двойными пересекающимися линиями, образующими квадраты.

2. Полихромная керамика (114 экз.) изготовлена из такого же теста, что и монохромная. Сосуды покрыты разноцветной поливой по белому ангобу, раскрашены разноцветными красками и гравированы. Обычные цвета красок: зеленый, коричневый, желтый, марганцевый. Посуда закрашена вертикальными или радиальными расплывчатыми мазками или чередующимися разноцветными полосками. Встречаются черепки, раскрашенные марганцевыми расплывчатыми мазками и кругами, расписанные желто-коричневой краской.

Форма полихромной посуды такая же, что и монохромной: чаши, блюда, тарелки на кольцевых поддонах (рис. 9, 1, 4, 11—13). Встречаются и обломки кувшинов. Один из обломков горловины небольшого кувшина покрыт разноцветной поливой, нанесенной на белоангобированную поверхность, украшенной гравировкой в виде вертикальных тройных линий. Промежутки между ними раскрашены последовательно чередующимися цветами: зеленым, желтым. По основанию закраины проходят две гравированные линии (рис. 9, 3). Частично реставрировано блюдо на кольцевом уступчатом поддоне с пологими стенками, резко переходящими в широкую плоскую закраину. Внутренняя поверхность сосуда разделена на 11 секторов дугообразными гравированными двойными линиями. Сектора и пространство между двойными линиями закрашены последовательно чередующимися красками желтого, коричневого, зеленого цвета, покрытыми прозрачной поливой (рис. 9, 1).

3. К импортной керамике (61 экз.) относятся частично реставрированные чаша и кувшин. Чаша реставрирована из 19 фрагментов керамики, обнаруженных на полу первого помещения. С внутренней и внешней стороны она покрыта прозрачной поливой, нанесенной на слой белого ангоба. Обе стороны украшает марганцевая роспись в виде радиальных двойных полос, разделяющих поверхность на секторы.

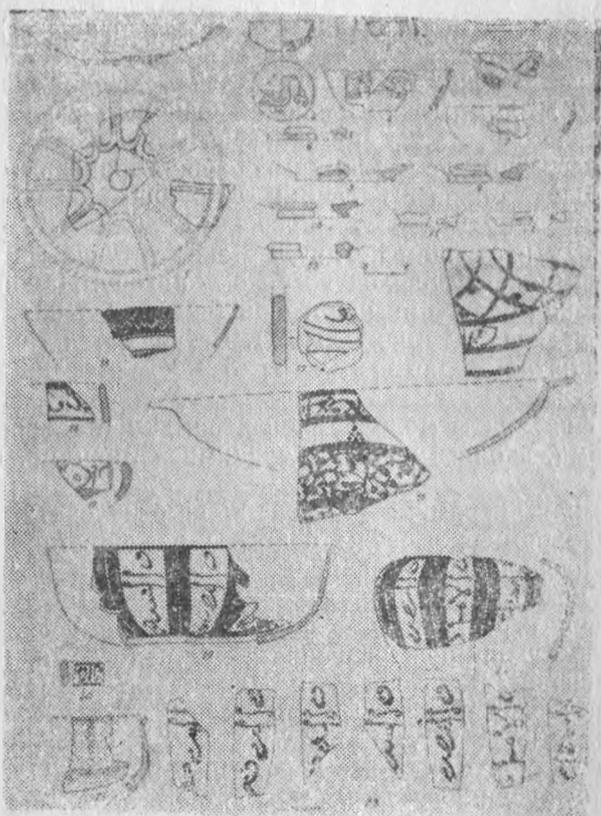

Рис. 9. Поливная керамика: монохромная (8—10),
полихромная (1—7, 11—13), импортная.

С внутренней стороны сектора заполнены арабскими надписями, выполненными марганцевой росписью (рис. 9, 19, 22—23). Обломки кувшина обнаружены в помещении верхнего строительного комплекса. Реставрировано тулово сосуда, покрытого с обеих сторон прозрачной поливой очень высокого качества, нанесенной на слой белого ангоба. На внешней поверхности кувшина сохранилась подглазурная марганцевая роспись в виде двойных широких радиальных полос, разделяющих его тулово на сектора, которые заполнены такими же арабскими надписями, выполненными также марганцевой росписью. Надписи на сосу-

дах выполнены одинаковым почерком «наسخ» с элементами «куфи» и представляют обычные благопожелания (благославление, величие, богатство, радость, победа, вера). Имется также обломок сосуда, покрытого зеленой поливой и с арабской буквой (рис. 9, 15).

Кроме того, к этой же группе относятся фаянсовые сосуды, покрытые голубой и синей поливой, среди которых также встречаются обломки с надписями (рис. 9, 14, 20). Среди импортной керамики имеются также черепки, украшенные люстром.

Импортная керамика обнаружена также среди обломков, собранных на территории городища (рис. 9, 6—18). Это обломки блюд, покрытых по белому ангобу поливой и раскрашенных растительным орнаментом и арабскими надписями, выполненными росписью темнокоричневого цвета (рис. 9, 18).

Импортная посуда имеет южное происхождение. Главным источником импорта, по-видимому, была Иран.

В целом, вскрытые в верхнем горизонте строительные и другие культурные остатки и полученные материалы восполняют наши знания об историческом и культурном развитии населения горного Дагестана в наиболее слабо изученном в археологическом отношении периоде — средневековья Дагестана. Характерной особенностью этого периода является заметный подъем, и даже определенный расцвет культуры, наступивший в результате стабилизации политической обстановки после завершения периода арабских завоеваний. Об этом свидетельствуют находки деталей архитектурного декора, по-видимому, богатых зданий, широкое распространение художественной керамики, среди которой имеется много высокохудожественных изделий и др.

Для датировки этого этапа, наряду с массовой керамикой и другими изделиями, важное значение имеют находки импортной керамики, а также стеклянных браслетов. Известно, что стеклянные браслеты в городах Северного Причерноморья получают широкое распространение с середины X в. и бытуют до XIV в.¹⁰ X—XI веками датируются поздние комплексы Галлинского могильника в Дагестане, где встречены стеклянные браслеты¹¹. Стеклянные браслеты найдены также в поздних комплексах Агачкалинского могильника¹².

Что касается импортной керамики с благопожелательными надписями, то она была распространена в Средней Азии в X—XII вв.¹³

¹⁰ Кротокин В. В. О производстве стекла и стеклянных изделий в средневековых городах Северного Причерноморья и на Руси. КСИИМК, 68, с. 44.

¹¹ Котович В. Г. Археологические работы в горном Дагестане.— МАД, т. II, Махачкала, 1961, с. 53.

¹² Смирнов К. Ф. Агачкалинский могильник — памятник хазарской культуры Дагестана. КСИИМК, XXXVIII, 1951, с. 117.

¹³ Большаков О. Г. Арабские надписи на поливной керамике Средней Азии в XII в.— Эпиграфика Востока, 1958, № 1.

В Закавказье подобная керамика обнаружена в Орен-кале в слоях, датируемых XII—XIII вв.¹⁴ В слоях этого же времени аналогичная керамика обнаружена и в Дербенте.

В свете этих данных представляется возможным датировать верхние слои Нижнечуглинского городища в пределах X—XIII—XIV вв.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

¹⁴ Гюзальян Л. Т. Надписи на местной керамике из Орен-калы. МИА, 67, с. 331

БУЙНАКСКИЙ КУРГАН*

Изучение погребального инвентаря Буйнакского могильника позволяет разбить все погребения на две хронологические группы: раннюю, датируемую III в. н. э. (может быть — с конца II в. н. э.) и позднюю, IV—V—нач. VI вв. н. э.

Рассмотрим сначала инвентарь ранней группы (погр. №№ 17, 21, 23, 24, 25).

Керамика. Для ранней группы характерно незначительное количество керамики, представленной часто в обломках. Основную массу составляет сероглиняная керамика. Из красноглиняных найден только один кувшин (погр. 17), от которого сохранился обломок горла со сливом. Кувшин сделан из светлой желто-розовой хорошо отмученной глины. Поверхность покрыта темнокрасным ангобом, который сохранился лишь местами. Кувшин имеет слив, оформленный в виде морды зверя (слив отделен от горла перемычкой, по обе стороны которой имеются 2 круглых конических выступа-глаза (рис. 1, 2). Этот сосуд по ряду признаков сближается с керамикой ялойлутепинской культуры¹ и погребений Мингечаура I—II вв. н. э.²

Второй сосуд из этой же могилы — сероглиняный лощеный тонкостенный кувшин очень хорошего обжига. Он имеет цилиндрическое горло и раздутое тулово. Сосуд орнаментирован резными линиями. На тулове имеется ряд вертикальных наделов, украшенных насечками (имитация шнура) (рис. 1, 3). Такие сосуды известны в сарматских погребениях Поволжья первых веков н. э.³, где они являлись, очевидно,

* Первую часть статьи М. П. Абрамовой, посвященную разбору погребального инвентаря Буйнакского кургана, см. в кн.: Археологические памятники раннесредневекового Дагестана. Махачкала, 1978, с. 53.

¹ Исмизаде О. Ш. Ялойлутепинская культура. Баку, 1956, табл. XXXI, 4.

² Нариманов И. Г., Асланов Г. М. Об одной группе погребальных памятников Мингечаура, — МКА-IV, 1962, с. 239, табл. II, 6.

³ Смирнов К. Ф. Курганы у с. Иловатка и Политотдельское. — МИА-60, 1953, с. 273, рис. 26, 8.

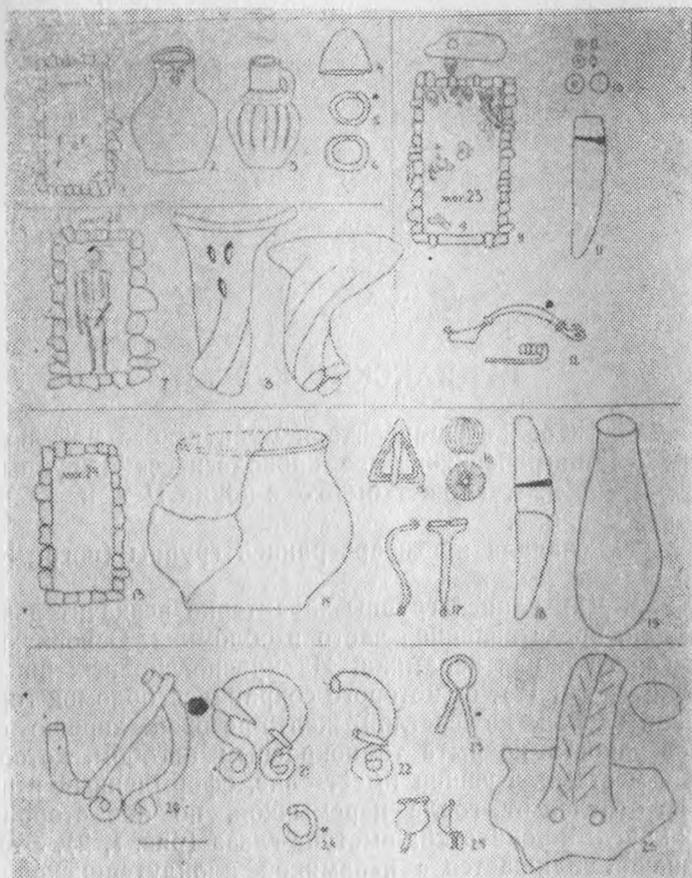

Рис. 1. Погребения ранней группы (конец II—III в. н. э.):
 1—6 — погр. 17; 7—8 — погр. 21; 9—21 — погр. 23; 13—19 —
 погр. 24; 20—26 — погр. 26.

кавказским импортом. Оба эти сосуда по аналогии датируются в пределах I—III вв. н. э., но, поскольку они найдены вместе с бронзовой пряжкой (круглопроволочной овальной с расширяющейся передней частью) — тип, начинающий только появляться в позднесарматское время (II—IV вв. н. э.), это погребение надо датировать не ранее конца II в. н. э., а скорее всего III в. н. э.

Кроме этих двух целых сосудов в 2-х погребениях (№№ 21 и 26) найдены обломки ручек сероглиняных сосудов. Ручка из могилы 21 витая — свита из 3-х жгутов. Верхняя часть ее уплощена и на ней имеют-

ся три удлиненно овальные углубления (рис. I, 8). Витые ручки встречаются у сосудов рубежа и первых веков н. э. на широкой территории. Украшение же верхней части ручек сосудов углубленными насечками характерно для многих сосудов из кувшинных погребений Мингечаура⁴, которые, кстати, содержат и сосуды с витыми ручками⁵. Ручка серолощенного сосуда из погребения 26 круглая в сечении, на внешней поверхности имеет продольное ребро, по обе стороны которого проходит орнамент из параллельных насечек (в виде елочки). У основания ручки — 2 круглых плоских налепа (рис. I, 26). Орнаментированные таким образом ручки встречаются на керамике первых веков н. э. различных областей, довольно часто такой орнамент встречается на сосудах из кувшинных погребений Мингечаура, где вообще очень широко развито украшение сосуда (ручки или тулова) плоскими круглыми налепами⁶.

К группе ранних сосудов можно, очевидно, отнести еще один горшок (рис. I, 14), найденный в земле рядом с мог. 24 вместе с обломками человеческих костей, углями и некоторыми вещами, в том числе арбалетовидной фибулой, позволяющей датировать это, очевидно, разрушенное погребение.

Таким образом, керамика ранней группы погребений представлена, в основном, сероглиняными сосудами, которые по своим формам и по приемам орнаментации связываются главным образом с закавказской—албанской керамикой.

Оружие в этой группе погребений не найдено.

Из орудий труда в двух погребениях (№№ 23 и 24) найдены железные ножи с прямым лезвием и горбатой спинкой.

Украшения. Бронзовые и железные *пряжки* представлены тремя видами. В мог. 24 найдена плоская бронзовая пряжка в виде равнобедренного треугольника, к основанию которого прикреплен железный язычок (рис. I, 15). Эта форма пряжки не находит себе аналогии в других областях и, очевидно, является своеобразной местной формой.

В могиле 17 найдена круглая пряжка из бронзового прута с расширяющейся передней частью (рис. I, 6). Пряжки этого типа составят одну из ведущих форм пряжек следующей группы погребений (IV—V вв.). Они появляются в памятниках сарматского времени, главным образом, на позднем этапе (II—IV вв.) на обширной территории. На Кавказе они встречаются в сарматских памятниках I—III вв. н. э. (Алласте, Моздок, Ачикулак)⁷, в Дагестане они найдены в могильниках

⁴ Казиев С. М. Альбом кувшинных погребений. Баку, 1960, табл. XX, 4, 7.

⁵ Там же, табл. IX, 2.

⁶ Казиев С. М. Указ. соч., табл. XXI, 12, табл. X, 1, 3.

⁷ Виноградов В. Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Труды Чечено-Ингушского НИИ, т. VI, 1963, с. 202, рис. 27, с. 205, рис. 32, с. 207, рис. 34.

Хабада⁸, Тарки⁹, и Карабудахкент¹⁰ албано-сарматского времени.

В погребении 26 найдены железные пряжки — *сюльгамы с железными язычками* (рис. I, 20—22). Пряжки-сюльгамы с конца I тысячелетия до н. э. и в I тысячелетии н. э. распространяются на обширной территории, особенно они характерны для памятников финно-угорской культуры, в частности, пьянсборской. Однако, возможно, из-за слабой изученности памятников пьяноборской культуры на древнем ее этапе (конец I тысячелетия до н. э.), наиболее ранние экземпляры сюльгам известны не в финно-угорских, а в скифских и сарматских памятниках, хотя они и встречаются там крайне редко. Они найдены в «Частых Курганах» под Воронежем¹¹, в Каменном городище¹², у сарматов Поволжья¹³. Все они железные, датируются IV—III вв. до н. э. Близкая к ним сюльгама, но сделанная из витого железного стержня, найдена на городище Соколова гора¹⁴. Такой же формы пряжка найдена и на Троицком городище под Москвой. А. Ф. Дубынин датирует ее III—II вв. до н. э.¹⁵

Таким образом, из железных сюльгам, найденных в европейской части СССР, буйнакские являются наиболее поздними. Для территории С. Причерноморья железные сюльгамы, как правило, предшествуют бронзовым.

Следующую группу застежек составляют *фибулы*. Все они бронзовые, найдены в трех погребениях (№№ 23, 24, 26). В погр. 23 найдена фибула с бусиной на головке и с крючком для тетивы (рис. I, 12), датируемая А. К. Амброзом II в. н. э.¹⁶

Фибула из мог. 24 имеет изогнутую пластинчатую дужку, которая на переднем конце переходит в прямоугольное расширение с разрезом в середине, свернутое в трубочку. Внутри трубочки продет тонкий железный стержень. На другом конце фибулы имеется приемник для иглы, конец оформлен в виде поднятого вверх короткого круглого в сечении стерженька, украшенного кольцевой нарезкой. Игла железная, откидная

⁸ Пикуль М. И. Хабадинский могильник.—МАД-II, 1961, с. 152, табл. XI, 1—3, 6—9.

⁹ Крупнов Е. И. Новый памятник древних культур Дагестана.—МИА-23, 1951, с. 217, рис. 8, 2.

¹⁰ Смирнов К. Ф. Грунтовые могильники албано-сарматского времени у с. Карабудахкент.—МАД-II, 1961, рис. 19, № 374, рис. 35, № 80, 82.

¹¹ Замятин С. Н. Скифский могильник «Частые Курганы» под Воронежем.—СА-VIII, 1946, с. 16, рис. 3, с. 41, рис. 29.

¹² Граков Б. Н. Каменное городище на Днестре.—МИА-36, 1954, с. 108, табл. XI, 8.

¹³ Шилев В. П. Калиповский курганный могильник.—МИА-60, 1959, с. 439, рис. 44, 16.

¹⁴ Трубицкова Н. В. Городище Соколова гора под Москвой.—Труды ГИМ, вып. 37. Археологический сборник, 1960, с. 79, рис. 3, 4.

¹⁵ Дубынин А. Ф. Троицкое городище Подмосковья.—СА, 1964, № 1, с. 188, рис. 3, 2, с. 192.

¹⁶ Амброз А. К. Фибулы юга европейской части СССР.—САИ-Д1—30, М., 1966, с. 40, табл. 8, 7, 8.

(рис. 1, 17). Длина фибулы около 4,5 см. Фибулы подобного типа найдены в Дагестане в Карабудахкентском могильнике № 3 II—III вв. н. э.

Бронзовая фибула из погребения 26 — миниатюрная (длина около 2,5 см), также с железной откидной иглой, имеет спинку в виде выпуклого полушария из тонкой бронзы (рис. 1, 25).

Обе фибулы относятся к типу шарнирных дуговидных фибул, характерных для территории Дагестана, и датируются А. К. Амброзом II—III вв.¹⁷

Височные привески ранней группы погребений представлены двумя видами. В могиле 17 и среди вещей рядом с могилой 16 найдены привески из тонкой бронзовой проволоки с заходящими друг за друга концами (рис. 1, 5).

В могиле 26 найден еще один тип височных привесок, так называемые петлевидные, с довольно длинными разомкнутыми концами (рис. 1, 23). В отличие от предыдущего типа, распространенного на широкой территории, это — несомненно местный дагестанский тип, встречающийся здесь еще в скифское время¹⁸. Такие же привески известны в Дагестане в первые века н. э. (Карабудахкентский могильник № 1)¹⁹. Изредка эти привески встречаются в сарматских памятниках Поволжья²⁰, что подтверждает наличие связей сарматов Поволжья с племенами Северного Кавказа. Найдены были такие привески и в погребениях II—IV вв. н. э. Бирского могильника (Башкирия)²¹, что также говорит о связях между этими территориями.

В могиле 17 найден колокольчик из тонкой бронзовой пластины с отверстием в верхней части (рис. 1, 4).

Бусы ранней группы найдены в двух погребениях (№№ 23, 24). Их мало, все они стеклянные одноцветные, главным образом, зеленого и коричневого цвета. По форме круглые или овальные (рис. 1, 10). В могиле 24 найдена реберчатая бусина из голубой египетской пасты (рис. 1, 16). Такие бусы характерны, главным образом, для памятников римского времени на широкой территории.

Кроме этих вещей в могилах I группы найдены раковины каури и кусочек мела (мог. 23).

Следующую группу составляют погребения, которые можно датировать IV—V вв. н. э. Сюда относится основное число погребений Буйнакского могильника с разнообразным инвентарем.

Керамика поздней группы погребений представлена гораздо лучше.

¹⁷ Там же, с. 27, табл. 4, 23, 24.

¹⁸ *Пикуль М. И.* Хабардинский могильник, с. 154, табл. IX, 2, 7.

¹⁹ *Смирнов К. Ф.* Грунтовые могильники албано-сарматского времени, рис. 19, № 376, рис. 24, № 265.

²⁰ Бережновский II мог., К 20; *Синицын И. В.* Древние памятники в низовьях Еруслана.—МИА-78, 1960, с. 35, рис. 11, 3.

²¹ *Мажитов И. А.* Научный отчет о результатах археологической экспедиции в Бирский, Бураевский, Бултачевский, Калтасинский районы БАССР за 1959 г., Архив ИЛ. р. 1, № 2005а, т. 17, 4.

Здесь имеются погребения (№№ 6, 13), содержащие до 10 и более сосудов. Изменяется и состав керамики. Здесь господствуют красноглиняные сосуды, в подавляющем большинстве своем покрытые красным или бурым ангобом. Из общего числа сосудов этой группы (более 30) только 2 сероглиняных сосуда по качеству глины можно сравнить с ранними сероглиняными сосудами. Один из этих сосудов (из мог. 1) и по времени скорее всего сближается с группой ранних сосудов. Сохранилась только верхняя часть этого кувшина — горло с ручкой и венчик (рис. II, 40). Поверхность его покрыта ангобом, венчик со сливом, который отделен от горла наложенными сверху двумя круглыми в сечении глиняными валиками, концы которых отогнуты в разные стороны. Горло у основания опоясано рельефной линией, от которой в центре (под сливом) отходят вниз 3 короткие рельефные линии. Ниже горизонтального рельефного валика проходит орнамент из ряда двойных круглых плоских налепов. Один такой налеп имеется на сливе. Точной аналогии такому сосуду найти не удалось, однако, приемы подобной орнаментации широко известны в албанской керамике: в ялойлутепинской культуре и в

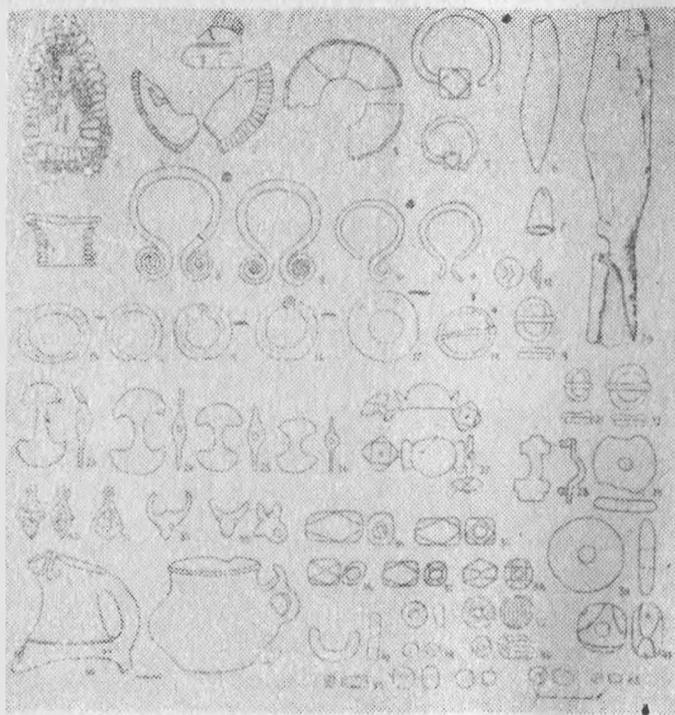

Рис. II. Погребения поздней группы (IV—V вв.):
1—48 — погр. 1.

кувшинных погребениях²². Второй сосуд, сероглиняный производит впечатление более позднего. Этот серолощенный сосуд (из мог. 13) более толстостенный и грубый по сравнению с албанской керамикой. Он имеет высокое, слегка расширяющееся кверху горло со сливом и низкое округлое тулово. У дна и у основания горла выделено горизонтальными полосами два пояса, украшенных зигзагообразными линиями (рис. V, 15). Сходный с ним кувшин Мингечаура²³. Он также украшен зигзагообразными линиями. По орнаменту он сближается с кувшином из погре-

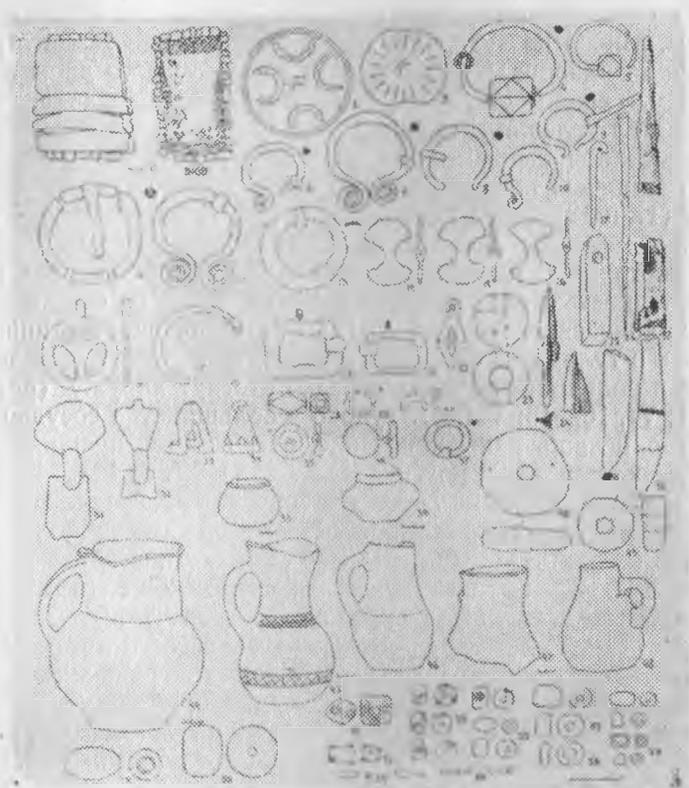

Рис. III. Погребения поздней группы (IV—нач. VI вв.):
1—57 — инвентарь погр. 2—6.

²² Рзаев Н. И. Художественная керамика Кавказской Албании. Баку, 1964; Исми-заде О. Ш. Ялолутепинская культура, табл. XXXII, 4; Казиев С. М. Альбом кувшинных погребений, табл. VI, табл. X, 1, 3, 7; табл. XXVI, 6, табл. XXIX, 3.

²³ Казиев С. М. Альбом кувшинных погребений, табл. XX, 2.

бення сарматского времени Таркинского могильника²⁴, однако, несмотря на эти ранние параллели, ближайшую аналогичную ему по форме мы находим в Пашковском могильнике № 1 (IV—V вв. н. э.)²⁵, очевидно, и буйнакский кувшин можно датировать этим же временем. Сосуды такой формы встречаются и в более позднее время, например, в Агачкалинском могильнике²⁶, но там они красноглиняные, тонкостенные, хорошего обжига.

К группе сероглиняных сосудов следует, по-видимому, отнести и миску из могилы 20 (в могиле, кроме двух сосудов, ничего не найдено, но наличие в ней деформированных черепов позволяет отнести ее к поздней группе). Миска не сохранилась, имеется только фотография ее в публикации Захарова²⁷. Это большая миска с узким дном и загнутым внутрь краем. Такие миски встречаются на Северном Кавказе как в сарматское, так и в более позднее время²⁸.

Наиболее характерными для поздней группы керамики являются, как уже отмечалось, красноглиняные сосуды, в подавляющем большинстве своем (17 и 19) покрытые красным или бурым ангобом. По форме эти ангобированные сосуды довольно однообразны. Большую часть их (14 из 17) составляют однотипные кувшины с одной ручкой. Отличительной их особенностью является высокое (от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ общей высоты сосуда) цилиндрическое, иногда слегка расширяющееся книзу горло, переходящее в тулово не плавно, а резко (под углом). Венчик иногда прямой, но в большинстве случаев резко отогнут наружу (рис. IV, 6, 7, 8, 10, V, 44; VI, 16—18; VII, 2). Тулово у большинства сосудов раздутое биконическое, и лишь как исключение, встречаются кувшины с вытянутым, слегка расширяющимся туловом (рис. IV, 7, 10). Ручки у всех кувшинов плоские, 4-гранные в сечении, начинаются под венчиком и оканчиваются у середины тулова. Лишь в одном случае кувшин имел петлевидную ручку на плечиках (рис. IV, 14). Два сосуда из могилы 6 имели в верхней части ручки утолщение в виде валика (рис. IV, 7, 10). Все эти сосуды сходны между собой и по глине. Они сделаны из красной, большей частью светлых розоватых тонов глины, хорошо отмученной, с примесью толченых раковин и шамота. Поверхность красного цвета покрыта густым темнокрасным, иногда буро-коричневым ангобом и в большинстве случаев сверху еще залощена. Сосуды все очень хорошего обжига. Из этой группы кувшинов выделяется лишь один черепок

²⁴ Смирнов К. Ф. Археологические исследования в районе с. Тарки.—МИА-23, 1951, с. 269, рис. 22, 1.

²⁵ Погр. 8, № 407, ГИМ, инв. № 82812.

²⁶ Смирнов К. Ф. Археологические исследования в Дагестане в 1948—1950 г.—КСИИМК-45, 1952, с. 94, рис. 39, 31.

²⁷ Zakharov A. A. Contributions to the Caucasian Archaeology. A large barrow in Daghستان. ESA-V, 1930, p. 215, f. 34.

²⁸ Деоник В. Б. Змейское средневековое селище. Археологические раскопки в районе Змейской Сев. Осетии. Труды арх. эксп. 1953—1957 гг., Орджоникидзе, 1961.

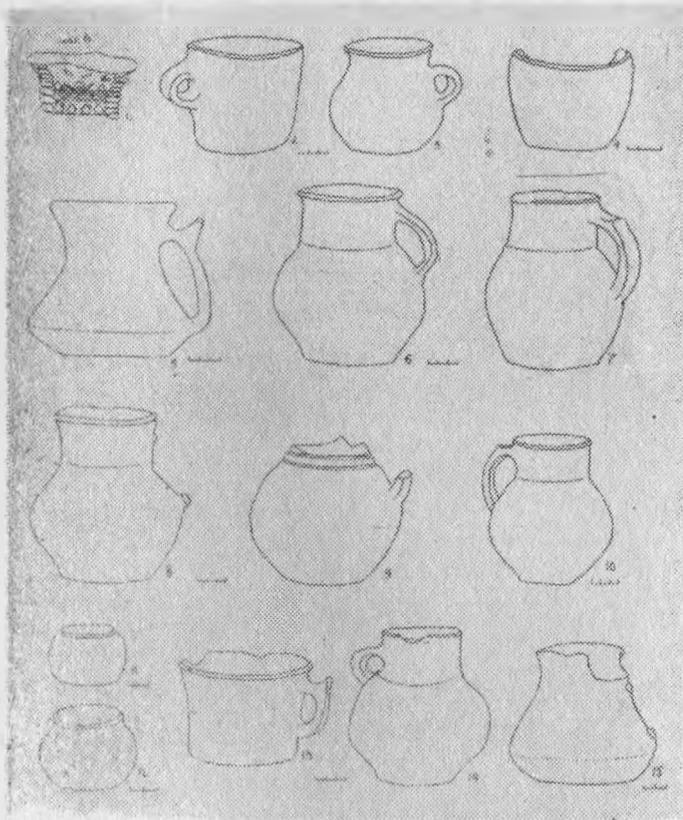

Рис. IV. Погребения поздней группы (IV—нач. VI вв.):
 1 — разрез мог. 6; 2—11 — мог. 6; 12 — мог. 2 или 6;
 14, 15 — мог. 2.

в изломе ярко-красный, но по краям — серый. Ручка небольшая, петлевидная. Поверхность покрыта темным коричневым ангобом (рис. IV, 14).

Ангобированные кувшины такой формы не характерны для памятников более раннего времени — их совсем нет в Карабудахкентском могильнике № 3, хотя красноангобированная керамика там представлена довольно хорошо. Поэтому эти формы можно считать характерными для Дагестана IV—V вв., хотя зарождение их, возможно, относилось и к более раннему времени — один миниатюрный красноангобированный кувшин такой формы найден в Хабдинском могильнике I—III вв. н. э.²⁹

²⁹ Пиккуль М. И. Хабдинский могильник.—МАД-II, с. 151, табл. X, 8.

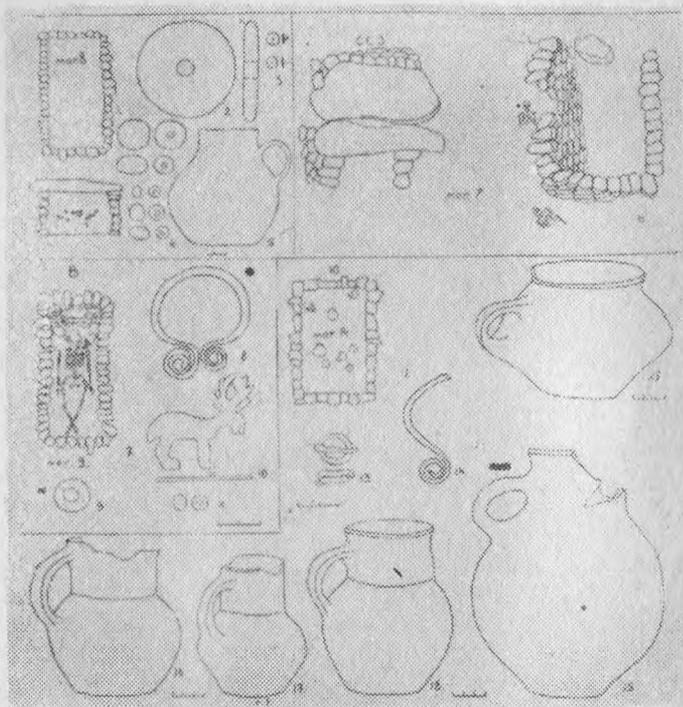

Рис. V. Погребения поздней группы (IV—V вв.):
1—59 — мог. 13.

К группе красноангобированной керамики относятся еще три сосуда. Два из них — горшки с биконическим, как и у кувшинов, туловом и отогнутым венчиком, на плечиках по одной небольшой ручке. У горшка из мог. 14 — плоская петлевидная ручка (рис. VI, 15), горшок же из мог. 1 имеет ручку в виде стилизованной фигурки животного (рис. II, 41). Последний красноангобированный сосуд (из мог. 6) имеет вид чаши с прямыми стенками (в виде цилиндра, слегка расширяющегося кверху, край отогнут наружу). Овальная ручка имеет наверху прямой отросток и в целом также имеет вид стилизованной фигурки животного (рис. IV, 13). Цилиндрические чаши хорошо известны как в Закавказье³⁰, так и на Северном Кавказе, в частности, в Дагестане³¹, еще с эпохи энеолита и раннебронзового века. Известны они и в кобанской

³⁰ Куфтин Б. А. Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и куро-аракский энеолит. — ВМГ. XIII-V. Тбилиси, 1943, табл. XX, 1, 2, 4.

³¹ Котович В. Г. Археологические работы в горном Дагестане. — МАД-II. 1961, рис. 19, 2.

культуре, в том числе и с ручкой в виде реалистической фигурки животного³². Так что эта форма имеет корни во многих областях Кавказа, однако по характеру глины и по способу обработки поверхности этот сосуд ничем не отличается от других сосудов данной группы, и поэтому может рассматриваться как местный, дагестанский.

К группе красноглиняных кувшинов относятся еще 2 (из мог. 13). Они выделяются из всей этой группы не только отсутствием ангоба на поверхности, но и своим внешним видом. Оба эти кувшина толстостенные, сделаны из глины краснокирпичного цвета. Поверхность заглажена и залощена. Кувшины имеют узкое горло и грушевидное, расширяющееся книзу тулово (в одном случае на тулове небольшой уступ). Ручки массивные, круглые в сечении. У основания ручки одного кувшина имеется круглое сквозное отверстие (рис. V, 46, 48). По форме оба эти кувшина отличаются от других буйнакских сосудов и имеют сходство с некоторыми кувшинами из Агачкалинского могильника³³, однако, по качеству последние значительно отличаются от них. Агачкалинские сосуды тонкостенные, очень хорошего обжига, буйнакские — значительно грубее, и поэтому при их датировке мы не можем ссылаться на агачкалинские экземпляры. Они, несомненно, более ранние и возможно, послужили прототипами для некоторых агачкалинских форм.

Последнюю группу керамики составляют грубые кухонные сосуды. В большей своей части они пережжены и тогда имеют черный в изломе черепок и черную поверхность. Поверхность в большинстве случаев залощена. По составу глины и по качеству эти сосуды сближаются с более ранними — из Таркинского и Карабудахкентского могильников³⁴.

Формы сосудов этой группы разнообразны. В трех могилах (2, 6 и 19) найдены кружки с ручками в виде стилизованных фигурок животных, с ребром в нижней части тулова (рис. IV, 5; VII, 35). Одна из таких кружек (мог. 19) имеет на ручке два круглые налепа, имитирующие глаза (рис. VII, 35). В могиле 6 найдена кружка с цилиндрическим, слегка расширяющимся кверху туловом и плоской петлеvidной ручкой (рис. IV, 2). В могиле 14 найден кувшин больших размеров с шаровидным туловом, невысоким горлом и желобчатой петлеvidной ручкой (рис. VI, 19). Выделяется из этой группы своим хорошим качеством небольшой горшочек — кружка из мог. 6. Он сделан на гончарном круге и имеет на дне клеймо в виде круга с крестом (рис. IV, 3). К этой же группе керамики относятся несколько миниатюрных сосудов с биконическим, шаровидным или несколько расширяющимся книзу туловом и прямым, или чаще, отогнутым венчиком (рис. IV, 11, 12; V, 38, 39).

Таким образом, для поздней группы керамики характерно уменьше-

³² МАК-VIII, табл. XXIV, 8.

³³ Смирнов К. Ф. Археологические исследования в Дагестане., с. 94, рис. 39, 25, 30.

³⁴ Смирнов К. Ф. Грунтовые могильники., с. 208.

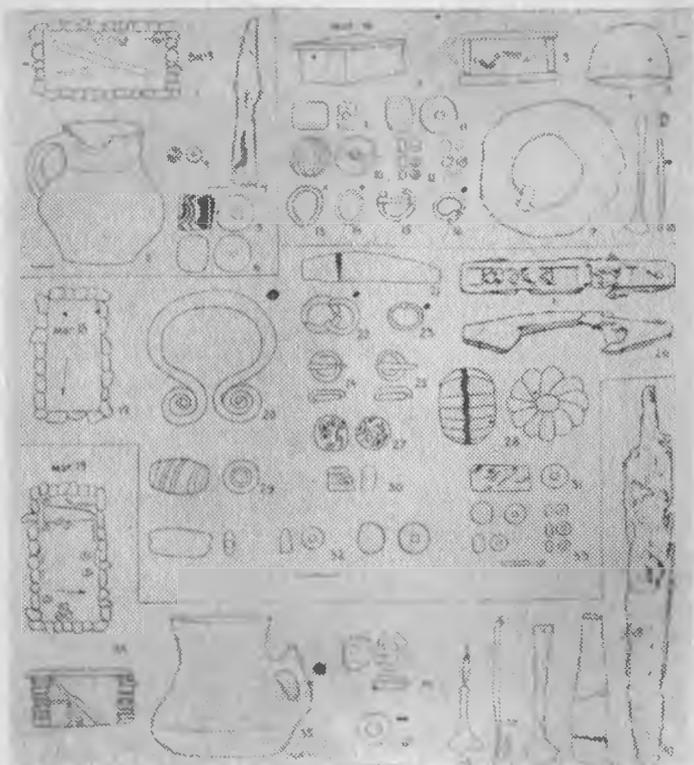

Рис. VI. Погребения поздней группы (IV—V вв.):
 1—5 — мог. 8; 6 — мог. 7; 8—11 — мог. 9; 12—18 —
 мог. 14; 19 — мог. 13 или 14.

ние количества сероглиняных тонкостенных сосудов хорошего обжига и увеличение числа красноангобириванной керамики. По качеству ангоба (густой) буйнакские сосуды можно отнести к I половине I тысячелетия н. э. И по формам, и по качеству ангоба буйнакские сосуды близки к керамике с поселения Нов. Надежда Бабаюртовского района II—V вв. н. э.³⁵ Для VI—VII вв. характерна негустой ангоб, наведенный большей частью не сплошь, а полосами³⁶. Кроме этих двух групп имеется значительное число сосудов грубой черной глины. Эта группа кера-

³⁵ Пиккуль М. И. Некоторые сведения о средневековых поселениях Дагестана. Рук. фонд ИИЯЛ Даг. ФАН СССР, д. № 2298.

³⁶ Пиккуль М. И. Отчет о результатах археологических исследований в 1957; Рук. фонд ИИЯЛ, д. № 2474.

мики довольно хорошо представлена и в Гапшине, и в более поздних памятниках (Чирюртовский могильник и поселение)³⁷.

Оружие этой группы погребений представлено мечами, кинжалами, копьями и стрелами. Все это оружие сделано из железа, часто очень плохой сохранности (главным образом, в фрагментах).

Мечи, кинжалы найдены в нескольких погребениях: № 6 (фрагмент лезвия), № 13 (фрагмент лезвия), № 15 (фрагмент лезвия меча или копья), № 18 (полностью проржавевший кинжал не сохранился и, очевидно, от него — инкрустированное перекрестие), № 19 (целый кинжал). Короткий железный меч или кинжал (длина 37 см) из погребения 19 имеет обоюдоострое лезвие шириною 3—4 см. На поверхности видны следы дерева. Меч имеет узкую рукоять, навершия и перекрестия нет. У основания лезвия с одной стороны имеется вырез для прикрепления рукоятки (с другой стороны в этом месте лезвие обломано) (рис. VII, 42). Короткие мечи такого типа с Боспора датируются II—III вв. н. э.³⁸ Однако целый ряд таких же мечей известен и из первой группы погребений Борисовского могильника³⁹, таким образом, дату существования их нужно доводить до VI в. н. э. Буйнакский кинжал найден в одном погребении с длинным поясным наконечником IV—V вв. н. э., поэтому его можно датировать этим временем.

Кинжал из могилы 18 не сохранился совсем. Только из дневника мы узнаем, что в засыпке могилы был найден полностью проржавевший кинжал и фрагменты железного предмета с бронзовой инкрустацией⁴⁰, которые после реставрации оказались перекрестием меча или кинжала. Перекрестие прямое, в плане овальное. Передняя часть его, которая сохранилась полностью, была инкрустирована стеклянными вставками. Изображение, в основном, симметричное — из прямоугольных и треугольных фигур, только справа помещен прямоугольник из желтого стекла, а в центре левого края — маленькая круглая красная вставка. Стеклянные вставки сохранились далеко не все, первоначально же они заполняли сплошь всю переднюю поверхность перекрестия, отделяясь друг от друга тонкими бронзовыми перегородками (рис. VII, 26).

Изделия с инкрустацией наиболее характерны для IV—V вв., когда они распространились довольно широко. Сводка находок таких предметов, в том числе из Крыма (Керчь) и Кавказа (В. Рутха, Байтал-Чапкан, Гиляч, Алды, Пашковский могильник № 1 и др.) дана в работе Т. М. Минаевой⁴¹.

³⁷ Путинцева Н. Д. Гапшинский могильник — памятник раннего средневековья Нагорного Дагестана. Рук. фонд ИИЯЛ, д. № 2410.

³⁸ Сокольский Н. И. Боспорские мечи. — МИА-33, М. 1954, с. 159, рис. 7.

³⁹ Саханев В. В. Раскопки на Сев. Кавказе в 1911—1912 гг. — ИАК-56, 1914, с. 126, рис. 16.

⁴⁰ Zakharov A. A. A large barrow... ESA-V, p. 202.

⁴¹ Минаева Т. М. Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани. — МИА-23, М., 1951, с. 294—296.

Ближайшими аналогиями буйнакскому перекрестью среди золотых вещей являются инкрустированные изделия, в том числе и оружие Крыма (Керчь)⁴² и Германии⁴³. Обе группы вещей датируются IV—V вв. н. э. Поскольку буйнакское перекрестие является подражанием, его надо датировать не ранее конца IV в., а скорее всего V в. н. э.

Наконечники копий найдены в нескольких погребениях (№№ 1, 6, 13, 15, 18, 22, 25). Большинство из них очень плохой сохранности и представлено только в фрагментах. Сравнительно хорошей сохранности только 4 наконечника. Наконечник копья из могилы I имеет довольно короткую втулку и уплощенно-овальное в сечении перо (рис. II, 20). В могиле 15 под детским черепом найден миниатюрный железный наконечник копья. Общая длина его 15,5 см, причем длина втулки равна длине пера. Перо плоское, по-видимому, посредине его проходило слабо выраженное ребро (рис. VII, 4). В могиле 25 наконечник копья имел довольно массивную втулку и узкое листовидное перо (рис. VIII,

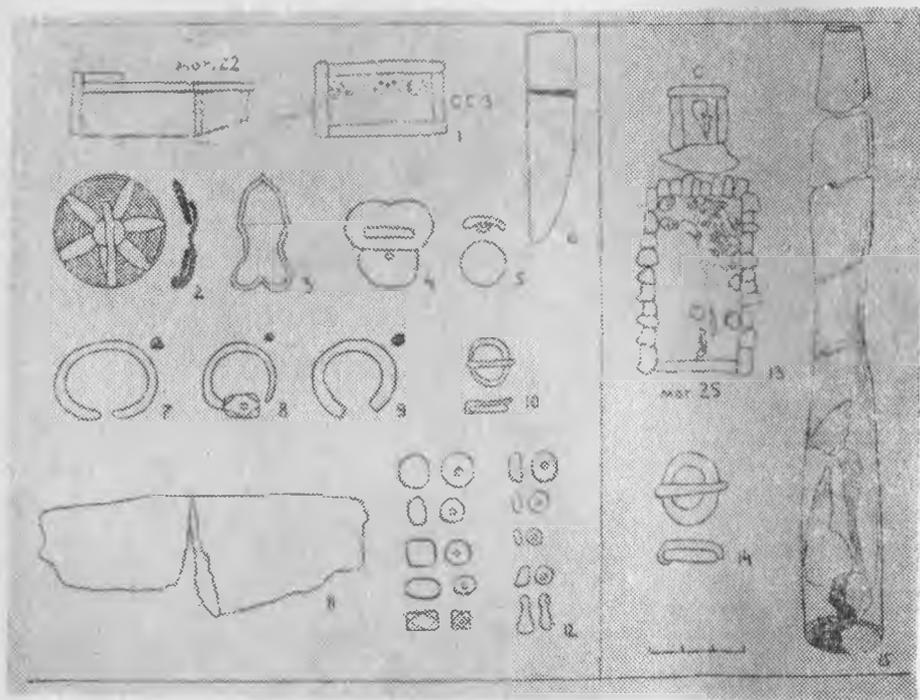

Рис. VII. Погребения поздней группы (IV—V вв.): 1—6 — мог. 15; 7—18 — мог. 16; 19—33 — мог. 18; 34—42 — мог. 19.

⁴² Спицын А. А. Вещи с инкрустациями из керченских катакомб, с. 120—122.

⁴³ Berthold Schmidt Thüringische Hochadels gräber der Späten Völker, Wanderungszeit Varia Archeologica.

15). Копье из погребения 13 имело длинную втулку, резко сужающуюся к перу. Перо узкое, короткое, в сечении ромбическое. В месте перехода втулки в перо по краям имеются полукруглые выступы (рис. V, 27). Своеобразие этого копья заключается в том, что оно имеет длинную массивную втулку и узкое короткое лезвие. Копье это можно считать местной кагазской формой. Ближайшей к нему аналогией является копье из кургана у с. Гойты (Чечено-Ингушетия) V в. до н. э., правда, пропорции его несколько иные⁴⁴.

Стрелы. Железные наконечники стрел найдены в 2-х погребениях: № 2 (1 экз.) и № 13 (2 экз.). Они однотипны. Это железные трехлопастные черешковые стрелы, длиной 3—4 см (рис. III, 36; V, 24). Ближе всего они к позднесарматским стрелам II—IV вв. н. э., распространенным в это время на очень широкой территории. В Дагестане стрелы, аналогичные буйнакским, найдены, в частности, в 3 Карабудахкентском могильнике II—III вв. н. э.⁴⁵ С IV—V в. по всей обширной территории распространения этих стрел они сменяются другими типами — также 3-лопастными черешковыми, но с уступами у основания черешка, трехлопастными ромбическими в сечении). Эта смена типов стрел характерна и для Дагестана. Такие стрелы известны, в частности, из Гоцатля, из Гидибского, Гапшиминского и др. могильников раннесредневекового Дагестана⁴⁶.

Из орудий труда во многих погребениях (№№ 1, 13, 15, 18, 19, 22) найдены *железные* ножи таких же типов, как и в ранней группе (горбатая спинка и прямое лезвие (V, 41, 42; VII, 21; VIII, 6).

Прислица найдены в нескольких погребениях. Сделаны они из разных материалов: камня (погр. № 1 и 2 — рис. II, 39), из серой и красной глины (погр. 2 и 13 — рис. III, 37, 55—57), из какой-то меловой породы, очевидно — мергеля (погр. 1, 2, 13 — рис. II, 29; V, 40, 43), но по форме все они довольно однообразны — плоские цилиндрические. В погребении 2 найдено прислице из головки бедра, подобные ему известны из Карабудахкентского могильника № 1)⁴⁷.

В нескольких погребениях Буйнакского могильника найдены *кремни* (погр. 1, 13, 14, 15), а в погр. 13 — каменный оселок 4-гранный, вытянутой формы с отверстием для подвешивания (рис. V, 25).

Туалетные принадлежности. Бронзовые *зеркала* найдены всего в 2-х погребениях: в погр. 1 и 13. Все они однотипны — с центральной петлей и рельефным орнаментом. У зеркала из погр. 1 по краю проходит широкий валик с рельефными поперечными линиями и центральную часть

⁴⁴ Марковин В. И. Скифские курганы у С. Гойты (Чечено-Ингушетия), — СА — 1965, № 2, с. 165, рис. 6, 2.

⁴⁵ Смирнов К. Ф. Грунтовые могильники албано-сарматского времени., с. 213, рис. 38, № 54, 94, с. 215, рис. 39, № 126.

⁴⁶ Атаев Д. М. Некоторые средневековые могильники Аварии. — МАД-II, 1961, с. 241, рис. 18, 12—14, с. 244, рис. 24, 1.

⁴⁷ Смирнов К. Ф. Грунтовые могильники., с. 177, рис. 19, № 232.

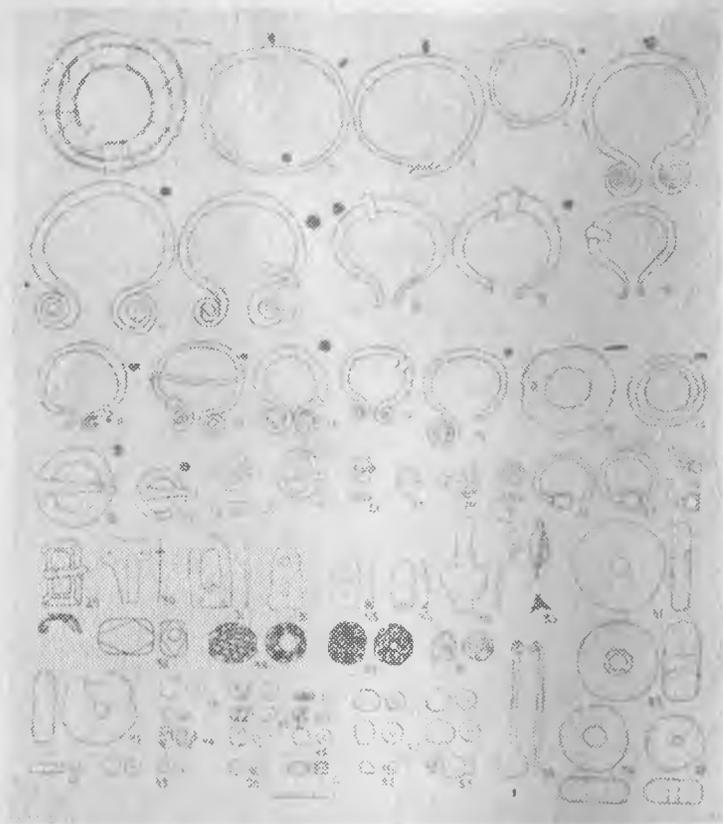

Рис. VIII. Погребения поздней группы (IV—нач. VI вв.):
1—12 — мог. 22; 12—15 — мог. 25.

занимает узор из беспорядочных рельефных линий (полностью узор не восстанавливается) (рис. II, 2). Первое зеркало из могилы 13 имеет орнамент из радиальных лучей (рис. V, 3), второе — с узким невысоким бортиком, по краю — орнамент из четырех рельефных дуг (рис. V, 2). Такой же орнамент имеется на зеркальце с боковой петлей из Карабудахского могильника № 1 (I—II вв. н. э.)⁴⁸. Зеркала с центральной петлей распространяются на Северном Кавказе со второй половины II в. н. э. и бытует здесь до начала II тысячелетия н. э.

⁴⁸ Там же, с. 210, рис. 35, № 76.

Пряжки — наиболее многочисленная и разнообразная категория инвентаря погребений II группы. Делятся на несколько видов: пряжки-сюльгамы, круглопроволочные плоские и др. пряжки.

1. Пряжки-сюльгамы (погр. 1, 2, 9, 13, 14, 18) в отличие от сюльгам ранней группы погребений — бронзовые. Сделаны из круглой в сечении проволоки, концы которой отогнуты и свернуты в многовитковую спираль. Пряжки имеют бронзовую или железную иглу (рис. II, 8—11; III, 5—15; V, 6—10). Пряжки-сюльгамы, как отмечалось, характерны для памятников финно-угорской культуры. Бронзовые сюльгамы, отогнутые концы которых имеют S-образную форму, найдены в могильниках пьяноборской культуры I—III вв. н. э. (Атамановы кости и Нырганда II)⁴⁹. Такая же пряжка найдена в Поволжье в сарматском погребении I в. до н. э.⁵⁰

Однако, сюльгамы, найденные на Кавказе, составляют несколько обособленную группу как территориально, так и по форме — здесь встречаются нехарактерные для всех других мест типы. Наиболее ранние на Сев. Кавказе сюльгамы относятся к поздне-кобанской культуре (конец I тыс. до н. э. — начало I тыс. н. э.). Все они массивные, сделаны из круглой в сечении бронзовой проволоки, отогнутые концы которой оформлены по-разному: в виде стилизованных головок⁵¹, конические утолщения и утолщения в виде стилизованной головки барана⁵², пуговицеобразные утолщения⁵³. Все эти пряжки по своему стилю (в том числе и по оформлению концов в виде головок зверей) могут быть отнесены к числу вещей кобанской культуры. Для сюльгам ранней группы характерна как бронзовая, так и железная игла — как и для буйнакских. Сюльгамы 2 половины I тыс. н. э. также делались из бронзовой проволоки, отогнутые концы которой расплющивались и закручивались в трубочку⁵¹.

⁴⁹ Спицын А. А. Древности бассейнов рек Оки и Камы. — МАР-25, 1901, табл. V, 9. Древности Камы по раскопкам А. А. Спицына в 1898 г. — Мат. ГАИМК в 2, 1933, с. 18, табл. IX, 16, 31, 37; Смирнов А. П. Могильники пьяноборской культуры. — КСИИМК-25, 1949, с. 22.

⁵⁰ Спицын И. В. Археологические исследования Заволжского отряда. — МИА-60, 1959, с. 89, рис. 25, 7.

⁵¹ Филимоновское погребение Кобани I в. до н. э. — I в. н. э. — ГИМ № 54746; Алексеева Е. П. Позднекобанская культура Центрального Кавказа. Уч. зап. ЛГУ № 85, серия исторических наук, вып. 13, Л., 1949, с. 205.

⁵² Ср. ЧМИ (Беахи—Куп) — IV—III вв. до н. э. Раскопки Филимонова. — ГИМ, № 54746; раскопки Долбежева в 1888 г. — ГИМ № 25277; Алексеева Е. П. Указ. соч., с. 213.

⁵³ ЧМИ, МАК-VIII, табл. I, VI, 10; Джераховский пост, коллегия Комарова собран. — ГИМ; Кобань, собрание Долбежева, 1887, ГИМ, № 25276.

⁵⁴ Камунта VI—IX вв. н. э. Раскопки С. А. Уварова в 1882 г. — ГИМ № 53054. Собрание Дзелихова. — ГИМ № 86866. Датировка по В. А. Кузнецову, Аланские племена Сев. Кавказа. — МИА, 106, 1962, с. 21—22.

Все рассмотренные нами сюльгамы найдены в основном в центральной части Сев. Кавказа.

В Дагестане ранние экземпляры сюльгам происходят из Карабудахкентских могильников №№ 1 и 3⁵⁵. Они сделаны из тонкой проволоки и имеют завитки небольших размеров. В Буйнакском кургане есть экземпляры, сходные с карабудахкентскими, но в основном, здесь преобладают массивные сюльгамы с большими завитками, что является, возможно, признаком для поздних вариантов. По массивности и по наличию у них часто железной иглы их можно сравнить с позднекобанскими сюльгамами III периода (по Е. П. Алексеевой).

2. Круглые или овальные пряжки, сделанные из круглого в сечении прута (рис. II, 18, 19, 21, 22; III, 18—25; VII, 15, 23—25, 36). В большинстве случаев они бронзовые, язычки как бронзовые, так и железные. В 10 погребениях найдено 22 экземпляра. В могиле 13 найдены 2 железные пряжки. Некоторые из пряжек, возможно, имели щитки простейшей формы, остатки такого щитка сохранились на пряжке из могилы 19. В могиле 2 найдены 4 мелких пряжки из очень тонкой бронзовой проволоки, диаметр их — 0,8—1,0 см. На одной из них также сохранился щиток (рис. III, 22—25).

Пряжки этой группы, как уже рассматривалось выше, распространяются в позднесарматское время (II—IV вв.) на обширной территории, они являются одной из ведущих форм пряжек IV—V вв. и встречаются и в более позднее время, но там они бытуют среди пряжек иных, более сложных форм, появляющихся в IV—VII вв. на обширной территории. В Буйнакском могильнике пряжек, характерных для VI—VII вв., нет.

3. Круглые пластинчатые бронзовые пряжки (в 3-х погребениях — 10 экземпляров). Все эти пряжки сделаны из довольно тонкой бронзовой пластины, язычки их, очевидно, были железные (во всех случаях, где сохранились обломки язычков, они были железными). Все эти пряжки можно разбить на 3 группы. *Первую* составляют большие круглые пряжки, сделанные из широкой пластины. Таких пряжек 3, найдены они в погребениях 1, 2 и среди вещей рядом с мог. 16. Они довольно однообразны. Диаметр их 6,5 см., диаметр круглого отверстия — 3—3,5 см. Пряжки имеют вдоль внутреннего и внешнего краев слегка утолщенные валики с выпуклым точечным орнаментом — наклоны с противоположной стороны. На двух пряжках в центре имеется еще по одному валику, также орнаментированному насечками (рис. II, 3; III, 1; VII, 17). Ближе к внутреннему краю пряжек имеются круглые отверстия, посредством которых к пряжке прикреплялась железная игла. *Вторую группу* составляют более мелкие пряжки из гладкой пластины, лишенной валиков и насечек. 3 таких пряжки найдены в могиле 1 и по одной — в могилах 2 и 13. Среди них есть пряжки, сделанные из до-

⁵⁵ Смирнов К. Ф. Грунтовые могильники албано-сарматского времени, с. 212. рис. 37, № 26, с. 216, рис. 40, № 107, 108.

вольню широкой пластины (диаметр таких пряжек от 4 до 4,7 см) (рис. II, 17; III, 16; V, 13). Кроме того, найдены 2 пряжки (мог. 1) из более узкой пластины (диаметр пряжки 3—4 см) (рис. II, 13, 14). Иглы не сохранились, лишь на пряжке из погр. 13 имелись остатки железной иглы, у одной из пряжек было три круглых отверстия, расположенных рядом друг с другом (рис. II, 17). Некоторые пряжки имели на внешней поверхности продольное ребро (рис. II, 15, 16). Диаметр их 3—3,5 см. На них сохранились остатки железных язычков. К разделу пластинчатых пряжек можно отнести еще одну круглую пряжку из могилы 22. Сделана она из бронзовой пластины (диаметр пряжки — 3,3 см). Однако она не плоская, а выпуклая, с небольшим (диаметр 1,3 см) круглым отверстием в центре. Такого типа бляшки или пряжки обычно имели иглу на внутренней стороне. Эта пряжка имеет железный язычок, лежащий сверху, как и в других вышеописанных пряжках. В месте крепления иглы в бронзовой пластине у внешнего и внутреннего края напротив друг друга сделаны два небольших прямоугольных выреза. Конец железного язычка был обернут вокруг оставшейся бронзовой перемычки. Сверху бронзовая пластина украшена резными линиями — звезда, между лучами которой проходят ряды concentрических кругов (рис. VIII, 2).

Таковы виды бронзовых круглых пластинчатых пряжек. Они составляют довольно своеобразную группу пряжек, встречающихся довольно редко, особенно на территории Кавказа. Бронзовые пластинчатые пряжки различных форм и размеров особенно характерны для финноугорских памятников Поволжья и Прикамья. Наиболее близки к финно-угорским плоские пряжки первой группы Буйнакского могильника — большие круглые пряжки из широкой пластины, украшенные валиками с насечками. Такие пряжки широко распространены в финно-угорских памятниках первых веков нашей эры, где они обычно называются нагрудными бляхами. Они особенно характерны для памятников пьяноборской культуры. Простейшая форма таких блях — плоский бронзовый диск с отверстием в центре и небольшой иглой — найдена в могильнике Нырганда II и датируется В. Ф. Генингом I в. н. э.⁵⁶ Похожие пряжки с небольшим ребром или валиком посередине найдены в Пьяноборском могильнике⁵⁷, характерны такие пряжки, часто украшенные, и для Кошибеевского могильника⁵⁸ (I—IV вв. н. э.). Встречаются подобные бляхи и в более позднее время: в Кузьминском могильнике II—VII вв. н. э. — они бывают как простейших форм, почти без орнамента, так и со сложным рельефным орнаментом⁵⁹. Пряжки, близкие к финно-угорским, не впервые найдены

⁵⁶ Генинг В. Ф. Узловые проблемы изучения пьяноборской культуры.— ВАНУ-4 1962, с. 20—21, рис. 7, 70.

⁵⁷ Спицын А. А. Древности бассейнов рек Оки и Камы,— МАР-25, 1901, табл. 1, 8.

⁵⁸ Там же, табл. VIII, 6.

⁵⁹ Там же, табл. XV, 11, 6.

в Дагестане. Так, в Карабудахкентском могильнике № 3 в каменной гробнице № 3 найдена плоская круглая бронзовая пряжка с 6 трапецевидными выступами по краям⁶⁰. Подобные пряжки очень характерны для финно-угорских памятников I—V вв. н. э.⁶¹

Что касается другой группы этих пряжек — обычные круглые пластинчатые пряжки с подвижным язычком, то они хотя и не получили особо широкого распространения, встречаются в некоторых памятниках первых веков нашей эры, например, в позднесарматских погребениях⁶², в Прикубанье⁶³, в Танаисе⁶⁴. Круглые пластинчатые пряжки найдены и на Сев. Кавказе, и, в частности, в Дагестане. Выше уже отмечалась одна плоская фигурная пряжка из Карабудахкентского могильника № 3. В Карабудахкентском могильнике № 1 найдены небольшие плоские пряжки, иногда со слегка выпуклой верхней поверхностью или с небольшим ребром на ней⁶⁵.

Таким образом, и эти пряжки не выходят, в основном, из пределов I половины I тыс. н. э., на территории же Дагестана ближе всего к буйнакским являются пряжки карабудахкентских могильников албано-сарматского времени.

4. Прямоугольнорамчатые пряжки (мог. 2 — 1 бронзовая, мог. 13 — 2 железные) (рис. III, 29; V, 20, 21). Прямоугольнорамчатые безщитковые бронзовые пряжки появляются, очевидно, в III—IV вв. н. э. Они встречаются в позднесарматских погребениях Поволжья⁶⁶. В то же время (III в.) пряжки таких форм появляются и в Венгрии⁶⁷. На Северном Кавказе подобная пряжка найдена в могильнике IV—V вв. н. э. на р. Гиляч, в верховьях Кубани⁶⁸.

5. В-образная пряжка из серебра (мог. 22 — 1 экз.). (рис. VIII, 4). В-образные пряжки широко распространяются в VI—VII вв., однако распространение этой формы нужно относить к более раннему времени. А. В. Гадло считает, что зарождение В-образной пряжки относилось к рубежу IV—V вв. и происходило в восточных областях — в степном

⁶⁰ Смирнов К. Ф. Грунтовые могильники албано-сарматского времени, с. 216, рис. 40, № 65.

⁶¹ Ефименко П. П. Рязанские могильники. Материалы по этнографии, т. III, В. I. Л., 1926, с. 68, рис. 1, 15.

⁶² Астраханская обл. «Три брата», курган П-14, Саратов. музей № 1494, Бородаевка. «Калмыцкая гора», к. 4.

⁶³ Ст. Ладожская, к. 28, ГИМ, инв. № 48478, № 38.

⁶⁴ Раскопки Тизенгаузена 1867, ГИМ, Кол. Румянц. музея № 1444, № 14.

⁶⁵ Смирнов К. Ф. Грунтовые могильники..., с. 189, рис. 19, № 247, с. 210, рис. 35. № 80.

⁶⁶ Астраханская обл. «Три брата», кург. П-17, Саратов. музей № 1496.

⁶⁷ Parducz M. Deukmäler der Sarmsteuzeit. Ungarns III, AN-XXX. Budapest. 1950 г., таб. XCIII, 9, 13.

⁶⁸ Минаева Т. М. Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани.— МИА-23, 1951, с. 287, рис. 14, 7.

Заволжье⁶⁹. Действительно, ранние образцы таких пряжек мы находим в позднесарматских погребениях Поволжья III—V вв. н. э.⁷⁰ Распространение этих пряжек на Северном Кавказе также, очевидно, относится к концу IV—V вв. н. э. (могильник на р. Гиляч)⁷¹, Мукуланский могильник⁷². Позднее эти пряжки распространяются на широкой территории.

Наконечники поясов. Найдены в 3 погребениях (№№ 2, 19, 22). В могиле 19 пайдены поясной наконечник простейшей формы: тонкая длинная узкая бронзовая пластинка, имеющая на одном конце лопаткообразное расширение (рис. VII, 40). Наконечник прикреплялся к ремешку при помощи бронзовых же заклепочек. Такие наконечники были распространены на обширной территории в IV—V вв. н. э. Очень много их встречается в памятниках Азелинской культуры (Вятский край), датируемой В. Ф. Генингом III—V вв. н. э.⁷³. Точно такие же наконечники распространяются в IV в. в Прибалтике⁷⁴.

В двух погребениях Буйнакского могильника найдены наконечники поясов более сложных форм (погр. 2 — 4 экз., погр. 22 — 1 экз.). Они представляют собой вытянутые бронзовые пластины со слегка заостряющимся одним концом и прямым или В-образным — другим. 2 из таких наконечников — сплошные (не прорезные), на 3-х имеются отверстия: на 1 — продолговатое в центре и 3 небольших круглых у основания; 2 других наконечника имеют по одному вытянутому и одному круглому отверстию, расположенным по длинной оси наконечника (рис. III, 31—34; VIII, 3). Поясные наконечники подобных форм получают широкое распространение в VI—VII вв., однако зарождение их, возможно, относилось к более раннему времени. Здесь, очевидно, надо согласиться с мнением А. В. Гадло, который считает, что зарождение поясных наборов, распространившихся в VI—VII вв. в Сев. Причерноморье, происходило у кочевников восточных областей — в степном Заволжье и лесостепной Башкирии на рубеже IV—V вв. н. э.⁷⁵ Поясные наконечники Буйнакского могильника имеют довольно развитые формы, поэтому они не могут датироваться ранее конца V—VI вв. н. э. По-видимому, погребения 2 и 22 — наиболее поздние в Буйнакском могильнике.

⁶⁹ Гадло А. В. Болгарские пояса.— Сб. докладов на VI и VII Всесоюзных археологических студенческих конференциях, 1963, с. 100.

⁷⁰ Шипово, гр. VI, кург. 3. Раскопки П. С. Рыкова 1925 г. Саратов, музей № 462; Сусловский мог. кург. 58 и 66. Рыков П. Сусловский курганный могильник. Саратов, 1925, рис. 25. Саратов. музей № 666 и 688. Иловатка, к. 3 и 2. Смирнов К. Ф. Курганн у сел. Иловатка и Политотдельское Сталинградской обл.— МИА-60, 1959, с. 221, рис. 7.

⁷¹ Минаева Т. М. Археол. памятники на р. Гиляч..., с. 285—286. рис. 12, 3; 13, 3—4.

⁷² Иссен А. А. Археологические памятники Кабардино-Балкарии.— МИА-3, 1941, с. 46, табл. VI, 8, 9.

⁷³ Генинг В. Ф. Азелинская культура III—V вв. н. э.— ВАН-5, Ижевск, 1963, табл. V, 16.

⁷⁴ Шмидехельм М. Х. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии. Таллин, 1955, рис. 29, 9. рис. 34, 13—15.

⁷⁵ Гадло В. А. Болгарские пояса..., с. 99—100.

Бронзовые пуговицы (погр. 1, 13, 22) — плоские круглые (рис. II, 12, V, 36), иногда с утолщенным валиком по краю (рис. V, 35) или выпуклые (рис. VIII, 5). Все они имеют петлю с обратной стороны. В погр. 13 найдены фрагменты железных *булавок* с загнутым в петлю с концом (рис. 17, 26). Такие булавки хорошо известны в Карабудахкентском могильнике № 1⁷⁶.

Фибулы (5 экз. в трех погребениях). Все бронзовые.

1. Двупластинчатые фибулы. а) Симметричная фибула с крестообразными пластинками, на которых с обратной стороны сохранилось приспособление для застёжки — крючок и прямоугольный выступ со сквозным отверстием (рис. II, 28). Длина фибулы — 3,6 см. Фибула (правда, иной конструкции) с крестообразным выступом на пластинчатой дужке известна из Грузии IV—V вв. н. э.⁷⁷ б) Двупластинчатые фибулы с ромбовидной ножкой. У трех фибул этого типа, найденных в Буйнакском кургане, головные щитки разные: овальный (рис. V, 31), треугольный (рис. V, 32) и уступчатый (рис. III, 35). А. К. Амброз делит фибулы этого типа на две подгруппы, основываясь на форме ножки⁷⁸. К сожалению, буйнакские фибулы сохранились в фрагментах, и ножки у всех трех фибул обломаны. Однако форма ножки наиболее сохранившейся фибулы из погр. 13 (рис. V, 31) — с расширением в нижней трети, — а также небольшие размеры всех фибул позволяют отнести их к I подгруппе, датируемой А. К. Амброзом IV — нач. V в. н. э.⁷⁹ Двупластинчатые фибулы были широко распространены в Крыму в IV—VI вв. н. э. Фибулы Северного Кавказа более грубые (по форме и материалу), чем аналогичные фибулы Крыма и других более западных областей. Почти все они делались из бронзы и имеют простейшую форму (гладкие щитки без каких-либо украшений). Такие фибулы мы находим в ранних комплексах Задалиска (IV—V вв. н. э.), в Чегемском и др. могильниках⁸⁰.

В могильнике В. Рутха IV—V вв. найдены золотые инкрустированные фибулы, подобные крымским, но и они имеют более грубый вид и, кроме того, в основе их лежит не серебро, как в большинстве керченских фибул⁸¹, а бронзовая пластина, которая затем уже обкладывалась золотом⁸². Такое же впечатление довольно грубых подражаний

⁷⁶ Смирнов К. Ф. Грунтовые могильники албано-сарматского времени, с. 172. рис. 5, № 142, с. 179, рис. 10, № 144, 151.

⁷⁷ Гамбашидзе О. С. Бичвинта, предварительный отчет археологических работ, произведенных в VII раскопе 1956—57 гг. — Материалы по археологии Грузии и Кавказа, т. III, Тбилиси, 1963, с. 89—90, рис. 7.

⁷⁸ Амброз А. К. Фибулы..., с. 76—77.

⁷⁹ Там же, с. 82.

⁸⁰ МАК-VIII, 1900, с. 192, табл. I XXXI, 5, 10, 11; ГИМ, инв. № 55738, МАК-1, 1888, табл. XXIII, 13.

⁸¹ Спицын А. А. Вещи с инкрустацией из керченских катакомб. — ИАК-17, 1905, рис. 32.

⁸² МАК-VIII, с. 235, сл., табл. CI, 9; СП, 8, 9.

золотым инкрустированными фибулам производят и буйнакские фибулы. В этом отношении интересен комплекс фибул, найденных во втором кладе из Шимлеул Сильваней, датируемом Н. Феттихом концом IV в. н. э.⁸³ Среди золотых, инкрустированных каменными вставками, фибул есть фибулы с обычным полукруглым щитком и, кроме того, есть здесь фибулы, у которых наружный край этого полукруглого щитка оформлен в виде уступов⁸⁴, как и у фибулы Буйнакского могильника (рис. III, 35). Датировать буйнакские пластинчатые фибулы нужно, очевидно, несколько более поздним временем (V в.).

2. Массивная литая фибула довольно сложной конструкции. Спинка выпуклая в виде полушария, с двух сторон обрамленного почти вертикально стоящими лопастями в форме полукружий. Впереди, перпендикулярно главной оси, проходит бронзовый прут, круглый в сечении, на который по краям насажены 2 массивные бронзовые же 14-гранные бусины (сохранилась только одна). Такая же бусина имеется и на другом конце фибулы, там она насажена на тонкий бронзовый штырь, стоящий вертикально). Под этой бусиной имеется крючок — приемник для иглы. Игла железная, откидная (не сохранилась), прикреплялась к бронзовому пруту в передней части фибулы при помощи отверстия, имеющегося рядом с его центральной частью (рис. II, 27). Общая длина фибулы — 6 см. Фибула оригинальной конструкции, несомненно местная. Такая же фибула известна еще из одного — Урцекского могильника в Дагестане⁸⁵. Однако некоторые детали этой фибулы сближают ее с западно-европейскими. Так, оформление концов фибулы в виде полукруглых лопастей известно в сарматских памятниках Венгрии II—IV вв. н. э.⁸⁶, золотые фибулы, украшенные массивными 14-гранными бусинами⁸⁷, датируются Н. Феттихом концом IV в. н. э.⁸⁸

Среди *привесок* большую группу составляют височные привески с 14-гранником на конце. Найдены в 4-х погребениях №№ 1, 2, 13, 22) — 6 целых и несколько в оболочках. Почти все они литые, бусины с четко выраженными гранями. Средний диаметр их 3—3,5 см, одна привеска имеет в диаметре 5 см (рис. II, 4, 5; III, 26—28; V, 5). Привеска из могилы 22 — маленькая (диаметр 2 см.), бусина со слабо выраженными гранями, имеет в центре сквозное отверстие (рис. VIII, 8). Кроме этих литых привесок в мог. 13 найдена одна составная, крупная (диаметр 5, 7 см.), из кованого круглого в сечении прута, на одном конце которого имеется уступ, заканчивающийся тонким стержнем, на который насаживалась полая бусина. Бусина массивная (2,3×2 см.), составлена

⁸³ Fettich N. Der zweite Schatz von Schrilagysomlio, AH-VIII, Budapest, 1932, табл. I.

⁸⁴ Там же, табл. XIV—XVI.

⁸⁵ Материал не опубликован.

⁸⁶ Parducz M. Deukmaler der Sarmstzenzeit, табл. XXXIII, 2, 1; XXVIII, 3.

⁸⁷ Fettich N. Der zweite Schatz, с. 13, табл. II—III.

⁸⁸ Там же, с. 67—71.

из 2-х половин. Грани выражены очень четко. С одной ее стороны имеется отверстие, в которое вставляется стержень от кольца (рис. V, 4).

Литые височные привески с 14-гранной бусиной на конце распространяются с IV—V вв. н. э. на обширной территории — на Северном Кавказе, в Крыму, Венгрии и у финно-угорских племен Восточной Европы. Во многих из этих областей они живут до VII в, а в Дагестане — даже позже. Распространение этих привесок в IV—V вв. на обширной территории позволяет предположить, что именно в это время они появляются и на Северном Кавказе. Действительно, в конце IV—V в. такие привески имеются в Кабардино-Балкарии (Мукуланский могильник и Чегем⁸⁹. В Дагестане они известны из Гапшиминского могильника III—VI вв., где вместе с литыми привесками найдены и составные с полый бусиной — форма, характерная лишь для Дагестана, и в других областях не встречающаяся⁹⁰. Раньше массивные привески с полый бусиной считались хронологически более поздними, однако нахождение их совместно с литыми позволило отвергнуть это предположение⁹¹. Это подтверждается и материалом Буйнакского могильника, где оба типа привесок найдены в одной могиле. Поэтому возникновение их в Дагестане почти одновременно с литыми привесками не должно вызывать сомнения. Рассматривая эти привески, интересно также отметить, что в Буйнакском могильнике, в тех же, в основном, погребениях, где найдены привески (пп №№ 1, 2, 13) имеются бронзовые 14-гранные бусины, довольно массивные, прямоугольные и подквадратные (длина от 3,4 до 2 см., ширина 1,5 см.). Бусины в большинстве своем кованые, сужающиеся к концам, в разрезе почти овальной формы (рис. II, 34—37; V, 28) со слабо выраженными гранями, есть и массивные, литые с четкими гранями. Всего найдено до 10 таких бусин. Подобного типа бусы известны в Венгрии, где также широко были распространены подвески рассматриваемого нами типа. Они найдены в одном комплексе с серебряными инкрустированными двупластинчатыми фибулами, туалетным набором и др. вещами. Бусины также сделаны из серебра, судя по всему, литые, с четкими гранями, форма квадратная. Датируется комплекс концом IV — первой половиной V в.⁹², то есть совпадает по времени с появлением привесок с 14-гранной бусиной. В эпоху, предшествующую этому времени, то есть, в позднесарматское или раннеаланское время (II—IV вв. н. э.) были чрезвычайно широко распрост-

⁸⁹ Иссен А. А. Археологические памятники Кабардино-Балкарии.— МИА-3, 1941. с. 46, т. VI, 4; VII, 7; Атаев Д. М. Височные привески с 14-гранником.— СА-1963. № 3, с. 233.

⁹⁰ Котович В. Г., Мунчаев Р. М., Путинцева Н. Д. Некоторые данные о средневековых памятниках Горного Дагестана.— МАД-II, 1961, с. 274, рис. 3, 3—5; Атаев Д. М. Некоторые средневековые могильники Аварии.— МАД-II, с. 246.

⁹¹ Атаев Д. М. Указ. соч., с. 246.

⁹² Alföldi A. Funde aus Hunnenzeit, таб. X.

ражены прямоугольные четырнадцатигранные бусы, изготовлявшиеся из стекла, сердолика, гешира и др. материалов. Иногда встречаются серьги, датируемые этим же временем, с нанизанными на них 14-гранными бусинами. Такие серьги с сердоликовыми четырнадцатигранными бусинами известны в Венгрии⁹³. Очевидно, такая же серьга с четырнадцатигранной бусиной из зеленого стекла была найдена в позднесарматском погребении Н. Поволжья⁹⁴.

Возможно, широкое распространение во II—IV вв. 14-гранных стеклянных и каменных бус, а также появление серег с нанизанными на них 14-гранными бусами и послужило причиной распространения в IV—V вв. металлических литых привесок с 14-гранной бусиной.

Среди привесок Буйнакского могильника интересную группу составляют привески в виде двулезвийных секир и бычьих голов (рис. I, 23—26, 32—33; V, 14—16), в нескольких погребениях найдены *бронзовые колокольчики*. Большую часть их составляют прорезные колокольчики с треугольными вырезами (погр. I, 13). Некоторые из них — небольшие ажурные бипирамидальной формы с петлей для подвешивания (рис. II, 30; V, 22), есть и конические прорезные (рис. V, 33, 34), и гладкие (рис. VII, 8) колокольчики, широко распространенные на территории Северного Кавказа.

Три бронзовые *ложечки* и одна серебряная найдены в 3-х погребениях (2, 19 и рядом с мог. 16). Все они однотипны. Длина 7—8 см. Ручка из сравнительно тонкого, круглого в сечении прута, один конец которого расплюснен и закручен в петлю (для подвешивания). На противоположном конце — округлое или овальное расширение вогнутой формы (рис. III, 54; VII, 18, 38—39).

Бронзовые ложечки встречаются в раннесредневековых могильниках Северного Кавказа и в более позднее время (Донифарс, Камунта), но там они имеют большие размеры.

Туалетные ложечки небольших размеров были найдены в Хабардинском могильнике в погребениях I—II вв. н. э.⁹⁵. По многим деталям (размеры, расплюсненный конец, закрученный в петлю) буйнакские ложечки напоминают туалетные наборы, распространившиеся широко в IV—V вв. н. э. По своему назначению эти ложки также можно считать туалетными.

Браслеты найдены в одном погребении (№ 2—3 экз.). Один из них небольшой, очевидно, детский (диаметр 4,2 см.), сделан из тонкой круглой в сечении бронзовой проволоки, концы которой слегка заходят друг за друга (рис. III, 4). Два других более крупные (диаметр 6, 7 см.), выкованы из бронзового прута. Средняя часть их более массивна, к концам они сужаются и уплощаются, лишь на самых концах

⁹³ Parduez M. Deukmäler der Sarmsteuzeit, таб. LXXII, 1.

⁹⁴ Смирнов К. Ф. Курганы у сел. Иловатка и Политотдельское.— МИА-60, 1959, с. 255, рис. 19, 1.

⁹⁵ Пиккуль М. И. Хабардинский могильник, с. 152, табл. XI, 5, с. 156—157.

имеются небольшие округлые утолщения (рис. III, 2, 3). Концы у одного несомкнутые, а у другого заходящие друг за друга, но скорее всего он просто погнут, а раньше был аналогичен первому. В Дагестане круглопроволочные браслеты с несомкнутыми концами особенно характерны для памятников первых веков нашей эры (Тарки⁹⁶, Карабудахкент⁹⁷), хотя встречаются и в более позднее время, когда ведущими становятся браслеты совсем иных форм. Для памятников V—VII вв. характерны массивные браслеты с утолщениями в центре и по краям. В Буйнакском могильнике браслеты, характерные для дагестанских памятников V—VII вв. отсутствуют, что подтверждает более раннюю его датировку.

Бусы найдены в большинстве погребений Буйнакского могильника, большую их часть составляют стеклянные бусы из прозрачного и непрозрачного стекла. Среди них преобладают гладкие одноцветные бусы, главным образом, из синего, а также зеленого и коричневого стекла разных форм. Круглые в сечении: шаровидные, овальные, плоские кольцевидные и эллипсоидные (рис. IX, 1—27). В могиле 2 найдена одна синяя биконическая бусина (рис. IX, 36). Четырехгранные в сечении: 4 кубических, 4 четырнадцатигранные (2 зеленые, синяя и коричневая) (рис. IX, 30—35). Узкие длинные пронизи (в сечении круглые, четырех- и шестигранные) сделаны из зеленого и синего стекла (рис. IX, 21—29). Они характерны для памятников Северного Причерноморья I половины I тысячелетия н. э.; такие бусы встречаются как в памятниках римского времени⁹⁸, так и в IV—V вв. н. э.⁹⁹. Ребристые бусы — цилиндрические, из прозрачного светлозеленого стекла (рис. IX, 42), крупная круглая бусина из голубого прозрачного стекла с темносиней волнистой полосой (рис. IX, 51), характерная для памятников IV—V вв.¹⁰⁰, и бусина из египетского фаянса (рис. IX, 41). В 2-х погребениях (№№ 2 и 13) найдены бусы неправильной бочковидной формы и 1 длинная цилиндрическая пронизь из так называемой красной пасты — бусы, встречающиеся в поздних погребениях Мавзолея Неаполя Скифского¹⁰¹, но наиболее характерных, по мнению В. Б. Деоник для памятников IV—V вв. н. э.¹⁰².

В могилах 2 и 13 найдены стеклянные бусы с внутренней позолотой округло-цилиндрической формы (рис. IX, 39—40). Многоцветные бусы. В некоторых могилах по 1—3 экземпляра, лишь в двух погребениях

⁹⁶ Крупнов Е. И. Новый памятник древних культур Дагестана, с. 215—217, рис. 8, 5

⁹⁷ Смирнов К. Ф. Грунтовые могильники..., с. 189, рис. 19, № 314, 400, с. 208, рис. 33. № 108.

⁹⁸ Погребова Н. Н. Бусы из раскопок Фанагории. Архив ИА. Альбом № 915, № 16.

⁹⁹ Рутха В.— ГИМ № 54733.

¹⁰⁰ Деоник В. Б. Классификация бус Северного Кавказа IV—V вв. н. э.— СА. 1959. № 3, с. 55.

¹⁰¹ Погребова Н. Н. Погребения в Мавзолее Неаполя Скифского.— МИА-96, 1961, с. 169.

¹⁰² Деоник В. Б. Указ. соч., с. 64.

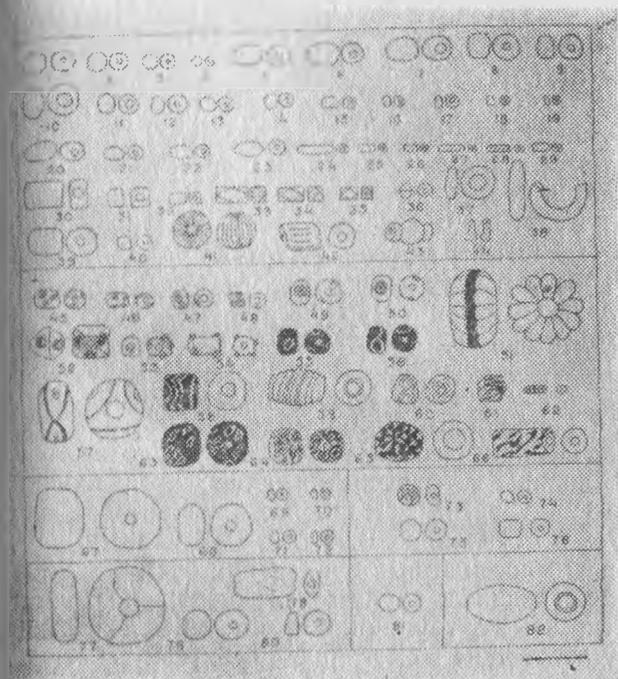

Рис. IX. Бусы поздней группы могил.

1—66 — стеклянные (39, 40 — с внутренней позолотой), 67—72 — гешировые, 73—76 — сердоликовые, 77—80 — янтарные, 81 — кальцеиновая, 82 — каменная). (1, 3, 5—7, 11, 12, 24, 34, 36, 40, 43, 45—48, 60, 62, 63, 65, 73—75, 77, 81 — мог. 1; 2, 23, 26, 32, 35, 44, 69—72 — мог. 2; 4, 29, 31, 53 — мог. 5; 8—10, 25, 28, 39, 49, 50, 52, 54—56, 67, 82 — мог. 13; 13, 20 — мог. 8; 14, 27, 51, 59, 61, 64, 65, 78—80 — мог. 18; 15, 21, 22, 33, 37, 38, 41, 42, 57 — мог. 1; 16, 17—19, 30, 68 — мог. 16; 58 — мог. 15; 76 — мог. 3).

Мозаичные бусы найдены в единичных экземплярах: 2 пятнистые мозаичные бусины (рис. IX, 65), одна шаровидная, вся поверхность которой состоит из разноцветных пятен и многослойных глазков (желто-синих, красно-белых, красно-синих), (рис. IX, 64).

В могиле 2 найдена шаровидная сияя бусина, поверхность которой сплошь состоит из сине-белых глазков (рис. IX, 63). Такие бусы харак-

(№№ 2 и 13) — по 7—10 шт. Среди них на первом месте стоят глазчатые бусы — с плоскими, накладными и бородавчатыми глазками (рис. IX, 45—56).

В могиле 1 найдена 1 крупная (диаметр около 3 см.) уплощенно-овальная бусина с глазчато-полосатым узором. Сделана она из черного (или темносинего) непрозрачного стекла, украшена двумя волнистыми пересекающимися линиями из бирюзового стекла, между которыми расположены желто-черные глазки (рис. IX, 57). Такие бусы встречены на Северном Кавказе, в Байтал-Чапкане, Тамгацке и особенно характерны для памятников IV—V вв.¹⁰³.

Полосатые бусы округлой и цилиндрической формы — черные с белыми и желтыми полосами (рис. IX, 58—62).

¹⁰³ Девлик В. Б. Классификация бус Северного Кавказа IV—V вв. и. э.—СА, 1959, 26-3, с. 58—59.

терны для первой половины I тысячелетия н. э.¹⁰⁴. В могиле 13 найден обломок шаровидной бусины с «ковровым» узором и в могиле 18 — две «слоистые» бусины (рис. IX, 61, 66).

Помимо стеклянных бус найдены **гешировые** бусы (в трех погребениях 8 бусин) — две бочкообразные (рис. IX) и 6 кольцевых и овальных (рис. IX, 67—72). Эти типы гешировых бус характерны для памятников I половины I тысячелетия н. э.¹⁰⁵.

Сердоликовые бусы (в 3 погр.—6 экземпляров) — шаровидные, цилиндрические (рис. IX, 74—76). В могиле 2 найдена одна бусина с белой инкрустацией (рис. IX, 73).

Янтарные бусы — (в двух погребениях). Плоские, цилиндрическая и овальная (рис. IX, 77—78) и две круглые (рис. IX, 79—80). Янтарь красный, мутный, покрыт матовой корочкой. В могиле 2 найдена одна небольшая бусина из молочного халцедона (рис. IX, 81), в могиле 13 — крупная бусина из белого с прожилками камня (рис. IX, 82).

Таким образом, бусы Буйнакского могильника укладываются, в основном, в пределы I половины I тысячелетия нашей эры, причем большинство их датируется IV—V вв. н. э. Наиболее близкие аналогии буйнакским бусам находятся в могильнике В. Рутха IV—V вв. н. э.¹⁰⁶, где встречены почти все типы многоцветных буйнакских бус.

Рассмотрение инвентаря поздней группы погребений позволяет датировать ее IV—V вв. Относить эту группу к более позднему времени (VI—VII вв.) не позволяет отсутствие в могилах характерных вещей этого времени (главным образом, разнообразных пряжек VI—VII вв., браслетов с 3 утолщениями, арбалетовидных фибул с шишечками и т. д.).

Кстати, вывод о такой, более ранней датировке Буйнакского могильника уже высказывался дагестанскими археологами. Н. Б. Шейхов писал, что А. А. Захаров «завысил верхнюю его дату, хотя на самом деле там нет ни одной вещи позже V в.»¹⁰⁷.

Из этой поздней группы могил наиболее ранним можно считать погребение 1 — по некоторым формам керамики, бус, раннему типу зеркал — его можно датировать не позже IV в. н. э. Наиболее поздним (конец V — начало VI в.) является погребение 22 (по наконечнику пояса, серебряной пряжке — (рис. VIII, 3, 4). Наконечники пояса найдены и в могиле 2, но дело в том, что при поступлении в Исторический Музей все вещи (кроме керамики) из могилы 2 были соединены с вещами из могилы 6, и теперь их невозможно отделить¹⁰⁸. Керамика же обих этих погребений не выходит за пределы IV—V вв.

¹⁰⁴ Там же, с. 62.

¹⁰⁵ *Погребова Н. Н.* Погребение в Мавзолее Неаполя Скифского, с. 171, рис. 38 33; *Деопик В. Б.* Классификация бус Сев. Кавказа, с. 52.

¹⁰⁶ ГИМ, инв. № 54733.

¹⁰⁷ *Шейхов Н.* Очерк истории археологического изучения Дагестана, Рук. фонд ИИЯЛ, д. № 2060, с. 12.

¹⁰⁸ *Zakharov A. A.* op. cit., с. 190.

Таким образом, в целом инвентарь Буйнакского могильника укладывается в пределы III—V вв. н. э., а по инвентарю и обряду он связывается как с ранними албано-сарматскими памятниками, так и с более поздними раннесредневековыми памятниками V—VII вв., что уже отмечалось в литературе¹⁰⁹.

Инвентарь Буйнакского могильника свидетельствует о наличии тесных связей местного населения со многими областями: Закавказьем (главным образом, керамика), с самратским Поволжьем (некоторые типы сосудов, пряжек, оружия), с финно-угорскими племенами Среднего и Верхнего Поволжья (пряжки-сюльгамы, плоские пластинчатые пряжки), а также с западными областями — территорией Крыма и Западной Европы (пряжки, фибулы, зеркала, инкрустированные изделия). Причем, некоторые из них (пластинчатые фибулы, инкрустированное перекрытие меча) являлись местными, но сделанными в подражание модным в то время, главным образом, серебряным и золотым изделиям. Это свидетельствует о том, что Дагестан входил в состав обширной области, объединенной некоторыми общими элементами в материальной культуре (Западная Европа, Крым). Возможно, что эта некоторая общность связана с продвижением гуннов, держава которых объединила многие племена Западной Европы.

Таким образом, Буйнакский могильник является характерным памятником местных племен Дагестана эпохи великого переселения народов, когда происходило смешение различных черт их материальной и духовной культуры. Выше уже отмечалась необычайная пестрота в погребальном обряде этого могильника, который объединил почти все основные черты погребального обряда, известные в Дагестане. Разбор материальной культуры свидетельствует о том, что население Дагестана не жило изолированной жизнью, а было тесно связано с другими областями и не избежало влияния тех событий, которые потрясли страны Восточной и Западной Европы (нашествие сарматов, гуннов и др.).

instituteofhistory.ru

¹⁰⁹ Смирнов К. Ф. Грунтовые могильники., с. 219; Котович В. Г., Шейхов Н. Б. Археологическое изучение Дагестана за 40 лет. Уч. зап. ИИЯЛ, т. VIII, 1960, с. 355.

К ВОПРОСУ О МЕСТОПОЛОЖЕНИИ САСАНИДСКОГО ГОРОДА ШАХРИСТАН-И ИЕЗДИГЕРД

В конце V—VI вв. была составлена сирийская локальная хроника города Карка де бет Селох (совр. г. Киркук на севере Ирака) — центра сасанидской провинции Бет-Гармай¹. Наряду с освещением истории города, в ней подробно рассказывается о времени правления шаха Иездигерда II (438—457 гг.), т. е. о политических и военных событиях середины V в. Достоверность и историческая подлинность материалов хроники несомненна: «пользоваться им не только можно, но и должно». — писала Н. В. Пигулевская².

Для нас особый интерес представляют сведения о войнах, которые вел Иездигерд II. В хронике приводится рассказ о походе Иездигерда II в область Чол, Чор, Сул³. После того, как Иездигердом были подчинены тамошние царьки, в этой области был построен город, названный им Шахристан-и Иездигерд⁴.

Исследователи обыкновенно помещают этот город на восточном побережье Каспийского моря, севернее Гургана (Горго, Гиркания)⁵ и р. Атрек. Такая локализация строится на основе следующих доводов:

I Табари сообщает, что по приказу Хосрова I Ануширвана (531—

¹ Пигулевская Н. Города Ирана в раннем средневековье. М.—Л., 1956, с. 37, 139.

² Там же, с. 140.

³ Hoffmann G. Auszüge aus syrischen Akten Persischer Martyrer.— Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes. Excurse. Band VII, No. 3, Leipzig, 1880, s. 50.

⁴ Hoffmann G. Op. cit.

⁵ Marquart J. Eranshar nach der Geographie des Ps. Moses Xorenaci. Mit historisch-kritischen Kommentar und historischen und topographischen Excursen. Berlin, 1901, s. 56. Ibid. A. Catalogue of the provincial capitals of Eranshar (Pahlavi Text, Version and Commentary). Edited by G. Messina.— Analecta Orientalia, Num. 3, Roma, 1931, p. 57; Пигулевская Н. Сирийские источники по истории народов СССР. М.—Л., 1941, с. 44; Christensen A. L'Iran sous les Sassanides. Copenhagen, 1944, p. 287; Губаев А. Вал Мерз (к вопросу о северной границе сасанидского государства).— Изв. АН Туркм. ССР, сер. общ. наук, 1965, № 2, с. 78; Массон М. Е. Распространение монетных находок чекана династии Сасанидов (224—651 гг.) на территории советских республик Средней Азии.— ТЮТАКЭ, т. XV, Ашхабад, 1974, с. 141.

579 гг.) «были построены города и укрепления в области Сул из камня (букв. скалы), вытесанного в области Джурджан»⁶, т. е. в Гургане.

2. По Табари, укрепления в области Сул были угрозой тюркскому хакану Синджибу⁷, власть которого не достигала западного побережья Каспия и Кавказа.

3. В иранском трактате VIII в. «Шахристаниха-и Еран» («Города Ирана») упоминается город-крепость Комиш, на северо-востоке Ирана, который был укреплен Иездигердом I (399—421 гг.) против тюркского племени Чол⁸. Этноним Чол связывается с одноименным топонимом, откуда следует, что область Чол и город Шахристан-и Иездигерд находились на восточном берегу Каспийского моря.

Однако, по нашему мнению, такую локализацию города Шахристан-и Иездигерд нельзя признать окончательной.

Данные Табари, по-видимому, свидетельствуют скорее о том, что укрепления Сула были выстроены не в Средней Азии, а на Кавказе: «Царь Фируз воздвиг (еще раньше) в области Сул и (в области) алан строение из камня (буквально «скалы») с целью оградить свою страну от проникновения тех народов, (а) царь Кубад сын Фируза воздвиг в этих местах после своего отца (также) много новых сооружений, а когда вступил на престол Кисра (т. е. Хосров I — М. Г.), то по его приказу были построены города и укрепления в области Сул из камня, вытесанного в области Джурджан»⁹.

Упоминание области Джурджан вызвано, видимо, неверным представлением Табари о местоположении «укреплений в области Сул из камня». Интересно, что Ибн ал-Асир, переработавший в XIII в. текст Табари и дополнивший его новыми фактами говорит не об «укреплении Сула из камня, вытесанного в Джурджане», а об укреплениях «в области Сул и (в области) Джурджан», имея при этом в виду сооружения, воздвигнутые в разных местах¹⁰.

Как на Кавказе, так и в Средней Азии Сасаниды прилагали много сил для укрепления своих границ, от нашествий кочевников, строили так называемые «длинные стены». Однако, известные на территории Средней Азии «длинные стены» были возведены не из камня, как Дербентский оборонительный комплекс VI в., а из сырцовых кирпичей¹¹.

⁶ *Ат-Табари. История пророков и царей.* Пер. А. Р. Шихсаидова. Махачкала, 1971, РФ ИИЯЛ, № 4803, с. 12.

⁷ Там же. Синджибу арабских источников соответствует Силзибул, Дизабул византийских (см. *Артамонов М. И. История хазар.* Л., 1962, с. 136—137).

⁸ Marquart J. A Catalogue of the provincial capitals..., p. 12.

⁹ *Ат-Табари. История пророков и царей,* с. 12.

¹⁰ *Ибн ал-Асир.* Из «Тарих ал-камиль». Пер. П. К. Жузе.— Материалы по истории Азербайджана. Баку, 1940, с. 9.

¹¹ Lester S. Thompson. Geological evidence for ancient civilization of the Gurgan Plane. *Journal of the American Institute for Iranian Art and Archaeology*, vol. V, no. 3, 1938, p. 193—200; *Массон М. Е. ЮТАКЭ 1947 г.— ТЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1951,* с. 43—45; его же. Распространение монетных находок..., с. 141—142; *Губаев А. Вал Мерз...*, с. 76—78.

Мы уже упоминали, что согласно Табари, укрепления Сула возведены в связи с опасностью со стороны тюркского хакана Синджибу, который вместе с племенами абхаз, банджар и баланджар совершал опустошительные набеги на Армению и владения Хосрова I¹². Локализация названных племен на территории Кавказа и Предкавказья не вызывает сомнений. События, описанные Табари, имели место в конце 60 — начале 70-х гг. VI в., когда тюркюты подчинили себе северо-кавказские земли¹³. Как показал М. И. Артамонов, владения тюркского хакана Синджибу к этому времени не только достигали западного побережья Каспия и доходили до Дербента, но и занимали обширные степи Азовско-Каспийского междуморья¹⁴.

Таким образом, доводы о локализации города Шахристан-и Иездигерд к северу от р. Атрек, основывающиеся якобы на сведениях Табари, малоубедительны.

В «Шахристаниха-и Еран» сообщается, что Иездигерд I превратил город Комиш, на северо-востоке Ирана», в сильный сторожевой пункт этой стороны (области) против грабящих чолов»¹⁵. Из приведенного отрывка никак не следует, что упоминается в хронике Кака де бет Селох, область Чол находилась на восточном побережье Каспия. Чолы, во главе которых стоял Чол-хакан, принадлежали к гунно-тюркской этнической среде¹⁶.

На наш взгляд, не следует смешивать тюркский этноним Чол (у Табари-Сул) с топонимом Чол-Чор, который этимологизируется из иранских языковых материалов '(ягноб. Сог — «узкое ущелье»)»¹⁷. При этом мы не отрицаем возможность существования в раннем средневековье области Чол-Чор-Сул и на юго-восточном побережье Каспийского моря, в предгорьях Эльбурса или Копет-Дага.

Почти все известные письменные источники, в которых в разной форме упоминается топоним Чол (вар. арм. Чор, Джор, Чога, Зуар, груз. Чора, сир. Торайе, греч. Тзур, араб. Сул)¹⁸, без сомнения имеют в виду один из кавказских проходов, а именно, Дербентский. На связь

¹² *Ат-Табари. История пророков и царей*, с. 12.

¹³ *Гумилев Л. Н. Древние тюрки*. М., 1967, с. 47.

¹⁴ *Артамонов М. И. История хазар*. Л., 1962, с. 137—138.

¹⁵ Marquart J. *A Catalogue of the provincial Capitals..*, p. 12.

¹⁶ Marquart J. *Op. Cit.*, p. 10, 39, 57; Christensen A. *L'Iran sous les Sassanides*. p. 282, 287.

¹⁷ *Хромов А. Новые материалы по лексике языка ягнобцев.*— *Acta Orientalia*, XXX. Iranian studies. Copenhagen, 1966, p. 134.

¹⁸ *Егише. О Вардане и войне армянской*. Пер. И. А. Орбели. Ереван, 1971, с. 31, 76, 77, 92, 169; *История Армении Моисея Хоренского*. Пер. Н. Эмина. М., 1958, с. 134, 135, 172; Agathange. *Histoire de regne de Tiridate et de la predication de Saint Gregoire l'illuminateur*. trad. par V. Langlois.— FNG, t. V, Paris, 1870, p. 116; *Агатангелос. История Армении*. Ереван, 1977, с. 32(19) (на арм. яз.); *История Агван Моисея Каган-кагвацци*. Пер. с арм. К. Патканьяна. СПб., 1861, с. 6, 11, 80, 86, 90, 105, 109, 110, 127, 131, 150, 192, 259; *Цуртавели Яков. Мученичество Шушаники* — Грузинская проза.

топонимов Чол-Чор-Тзур-Торайе с Дербентом обратил внимание еще И. Маркварт¹⁹.

Древнее название Дербентского прохода и укрепления зафиксировано в местной топонимике и лингвистике. Оно отложилось в названии горы Джалган, на одном из отрогов, которой стоит цитадель Дербента, и в названии селения Верхний Джалган, расположенного в 3 км выше Дербента²⁰. Одноименное селение с прибавкой «Нижний» отсутствует, а это наводит на мысль, что Нижним Джалганом был город Дербент.

В некоторых дагестанских языках Дербент и поныне известен под именем Чурул (лакский яз.), Чулли (даргинский яз.)²¹. Среди аварцев бытует народное проклятье: «Вучун Чоралде аге», — «чтоб тебя продали в Чор»²², т. е. в Дербент (как известно по арабским источникам, Дербент в IX—XI вв. был крупным пунктом работорговли).

Приведенные данные позволяют отнести сообщения хроники Карка де бет Селох к району Дербентского прохода — древнему Чолу и, следовательно, заключить, что сасанидский город Шахристан Иездигерд надо искать, вероятно, не на восточном побережье Каспийского моря, а на западном, на территории Приморского Южного Дагестана. Добавим, что на территории восточного Прикаспия неизвестен такой археологический памятник, с которым можно было бы связать упомянутый хроникой город.

В соответствии с вышеизложенным, город Шахристан-и Иездигерд локализуется нами на месте Белиджинского городища Торпах-кала, одного из крупнейших памятников сасанидского строительства на Кавказе. Городище неоднократно обследовалось специалистами: в 1923 г. — А. С. Башкировым²³, в 1937 г. — Е. А. Пахомовым²⁴, в 1941 г. — М. И. Исаковым²⁵, в 1957 г. — В. Г. Котовичем²⁶. Но археологические раскопки на нем не велись.

т. I, М., 1955, с. 9, 10; *Пигулевская Н.* Сирийские источники..., с. 108; *Прокопий из Кесарии.* Война с готами. Пер. С. П. Кондратьева. М., 1950, с. 381; *Ибн Хордадбех.* Книга путей и царств. Пер. Н. А. Караулова. — СМОМПК, XXXII, Тифлис, 1903, с. 15; *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда. М., 1963, с. 52.

¹⁹ Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts (ca 840—940), Leipzig, 1903, s. 489.

²⁰ *Кудрявцев А. А.* О датировке первых сасанидских укреплений в Дербенте. — СА № 3, 1978, с. 253.

²¹ История Дагестана, т. I, Отв. ред. В. Г. Гаджиев. М., 1967, с. 122; *Магомедов Р. М.* Легенды и факты о Дагестане. Махачкала, 1969, с. 20.

²² *Атаев Д. М.* Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963, с. 246.

²³ *Башкиров А. С.* Изучение памятников старины. — ДС, т. III, Махачкала, 1927, с. 235—236

²⁴ *Пахомов Е. А.* Археологические экспедиции по районам Аз. ССР. — Изв. Азерб. ФАН СССР, № 3, 1938, с. 34.

²⁵ *Исаков М. И.* Исчезнувший город в Дагестане. — ИЖ, № 6, 1941, с. 156—157.

²⁶ *Котович В. Г.* Отчет о работе I-го горного отряда ДАЭ в 1957 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 1583, с. 97—101.

М. И. Исаков, предполагал, что здесь находился город Албан, упомянутый Птолемеем²⁷. С. Т. Еремян связывал городище Торпах-кала с раннесредневековым городом Чора (или Чога), по его мнению, столицей царства маскутских Аршакидов²⁸. В. Г. Котович помещал на этом месте город Беленджер — одну из ранних хазарских столиц, которую исследователь, как и С. Т. Еремян, отождествлял с городом Чор-Чога²⁹.

М. И. Артамонов убедительно доказал, что название Чор-Чол следует связывать с Дербентом³⁰. Этот топоним известен в письменных источниках с V в. Название Чор, по всей видимости прилагалось к Дербентскому проходу и в более раннее время. И. Г. Алиев и Г. М. Асланов обратили внимание на то обстоятельство, что название прохода можно объяснить с помощью скифо-сарматских языковых материалов³¹. Еще до возникновения Белиджиинского городища на дербентском холме существовало мощное укрепленное поселение³², игравшее важную роль в обороне прохода и носившее, вероятно, название Чор.

Городище Торпах-кала расположено в 20 км к югу от Дербента, близ сел. Белиджи, на равнине между реками Рубас и Гюльгеры-чай. Оно представляет собой грандиозное укрепление, площадью около 100 га, имеющее в плане форму почти правильного квадрата. Оплывшие валы городища некогда были мощными стенами, возведенными из сырцовых кирпичей. Валы имеют толщину 8—10 м, при высоте 10—12 м.³³ По всей видимости, сырцовые стены были возведены на глинобитном основании. Городище вокруг были укреплено рвом, имеющим в настоящее время глубину 2—3 м, при ширине 20—25 м. На каждой из четырех сторон городища были устроены ворота, следы которых сохранились в виде проемов в валах. На юго-западной стороне городища имеется искусственное насыпное возвышение, где находилась, видимо, цитадель³⁴.

Определенные трудности археологического изучения Торпах-калы не дают возможность четко представить историю возникновения и раз-

²⁷ Исаков М. Исчезнувший город..., с. 156—157.

²⁸ Очерки истории СССР, III—IX вв. Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М., 1958, с. 304. 316.

²⁹ Котозич В. Г. О местоположении раннесредневековых городов Варачана, Беленджера и Таргу.— Древности Дагестана. МАД, т. 5, Махачкала, 1974, с. 199.

³⁰ Артамонов М. И. История хазар, с. 120—121.

³¹ Алиев И. Г., Асланов Г. М. Племена сармато-массагето-аланского круга в Азербайджане.— В сб.: Древний Восток, 2, Ереван, 1976, с. 227.

³² Кудрявцев А. А. Город, не подвластный векам. Махачкала, 1976, с. 27—30, 48—50, 136—137.

³³ Пахомов Е. А. Археологические экспедиции..., с. 34; Исаков М. И. Археологические памятники Дагестана (материалы к археологической карте).— МАД, т. I, Махачкала, 1959, с. 204.

³⁴ Башкиров А. С. Изучение памятников старины, с. 236; Пахомов Е. А. Археологические экспедиции..., с. 34; Исаков М. Исчезнувший город..., с. 156; он же. Археологические памятники Дагестана..., с. 204.

вития этого памятника. Однако, ряд имеющихся данных позволяет сделать некоторые предварительные выводы.

Городище Торпах-кала не могло возникнуть в VI в. и тем более в последующее время, так как при существовании вблизи грандиозного каменного Дербентского оборонительного комплекса (в 20 км к северу) возведение столь хорошо укрепленного городища, каковым является Торпах-кала, было нецелесообразным.

Распространение влияния сасанидского Ирана на Дербентский проход относится исследователями ко второй половине — концу IV в., когда албанский царь, в отличие от армянского и иберийского, сражается на стороне персов в битвах при Амиде (359 г.) и на Дзиравском поле (371 г.) и, когда после раздела Армении в 387 г., Иран распространяет свою власть на большую часть Закавказья³⁵. Строительная деятельность Сасанидов на Кавказе началась в V в. с возведения сырцовых «длинных стен». Одним из первых памятников сырцовой архитектуры Сасанидов на Кавказе является Дербентская сырцовая стена, постройка которой связана с именем Иездигерда II (середина V в.)³⁶. В Дагестане применение сырцовых кирпичей, как и известкового раствора, было нововведением, появившимся здесь вместе с властью Сасанидов.

Сырцовая архитектура и планировка Белиджинского городища также позволяют связать его с началом строительной деятельности Сасанидов. Еще А. С. Башкиров отметил сходство Торпах-калы с северо-персидскими и юго-западными туркменистанскими укреплениями³⁷.

Как показала Н. В. Пигулевская, строительство города Шахристан-и Иездигерд, который мы склонны локализовать на месте Белиджинского городища, может быть отнесено ко времени после восьмого года царствования Иездигерда II, т. е. 446/7 г. Этим годом датируется в сирийской хронике убийство им дочери, которая по обычаю персов была и его женой, и большого числа знатных и богатых из его подданных. Только после этих событий, по свидетельству той же хроники, Иездигерд направился в область Чол³⁸.

Очевидно, сооружение Торпах-калы и Дербентской сырцовой стены осуществлялось примерно в одно и то же время. Их одновременное строительство и сосуществование в V в. вполне объяснимо. Видимо, сырцовые стены Дербента не представляли собой такую непреодолимую преграду, как более поздние каменные, и нуждались в постоянном обновлении. Так, в начале 60-х гг. V в. албанский царь Ваче-II, во время восстания против Сасанидов, «окопал пахак Чора (т. е. разобрал или разрушил какую-то часть сырцовой стены — М. Г.) и провел по эту сторону (т. е. к северу от Дербента — М. Г.) войска маскутов...»³⁹.

³⁵ Кудрявцев А. А. О датировке первых сасанидских укреплений..., с. 245.

³⁶ Там же, с. 246—247.

³⁷ Башкиров А. С. Изучение памятников старины, с. 236.

³⁸ Пигулевская Н. Сирийские источники..., с. 44.

³⁹ Египше. О Вардане и войне армянской, с. 169.

Кроме того, укрепления Торпах-калы могли играть роль в обороне северной границы только вместе с дербентской сырцовой стеной, потому что без последней мощные сооружения города можно было легко обойти — они не перегораживали приморскую равнину, ширина которой в районе Белиджинского городища достигает 20 км, так, как пересекали дербентские укрепления узкий 3-километровый проход.

Дербентское укрепление V в. и город-крепость Шархистан-и Иездигерд (Торпах-кала) связаны между собой в единый оборонительный комплекс. Главная роль в обороне прохода, несомненно, принадлежала Дербентскому укреплению с его сырцовой стеной, перекрывающей проход. В VI в., с возведением каменных стен Дербента, Торпах-кала потеряла свое военно-стратегическое значение.

Первое упоминание о городище Торпах-кала мы встречаем у немецкого ученого И. Лерхе, посетившего Дагестан в 1734 и 1747 гг.

«...Крепость, которая называется Топрак кале (Toprak Kale), четырехугольной формы заметной величины, валы были также очень высоки... Персы говорили, что здесь имел резиденцию какой-то царь, который заставлял готовить II блюда в Дербенте и приносить их оттуда сюда так быстро, чтобы они еще были теплыми, несмотря на то, что обе местности отделены друг от друга 20 верстами. Говорили, что он выставил ряд слуг, которые передавали друг другу блюда, благодаря чему их можно было так быстро доставить. Персы называли этот старый город Шехерге (Sheherge), который, по-видимому, был построен царем по имени Гумгум Падша (Gumgum Padscha, т. е. Гумгум падишах — М. Г.), под которым подразумевали Александра Великого...»⁴⁰.

Подобные сведения приводит Ю. Клапрот⁴¹, видимо, заимствовавший их у И. Лерхе. Отголоски этого предания слышал в начале XX в. Е. И. Козубский, который сообщает, что руины Торпах-калы «по местному преданию» представляют собой «развалины города — резиденции армянского шаха»⁴².

В зафиксированном в VIII в. названии Торпах-калы как Шехерге(р), возможно, отложилось древнее наименование города Шахристан-и Иездигерд.

Подъемная керамика с городища Торпах-кала, полученная нами, аналогична керамике, собранной там же в 1957 г. В. Г. Котовичем (рис. 1). Она в подавляющем большинстве относится к раннесредневековому времени и близка керамическим материалам из сасанидских слоев Дербента. Следует отметить почти полное отсутствие на городище фрагментов глазурованной керамики, которая распространяется в Южном Дагестане с середины VIII в.

Основная масса керамических фрагментов принадлежит хумам.

⁴⁰ Lerche J. J. Lebens- und Reise-Geschichte. Halle, 1791, s. 304—305.

⁴¹ Klaproth J. V. Geographisch-historische Beschreibung des östlichen Kaukasus den Flüssen Terek, Aragwi, Kur und dem Kaspischen Meere. Weimar, 1814, s. 180.

⁴² Дагестанский сборник, вып. 1, составил Е. И. Козубский. Темир-Хан-Шура, 1902.

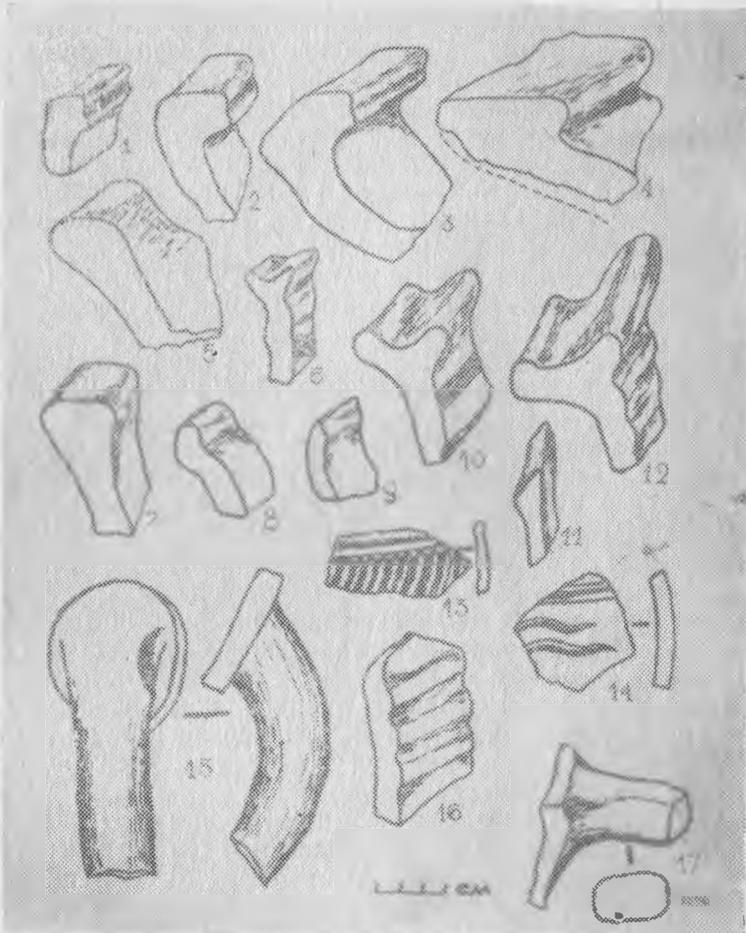

Рис. 1. Подъёмная керамика с городища Торпах-кала
(по В. Г. Котовичу).

кувшинам, котлам, изготовленным в большинстве на гончарном круге из хорошо отмученного теста с небольшой примесью толченой ракушки и чешка. Обжиг их равномерный, цвет черепка красновато-розовый, желтоватый и коричневатый⁴³.

Основным украшением сосудов, судя по найденным обломкам, является многорядный линейно-волнистый орнамент, нанесенный многозубым гребнем, а также орнамент в виде горизонтальных и вертикаль-

⁴³ Котович В. Г. Ук. отчет за 1957 г., с. 98.

ных канеллюров⁴⁴. Подобные орнаментированные приемы широко известны в раннесредневековой керамике Закавказья и Средней Азии.

Подъемная керамика с городища Торпах-кала за пределами Дагестана находит аналогии в керамике V—VI вв. Средней Азии и, особенно, юго-западного Туркменистана⁴⁵.

Таким образом, археологический материал с Белиджинского городища также может свидетельствовать о его существовании в V в., хотя следует помнить, что подъемный материал не может быть основанием для абсолютной хронологии памятника.

Подводя итоги, суммируем имеющиеся аргументы в пользу локализации сасанидского города Шахристан-и Иездигерд на месте Белиджинского городища Торпах-кала:

1. Соответствие области Чол сирийской хроники Дербентскому проходу, который известен по большинству письменных источников, сообщающих о нем, под этим названием. Об этом же свидетельствуют данные местной топонимики и лингвистики.

2. Сведения Табари о строительной деятельности сасанидских царей в области Сул в большей степени приложимы к району Дербента. Под «укреплениями области Сул», о которых говорит Табари и, которые были угрозой тюркскому хакану Сиджибу следует понимать Дербент.

3. Сообщения трактата «Шахристаниха-и Еран» не отрицают возможность локализации области Чол хроники Карка де бет Селох на западном побережье Каспия.

4. Факт существования в районе Дербентского прохода (древнего Чола) огромного городища, размеры, планировка и характер оборонительной архитектуры которого позволяют связать его с городом Шахристан-и Иездигерд.

5. Возведение в середине V в., при Иездигерде II, Дербентской сырцовой стены, одновременной укреплениям Торпах-калы — Шахристан-и Иездигерда.

6. Датировка подавляющего большинства керамики из подъемного материала с городища Торпах-кала V веком.

7. Древнее название Шахристан-и Иездигерд, вероятно, отложилось в зафиксированном в XVIII в. имени Шехер-ге (р).

Окончательный ответ на вопрос о местоположении этого города сможет дать стационарное археологическое изучение этого грандиозного памятника, исключительное значение которого для изучения истории Дагестана несомненно.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Массон В. М. К истории парфянского и раннесредневекового Дахистана. — Изв. АН Туркм. ССР, сер. общ. наук, № 2, 1961, с. 40, рис. 3, 2, 6; Губаев А. Изучение раннесредневековых памятников в районе Артыка. — Каракумские древности, вып. II, Ашхабад, 1968, рис. 19, 1—3, 6, рис. 20, 2, 5; Губаев А., Кошеленко Г. А. Исследование парфянского святилища Мансур-депе и раннесредневекового замка Ак-депе. — Там же, вып. III, Ашхабад, 1970, с. 98, рис. 34, 10, 19, 21; с. 102, рис. 37, 10, 12, 14.

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ О ГУННАХ В ДАГЕСТАНЕ

Гунны, о которых народы Востока знали по-наслышке, в конце IV в. совершают свой неожиданный и грандиозный поход в страны Закавказья и Передней Азии. Современник и свидетель этих трагических событий христианский писатель и путешественник Евсевий Иероним сообщает, что «...в прошлом году напущенные на нас из самых далеких скал Кавказа уже не аравийские, а северные волки в короткое время обрыскали столь обширные провинции. Осаждена Антиохия и остальные города...»¹. Далее, описывая бесчинства гуннских воинов, он уточняет территорию их обитания: «...от крайних пределов Меотиды, между ледяным Танаидом и свирепыми народами массагетов, где Александровы запоры сдерживают дикие племена скалами Кавказа, вырвались рои гуннов...»².

У Евсевия Иеронима речь идет о гуннах, осевших в степях Северного Кавказа. С конца IV в. и в продолжение почти трехсот лет северокавказские гунны — участники важнейших событий, затронувших судьбы больших и малых народов, населявших земли Восточного Предкавказья, Закавказья, Передней Азии.

С этого времени этноним «гунны» (применительно к северокавказским гуннам) не сходит со страниц исторических сочинений и хроник византийских, армянских, сирийских и арабских авторов.

Античные и средневековые авторы мало что знали о происхождении этого народа. Одни связывали их со скифами: «Какие племена живут в области восточного океана: скифы людоеды, скифы-хунны..., илоны, массагеты»³. «Унны или хунны, прикаспийские народы — скифского

¹ Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, т. II, Латинские писатели, вып. 2, СПб., 1906, с. 368.

² Там же, с. 369.

³ Там же, с. 441.

происхождения», — замечает Евстафий⁴. Другие авторы высказывали предположение, что этот совершенно не известный до сих пор в Европе народ, пришел из Азии⁵.

Гуннские племена, осевшие в степях Северного Кавказа, не были однородны. Источники, сообщая о событиях середины V в., различают на Северном Кавказе гуннов-хайландурков⁶, угоров, сарагу, оногур⁷, с начала VI в. — гуннов-савир⁸. Все без исключения античные авторы подчеркивают родство савирских пелмен с гуннами: «Тут живут гунны, так называемые сабиры и некоторые другие племена», — пишет Прокопий Кесарийский⁹, далее он опять подчеркивает, что «сабиры являются гуннским племенем»¹⁰. Агафий, описывая осаду Археополя, сообщает, что в римском войске находился отряд наемных гуннов «которых называют савирами»¹¹. Феофилакт Симокатта называет их уже просто сабирами, перечисляя среди других гуннских племен: «Барселт, уннугуры, сабиры и, кроме, них, другие гуннские племена, увидав только часть людей уар и хунни, бежавших в их места, прониклись страхом и решили, что к ним переселились авары»¹². Сведения эти относятся ко второй половине VI в., когда савиры были уже хорошо известным народом и не было надобности подчеркивать их происхождение. То, что савиры являлись частью гуннских племен, занявших степи Восточного Предкавказья, не вызывает сомнения у большинства исследователей¹³. М. И. Артамонов подчеркивает, что в этническом отношении савиры были сходны с гуннами¹⁴. Аммиан Марцеллин дал классическое описание облика гуннов: «...они стареются безбородыми и лишенными всякой красоты..., все они отличаются плотными и крепкими членами, толстыми

⁴ Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе. Собрал и перевел с подлинников К. Ган. ч. I, Тифлис, 1884.

⁵ Известия древних греческих и римских писателей, с. 197.

⁶ История Егише вардапета. Борьба христианства с учением зороастровым в пятом столетии в Армении. Перевод с армянского П. Шаншиева, Тифлис, 1853, с. 19, 236; *Егише*. О Вардане и войне армянской. Перевод с древнеармянского акад. И. А. Орбели. Ереван, 1971, с. 31, 127.

⁷ Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962, с. 62.

⁸ Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и его сына Феофилакта. Перевод В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского. Чт. МОИДР, 1884, с. 126.

⁹ Прокопий (из Кесарии). Война с готами. Книга V—VIII из «Истории войн Юстиниана с персами, вандалами и готами». Перевод с греческого С. П. Кондратьева. М., 1950, с. 381.

¹⁰ Там же, с. 407.

¹¹ Агафий. О царствовании Юстиниана. Перевод М. В. Левченко. М.—Л., 1953, с. 88.

¹² Феофилакт Симокатта. История. Перевод С. П. Кондратьева. М., 1957, с. 160.

¹³ Пигулевская Н. Сирийские источники по истории народов СССР. М.—Л., 1941, с. 38; Бернштам А. Н. Очерки истории гуннов. Л., 1956, с. 148; Артамонов М. И. История хазар, с. 78.

¹⁴ Артамонов М. И. История хазар, с. 78.

затылками...»¹⁵. Мало чем отличается от этого описания портрет царя гуинов-хазар, участвовавших в осаде Тбилиси 627 г. Хотя это портрет-карикатура, все же он выявляет типичные черты внешности: «...вместо ресниц нарисовали (жители Тбилиси — Л. Г.) несколько обрубленных ветвей, которых никто не мог видеть; место бороды оставили безобразно голым; место нездрей носа шириной в локоть, редкие волосы на усах»¹⁶. Дополняет этот портрет описание Моисея Каганкатваца «широколицей, безресничной толпы, которая в образе женщин с распущенными волосами»¹⁷, разрушила и разграбила Дербент (627 г.). М. И. Артамонов считает, что здесь приводится описание тюркютов¹⁸, замечая попутно, что тюркютов, штурмовавших Дербент в 627 г., было немного и что основные силы состояли из представителей подвластных им племен¹⁹. Но на современников это войско произвело впечатление именно как «толпа» с распущенными волосами, что возможно только при подавляющем большинстве воинов-тюркютов. Известно, что подвластные тюркам авары носили косы, болгары и хазары брили головы²⁰, а савиры, по видимому, носили волосы распущенными, как женщины. Агафий, описавший события с 552 по 558 гг. замечает, что у правителей франков «волосы сзади красиво падают на плечи, и спереди посредине разделены пробором, а не так, как у турок и аваров, — не причесаны, запущены или некрасиво заплетены»²¹. Весьма вероятно, Агафий под турками подразумевает все же гуинов-савир, обитавших на Северном Кавказе и хорошо известных византийским писателям этого времени.

Сведения древних авторов о территории расселения гуинов Северо-Восточного Кавказа отличаются неотчетливостью*.

Деонисию Периигиту (II в. н. э.) принадлежит первое упоминание о гуинов, обитавших в степях у побережья Каспийского моря: «Я расскажу теперь все о том, какие племена живут вокруг него (Каспийского моря. — Л. Г.), начавши с северо-западной стороны. Первые скифы, которые населяют побережье возле Каспийского моря по устью Каспий-

¹⁵ Аммиан Марцеллин. История. Перевод с латинского Ю. Кулаковского, вып. I—III, Киев, 1906—1908, с. 337.

¹⁶ История агван Моисея Каганкатваца, писателя X века. Перевод с армянского К. Патканьян, СПб., 1861, с. 108.

¹⁷ Там же, с. 105.

¹⁸ Артамонов М. И. История хазар, с. 155.

¹⁹ Там же, с. 155.

²⁰ Там же, с. 155—156.

²¹ Агафий. О царствовании Юстиниана, с. 14.

* Мнения исследователей относительно местопребывания савирских племен в Дагестане несколько различны. М. И. Артамонов считает, что к VII в. савиры занимали долину вдоль Каспийского моря и Кавказских гор до Дербента (Артамонов М. И. История хазар, с. 69). В. Г. Котович ограничивает их территорию средней частью Прикаспийского Дагестана (Котович В. Г. О местоположении раннесредневековых городов Варачана, Беленджера и Таргу. МАД, 1974, т. 5, с. 213), а Я. А. и Г. С. Федоровы помещают царство гуинов-савир в предгорной части Северо-Восточного Дагестана (Федоров Я. А., Федоров Г. С. Ранние тюрки на Северном Кавказе, МГУ, 1978, с. 152).

ского моря, потом — унны, а за ними каспийцы»²². Руфий Фест Авиен (вторая половина IV в.) добавляет: «Здесь, вблизи Каспийских вод скитается воинственный скиф, здесь же живут свирепые албанцы»²³. Под воинственными скифами очевидно подразумеваются гунны. Присциан (вторая половина V—начало VI в.), повторяя этот же рассказ, дает характеристику некоторым народам, ничем не отмечая гуннов: «Теперь перечислю те племена, которые окружают это (Каспийское — Л. Г.) море, начиная с северных стран, которые склоняются к западу и которые заключают в себе берега Каспийского моря: во-первых — скифские племена, живущие около Сатурнова моря и устья Ирганского,.. затем следуют хуны, а за ними храброе племя каспиев, потом воинственные сыны свирепого Марса албанцы»²⁴.

Не отличаются большей отчетливостью сообщения византийских и армянских авторов о местах обитания гуннов-савигов. Клавдий Птоломей (II в.) помещает савир ниже аорсов и пагиритов до Рипейских гор²⁵. Стефан Византийский (V в.) уточняет, что савиры — жители Понтийской области известные ранее как сапиры²⁶. Большой осведомленностью отличался Прокопий Кесарийский. В своих трудах он неоднократно указывает, что «сабиры» живут около Кавказских гор, за Каспийскими воротами»²⁷. Себеос также упоминает гуннов, «живших при гористой стране Кавказа»²⁸ у «Каспийских ворот»²⁹.

Следует подчеркнуть, что под савирами авторы V—VI вв. подразумевали разные гуннские племена, занимавшие степи от Дербента до Азовского моря³⁰ и Волги³¹, поскольку к этому времени именно савиры возглавили непрочный военный союз этих полукочевых и кочевых народов. Поэтому такой нечеткостью отличаются сведения о месте обитания собственно савигов.

Можно только предположить, что основная масса их находилась в Восточном Предкавказье и занимала равнинные территории Дагестана к северу от Дербента. Египше местопребывание гуннов-савир на-

²² Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Собрал и издал с русским переводом В. В. Латышев, т. I, Греческие писатели, вып. I. СПб., 1893, с. 186.

²³ Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, с. 359.

²⁴ Там же, с. 439—440.

²⁵ Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, с. 231.

²⁶ Там же, с. 265.

²⁷ Прокопия Кесарийского. История войн римлян с персами в двух частях (книгах). Перевод с греческого Спиридона Дестуниса, СПб., 1876, с. 221; Прокопий (из Кесарии). Война с готами, с. 381, 407.

²⁸ История императора Иракла. Сочинение епископа Себеоса, писателя VII в. Перевод с армянского К. Патканьян, СПб., 1862, с. 31.

²⁹ Там же, с. 164.

³⁰ Прокопия Кесарийского. История войн римлян с персами., с. 112.

³¹ Патканов К. Из нового списка географии приписываемой Моисею Хоренскому. ЖМНП, 1883, март, с. 30.

называет страной³², что говорит о длительности и постоянстве пребывания их в этом районе (сообщение относится к середине V в.). Моисей Каганкатвацци, описывая многие стороны жизни дагестанских гуннов, называет места их обитания «Гуннией»³³, «страной гуннов»³⁴, «странами хазаров и гуннов»³⁵. Сами гунны-савиры края, где они поселились, называли гуннской землей: «Я Илитвер заключу с тобою (епископом Израилом — Л. Г.) обет господний, и искореню и истреблю с лица гуннской земли все языческие служения»³⁶.

Моисей Каганкатвацци, описывая маршрут путешествия епископа Израиля в страну гуннов, к сожалению, приводит подробности только первой части маршрута (до г. Лбинов), а описание последующих 37 дней пути отличается краткостью, непоследовательностью, что вызывает споры среди исследователей относительно самого маршрута Израиля, а также локализации «страны гуннов» и ее городов³⁷. «Армянская география» VII в. несколько уточняет местоположение «страны гуннов»: «К северу (от Дербента — Л. Г.) близ моря находится царство гуннов, на запад у Кавказа город гуннов, Вараджан, а также города Чунгарс и Мсндр»³⁸. Гевонд, описывая события арабо-хазарских войн, также помещает «страну гуннов» к северу от Дербента: «Сам Мслим с большим войском прошел проход Чора, грабя страну Гуннов»³⁹. Исходя из описания маршрута хазарского войска, совершившего набег на Закавказье «через землю гуннов и через проход Джорский, по земле маскутов... на страну Пайтакаран»⁴⁰, можно с уверенностью говорить только о южной границе «страны гуннов», которой служили Дербентские укрепления. Подтверждают это предположение и ценные добавления к Птолемию анонимного сирийского компилятора. Он сообщает, что Каспийские ворота и побережье моря находятся «в пределах гуннских»⁴¹. Ибн-Хордадбэх также помещает царство Сувар (Савир по М. И. Артамонову) к северу от Дербента⁴². Из сообщений более поздних

³² История Егише вардапета, с. 128; *Егише*. О Вардане и войне армянской, в. 78—80.

³³ История агван Моисей Каганкатвацци..., с. 21.

³⁴ Там же, с. 190.

³⁵ Там же, с. 238.

³⁶ Там же, с. 208.

³⁷ *Еремян С. Т.* Моисей Каланкатуйский о посольстве албанского князя Варздата к хазарскому хакану Алп-Илитверу. Записки Института востоковедения АН СССР, 1939, т. VII, с. 139—151; *Артамонов М. И.* История хазар, с. 186; *Котович В. Г.* О местоположении раннесредневековых городов..., с. 189; *Магомедов М. Г.* Древние политические центры Хазарии, СА. 1975, № 3, с. 66, 71, 73.

³⁸ *К. Патканов*. Из нового списка географии..., с. 31.

³⁹ История халифов вардапета Гевонда, писателя VIII в. Перевод с армянского Патканьян, СПб., 1862, с. 28.

⁴⁰ Там же, с. 72.

⁴¹ *Пигулевская Н.* Сирийские источники..., с. 165.

⁴² Сведения арабских писателей о Кавказе и Азербайджане. III, Перевод и примечания Н. А. Караулова, СМОМПК, в. XXXII, Тифлис, 1903, с. 17.

авторов, отмечающих могущество «царства Джидан»⁴³ опять-таки можно выяснить лишь то, что южным соседом его были «жители Бабваль-Абваба», которые «терпят неприятности от соседнего царства, называемого Джидан...»⁴⁴.

Ни в одном из вышеприведенных источников не названы западные и северные соседи «царства гуннов» или какие-либо географические ориентиры, ограничивавшие территорию обитания гуннов-савир. Это можно объяснить слабой осведомленностью авторов, а также, очевидно, этнической широтой, обитавших на Северном Кавказе остатков гуннских племен, известных в странах Востока и Византии в V—VII вв. под именем наиболее могущественного из них — савирского. Поэтому под «землей» или «страной» гуннов в широком смысле этого понятия армянские, византийские, сирийские и арабские авторы понимали, видимо, прикаспийские степи, ограниченные на юге крепостными сооружениями Дербента, берегом Каспийского моря — на востоке, передовыми отрогами Кавказских гор — на западе и устьем Волги — на севере. Более четко очертить границы обитания гунно-савирских племен пока не представляется возможным.

Вполне вероятно, что этноним «савиры» в V—VII вв. был распространен и на аборигенные племена Дагестана, попавшие в зависимость к гуннам-савирам.

В узком смысле понятия «страны гуннов» следует, очевидно, понимать, как земли, населённые в основном массой савиров, где была расположена их столица Варачан. Сами савиры заселяли, как кочевники, равнинные, отчасти предгорные территории Дагестана (Терско-Сулакское междуречье на севере, далее — степи от Махачкала до Дербента).

На территории Северо-Восточного Дагестана, где по сведениям письменных источников располагались гунны-савиры, в последнее десятилетие археологи выявили около сорока укрепленных и неукрепленных поселений, содержащих слои гунно-савирского времени (IV—VII вв. н.)⁴⁵.

⁴³ Сведения арабских географов IX—X вв. о Кавказе, Армении и Азербайджане. *Н. А. Караулов*, СМОМПК, в. XXXVIII, Тифлис, 1908, с. 51.

⁴⁴ Там же, с. 43.

⁴⁵ *Пикуль М. И.* Отчет по археологическим разведкам в Северном Дагестане в 1951 г. Архив И. А. АН СССР, р-1, № 639; *Канивец В. И., Березанская С. С.* и др. Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства Чирютовской ГЭС в 1955 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 1158; *Бредз К. А.* Отчет о раскопках в 1956 г. археологических памятников на Сигитме. Архив И. А. АН СССР, р-1, № 1616; *Пикуль М. И.* Отчет о работе III Бавтугайского отряда ДАЭ в 1958 г. Архив И. А. АН СССР, р-1, № 1838; *Пикуль М. И.* Некоторые сведения о средневековых поселениях Дагестана. Махачкала, 1958, РФ ИИЯЛ, Даг. ФАН СССР, № 2298; *Котович В. Г., Котович В. М.* и др. Отчет о работе Приморского отряда ДАЭ в 1960 г. Архив И. А. АН СССР, р-1, № 2193; *Путинцева Н. Д.* Северо-Восточный Дагестан в эпоху раннего средневековья. Махачкала, 1961, РФ ИИЯЛ Даг. ФАН СССР, № 113; *Котович В. Г., Абакаров А. И.* и др. Отчет о работе Приморской археологической экспедиции ДагФАИ

Классификация открытых поселений Северного Дагестана была проведена М. Г. Магомедовым, который выделил среди них четыре группы памятников:

1) Крупные городища; 2) открытые (неукрепленные поселения); 3) малые городища (крепости); 4) городища и поселения предгорной зоны.

В основу классификации были положены размеры, местоположение, структура культурных отложений и особенности оборонительных сооружений раннесредневековых поселений Терско-Сулакского междуречья и Приморского Дагестана⁴⁶.

Как известно, рельеф местности оказывает большое влияние на характер поселений. Учитывая этот факт, раннесредневековые поселения Северо-Восточного и Среднего Дагестана разделены нами на две группы:

I) поселения плоскостной зоны (Терско-Сулакское междуречье); II) поселения предгорной зоны, расположенные в основном в долинах рек предгорной полосы.

Из 38 поселений, к сожалению, только семь подвергались систематическим раскопкам, данные об остальных носят разведочный характер, в лучшем случае, на некоторых из памятников закладывались траншеи и шурфы.

I группа (рис. 1). Поселения Терско-Сулакского междуречья расположены на территории Северо-Дагестанской низменности. При вы-

СССР в 1964 г. Архив И. А. АН СССР, р-1, № 2933; *Атаев Д. М., Абакаров А. И.* и др. Раскопки Андрейаульского городища. АО-1967. М., 1968; *Котович В. М.* Отчет о работе 2-го Горного отряда ДАЭ в 1966 г. Архив И.А. АН СССР, р-1, № 3420; *Федоров Г. С.* Отчет о разведывательных работах Прикаспийского отряда ДАЭ в 1966 г. Архив И.А. АН СССР, р-1, № 3576; *Магомедов М. Г.* Отчет о работе Верхнечирюртовской археологической экспедиции ИИЯЛ Даг. ФАН СССР в 1970 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 4186; *Магомедов М. Г.* Верхнечирюртовское городище Уч. зап. ИИЯЛ Даг. ФАН СССР, 1969, т. XIX, кн. 2; *Магомедов М. Г.* Древние и средневековые оборонительные сооружения Дагестана. Канд. дис. М., 1970, р-2, № 2050; *Котович В. Г., Котович В. М.* и др. Работы в Прикаспийском Дагестане. АО-1971, М., 1972; *Котович В. Г., Котович В. М.* и др. Археологические работы на территории средневекового княжества Хамрин. Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1971—1972 гг. (тезисы докладов), Махачкала, 1973; *Магомедов М. Г.* Отчет Верхнечирюртовской археологической экспедиции ИИЯЛ ДагФАН СССР за 1973 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 5004; *Гадло А. В.* Новые материалы к этнической истории Восточного Предкавказья. МАД, 1974, т. 5; *Котович В. Г.* О местоположении раннесредневековых городов Варачана, Беленджера и Таргу. МАД, 1974, т. 5; *Котович В. Г.* Археологические данные к вопросу о местоположении Семендера. МАД, 1974, т. 5; *Кудрявцев А. А.* О структуре раннесредневекового Дербента. Пятое Крупновские чтения по археологии Кавказа (тезисы докладов). Махачкала, 1975; *Магомедов М. Г.* Хазарские поселения в Дагестане.— СА, 1975, № 2; *Кудрявцев А. А.* Город, не подвластный векам. Махачкала, 1976; *Котович В. Г., Абдуллаев М. М.* и др. Некоторые итоги работ на городище Таргу. Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1976—1977 гг. (тезисы докладов). Махачкала, 1978; *Кудрявцев А. А.* Датировка первых сасанидских укреплений в Дербенте.— СА, 1978, № 3.

⁴⁶ *Магомедов М. Г.* Хазарские поселения в Дагестане, с. 201.

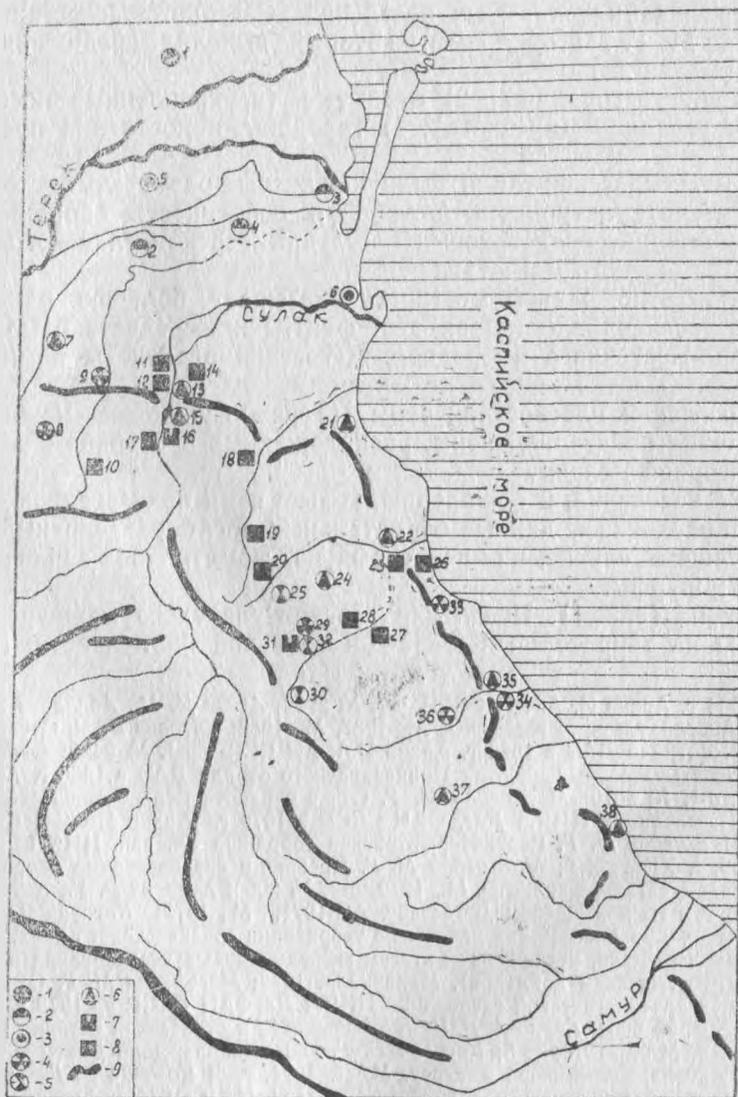

Рис. 1. Поселения гунно-савирского времени в Дагестане.
 Поселения I группы: 1 — тип 1; 2 — тип 2; 3 — тип 3.
 Поселения II группы: 4 — тип 1; 5 — тип 2; 6 — тип 3; 7 —
 тип 4; 8 — тип 5; 9 — горные хребты.
 Цифры на поле карты — номера памятников.

боре места расположения поселений использовался, как правило, удобный для этого рельеф местности (возвышенные берега рек, невысокие холмы). Оборона населенного пункта усиливалась за счет возведения валов, рвов и крепостных стен, строящихся из саманных кирпичей. По своим размерам и наличию крепостных сооружений поселения первой группы разделены нами на три типа:

Тип 1. Крупное городище с замкнутым типом планировки (Некрасовское (№ 1)). По своим размерам оно в четыре раза превосходит расположенные на этой территории поселения. Территория городища была окружена по периметру в сарматское время (III—IV вв. н. э.) мощными валами (высота вала — 3—5 м; ширина у основания — 40 м). Многометровые культурные отложения (2—3 м) свидетельствуют о длительности и непрерывности его существования. В гунно-савирское время городище выступает как крупное укрепленное поселение.

Тип 2. Поселения-крепости (Герменчик (№ 2), Бораул (№ 3), Новая Надежда (№ 4) — небольшие, в сравнении с первым типом, поселения овальной формы замкнутой системы планировки. Поселения второго типа укреплены по периметру валами (Герменчик, Новая Надежда) или валом и рвом (Бор-аул), так же, как и Некрасовское, в сарматский период. Жизнь на поселениях второго типа продолжалась длительное время (толщина культурного слоя от 1,6 м до 3 м), в гунно-савирское время они были небольшими укрепленными населенными пунктами.

Тип 3. Неукрепленные поселения (Герменчик-тюбе (№ 5), Тенг-кала (№ 6)) овальной в плане формы возникли в сарматское время на сравнительно возвышенном месте надречных террас, просуществовав длительный промежуток времени (культурный слой 3 м). Некоторые из них (Тенг-кала) на заключительном этапе (VII—IX) были укреплены сырцовыми стенами.

II группа (рис. 1). Поселения этой группы сосредоточены вдоль линии предгорий, тянущейся от среднего течения реки Аксай до г. Махачкалы (Северный Дагестан) и далее по Приморской низменности до Дербента. Все они располагаются в основном на берегах или долинах рек, занимая наиболее возвышенные места (высокие берега рек, склоны оврагов и господствующие над местностью горные хребты).

Оборонительные сооружения этой группы поселений возводились только в наиболее уязвимых местах. В качестве строительного материала использовались его местные виды, в основном камень, но иногда (Северный Дагестан) — глинобит в чередовании с сырцовым кирпичем или камнем. Топография наиболее крупных и многослойных поселений отличалась наличием трехчастной структуры (цитадель, основной город и посад)

Все поселения второй группы разделены нами на пять типов:

Тип 1. Поселения с трехчастной системой планировки (Казар-кала (№ 8), Андрейаульское (№ 9), Урминское 1 (№ 29), Урцекское (№ 33),

Чакавуркент (№ 34), Таргу (№ 36). Поселения этого типа отличаются законченной планировкой средневекового города. Укрепленная цитадель занимала небольшую, но наиболее возвышенную часть поселения, ниже ее располагался основной город, защищенный крепостной стеной или валами, территория рабада так же укреплялась. Среди поселений первого типа выделяются очень крупные (Андрейаульское, Урцекское, Таргу), остальные — средних размеров. По конструкции крепостных сооружений поселения первого типа разделены нами на три вида.

Вид А. Поселения с каменными крепостными сооружениями (Урминское I, Урцекское, Чакавуркент, Таргу). Каменной стеной окружалась цитадель по периметру, иногда только ее наиболее уязвимые участки, каменной стеной защищался также основной город и посад. Иногда оборона посада усиливалась еще и валом (Таргу).

Вид Б. Поселение с земляными укреплениями (Андрейаул). Цитадель Андрейаульского городища отделена от шахристана двумя линиями валов, располагавшихся только с напольной стороны. Земляным валом защищены с напольной стороны также основной город, посад.

Вид В. Поселение с комбинированным типом укреплений (Казаркала). Цитадель отделена от основной территории городища оврагом, углубленным искусственным рвом. Шахристан защищен с напольной стороны земляным валом, по вершине которого сооружена каменная стена.

Тип 2. Поселения с двухчастной системой планировки (Карамахинское (№ 25), Какамахинское (№ 30), Урминское II (№ 32). Защитой для поселения этого типа служил рельеф местности, а также небольшая цитадель, занимавшая наиболее возвышенный участок поселения и отделенная от него искусственными укреплениями. По конструкции укреплений поселения второго типа разделены нами на три вида:

Вид А (Какамахинское). Цитадель занимает наиболее возвышенный участок поселения, защищена с трех сторон крутыми склонами горного плато, от городища отделена земляным валом.

Вид Б (Урминское II). Цитадель расположена в центральной части городища на холме (высота стенок холма 8—10 м), она окружена по периметру крепостной стеной, сооруженной из камня. С одной из сторон цитадели (восточной) оборона ее усилена, возведенным по подножию холма, валом.

Вид В (Карамахинское). Цитаделью городу служил небольшой высокий холм (высота стенок холма от 10 до 30 м) с крутыми склонами. Искусственных укреплений на цитадели не было возведено, сам город защищен глубокими оврагами.

Тип 3. Поселения с одночастной системой планировки. (Аксайское (№ 7), Верхнечирюртовское (№ 13), Сигитминское (№ 15), Таркинское (№ 21), Гентурун (№ 22), Какашуринское (№ 24), Эскиюртовское (№ 35), Кадыркентское (№ 37), Дербентское (№ 38)).

Территория этого типа поселений защищалась системой искусствен-

ных укреплений только с напольной стороны. Среди поселений третьего типа выделяются очень крупные — Верхнечирюртовское, Таркинское, Гентурун. По конструктивным приемам возведения крепостных сооружений поселения третьего типа разделены нами на 4 вида:

Вид А (Верхнечирюртовское, Таркинское, Гентурун, Какашуринское (?), Кадыркепт). Защитой жителям этих поселений служил естественный рельеф местности, в наиболее уязвимых местах возводилась крепостная стена, сооруженная из камня, фортификационные качества стены иногда усиливались каменными четырехугольными в плане башнями (Верхнечирюртовское).

Вид Б (Сигитминское). Поселение защищено с напольной стороны крепостными стенами и башнями, сооруженными из камня (нижняя часть) и глинобита (верхняя часть).

Вид В (Эскиюрт). Городище с комбинированной системой укреплений, оно защищено с напольной стороны каменными стенами и округлыми в плане башнями, а также земляным валом.

Вид Г (Дербентское). Поселение занимало вершину высокого холма с крутыми и обрывистыми склонами, в гунно-савирское время было окружено по периметру крепостными стенами, сооруженными из сырцового кирпича.

Тип 4. Крепостные башни (Сигитминская (№ 16), Урминская (№ 31). Укрепления этого типа отличаются небольшими размерами, они располагались в мало доступном месте, защищенном естественным рельефом местности, в непосредственной близости от поселений. Крепостные башни гунно-савирского времени — прямоугольные в плане, окружены по периметру каменной крепостной стеной.

Тип 5. Неукрепленные поселения (Бурсун (№ 10), Бавтугайское «городище» (№ 11), Бавтугайское поселение (№ 12), Верхнечирюртовское поселение (№ 14), Миатлинское поселение (№ 17), Капчугайское (№ 18), Буйшакское (№ 19), Верхнедженгутайское (№ 20), Инглис-тюбе (№ 23), Ачи-су (№ 26), Губденовское «городище» (№ 27), Губденовское поселение (№ 28). Поселения пятого типа расположены в местах с естественно-защитным рельефом местности (высокие обрывистые берега рек, склоны и вершины горных хребтов и т. д.). Среди поселений пятого типа выделяются наиболее крупные (Бавтугайское «городище», Миатлинское, Капчугайское, Губденовское «городище»). Некоторые из них (Бавтугайское и Губденовское) именуется в исторической литературе городищами. На Бавтугайском «городище» предполагается наличие оборонительных сооружений, защищавших поселение с севера (они не сохранились), а Губденовское «городище», занимая крутые склоны двух горных хребтов и обрывистый берег реки (высота берега 50 м), почти не нуждалось в искусственных укреплениях. Принимая во внимание размеры этих поселений (Бавтугайского и Губденовского), а также степень их естественной защиты, мы также именуем их городищами.

Подведем некоторые итоги. Преобладающим типом поселений пер-

вой группы были поселения овалыные в плане, с замкнутой системой крепостных сооружений — это наиболее целесообразная планировка равнинных районов. Крепостные сооружения, видимо, несли на себе двойную функцию — оборонительную и защитную (от речных паводков). Поэтому территория этих поселений была окружена укреплениями (в основном валами) в первый период их существования (III—IV вв. н. э.). Жизнь на этих поселениях, судя по толщине культурного слоя, продолжалась непрерывно длительное время (около 500 лет). Жители этого района, судя по находкам, занимались в основном скотоводством, чему благоприятствовали поймы многочисленных рек, богатых кормами почти круглогодично, а также, видимо, и земледелием, о чем свидетельствуют находки каменной мотыги и обломка ручного жернова в слоях городища Новая Надежда.

Планировка поселений второй группы подчинялась рельефу местности, который искусно использовался в обороне поселений. Большая половина поселений второй группы защищена с напольной стороны крепостными сооружениями, возведенными в основном из камня. Каменное крепостное строительство имеет давние местные традиции, уходящие своими корнями в эпоху бронзы. В последующие эпохи оно достигло определенного развития, о чем свидетельствуют и крепостные сооружения раннесредневековых поселений Дагестана.

Среди памятников второй группы выделяется ряд крупных городищ с трехчастной (Андрейаульское, Урцекское, Таргу) и одночастной (Верхнечирюртовское, Таркинское, Гентурун) системой планировки, наличие которых подтверждает свидетельство средневековых авторов о существовании в Дагестане в гунно-савирское и хазарское время ряда городов, бывших, очевидно, торгово-ремесленными центрами. Ареал раннесредневековых укрепленных и неукрепленных поселений со слоями IV—VI вв. н. э. уточняет данные письменных источников о территории расселения гунно-савирских племен в Дагестане.

Почти все раннесредневековые поселения равнинного и предгорного Дагестана со слоями (IV—VII вв.) появились на рубеже или в начале I тыс. н. э., просуществовав непрерывно до конца раннесредневекового периода (жизнь на некоторых продолжалась до позднего средневековья), подтверждая тем самым непрерывность оседлых традиций аборигенов Дагестана.

Некоторые из раннесредневековых поселений были укреплены уже в V—VI вв. н. э. — Сигитминский укрепленный пункт (башня), Урминская башня, Урцекское⁴⁷ и Дербентское⁴⁸ городища. Строительство

⁴⁷ Магомедов М. Г. Древние и средневековые оборонительные сооружения Дагестана... с. 178.

⁴⁸ Кудрявцев А. А. О структуре средневекового Дербента.— В кн.: Пятое Крупновские чтения по археологии Кавказа (тезисы докладов). Махачкала, 1975, с. 103; *он же*. О датировке первых сасанидских укреплений в Дербенте.— СА, 1978, № 3, с. 257; *он же*. «Длинные стены» на Восточном Кавказе.— Вопросы истории, 1979, № 11, с. 34.

крепостных сооружений в Дербенте исследователи связывают с попыткой сасанидских правителей воспрепятствовать продвижению кочевых гуннских племен в богатые закавказские провинции⁴⁹. Строительство укреплений в это время в ряде других поселений и таком крупном как Урцекское, опираясь на сведения письменных источников, видимо, можно связать как с начавшейся социальной дифференциацией «гуннского общества», а также с внутриволжской борьбой за власть среди вождей отдельных племен в период складывания гуннского племенного союза.

Укрепление же большинства поселений в равнинной и предгорной частях Дагестана падает на конец гунно-савирского — начало хазарского периодов и связывается исследователями с угрозой арабского нашествия⁵⁰.

Таким образом, мы видим, что коренное население Дагестана имело стабильные оседлые традиции, живя многие сотни лет в укрепленных и неукрепленных поселениях, занимаясь земледелием, скотоводством и различными видами ремесла.

Судя по обряду захоронения, население Дагестана равнинной и предгорной частей было очень разнообразным (рис. II). На этой территории открыто 15 могильников гунно-савирского времени⁵¹, которые разделены нами на две группы.

I. Могильники со смешанным типом захоронений. (Верхнечирюртовский грунтовый могильник (№ 7)), Большой Буйнакский курган (№ 8), Урцекский могильник (№ 11). Все они являются некрополями жителей крупных раннесредневековых городов, в которых, как отмечают письменные источники, проживало этнически самое разнообразное население. Об этом свидетельствует и погребальный обряд этих могильников, в котором выделяются шесть типов.

Тип I. Погребения в катакомбах (Верхнечирюртовский грунтовый могильник), которые представляли собой семейные усыпальницы. В катакомбах хоронили вытянуто на спине с северо-восточной или северо-западной ориентацией, снабжая погребенных разнообразными вида-

⁴⁹ Кудрявцев А. А. Город, не подвластный векам, с. 93—94; он же. «Длинные степи»..., с. 40.

⁵⁰ Магомедов М. Г. Древние и средневековые оборонительные сооружения Дагестана. Автореф. канд. дис. Махачкала, 1970, с. 12.

⁵¹ Иессен А. А. Работы на Сулаке. Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933. Известия ГАИМК, 1955, № 110; Круглов А. П. Археологические работы на Северном Кавказе.— КСИМК, 1940, в. V; Пикуль М. И. Указ. отчет за 1951; Путинцева Н. Д. Верхнечирюртовский могильник (предварительные сообщения).— МАД, 1961, т. 2; Котович В. Г., Котович В. М. и др. Указ. отчет за 1960 г.; Котович В. Г., Абакаров А. И. и др. Указ. отчет за 1964 г.; Котович В. Г., Котович В. М. и др. Археологические работы на территории средневекового княжества Хамрин; Котович В. Г. Об этнической принадлежности раннесредневековых катакомбных захоронений Прикаспийского Дагестана. Пятое Крупновские чтения по археологии Кавказа (Тезисы докладов). Махачкала, 1975; Магомедов М. Г. Погребальные сооружения хазар.— МАДИСО, 1975, № 3; Абрамова М. П. Большой Буйнакский курган.— МАД, 1977, т. 7.

Рис. 2. Могильники гуно-савирского времени в Дагестане.

1 — курганы; 2 — грунтовые могилы; 3 — катакомбы; 4 — склепы; 5 — гробницы; 6 — каменные ящики; 7 — подбои; 8 — горные хребты.

Цифры на поле карты — номера памятников.

ми украшений, оружием и ритуальной посудой (керамической и деревянной).

Тип 2. Погребения в склепах и каменных гробницах (Большой Буйнакский курган, Урцекский могильник) — это однотипные погребальные сооружения четырехугольной или овальной формы со стенками, сложенными из небольших камней на глиняном растворе или из известняковых плит, поставленных на ребро. Сверху гробницы и склепы перекрывались одной или несколькими массивными плитами. Гробницы — это индивидуальные, а склепы — коллективные усыпальницы. Погребенных сопровождали различные типы украшений, оружие, посуда, предметы быта.

Тип 3. Погребения в каменных ящиках (Большой Буйнакский курган) представляют собой могильные сооружения, стенки которых сложены из 4 каменных плит, сверху они также перекрывались плитой. В каменных ящиках были похоронены дети.

Тип 4. Погребения в грунтовых ямах (Верхнечирюртовский грунтовый могильник, Большой Буйнакский курган, Урцекский могильник) — это погребальные сооружения, вырытые в земле, обычно овальные в плане. Погребенные лежали в основном вытянуто на спине с различной ориентировкой, их сопровождал обычный для гунно-савирского времени инвентарь — украшения, оружие, посуда.

Тип 5. Погребения в ямах с подбоями (Верхнечирюртовский грунтовый могильник). Ямы имели прямоугольные очертания. В длинной стенке вырывался подбой, где и помещали умершего; инвентарь, сопровождавший погребенных — украшения, оружие, посуда.

II. Могильники с однотипными захоронениями. (Верхнекаранаевский (№ 9), Карамахинский (№ 10), Утамышский (№ 12), Эскиюртовский (№ 18), Таргунский (№ 14), Джемикентский (№ 15) по устройству погребального сооружения разделяются на два типа.

Тип 1. Погребения в катакомбах (Утамышский, Таргунский, Джемикентский). Они идентичны по устройству Верхнечирюртовским, над некоторыми из них возведены курганы (Утамышский, Джемикентский). К этому же типу условно можно отнести погребения под курганами Терско-Сулакского междуречья и Андрейаульские (№№ 1—6).

Тип 2. Погребения в склепах и каменных гробницах (Верхнекаранаевский, Карамахинский, Эскиюртовский). По устройству они идентичны склепам и каменным гробницам Большого Буйнакского кургана и Урцекского могильника.

Картографирование раннесредневековых погребальных могильников показало, что для горных районов Дагестана в гунно-савирское время характерным типом погребального сооружения были грунтовые могилы и каменные ящики⁵², для предгорных — каменные склепы

⁵² Атаев Д. М. Некоторые средневековые могильники Аварик.— МАД, 1961, т. II, с. 239—246.

и гробницы (рис. 2), для равнинных территорий, где располагались, в основном крупные раннесредневековые города — смешанный обряд захоронения, где представлены все типы погребальных сооружений, бытовавшие в это время в Дагестане (рис. 2).

Исследователей давно интересовал вопрос об этнической принадлежности раннесредневековых могильников, выявленных в предгорной и равнинных частях Дагестана. Но сложность вопроса (этническая гестрота населения Дагестана этого времени, отразившаяся в многообразии погребальных обрядов), малочисленность выявленных памятников, а также недостаточная их изученность привели к тому, что у исследователей не выработалось единого мнения.

Верхнечирюртовский грунтовый могильник (катакомбы, грунтовые ямы, подбой) Н. Д. Путинцева считает принадлежностью аборигенного населения⁵³. Ряд исследователей интерпретируют захоронения в грунтовых ямах Верхнечирюртовского могильника как раннеболгарские⁵⁴, а бескурганые катакомбы — гунно-савирские⁵⁵.

Большинство ученых считает, что погребения в катакомбах на Северном Кавказе оставлены аланскими племенами⁵⁶.

Обряд захоронения в каменных ящиках известен на территории Дагестана с древнейших времен и доживает до средневековья, характеризуя местные погребальные традиции⁵⁷.

Захоронения в склепах и каменных гробницах известны на территории Дагестана с древнейших времен, они получают распространение и в период раннего средневековья (до XI вв.)⁵⁸. М. Г. Магомедов, учитывая время и территорию распространения склеповых сооружений пришел к выводу, что в период раннего средневековья склепы могли быть использованы в качестве погребального сооружения населением, входившим в состав хазарского каганата, также как катакомбы⁵⁹.

Таким образом, большинство погребальных обрядов, представленных в раннесредневековых могильниках Дагестана, известны его аборигенам с древнейших времен и характеризуют собой местный (северокавказский) обряд захоронения. Пришлое население Дагестана может быть связано с подбойными и катакомбными захоронениями, получив-

⁵³ Путинцева Н. Д. Верхнечирюртовский могильник..., с. 263—264.

⁵⁴ Федоров Г. С. Северный Дагестан в раннем средневековье (историко-археологические очерки). Автореф. канд. дис. М., 1970; Ковалевская В. Б. Древние болгары на Северном Кавказе. Пятое Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Махачкала, 1975, с. 79—80.

⁵⁵ Котович В. Г. Об этнической принадлежности..., с. 97—100.

⁵⁶ Котович В. Г. Новые археологические памятники Южного Дагестана.—МАН, 1959, т. 1, с. 156; Кузнецов В. А. Аланы и средневековый Дагестан (к постановке вопроса).—МАН, 1961, т. 2, с. 267; его же. Аланские племена Северного Кавказа.—МИА, 1962, № 106, с. 13.

⁵⁷ Абрамова М. П. Большой Буйнакский курган, с. 65—67.

⁵⁸ Магомедов М. Г. Погребальные сооружения хазар, с. 67—70.

⁵⁹ Магомедов М. Г. Погребальные сооружения хазар, с. 71.

шими распространение только в равнинных районах Дагестана (рис. 2).

В. Г. Котович в своих последних работах попытался вычленить среди разнообразных поселений и могильников раннесредневекового периода памятники, характеризующие быт и погребальные обычаи гуннов-савир в Дагестане. К ним он отнес городища — Таргу («гуннский город Таргу»), Урдеки (Варачан), Махачкалинское (Семендер), катакомбные могильники (подкуранные и бескуранные) — Таргунский, Манасский, Утамышский, Джемикентский, Верхнечирюртовский (грунтовый) ⁶⁰.

Этническая принадлежность могильников определялась им на основе типа погребального сооружения (катакомба), некоторой части погребального инвентаря (поясные наборы, оружие, конская сбруя), а также на основе антропологического типа погребенных, имеющего сходство с антропологическим типом населения, оставившего свои могильники в Нижнем Поволжье и степях Северного Кавказа ⁶¹.

Не отвергая в целом идеи В. Г. Котовича о савирской принадлежности части средневековых катакомбных захоронений, мы все же считаем, что данных, которыми мы располагаем на сегодняшний день (два раскопанных катакомбных могильника — Верхнечирюртовский и Таргунский), достаточно только на постановку вопроса. Необходимы новые поиски и систематизированные раскопки выявленных раннесредневековых могильников.

⁶⁰ Котович В. Г. Об этнической принадлежности..., с. 98; его же. О местоположении раннесредневековых городов..., с. 20–21.

⁶¹ Кондукторова Т. С. Антропологическая характеристика Верхнечирюртовского могильника.— МАД, 1973, т. 3, с. 128–129.

КРЕПОСТНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ХАЗАРИИ

Среди многочисленных памятников древней Хазарии, представленных в Приморском Дагестане, особое место занимают остатки крепостных сооружений. Они выступают важнейшими составными частями древних городов и примечательны разнообразием типов и сложностью конструктивных приемов строительства. Их изучение дает возможность решить ряд вопросов, связанных с временем и причинами их строительства, об общих и локальных их особенностях и, наконец, об уровне развития фортификационного искусства в древней Хазарии.

Важное значение при становлении и развитии древних городов Хазарии и строительстве их оборонительных сооружений имело географическое положение Дагестана. С древнейших времен Дагестан выступал связующим звеном между Юго-Восточной Европой и странами Закавказья и древнего Востока. Постоянная борьба за овладение и сохранение торгового пути по берегу Каспийского моря имела зачастую решающее значение в судьбах приморских городов, что определяло необходимость возведения оборонительных сооружений вокруг них.

Города и их крепости нередко выступали важными опорными базами в непрерывных войнах раннесредневековой эпохи. На их подступах происходили в VI—VIII вв. ожесточенные битвы хазаро-сасанидских и особенно арабо-хазарских войн, решались судьбы не только Хазарского каганата, но и многих других народов Северного Кавказа и Юго-Восточной Европы. Поэтому тщательные исследования остатков крепостного строительства будут способствовать более глубокому пониманию процессов исторического развития народов этого региона. Это и определяет необходимость тщательного анализа крепостных сооружений, тем более, что они не стали до сего времени предметом исследования и, следовательно, достоянием исторической науки.

Все выявленные и исследованные в Приморском Дагестане памятники крепостного строительства не только значительны по количеству, но и разнообразны по месту расположения, характеру строительных

остатков и конструктивным решениям фортификационных задач. По совокупности этих черт они подразделяются на три основные группы, в которых отразились не только локальные своеобразия, но и хронологические этапы крепостного строительства.

Первую, наиболее многочисленную группу составляют крепостные сооружения, возведенные единой техникой панцирной кладки из рваного камня. Крепостные сооружения этой группы протянулись по предгорным долинам, сливающимся с приморской полосой от р. Сулак на севере и до г. Дербента на юге.

Наиболее ярким памятником первой группы являются крепостные сооружения обширного по размерам *Верхнечирюртовского городища VI—VIII вв.*, расположенного у р. Сулак на границе предгорий и Прикаспийской низменности. Они берут начало на гребне хребта протянувшегося в меридиальном направлении к востоку от городища. Оборонительная стена обеспечивала защиту не только городу, но и закрывала доступ в долину Сулака, где расположен целый ряд поселений и городищ с культурой аналогичной культуре Верхнечирюртовского городища.

Первые археологические исследования оборонительных сооружений городища были предприняты К. А. Бредэ. Он выявил здесь внешний панцирь стены, сохранившейся на высоту до 2,8 м., возведенной из рваного известняка среднего размера. С внутренней стороны к ней примыкала забутовка из мелкого колотого камня и щебня¹.

О происхождении и назначении памятников крепостного строительства Верхнечирюртовского городища в науке существовали самые разноречивые предположения.

К. А. Бредэ, например, отметил внушительный характер и монументальность крепостных стен, которые якобы в средневековье прикрывали с севера государственную границу одного из существовавших тогда в Дагестане царств². Только новые раскопки, продолжавшиеся в течение 1969—1973 гг., дали возможность выявить конструктивные особенности этих сооружений, уточнить их назначение и время бытования.

Раскопками этих лет оборонительная стена исследована отдельными отрезками на протяжении около 108 м. Остатки стен были расчищены на гребне хребта и у его основания, где сосредоточена основная группа оборонительных башен, а также в 200 м к северу от хребта, где расположена группа выносных башен. На исследованных участках стены

¹ Бредэ К. А. Отчет об археологических разведках на берегах Сулака и доисследования Сигитминского нижнего поселения в 1958 г. Махачкала. Рукописный фонд ИИЯЛ (далее РФ ИИЯЛ) с. 9—22; он же. Отчет о дополнительных раскопках на нижнем Сигитминском поселении и городище, а также разведках на прибрежных низовьях Сулака. Махачкала, РФ ИИЯЛ, д. 2470.

² Бредэ К. А. Отчет об археологических разведках..., с. 19.

несут следы нескольких строительных этапов, в которых отразились, соответственно, и различные строительные приемы³.

На первом этапе оборонительные стены были возведены из рваного камня (известняка) единой техникой панцирной кладки и строго выдержаны в толщине в пределах 4 м (рис. 1). Конструктивно они состоят

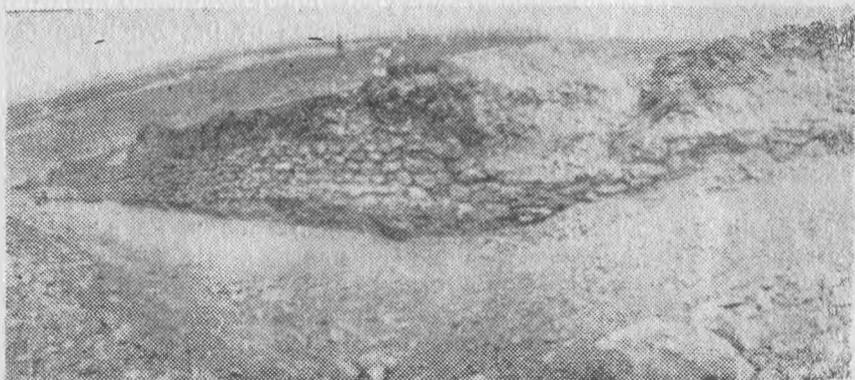

Рис. 1. Остатки верхнечирюртовской оборонительной стены.

из двух панцирей (внешнего и внутреннего) и заключенной между ними забутовки. Наиболее тщательно выложены панцири стен, возведенных по древней поверхности без сооружения специального фундамента, из рваного и реже слегка обработанного известняка на глиняном растворе. Относительно крупные блоки, достигающие нередко 0,5—0,7 м длины и 0,2—0,4 м толщины включены в основание и в кладку панцирей, толщина которых составляет 0,6—1,0 м. В отличие от сооруженных ровными горизонтальными рядами наружных, внутренние стороны панцирей имеют ломанные очертания, сливающиеся с забутовкой. Забутовка обычно состоит из мелкого камня и речного булыжника вперемешку с глиной и землей или выложена регулярными рядами средних и мелких камней. Устойчивость стен достигалась не только значительной толщиной, но и специально предусмотренным их уклоном во внутрь не только с наружной, но и с внутренней стороны.

Важными узлами в системе обороны выступали конструктивно связанные со стенами оборонительные башни. На первом этапе стены были укреплены четырехугольными в плане башнями, также сооруже-

³ Магомедов М. Г. Отчеты о работе Верхнечирюртовской археологической экспедиции ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР в 1969—1973 гг. Махачкала, РФ ИИЯЛ, д. № 274, 1747, 217, 288.

ними панцирной техникой на расстоянии около 20 м друг от друга. Всего на удобном для осады городищ направлении зафиксировано до 10 оплывших башенных выступов. Исследованы из них лишь четыре башни. Размеры их составляют: длина — 10—12 м, ширина 3,5—5,5 м.

Необходимо особо отметить своеобразные камышовые слои, прослеженные в толще стен. Они достигают 3—5 см толщины и тянутся двумя горизонтальными линиями на высоте 1 м и 1,8 м от основания стен на всю их ширину и длину. Прослежены пояса и в толще оборонительных башен, на тех же уровнях, что и в стенах (рис. 2). Судя по структуре и протяженности, они выступают антисейсмическими прокладками оборонительных сооружений, которые предназначались для уменьшения вертикальных и горизонтальных нагрузок на эти массивные стены, возведенные в зоне повышенной сейсмической активности, каким является район Верхнего Чирюрта.

В целом, оборонительные сооружения Верхнечирюртовского городища свидетельствуют не только о высоком уровне развития фортификационного искусства, но и о профессиональном таланте их создателей. Древние мастера не только умели возводить прочные крепостные сооружения из грубого рваного камня с соблюдением передовых для своего времени строительных и фортификационных достижений, но и знали секреты антисейсмического строительства. Довольно простые на первый взгляд, но уникальные по своим конструкциям камышковые пояса, включенные в толщу стен, отражают высокий уровень развития инженерной мысли в раннесредневековую эпоху.

Второй этап крепостного строительства Верхнечирюртовского городища прослеживается на целом ряде отрезков стен со следами перестроек и достроек, связанных с их восстановлением и дополнительным укреплением. Первоначальные крепостные стены города, судя по высоте сохранившихся их остатков от 1 до 1,6 м, были не только разрушены, но и возможно специально разобраны. Усилия строителей на втором этапе были, по всей вероятности, направлены на их быстрое восстановление. Различия в технике кладки между первоначальными остатками

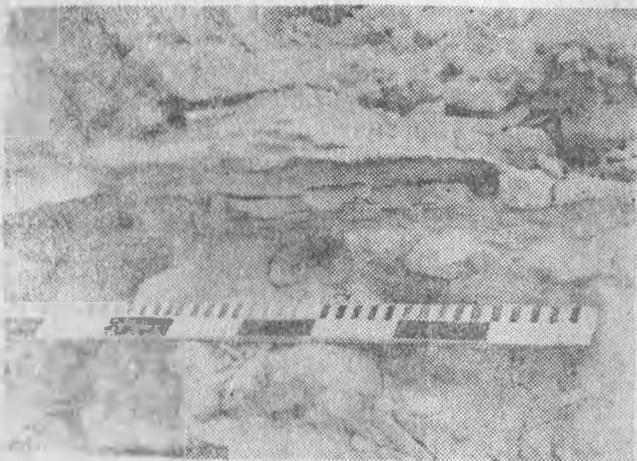

Рис. 2. Антисейсмические прокладки в толще стен.

и последующими их достройками, особенно отчетливо выявляются в характере строительства башен, которые в отличие от первоначальных надстроены из относительно мелкого камня и без употребления глиняного раствора.

В толще вновь восстановленных стен и башен не прослежены и продолжения антисейсмических поясов. От капитально сооруженных первоначальных стен второй период выделяется лишь несколько примитивной техникой строительства, которая могла быть связана с тревожной обстановкой раннесредневековой эпохи, когда разразившиеся арабо-хазарские войны и следовавшая затем серия арабских походов вглубь Хазарии вызывали необходимость поспешных восстановлений разрушенных оборонительных сооружений, что и отразилось на качестве строительных работ.

Третий строительный период, в отличие от предыдущих, выделяется полной реконструкцией оборонительных сооружений городища на всем их протяжении и применением новых строительных приемов. Эти новшества, направленные на резкое увеличение мощности оборонительных сооружений, прослеживаются почти на всех исследованных отрезках.

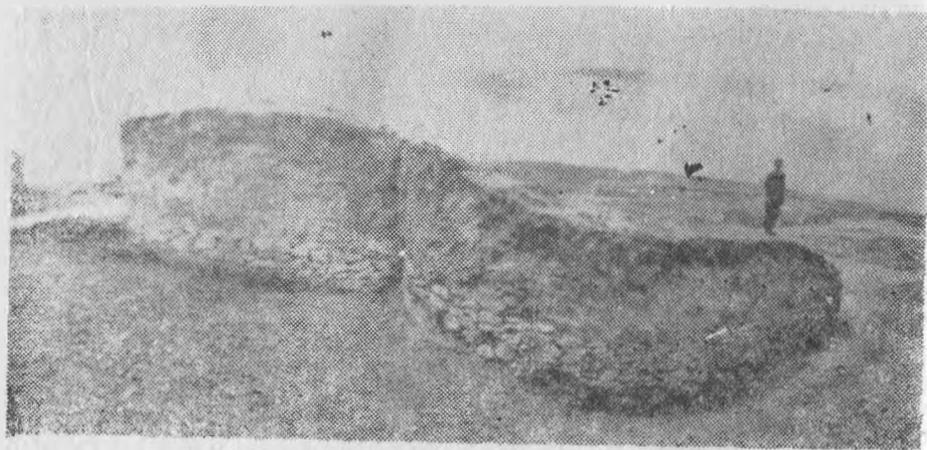

Рис. 3. Остатки пристроек наружных панцирей.

На третьем этапе стены резко утолщены путем пристройки к прежним остаткам дополнительного 3—6 м толщины наружного панциря, из рваного известняка на глиняном растворе на высоту до 0,7—0,9 м (рис. 3). Выше этого уровня стены надстроены из чередующихся метровой толщины слоев глинобита и кладки из кирпичей размерами $40 \times 20 \times 10$ см.

Значительно укреплены и башни, которым приданы округлые формы. Они достигают до 15—16 м в диаметре и выступают за линию стен на 5 м. Они также сооружены комбинированной кладкой чередующихся слоев глинобита и сырцовых кирпичей на каменном основании.

Въезд на городище был не только тщательно укреплен привратными башнями, но и также претерпел неоднократные перестройки. На первом этапе проем въезда имел четырехметровую ширину. На втором этапе, судя по горизонтальному шву, сохранившемуся на боковой стене, въезд был лишь восстановлен несколько небрежной кладкой. И, наконец, на третьем — заключительном этапе, ширина въезда резко увеличена. К остаткам четырехметрового проема здесь также пристроены 5—6 м толщины наружные панциры из глинобита и кирпичей на ка-

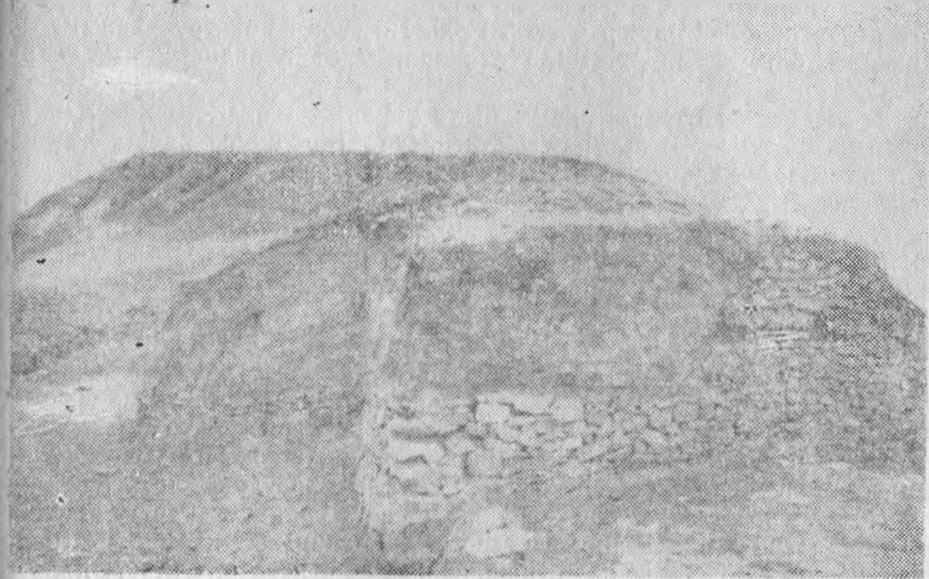

Рис 4. Комбинированная кладка стен у въезда.

менном основании (рис. 4). У въезда были установлены ворота (внешние и внутренние), расположенные на расстоянии 5 м друг от друга.

Остатки ворот и их перекрытия сохранились над полотном въезда в виде золы и угля толщиной до 40 см. Интенсивное воздействие огня наблюдается и на боковых стенах въезда, прокаленных до образования красных оттенков. Перекрытие не только укрепляло ворота, но и служило плацдармом для обороны и маневрирования защитников города.

Резкое увеличение массивности оборонительных сооружений, особенно у въезда, расположенного у основания хребта обусловлено заметным снижением крутизны склонов и палчиением здесь ровной поляны, удобной для штурма въезда. Поэтому стены на этом участке были дополнительно укреплены и тремя массивными выносными башнями, которые выступают за линию стен на 15—16 м. Основанием для них являлись громадные насыпи-курганы, которые были сверху надстроены в качестве округлых башен⁵. Они были связаны с основной линией стен с помощью специальных каменных перемычек⁶. Грандиозные масштабы Верхнечирюртовских оборонительных сооружений являются выразительным показателем овеществлённой мощи создавшего их общества и высокого профессионального мастерства местных строителей.

Как отмечают исследователи, крепостные сооружения Верхнечирюртовского городища имели продолжение на противоположном левом берегу в форме таких же остатков⁷. Эти остатки уничтожены в результате строительства Чирюртовской ГЭС. По своим конструктивным особенностям они, очевидно, мало отличались от правобережных сооружений.

Крепостными сооружениями было укреплено аналогичное Верхнечирюртовскому по культуре **Бавтугайское городище**, расположенное на левом берегу Сулака в 5 км к северу от Верхнечирюртовского. Его исследователи отмечают, что городище было ограждено от открытого северного направления стеной и рвом, следы которого еще в 1954 г. были хорошо заметны⁸. К сожалению, они остались неисследованными. Косвенным свидетельством их бытования может служить название селения Бавтугай, расположенного на месте древнего городища. Название его означает (на тюркском) — «Долина садов». Однако, как сообщают старожилы селения, раньше оно называлось «Гъантугъай» — «кровавая долина» или «Давтугъай» — «долина сражений», поскольку на его подступах происходили кровавые битвы. Не исключено, что в названии стеной отразились отголоски арабо-хазарских войн, которые оставили заметные следы на археологических памятниках Сулакской долины.

Сигитминское городище расположено на правом берегу Сулака в 3 км к югу от Верхнечирюртовского. Оно занимает изрезанный боковыми оврагами берег реки, ограниченный с севера р. Сулак, и с юга крутыми склонами оврага.

С восточной — напольной — стороны оно не имело естественных преград.

Оборонительные стены городища состоят из двух линий⁹. Северная

⁵ Бредэ К. А. Отчет о дополнительных раскопках..., д. № 2470.

⁶ Магомедов М. Г. Отчет за 1973 г..., № 288.

⁷ Бредэ К. А. Отчет о дополнительных раскопках..., с. 19.

⁸ Котович В. Г. Отчет о работе I горного отряда в 1956 г..., с. 71; Пиккуль М. И. Отчет о результатах археологических исследований в 1957 г..., д. № 2474.

⁹ Бредэ К. А. Новые поселения на Сулаке..., с. 25.

линия протяженностью 550 м берет начало над р. Сулак и тянется по краю крутого северного оврага, и выходит к недоступной части склона хребта, закрывая с юга проход в сторону Верхнечирюртовского городища.

Восточная стена протянулась на 370 м от гряды хребта до противоположного оврага. Она состоит из двух отрезков (северного длиной 284 м и южного длиной 86 м) сомкнутых круглой в плане башней.

От северной линии стен сохранился лишь нижний ряд шириной 1,3 м. Стена возведена из рваного камня на глиняном растворе, с размещением более крупного преимущественно по краям¹⁰.

Восточная линия оборонительных стен достигает 4 м толщины и структурно также состоит из двух панцирей и промежуточной забутовки. Панцири толщиной 0,85—0,95 м четко различаются от массы забутовки регулярными рядами кладки из рваного камня. Забутовка из окатанного речного булыжника на глиняном растворе. Общая высота вскрытого отрезка стены составляет 1,2—1,25 м или же семь рядов кладки. Верх вскрытого отрезка стены представляет горизонтальную плоскость. Эта особенность и отсутствие на всю глубину расчищенного отрезка камня, который относился бы к развалу, свидетельствует о том, что верхняя часть стены, как и Верхнечирюртовская, была возведена не из камня, а из глины, которая растекалась по обе ее стороны¹¹.

Своим южным концом стена примыкает к башне. Они, как и продолжающийся за башней второй отрезок, не связаны кладкой. Башня имеет округлую форму диаметром 11,0 м. Панцирь шириною 1,05—1,10 м возведен из камня. Отсутствие развала камней у остатков башни, наряду с наличием наплывов плотной глины в результате разрушения верхних ее частей, свидетельствует о том, что верхняя часть башни, подобно оборонительной стене, была глинобитной.

С городищем связан и укрепленный пункт, расположенный на прибрежном выступе подтреугольной формы.

Территорию выступа с напольной — восточной стороны прикрывала оборонительная башня четырехугольной формы. Длина ее по западной (внутренней) стороне — 22,65 м, по восточной (внешней) — 23,80 м. Ширина башни по северному краю 7,25 м и по южному — 6,65 м. Она и примыкающая к ней с юга стена, подобно стенам городища, возведены из рваного камня всё той же панцирной кладкой. Ширина панцирей составляет 0,90—0,95 м. Промежуток между панцирями внутри башни забутован камнем и глиной. Забутовка не прослежена лишь в южном конце башни, где сохранились остатки помещения размерами 5,3×5,27 м. Характер расположения помещения (донжона) в системе башни,

¹⁰ Бредэ К. А. Отчет о раскопках археологических памятников на Сигитме., с. 9.

¹¹ Там же, с. 12—17.

¹² Там же, с. 30.

панцири которой являлись его стенами, свидетельствует, что оно являлось последним убежищем для защитников. Здесь хранились разного рода припасы и оружие, необходимые для отражения врага¹³.

Вдоль всего крутого северного края выступа также была возведена стена шириной 0,90—0,95 м и длиной в 90—91 м, которая подходила вплотную к северо-западному углу башни. Она выполняла оборонительные функции, как и северная стена городища¹⁴.

Судя по внушительным остаткам оборонительных сооружений и естественно-защитным данным места расположения, крепость выступает укрепленным пунктом, структурно связанным с городищем.

О характере крепостных сооружений остальных городищ Сулакской долины мы не имеем данных. Установлено лишь, что городище Исти-Су, расположенное напротив Сигитминского, на противоположной стороне реки, несомненно было укреплено. На городище до сих пор сохранилась валообразная полоса с напольной его стороны, под которой находятся массивные остатки каменных стен, возведенных техникой панцирной кладки.

За редким исключением, мы не располагаем данными и об устройстве крепостных сооружений, многочисленных памятников, протянувшихся по предгорной полосе Дагестана к югу от Сулака. Они в большинстве своем расположены на естественно-защищенных участках предгорных долин, и были, по-видимому, основательно укреплены оборонительными стенами. Зафиксированные на таких памятниках как Хадумская крепость, городища Гентурун, Кака-Махинское, Ачи-Су, Чакавуркент, Эски-юрт и на др., оборонительные сооружения сохранились в виде валов и рвов, а в ряде случаев здесь заметны и выходы крепостных стен из камня. Об особенностях крепостного строительства этих памятников можно судить по их остаткам на Таркинском, и особенно археологически изученном Урцекском городищах.

Оборонительные стены *Таркинского городища* протянулись двумя линиями от склонов горы Тарки-Тау и к берегу моря, на расстоянии 2 км друг от друга. К сожалению, стены уничтожены полностью. Удалось проследить лишь небольшой отрезок южной линии стены на восточной окраине сел. Тарки, обнаруженной при строительных работах. Отрезок стены, сохранившейся на высоте до 1 м, тянется непрерывной линией на 40 м, по краю гребня, вытянутого в сторону моря. Толщина расширенного отрезка внешнего панциря и забутовки стены составляет около 3 м. Общая ее толщина, возведенной характерной панцирной техникой кладки, должна была достигать не менее 4 м.

Урцекское городище расположено в замкнутой с трех сторон предгорной долине в 10 км от морского побережья, неподалеку от сел. Уллубий-аул Ленинского района. Городище выделяется крупными размерами

¹³ Бредэ К. А. Отчет о дополнительных раскопках., с. 34, 41.

¹⁴ Там же., с. 41.

(35—40 га) и структурно состоит из собственно города, защищенного оборонительными стенами, хорошо укрепленной цитадели и обширной сельскохозяйственной территории¹⁵. Раскопками установлена многослойная стратиграфия городища, возникшего еще в эпоху раннего железа (VII—IV вв. до н. э.), а затем существовавшего и развивавшегося на протяжении последующих исторических эпох, вплоть до VIII в. н. э.¹⁶

Археологические раскопки, проводившиеся на городище в 1960—1964 гг., позволили выявить здесь мощные и значительные по протяженности крепостные сооружения, свидетельствующие о сложном характере памятника, как крупного экономического и политического центра ранне-средневековой эпохи. Территория городища размерами 450×250 м занимала террасированные склоны хребта, повторяя в плане ломанные очертания его основания. Оборонительные стены городища прослежены на протяжении 660 м. Они также возведены из рваного известняка техникой панцирной кладки. Панцири, выполнявшие роль щитов для заключенной между ними забутовки, сооружены из относительно крупного камня со следами легкой обработки и на отдельных участках без использования раствора. Ломанные внутренние очертания их сливаются с массой забутовки, состоящей из мелкого бесформенного камня, щебня и суглинча. Толщина стен на исследованных отрезках достигает 2—4 м¹⁷.

На городище вели два въезда, расположенные с западной и юго-западной сторон и укрепленные привратными башнями четырехугольной формы. Левая, расположенная у въезда с юго-западной стороны размерами 4,3×3,6 м, была полой. Стены ее сооружены из крупных блоков со следами обработки и достигают 1,10—1,20 м толщины. Правая башня размерами 10,3×3,2 м сооружена обычной техникой панцирной кладки. Целая серия каменных ядер, обнаруженных у въезда, свидетельствует об использовании здесь осадной техники.

Основательно была укреплена и цитадель, расположенная на наиболее возвышающейся части городища. Она имела вытянуто-четыреугольную форму размерами 110×60 м и защищалась со всех сторон оборонительными стенами и целой серией четырехугольных башен. Стены, состоящие из обычных трех элементов (двух панцирей и забутовки), достигают с напольной стороны 4 м толщины. С естественно защищенной восточной и северной стороны толщина их составляет 1—2 м. Восемь четырехугольных башен, достигавшие от 4,5 до 10,6 м длины и от 1,4 до 3 м толщины сосредоточены на западной и южной ее сторонах, а также у въезда и по углам цитадели. Они, как и стены,

¹⁵ Магомедов М. Г. Древние и средневековые оборонительные сооружения Дагестана (автореф. канд. дис.). Махачкала, 1970, с. 8.

¹⁶ Когович В. Г. О местоположении раннесредневековых городов Варачана, Беленджера и Таргу.— В сб.: Древности Дагестана, Махачкала, 1974, с. 191.

¹⁷ Магомедов М. Г. Древние и средневековые оборонительные сооружения Дагестана., с. 8.

возведены из рваного известняка без фундамента. На северной стороне цитадели сохранилась жилая башня размерами 4,0×1,5 м, примыкающая к остаткам оборонительной стены. Стены башни достигают 1,5 м толщины и связаны кладкой, в отличие от остальных башен, с оборонительной стеной. Располагаясь на наиболее возвышенной части цитадели, башня имела, очевидно, и сторожевые функции.

И, наконец, целой серией «длинных стен» была ограждена и вся Урцекская долина, являвшаяся сельскохозяйственной территорией городища. Первая линия протяженностью до 3 км и толщиной стен до 1,5 м закрывала вход непосредственно в долину с напольной стороны. Вторая стена протяженностью более 4 км и толщиной 3 м тянулась от вершины горы Шеря-беш и до глубокого коньона р. Колнчай, закрывая доступ в сторону Урцекского городища с приморской стороны.

Грандиозные по масштабам оборонительные сооружения Урцекского городища также являются показателем экономической мощи создавшего их общества и высокого уровня развития фортификационного искусства.

Для второй группы памятников характерны сырцово-глинобитные крепостные сооружения. В большинстве своем памятники этой группы представлены в Терско-Сулакском междуречье. К ним относятся: Некрасовское, Шелковское городища и крепость Тенг-кала, а также заключительный этап Верхнечирюртовских оборонительных сооружений.

Некрасовское городище размерами 400×290 м расположено на берегу старицы Терека в 5 км к юго-востоку от сел. Некрасовка Кизлярского района. Исследованиями установлено, что рельефно возвышающиеся вокруг городища валы представляют собою разрушенные остатки оборонительных стен, сооруженные из чередующихся слоев глинобита и сырцовых кирпичей, размеры которых составляют 40×20×15—6 см. Толщина стены достигает 6 м, сохранившаяся высота их около 4 м. Заметное расширение валов по углам городища может свидетельствовать о наличии под ними остатков оборонительных башен, раскопки которых не производились.

Аналогичными стенами была укреплена и *крепость Тенг-кала*, расположенная в 15 км к северо-востоку от поселка Главсулак. Крепость имеет округлые очертания, размеры ее 115×89 м. Под валами крепости погребены остатки мощных оборонительных стен, сохранившиеся на высоту до 3—4 м и толщиной 6 м. Они также возведены из обычных для памятников этой группы чередующихся метровой толщины слоев глинобита и сырцовых кирпичей. Размеры кирпичей колеблются в пределах 44—40×26—20×10—8 см. Остатки стен, как и на Некрасовском городище, имеют с наружной стороны заметный уклон во внутрь.

Оборонительные сооружения *Шелковского городища*, расположенного неподалеку от р. Терек и имеющего квадратную форму размерами 450×450 м, также представляют собой оплывшие валы высотой 6—8 м и шириной по основанию около 30 м. По середине каждой из четырех

сторон в системе валов прослеживаются проемы въездов и по II оплывших башнеобразных выступов. Наиболее значительные из них расположены по углам городища. Характер устройства оборонительных стен городища можно проследить в разрезе вала с южной стороны, произведенном для отвода оросительного канала. Здесь они также возведены из тех же чередующихся слоев глинобитя и сырцового кирпича. Причем, и размеры кирпичей соответствуют кирпичам Некрасовского, Верхне-чирюртовского городищ и крепости Тенг-кала. Значительные размеры башнеобразных выступов на всем протяжении стен могут свидетельствовать о наличии под ними круглых башен, расположенных на расстоянии около 40 м друг от друга. Особенно тщательно были укреплены въезды на городище, с двух сторон которых также возвышаются башнеобразные выступы.

И, следует отметить, что глино-сырцовая техника была применена и на крепостном строительстве Верхнечирюртовского городища. Остатки каменных стен и башен городища предшествующего времени здесь были резко утолщены путем пристройки с наружных сторон панцирей из тех же слоев глинобитя и сырцовых кирпичей на каменном основании. Остаткам ранних четырехугольных башен были приданы округлые формы.

И, наконец, третья группа оборонительных сооружений в Приморском Дагестане представлена оборонительными валами и рвами. Наи-

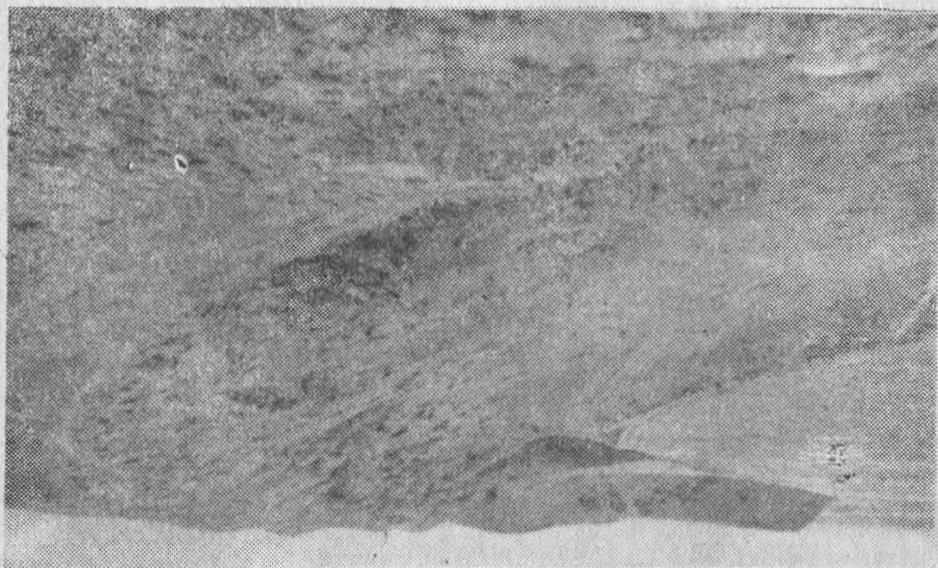

Рис. 5. Остатки оборонительных валов и рвов Андрейяульского городища.

более ярким памятником этой группы выступает *Андрейаульское городище*, протянувшееся на 1,5 км вдоль левого берега р. Акташ и шириной до 450 м. С открытой напольной стороны городище было ограждено мощной системой валов и рвов (рис. 5), рельефно сохранившиеся остатки которых воссоздают сложную структуру города, состоявшего из цитадели, самого города и посада.

С южной стороны городища валы возведены по краю склона древнего оврага. Структурно он состоит из двух слоев. Верхний, значительно сплывший слой, представляет собой плотно слежавшийся глинобит толщиной 1 м и шириной около 10 м. Под ним залегает слой речных валунов, который выступает основанием вала.

На северной стороне городища прослежено несколько иное устройство вала. Ширина его здесь достигает 20 м, высота от основания протянувшегося перед ним рва составляет около 10 м. Нижний слой вала представляет собой интенсивно перемешанные рыхлые культурные отложения древнего поселения, перемещенные сюда при сооружении рва. Сверху рыхлое основание вала накрыто мощным слоем глинобита, также выбранного из нижних материковых пластов в процессе сооружения рва. Причем, глинобит здесь выполняет основную роль в конструкции вала. Верхний слой, накрывая нижние рыхлые слои, выступает своеобразным панцирем вала. Имея высокую прочность и необходимые вяжущие качества, глинобит не только укреплял прочность вала, но и позволял резко увеличить крутизну внешнего склона, которая и теперь, по истечении более тысячи лет, достигает более 45°.

Основательно был укреплен и въезд на городище. Боковые стороны валов у въезда утолщены и приподняты в виде башен. Ворота располагались в глубине у внутренних оснований специально вогнутых здесь валов. Въезд был укреплен дополнительно и боковыми привратными башнями, возведенными из рваного камня. Привратные башни размерами 6×4 м сооружены из плитняка на глиняном растворе, и вытянуты по длине полотна дороги. В качестве забутовки башен, сохранившихся на высоту до 1 м, использован речной булыжник и глинобит.

Основательно была укреплена и цитадель городища, расположенная на надречной стороне городища. Она тянется на 150 м вдоль обрывистого берега Акташа и достигает 60 м ширины. С севера и юга ограничена склонами небольших оврагов, обрывающихся к реке. От самого городища цитадель отделена рельефно сохранившимися рвами и валом. Ширина основания вала, достигает на исследованном участке 18 м, высота — около 2 м. Плохая сохранность валов объясняется тем, что они срезаны бульдозером, при устройстве здесь пашни.

Защитой для посада, протянувшегося к северу от городища почти на 1 км, также служили рельефно сохранившиеся валы и рвы высотой 3—5 м. Исследования их не производились.

Валами и рвами был укреплен и ряд других памятников Терско-Сулакского междуречья. Они сохранились вокруг Новонадеждинского,

Шурадиловского, Барагачинского и др. городищ. Исследования их также не производились. Можно предположить, что под остатками некоторых из них могут оказаться глинобитно-сырцовые стены, аналогичные стенам выше отмеченных памятников.

В целом, завершая характеристику всех трех групп крепостных сооружений Прикаспийского Дагестана, следует отметить, что их строительство было возможно при использовании подневольного труда или методом внеэкономического принуждения значительных масс населения.

Прослеженные различия в конструкциях всех трех групп памятников отражают локальные и, в первую очередь, природно-географические условия их строительства. В каждом конкретном случае оборонительные сооружения возводились из наиболее доступных и эффективных для данной местности строительных материалов. Но вместе с тем, они являются и порождением определенных традиций фортификационного строительства, в которых воплотились достижения крепостного зодчества различных регионов. Поэтому остановимся на анализе каждой группы крепостных сооружений с тем, чтобы попытаться выяснить их особенности, причины и условия строительства.

Для первой группы памятников, протянувшихся от Сулака и до Дербента на юге, характерны крепостные сооружения, возведенные из рваного камня, единой панцирной техникой кладки стен, толщина которых в большинстве своем составляют около 4 м (Верхнечирюртовские I и II этапы, Сигитминские, Таркинские, Урцекские и др.).

Панцирная техника строительства оборонительных стен, сложившаяся как следствие резкого увеличения их толщины в соответствии с возросшими требованиями, предъявляемыми к ним, получает широкое распространение в эпоху раннего средневековья. Эта техника выступает в IV—VI вв. господствующим приемом крепостного строительства¹⁸, стран Ближнего Востока¹⁹ и Северного Причерноморья²⁰. Резко воз-

¹⁸ *Аракелян Б. Н.* Гарин I. Археологические раскопки в Армении. Ереван, 1951, с. 39; *Шеблыкин И. П.* Остатки крепостных стен Кабалы. Баку, 1945, ДАН Азерб. ССР, т. 1, № 2, с. 90; *Исми-заде О. Ш.* Кабала — столица древней Кавказской Албании. В сб.: Вопросы истории Кавказской Албании. Баку, 1962, с. 61; *Леквинадзе В. А.* О древнейших оборонительных сооружениях Археополиса-Новолакеви. 1959, СА, № 3, с. 144; *Его же.* Материалы по истории и архитектуре Апсарской крепости. «Византийский временник», XX, 1961, с. 232; *Чалашвили Л. А.* Городище Урбниси (резюме), Тбилиси, 1964, с. 162.

¹⁹ *Кузьмина Е. Е., Певзнер С. Б.* Оборонительные сооружения городища Кей-Кобад-шах. 1956, КСИИМК, 64, с. 77; *Ильин Г. Ф.* Древний индийский город Таксила. М., 1958, с. 68; *Гиришман Р.* Раскопки французской экспедиции города Шапура в Фарсе, 1947, КСИИМК, XV, с. 43.

²⁰ *Якобен А. Л.* Раннесредневековый Херсонес. М., 1959, МИА № 63, с. 70; *Веймарн Е. В.* Оборонительные сооружения Эски-Кермена. История и археология средневекового Крыма. М., 1958; с. 7; *Гайдукевич В. Ф.* Илурат. Итоги археологических исследований 1948—1953 гг. 1958, МИА № 85, с. 162.

растает массивность крепостных стен и в Средней Азии²¹. Наиболее ярко новую технику строительства демонстрируют мощные крепостные сооружения Дербента²². Значительное увеличение толщины стен связано, главным образом, с применением стенобитной техники при осаде крепостей, которая получает широкое распространение в эпоху раннего средневековья²³. Все исследованные здесь крепостные сооружения возведены с заметным уклоном стен с внешней стороны. Этот прием, предусмотренный для уменьшения мертвого пространства перед стенами, также является характерной особенностью раннесредневековой фортификации²⁴.

Оборонительные сооружения Урцекского городища, I и II этап Верхнечирюртовского городища свидетельствуют о возросшей роли оборонительных башен, которые выступают важными узлами в системе обороны. Перенесение центра обороны на башни также характерно для раннесредневековой фортификации²⁵, по сравнению с предшествующим албано-сарматским периодом, где роль башен в системе обороны еще незначительна. Однако башни Верхнечирюртовского и, особенно, Урцекского городища не получают еще регулярного расположения по всей линии стен, как это наблюдается в последующих периодах. Они имеют также архаические четырехугольные формы и возведены, главным образом, для укрепления наиболее уязвимых участков оборонительной системы. Эти особенности крепостного строительства, когда стены резко увеличены в толщине и на отдельных участках усилены прямоугольными башнями, свидетельствуют о достаточно высоком уровне развития раннесредневековой фортификации. Но вместе с тем, оно еще не достигло того расцвета, который характерен для крепостного строительства последующих сооружений Кавказа²⁶ и далеко за его пределами. Оборонительные комплексы I и II этапа Верхнечирюртовского, Таркинского, Урцекского и многих других подобных памятников предгорного Дагестана датируются VI—VII вв.

Письменные источники отмечают, что после сооружения знаменитых Дербентских укреплений остальные крепостные сооружения в Приморском проходе, возведенные местными народами против кочевников, при-

²¹ Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, с. 249.

²² Артамонов М. И. Древний Дербент. СА, VIII, 1946, с. 121.

²³ Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962, с. 178.

²⁴ Воронина В. Л. Из истории среднеазиатской фортификации. СА, 1964, № 2, с. 45.

²⁵ Там же, с. 47; Марр Н. Я. Ани. Книжная история и раскопки на месте городища. М.—Л., 1934, с. 49; Абдуллаев Х. П. Гильгильчанская оборонительная стена и крепость Чирах-кала. СА, 1968, № 2, с. 201; Исми-заде О. Ш. Кабад — столица древней Кавказской Албании..., с. 61.

²⁶ Лекинадзе В. А. О древнейших оборонительных сооружениях..., с. 144; Его же. Материалы по истории и архитектуре Ансарской крепости..., с. 232; Чалашвили Л. А. Городище Урбиси..., с. 162; Аракелян Б. Н. Гарчи I., с. 39; Шеблыкин И. П. Остатки крепостных стен Кабалы..., с. 90; Исми-заде О. Ш. Кабала — столица древней Кавказской Албании..., с. 61; Артамонов М. И. Древний Дербент..., с. 121 и др.

ходят в упадок. О дальнейшей судьбе этих памятников можно судить по культуре заключительных их слоев, в которых довольно выразительно представлена характерная для памятников Терско-Сулакского междуречья сероглиняная керамика. Распространение культуры серолощенной керамики на памятниках этого региона вплоть до Дербента²⁷, является следствием проникновения носителей этой культуры в указанные районы. Ими были гунны, болгары, савиры и другие народы, объединенные в составе Хазарского каганата. Хазарский военачальник, обращаясь к албанскому католику Виро, заявил, что его отец получил Албанию, Чора и Лбинию в вечное владение²⁸. Сасанидские правители, чтобы положить конец бесконечным набегам хазар в пределы империи, вынуждены отказаться от Приморского Дагестана в пользу хазар. По специальному договору они устанавливают новую границу двух империй по дербентской теснине²⁹.

Таким образом, многочисленные города и крепости, сооруженные в приморской полосе Дагестана, усилиями местных народов и с участием сасанидского Ирана стали достоянием тех, против кого они были в свое время направлены. Начавшиеся арабо-хазарские войны изменили ход исторического развития и внесли существенные коррективы во внешнюю политику Хазарского государства. Грозная опасность в лице арабов потребовала от хазар огромного военного напряжения. Судя по письменным источникам и результатам археологических исследований оборонительные сооружения Приморского Дагестана не только восстанавливаются вновь, но и дополнительно усиливаются после каждого разрушения в результате арабских походов. Более того, здесь появляется ряд новых основательно укрепленных городов и крепостей, в которых воплотились и качественно новые приемы фортификационного строительства (Сигитминское, Некрасовское, Шелковское городища, крепости Тенг-кала и, особенно, на III этапе крепостного строительства Верхнечирюртовского городища). Все эти памятники укреплены, как отмечалось, массивными стенами из перемешающихся слоев глинобита и сырцовых кирпичей. Подобная техника кладки стен не характерна для местных строительных традиций. Памятники кирпично-сырцового строительства известны в Закавказье (Дербент, Кабала и др.). Особенно много подобной техникой возведены крепостные сооружения в Средней

²⁷ Кудрявцев А. А. Город, не подвластный векам. Махачкала, 1976, с. 67—68.

²⁸ Пигулевская Н. Сирийские источники по истории народов СССР. М., 1941, с. 82; Моисей Казанкатвази. История агван. Пер. К. Патканьяна СПб, 1861, с. 126; Балабзури. Книга завоевания стран. Пер. П. К. Жузе. Баку, 1927, с. 7. Тарихи Дербенд-наме (под редакцией М. Алихана-Аварского). Тифлис, 1898, с. 27. *Ибн-Хордадбе*. Книга путей и царств, с. 15; Буниятов Э. М. О длительности пребывания хазар в Албании VII—VIII вв. Изв. АН Аз. ССР, Серия общественных наук, 1961, № 1, с. 21.

²⁹ Тарихи Дербенд-наме... с. 27; Масуди. Марудж ал-Дзахаб... Пер. В. Ф. Минорского. История Ширвана и Дербента. М., 1963, с. 41; Кудамма. Книга о земельном налоге. Пер. Н. А. Караулова. СМОМПК, № 32, Тифлис, 1903, с. 32; Балабзури. Книга завоевания стран... с. 8.

Азии. Комбинированной кладкой из сырцового кирпича и толстых прослоек глинобита, как в Дагестане, возведены стены Афрасиаба³⁰, Пенджикента³¹, Варахши и целого ряда других памятников Средней Азии³². Причем, и размеры кирпичей этих памятников близки к модулю кирпичей крепостных сооружений Терско-Сулакского Междуречья. Для них характерно и регулярное расположение башен на всем протяжении стен. Башни Сигитминского, Верхнечирюртовского, и по всей вероятности, и Шелковского городища, достигали не только значительных размеров, но и имели уже округлые формы. По сравнению с предшествующими прямоугольными, они менее уязвимы для стенобитных машин и расширяют угол обстрела стен. Располагаясь на расстоянии 25 м друг от друга (верхнечирюртовские) и 40 м (шелковские) башни превращаются в основные узлы обороны в системе укреплений и свидетельствуют о значительном прогрессе фортификационного искусства. Появление круглоплановых башен связывается исследователями с парфянской фортификацией, которая имела сильнейшее воздействие на фортификационную систему Сасанидского Ирана и Византии³³. С этого времени они распространяются по Закавказью и в Древнем Востоке³⁴. Однако, по конструктивным особенностям и по своим размерам башни крепостных сооружений Терско-Сулакского междуречья также тяготеют к фортификационным традициям Средней Азии³⁵. Особенно выразительно их генетическая связь прослеживается на системе выносных башен, сохранившихся перед оборонительными стенами Верхнечирюртовского городища. Усиливая фланговый и обеспечивая тыльный обстрел вражеского авангарда, выносные башни выступают важным нововведением в фортификационном искусстве в VII—VIII вв. Башни, отделенные от крепостных стен, находят широкое применение в крепостном строительстве Средней Азии³⁶. Они соединялись с основными стенами с по-

³⁰ Пачос М. К. Оборонительные сооружения Афрасиаба. Автореф. канд. дис.

³¹ Маршак Б. И. Отчет о работах на объектах XII за 1955—1960 гг. МИА. № 124.

³² Бсленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с. 18—20; Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, с. 249.

³³ Кошеленко Г. А. Парфянская фортификация. СА, 1963, № 2, с. 71.

³⁴ Джиди Г. Историко-археологический очерк крепости Гюлистан. Автореф. канд. дис. Баку, 1962, с. 9; Абдуллаев Х. П. Гильгильчайская оборонительная стена и крепость Чирах-кала..., с. 200; Дьяконов М. М. Очерки истории Древнего Ирана. М., 1961, с. 241; Орбели И. А. Избранные труды. Ереван, 1963, с. 114; Гегушев Р. Б. Археологическое обследование городища Анашехер и крепости Чараберд. Материалы сессии, 1964, Баку, 1965, с. 148.

³⁵ Кошеленко Г. А. Парфянская фортификация. СА, 1963, № 2, с. 71; Пугаченкова Г. А. Парфянские крепости южного Туркменистана. ВДИ, 1952, № 2, с. 215; Кузьмина Е. Е., Певзнер С. Б. Оборонительные сооружения городища Кей-Кобад-шах..., с. 77.

³⁶ Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. Труды ЮТАКЭ. М., 1958, VI, с. 48; Пачос М. К. К изучению стен городища Афрасиаб. 1967, СА, № 1, с. 60; Массон М. Е. Архангеран..., с. 111.

мошьо подъемных мостов. Специальными перемышками соединены выносные башни и со стенами Верхнечирюртовского городища. В среднеазиатской архитектуре находим мы аналогии и антисейсмическим поясам Верхнечирюртовских оборонительных сооружений. Они выполняли предохранительные функции от горизонтальных толчков. А во вторых камышовых прокладках, аналогичных Верхнечирюртовским, затухала часть складывающихся и изгибающихся напряжений³⁷.

Наконец, в Средней Азии находим мы традиции строительства жилых башен (донжонов), сохранившихся в крепостных стенах цитаделей Урцекского и Сигитминского городищ³⁸.

Таким образом, не только в общих приемах, но и в отдельных деталях строительства фортификация древней Хазарии тяготеет к среднеазиатским традициям. Вместе с тем, крепостные сооружения Терско-Сулакского междуречья, умело восприняв чужие — среднеазиатские достижения, приспособляются к местным условиям, что находит отражение в строительстве каменных оснований сырцово-глинобитных стен, а также в удачном сочетании их с естественно защитными данными рельефа.

На основе приведенных выше аналогий, а главное многочисленных археологических материалов, исследованных на памятниках второй группы, они датируются VII—VIII вв. Разновидностью этой группы крепостных сооружений выступают и оборонительные сооружения Андрейаульского городища. Имея общую культуру с остальными памятниками Терско-Сулакского междуречья, валы Андрейаульского городища возведены в отличие от остальных из глинобита на заключительном этапе его бытования или в VII—VIII вв. Помимо Андрейаульского городища оборонительными валами были укреплены городища Хазар-кала³⁹, Новонадеждинская, Герменчикская крепость и др. Но поперечные разрезы валов нами не производились, конструктивные их особенности не выяснились.

В целом оборонительные валы Хазар-калы, Андрейаульского и других памятников, сооружение которых обусловлено особенностями рельефа местности, отражают локальные своеобразия этого наиболее упрощенного вида раннесредневековой фортификации. Подобные сооружения

³⁷ *Бачинский Н. М.* Антисеймика в археологических памятниках Средней Азии. М.—Л., 1949, с. 32.

³⁸ *Воронина В. Л.* Из истории среднеазиатской фортификации... с. 49—51; *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город Средней Азии..., с. 21.

³⁹ *Гадло А. В.* Новые материалы к этнической истории Восточного Предкавказья. Сб. Древности Дагестана. Махачкала, 1974, с. 144.

за пределами Дагестана возникают исключительно в степной зоне Северного Кавказа⁴⁰ и Юго-Восточной Европы⁴¹.

Завершая характеристику крепостных сооружений древней Хазарии, следует в первую очередь отметить их многочисленность, массивные размеры и разнообразие по характеру строительства. Они свидетельствуют о достаточно высоком уровне развития фортификационного искусства в Хазарии, которая имеет глубокие местные корни. Она не уступала в крепостном строительстве соседним странам.

Являясь продуктом социально-экономического развития общества, крепостные сооружения отражают мощь Хазарского каганата как централизованного и динамично развивавшегося раннефеодального государства в VII—VIII вв. Испытанием прочности молодой империи являлись начавшиеся в середине VII в. арабо-хазарские войны, которые продолжались почти 150 лет. Арабской агрессии на Северном Кавказе хазары противопоставили объединенную мощь кочевников и северокавказских народов.

Исключительно важным фактором в отражении арабских походов являлась фортификационная система, состоящая из многочисленных городов и крепостей, протянувшаяся по Приморскому Дагестану на глубину более 200 км от Дербента на юге и до Терека на севере. В этой тщательно разработанной системе обороны неоднократно захлебывались походы арабов, которые в VII—VIII вв. победоносно прошли до Индии на востоке и до Франции на западе. Измотанных морально и физически на подступах многочисленных крепостей арабов встречала в степях Северного Дагестана хорошо вооруженная и бронированная хазарская конница, которая и завершала разгром их остатков. Поэтому не удивительно, что в многочисленных сведениях письменных источников, посвященных арабо-хазарским войнам, упоминается лишь один, наиболее успешный поход Мервана, который нанес тяжелый удар по хазарам в 737 г. Успех Мервана можно объяснить тем, что он разгадал тактику хазар и двинул свои войска против них с двух направлений. Часть войск вторглась в Хазарию через Приморский Дагестан. А главные силы во главе с Мерваном ударили внезапно по тылу хазарской конницы через Дарьяльский перевал. Однако успехи Мервана не сокрушили хазар. Они и союзные им северокавказские народы своей героической борьбой в VIII в. остановили арабскую агрессию в Юго-Восточную Европу. Выстояли эту схватку хазары ценой больших потерь. В огне пожарищ погибли цветущие города, являвшиеся экономическими и политическими центрами страны в Приморском Дагестане. Перестали существовать

⁴⁰ Чеченов И. М. Археологические работы на городищах Кабардино-Балкарии в 1967 г. УЗ КБНИИ, в. XXV, Нальчик, 1967, с. 107; его же. Раскопки городища Нижний Джулат в 1966 г., с. 192.

⁴¹ Плетнева С. А. От кочевий к городам., М., 1967, с. 22.

многочисленные и хорошо укрепленные города и крепости, которые по свидетельству письменных источников, стали безлюдными. Центры ослабленной, но не сокрушенной Хазарии под давлением арабов переместились на Волгу и Дон. Приморский Дагестан, приняв на себя основные удары арабов, в их агрессии на север, был разрушен, но не покорен. Из древней колыбели и твердыни Хазарии, он превратился в IX—X вв. в южную ее окраину.

СЛОЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ДЕРБЕНТА

Возросшее значение Прикаспийского торгового пути, небывалый расцвет морской торговли на Каспии и бурное развитие ремесленного производства оказали огромное влияние на рост и усиление города. Дербент в VIII—XIII вв. — крупнейший экономический, административный и культурный центр Кавказа с высокоразвитым ремеслом и обширными торговыми связями.

Все это способствовало дальнейшему развитию Дербента и превращению его в VIII—XIII вв. в крупный феодальный город. Ибн Хаукал писал, что в этот период «в Арране нет города, крупнее Барзаа, ал-Баба и Тифлиса»¹, а все остальные многочисленные города Кавказа уступают по величине Баб ал-абвабу, который «богаче Ардебилья своими возделываемыми землями» и «больше Тифлиса»². Таким образом, уже к X веку Дербент предстает как крупнейший город Кавказа, превосходящий такие известные центры как Тифлис и Ардебиль, а последний в этот период был, по высказываниям арабских авторов, «самый крупный и превосходный город Азербайджана». Исследования показали, что в основных чертах облик феодального города сложился в VIII—X вв. и именно в этот период сформировались внутригородская топография и структура средневекового Дербента.

VIII—X вв. отмечены бурным ростом и застройкой города, происшедшими в основном в пределах шахристана. В этот период полностью обживается вся внутренняя территория города площадью свыше 150 га. Внутренняя структура и историческая топография дагестнских городов пока почти не изучены и исследования, проведенные в Дербенте, приобретают в этом свете особое значение. Археологические раскопки и дан-

¹ Opus geographicum auctore Ibn Haukal... ed. J. H. Kramers. BGA, 11, Editio secunda. Lugduni Batavorum, 1939, s. 339.

² Ibn Haukal, ed. J. H. Kramers, s. 339; Книга путей и царств. Пер. Караулова Н. А. СМОМПК, XXIX, Тифлис, 1901, с. 11.

ные письменных источников дают возможность проследить динамику развития феодального города и становление его облика, выявить структуру и характерные особенности средневекового Дербента. Академик В. В. Бартольд, исходя из сообщений арабского историка X в. Ал-Истахри о размерах средневекового города, который в это время был больше Ардебилля и Тифлиса и всех остальных многочисленных городов Кавка-

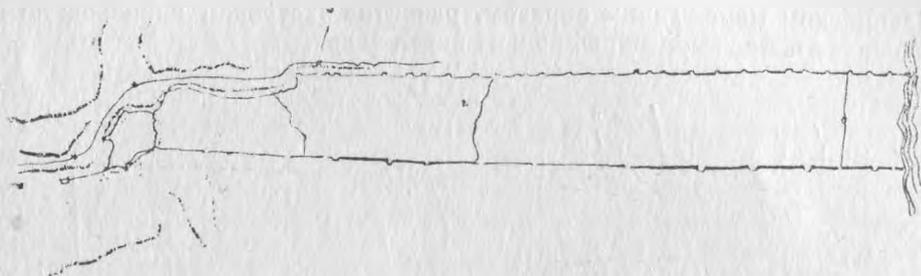

Рис. 1. План Дербента с указанием территории древнейшего ядра города.

за, уступающих «по величине Баб ал-аббабу», полагал, что домонгольский Дербент имел очень большой рабад (пригород). По его мнению, в этот период каменные стены ограждали территорию самого города (шахристана), а часть города, лежащая вне этих стен (рабад) была окружена стенами «из обожженного кирпича и глины». Этот пригород, располагавшийся с южной стороны Дербента «имел в длину и ширину две мили»³ (арабская миля — мйл, достигала 2 км).

Однако археологические исследования не подтвердили эти предположения В. В. Бартольда⁴. Огромная площадь шахристана Дербента, позволяющая расти и развиваться средневековому городу внутри стен в течение длительного периода, обусловила своеобразие формирования его исторической топографии и внутренней структуры. Дербент, имевший в раннесредневековый период, как было установлено в процессе археологических исследований⁵, двухчастную структуру, сохранил ее и на последующем этапе своего развития, несмотря на стремительный расцвет и возвышение, однако здесь имелась своя специфика формирования шахристана и в нем четко выделяются две части.

При этом следует отметить, что плотность застройки шахристана Дербента в это время была очень велика и следы интенсивного обживания были отмечены при раскопках даже на поверхности сырцово-обо-

³ Бартольд В. В. Дербент. Соч., т. III, М., 1965, с. 422.

⁴ Кудрявцев А. А., Гаджиев М. С., Гамзатов Г. Г., Салимов С. Б., Хазанов А. М. Исследования в Дербенте АО 1977 года, М., 1978, с. 14—15.

⁵ Кудрявцев А. А. К истории древнего Дербента. Древности Дагестана. Махачкала, 1974, с. 163—166.

ронительной стены города сасанидского периода⁶. Общее направление последовательного роста города в VIII—XIII вв. оставалась таким же, как и при Сасанидах. Он застраивался в основном сверху вниз — от цитадели к морю, но здесь имелись и свои особенности. Наряду с верхней частью города со втогой пол. VII в. начали интенсивно обживаться и приморские районы, что было связано с превращением Дербента в крупнейший центр морской торговли, самый значительный порт на Каспийском море. Таким образом, развитие застройки происходило не только от цитадели к морю, но и от порта вверх.

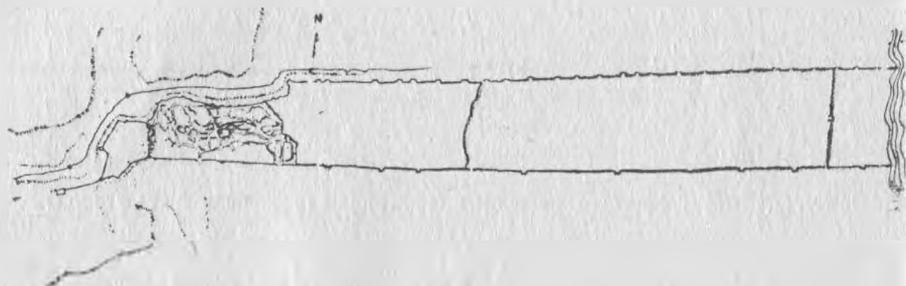

Рис. 2. План Дербента с указанием территории раннесредневекового города в VI—начале VIII вв.

Результаты археологических исследований, рисующие Дербент VIII—XIII вв., как очень крупный, плотно застроенный, развитый город, имевший однако, в отличие от многих средневековых городов Переднего Востока и Средней Азии своеобразную структуру, находят подтверждение и при анализе письменных источников. Большинство арабских историков и географов VII—X вв. при описании Дербента в основном говорят о его внушительных размерах, но не приводят его параметров. Лишь в отдельных случаях сообщается о протяженности Дербента в две арабские мили, что соответствует длине его стены от цитадели до моря. Это и привело В. В. Бартольда к ошибочному мнению о существовании большого рабада, огражденного кирпичными стенами, иначе трудно было понять данные о том что Баб ал-абваб — это самый крупный город Кавказа. Но сведения отдельных арабских и европейских путешественников, побывавших в Дербенте в XI—XIII вв., т. е. в период наибольшего расцвета города, указывают на отсутствие у него сколь-нибудь значительного пригорода.

Так, посетивший в 1131 г. Дербент, испанский араб Абу Хамид ал-Гарнати писал о размерах города: «Он длинный — от горы до моря

⁶ Кудрявцев А. А. Город, не подвластный векам. Махачкала, 1976, с. 88—89.

расстояние трех фарсахов, а ширине его — полет стрелы, и есть у него железные ворота»⁷. Протяженность города в три фарсах (фарсах — «парасагг» состоял из трех «миль», т. е. шесть км), приводимую ал-Гарнати, надо принимать вместе с Горной стеной, воспринимавшейся арабскими авторами как одно целое, единую систему, но нам здесь важна ширина города — «полет стрелы», т. е. расстояние между каменными стенами Дербента. В дальнейшем многие путешественники будут отмечать диспропорцию между длиной и шириной города, но сведения ал-Гарнати особенно важны, так как относятся к Дербенту домонгольского нашествия, к периоду его расцвета. Не сообщает о пригороде и Ибн-ал-Азрак, посетивший Дербент в 1154 году с грузинским царем Дмитрием, который состоял в родстве с дербентским эмиром Абу-л-Музаффаром. А посол французского короля Людовика IX к монгольскому хану Мангу монах Вильгельм Рубрук, посетивший Дербент в 1254 г., т. е. вскоре после взятия его монгольскими войсками (1239 г.), писал, что «он имеет в длину более мили, а на вершине горы стоит крепкий замок; в ширину город простирается на полет большого камня»⁸. Представляется вероятным, что если бы даже монголы при штурме Дербента разрушили пригород Дербента (о чем нет ни археологических, ни письменных данных), Рубрук бы отметил, это обстоятельство, так как за пятнадцать лет, прошедших после захвата монголами города, каменные строения рабада не могли исчезнуть. Ведь в более позднее время, венецианский дипломат Амброзио Кантарини, посетивший Дербент в 1475—76 гг., сразу отметил, что в необживаемой к этому периоду приморской части города «со стороны моря все почти здания разрушены». Данные, аналогичные сведениям ал-Гарнати и Рубрука, приводит арабский автор Закария Казвини (XIII в.), сообщавший, что город имел в длину $\frac{2}{3}$ фарсаха, а в ширину простирался только на полет стрелы.

Многочисленные данные арабских историков и географов, рисующих Дербент крупнейшим на Кавказе городом, полностью отвечают действительности, несмотря на то что у него даже в период наибольшего расцвета отсутствовал пригород, значительно увеличивавший площадь средневековых городов. Для сравнения можно отметить, что такой крупный средневековый город Азербайджана как Байлакан, являвшийся одним из значительных торгово-экономических центров Кавказа, состоял, согласно археологическим данным, из «Большого города» и «Малого города», общей площадью 36 га⁹. Даже такие знаменитые средневековые города Ближнего Востока и Западной Европы, как Дамаск

⁷ Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153 гг.). Публ. Большакова О. Г., Монгайт А. Л. М., 1971, с. 24.

⁸ Иоан де Плано Карпини. История монголов. Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Введение, перевод и примечания Маленна А. И. СПб., 1911, с. 170.

⁹ Иессен А. А. Городище Орен-кала. Труды Азербайджанской (Оренкалинской) экспедиции. МИА, 67, М.—Л., 1959, с. 33—34.

(105 га), Иерусалим (100 га), Халеб (112 га), Пиза (114 га), Генуя (80 га), Брюгге (80 га)¹⁰ были в этот период меньше Дербента. И если он несколько уступал по площади крупнейшим городам Средней Азии, столицам больших феодальных государств, имевших сложную многочастную структуру с специфичной квартальной застройкой, то при этом надо учитывать, что Дербент значительно превосходил их по плотности застройки, отмеченной для VIII—XIII вв. сплошь на всей огромной межстенной территории. Во всех многочисленных раскопках, разрезах и котлованах, заложенных на территории города, были отмечены архитектурные остатки, свидетельствующие о плотной застройке Дербента.

Подобная плотность застройки города и особенности его двухчастной структуры создавали определенное своеобразие его внутригородской топографии, сложившейся в основном в VIII—X вв. Именно в этот период происходит становление Дербента, как средневекового города. Этот сложный процесс сопровождался бурной застройкой шахристана, формированием городской планировки, сложением нового торгово-экономического и культурного центра города.

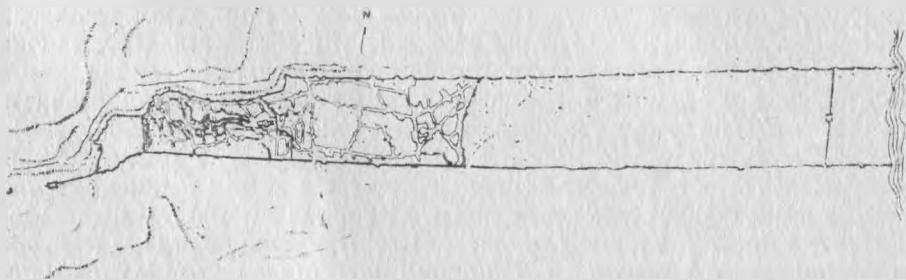

Рис. 3. План Дербента с указанием территории средневекового города в VIII—XIII вв.

Сплошная современная застройка не позволяет составить четкое представление о внутренней планировке Дербента, исследовать в полной мере его историческую топографию. Стремительный рост города в VIII—X вв. с типичной для средневекового времени бессистемной застройкой, сильно изменили планировку Дербента и, вероятно, она приобрела основные очертания, зафиксированные на позднесредневековых планах города. Три главные продольные улицы, идущие от подошвы холма вниз к морю, сохранились, но появились многочисленные кривые поперечные улочки, узкие тупики, обширные базарные площади, тесно-

¹⁰ Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с. 256.

та и скученность. Ширина улиц незначительная и обычно не превышает 3—3,7 м¹¹. Помимо продольных улиц прослеживаются еще не менее двенадцати поперечных улиц, пять из которых связаны с городскими воротами. Значительное количество ворот в городских стенах Дербента (не менее 7—10), появившихся и перестроенных в большинстве своем, согласно данным письменных источников¹² и строительных надписей¹³ в VIII—XIII вв. служит ярким показателем изменений внутригородской топографии города, развития его планировки и роста шахристана, важнейших перемещений его торгово-экономического и культурного центра. В верхней части города, между цитаделью и Джума-мечетью, сохранилась довольно правильная планировка уличной сети, где расположенные на примерно равном расстоянии поперечные улицы очерчивают прямоугольные кварталы. Здесь, видимо, сохранялась в основных чертах, хотя и не столь симметричная, планировка сасанидского города. Ниже Джума-мечети пропорциональность кварталов отсутствует, они достигают порой очень значительных размеров и изрезаны многочисленными тупиками, которых особенно много у южной стены. Наибольших размеров кварталы достигают в центральной части города между двух продольных улиц. Деление Дербента на кварталы (кисм — в арабских источниках, махалла — в дагестанских хрониках), зафиксировано еще авторами IX—X вв.¹⁴

В исторической топографии города отчетливо прослеживаются черты его социально-экономической и административной характеристики, причем, здесь четко выделяются три составные части: цитадель (4,5 га), верхняя часть шахристана (около 26 га), нижняя часть его (около 130 га).

Цитадель остается административным центром города, резиденцией его правителя и местопребыванием двора. Здесь сосредоточены административные учреждения, дворец правителя и казармы для солдат.

Историческая топография цитадели складывалась на протяжении нескольких веков и основные ее сооружения — дворец правителя города не раз менял свое месторасположение и планировку.

В результате археологических исследований в Дербенте было вскрыто шесть архитектурных комплексов, связанных с средневековыми дворцовыми сооружениями города. Все они располагались в цитадели

¹¹ Кудрявцев А. А. Отчет о работе Дербентской археологической экспедиции в 1977 году. РФ ИИЯЛ, с. 79—80.

¹² *Ибн ал-Факих*. Книга о странах. Пер. Н. А. Караулова. СМОМПК, XXXI, Тифлис, 1902, с. 25; *Ал-Мукаддаси*. Лучшее из деления для познания климатов. Пер. Караулова Н. А.; СМОМПК, XXXVIII, Тифлис, 1908, с. 9; *Тарихи Дербент-наме*, с. 79, 112.

¹³ Khanikoff N. *Memoire sur les inscriptions musulmanes du Caucase*. Paris, 1863, p. 8; *Лавров Л. И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа X—XVII вв. М., 1966, 24, 59, 74, 135—136, 169, 219.

¹⁴ *Бартольд В. В.* Дербент, с. 421, *Тарихи Дербент-наме*. Пер. Алиханова-Аварского. М., Тифлис, 1898, с. 78—79.

Дербента Нарын-кале, составляя основу ее застройки на различных этапах средневекового существования Дербента.

Рис. 4. План цитадели Дербента начала XVIII в., сохранивший планировку северо-западных средневековых дворцовых комплексов X—XVII вв.

Изучение средневековых дворцовых комплексов Дербента, три из которых относятся ко времени сложения феодального города в VIII—XIII вв. позволило составить представление о исторической топографии цитадели этой поры и определить места наиболее интенсивной застройки ее в различные периоды средневекового города. Имеющиеся сейчас данные раскопок позволяют полагать, что строения располагались в определенных частях цитадели группами-комплексами.

Первоначально в VIII—X вв. дворцовые постройки располагались в восточной части цитадели, примыкая к ее восточной стене. Здесь еще с раннесредневекового периода существовал дом санидского правителя Дербента. В конце X—нач. XI вв. дворец был перенесен в северо-западную часть цитадели, где он находился вплоть до XVIII в. и только при Фет-Али-хане, овладевшим Дербентом в 1759 г., дворец был вновь перенесен в восточную часть цитадели.

Все, исследованные в ходе раскопок, дворцовые комплексы VIII—XIII вв. представлены весьма значительными монументальными сооружениями, с правильной симметричной планировкой, включавшей в себя систему довольно больших жилых и подсобных помещений. Основу комплексов составляли большие строения с массивными стенами из обработанных каменных плит или жженого кирпича, возведенные на бутовых фундаментах, заглубленных в специально открытые траншеи. Раствор применялся только известковый и очень высокого качества.

Памятники дворцовой архитектуры периода VIII—XIII вв. представлены тремя комплексами, из которых один расположен в восточной части цитадели, под дворцовыми сооружениями Фет-Али-хана (раскоп-II)¹⁵, и два в северо-западной части цитадели (раскоп-IV)¹⁶.

Мощные культурные наслоения более позднего периода, достигаю-

¹⁵ Кудряцев А. А. Раскопки в цитадели древнего Дербента. АО—1973. М., 1974, с. 115; *его же*. Раскопки средневековых ханских дворцов в Дербенте. Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1973—1975 гг. Махачкала, 1976, с. 12—13.

¹⁶ Кудряцев А. А. Исследования в древнем Дербенте. АО—1976 г. М., 1976, с. 133—134; *его же*. Работы Дербентской экспедиции. АО—1976 г. М., 1977, с. 106; *его же*. Раскопки средневековых ханских дворцов в Дербенте, с. 12—13.

щие порой до 5—6 м, и плохая сохранность отдельных частей комплексов не дают возможность полностью выявить планировку всех сооружений, но и исследованные части построек позволяют составить представление о характере подобных памятников.

Восточный дворцовый комплекс, относящийся к VIII—X вв., сохранился хуже остальных, так как был сильно потревожен при возведении более позднего дворца Фет-Али-хана, под мощные фундаменты которого были открыты глубокие траншеи. Вскрытие значительной части комплекса и исследования его отдельных участков стратиграфическими раскопками, позволяет сказать, что он представлял собой внушительное сооружение, площадь которого составляла не менее 500—600 кв. м. Исследованные строения представляют собой несколько смежных помещений, сгруппированных около длинного коридора, вытянутого с запада на восток более чем на 10 м. Размеры 4×4 м, 48×48 м, $5,6 \times 48$ м и др. Стены в основном сложены из обработанного камня и плит размером $0,3 \times 0,25 \times 0,2$ м, $0,2 \times 0,2 \times 0,2$ м, $0,3 \times 0,2 \times 0,2$ м, $0,7 \times 0,6 \times 0,2$ м, $0,69 \times 0,6 \times 0,2$ м, $0,6 \times 0,6 \times 0,2$ м¹⁷ и др. Толщина их достигает 0,6—1 м. Раствор известковый, хорошего качества.

Наряду с камнем в кладке стен отмечено применение жженого кирпича, но в весьма небольших количествах¹⁸. Обычно кирпич применялся при выкладке опорных колонн (в основном квадратного сечения), арочных сводов и перемычек, а также при отдельных ремонтных работах. Раскопки позволяют полагать, что в архитектуре этого дворцового сооружения применялись плоские клинчатые перемычки и стрельчатые арки, т. е. наиболее ранние формы клинчатых перемычек¹⁹.

В вскрытой части дворцового комплексе удалось выделить помещения хозяйственного и жилого назначения. Жилые комнаты располагались в западной части комплекса, а хозяйственные — в восточной. Подобное расположение жилых и хозяйственных помещений отличает этот дворцовый комплекс от вышележащего позднесредневекового, в котором жилые и административные комнаты располагались в восточной части дворца.

Было выявлено четыре типа полов, относящихся к помещениям различного назначения и к различным периодам обживания. Полы устраивались из известня, глины, жженого кирпича и каменных плит, в одном случае зафиксирован пол из алебастра²⁰.

¹⁷ Кудрявцев А. А. Отчет о работе Дербентской археологической экспедиции в 1973 году. РФ ИИЯЛ, № 395, с. 23—30.

¹⁸ Там же, с. 13, 23, 27, 33.

¹⁹ С. О. Хан-Магомедов считает наиболее ранними видами клинчатых перемычек в Дербенте плоские клинчатые и стрельчатые арки, последняя существовала несколько столетий и была занесена сюда, по его мнению, арабами. См. Хан-Магомедов С. О. Ворота Дербента. Архитектурное наследство, 20, М., 1972, с. 141.

²⁰ Кудрявцев А. А. Ук. отчет за 1973 г., с. 23—24, 27—28, 30, 32, 33; его же. Раскопки в цитадели древнего Дербента, с. 115.

Стены помещений покрывались белой гипсовой штукатуркой²¹, иногда окрашенной в розоватый или желтоватый цвет, а в отдельных случаях покрывались резным штукатуром.

Фрагменты штукатурки и штукатурной резьбы обнаружены пока только в жилых помещениях и это позволяет предположить, что стены хозяйственных помещений штукатуркой не покрывались. В жилых комнатах около стены или в углу имелся очаг, обычно напольного типа, в виде ям с обмазкой или специальной выкладкой, реже в виде камина. В хозяйственных помещениях широко применялись очаги типа тандира и ямные очаги с обмазкой или специальным керамическим бортиком. Здесь же имелись специальные ямы-хранилища с известковой обмазкой внутри.

Двери крепились с помощью специального гнезда в верхней части проема и пяточного камня, последние в большом количестве встречены в культурных слоях этого времени.

Вероятно, широко применялись в конструкции дворца и деревянные колонны, отдельные фрагменты, которых и каменные базы, служившие им опорой, были обнаружены при раскопках²². Каменные базы колонн имели цилиндрическую или многогранную форму и украшались резьбой. Возможно, деревянные колонны применялись при возведении айвана, оформлявшего внутренний двор комплекса.

Северо-западные дворцовые сооружения, бытовавшие в X—XIII вв. включают в себя два архитектурных комплекса, относящиеся к двум разновременным строительным горизонтам²³. Более ранний из них датируется X—нач. XII вв., а другой вышележащий — XII—XIII вв.²⁴

Первый (снизу) северо-западный дворцовый комплекс представляет собой большое многокомнатное строение, включавшее в себя ряд смежных помещений жилого и хозяйственного назначения. Общая площадь, на которой были вскрыты архитектурные остатки этого комплекса, превышает 260 кв. м., а с учетом отдельных его участков, обнаруженных в других раскопках (раскоп-V), площадь этого сооружения не менее 700 кв. м.

В настоящее время выявленная планировка комплекса позволяет полагать, что он представлял собой сооружение, примыкавшее к северо-западной стене цитадели одной своей частью, от которой отходили еще два перпендикулярных ей крыла, образовавшие П-образное строение с внутренним двором. Не исключено, что комплекс мог иметь форму четырехугольника (постройки одной из сторон которого пока еще не вскрыты) с внутренним, изолированным двором (подобную планировку имела главная часть дербентского дворца Фет-Али-хана и средневековые

²¹ Кудрявцев А. А. Ук. отчет за 1973 г., с. 28.

²² Кудрявцев А. А. Раскопки в цитадели древнего Дербента, с. 115.

²³ Кудрявцев А. А. Отчет о работе Дербентской археологической экспедиции в 1976 году, с. 4—7, 14—18.

²⁴ Кудрявцев А. А. Ук. отчет за 1976 г., с. 106; *его же*. Исследования в древнем Дербенте, с. 134.

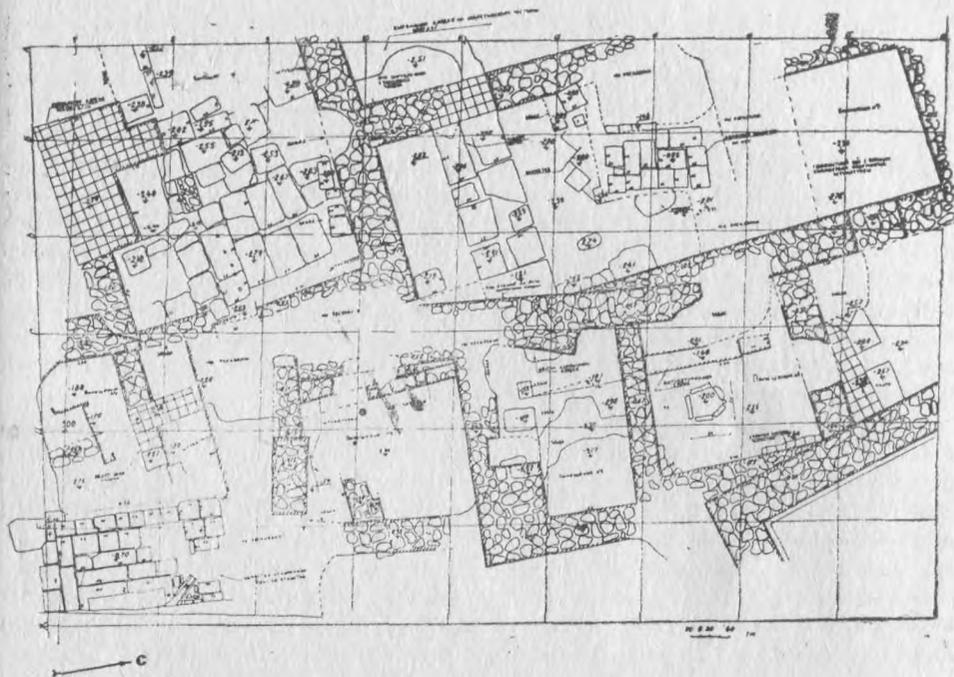

Рис. 5. Планировка дворцовых комплексов цитадели Дербента X—XVII вв.

дворцовые сооружения цитадели, зафиксированные на чертежах города 20-х годов XVIII в.)²⁵. Планировка в виде прямоугольника (более или менее симметричного) с внутренним замкнутым двором, кажется нам наиболее вероятной, так как она лежит в основе всех последующих комплексов средневековых дворцовых сооружений Дербента.

Западная часть комплекса, примыкающая к стене цитадели, была вытянута строго по оси север—юг и имела протяженность более 20 м, при ширине около 7 м. Здесь было вскрыто три смежных прямоугольных помещения, вытянутых по продольной оси здания, имеющих следующие размеры: 6,5×5 м, 6×5 м, 4,5×5 м (вскрыто частично). Стены первого комплекса достигают ширины 1,4—1,5 м и сложены из крупных, прекрасно обработанных плит размерами: 0,9—1,3×0,6—0,7×0,25—0,4 м, в отдельных случаях применялись более вытянутые плиты типа брусков размерами 0,7—1,05×0,3—0,4×0,25—0,35 м²⁶.

²⁵ Хан-Магомедов С. О. Ханский дворец в Дербенте. «Памятники культуры», № 3. М., 1961, с. 163, рис. 4; с. 170—171, рис. 9—10.

²⁶ Кудрявцев А. А. Ук. отчет за 1975 г., с. 20—24; его же. Ук. отчет за 1976 год, с. 14.

Плиты уложены на известковом растворе высокого качества.

Еще по одному помещению было частично вскрыто в южной и северной частях комплекса, размеры их еще полностью не выявлены, но раскопанная площадь каждого из них превышает 20 кв. м.

Помещения дворцового комплекса группировались вокруг прямоугольного дворика, протяженность которого с севера на юг равнялась около 10 м, а с запада на восток не менее 7 м (вскрыто частично). Стены южных и северных помещений комплекса полностью аналогичны западным и сложены из крупных, хорошо отесанных плит на известковом растворе. Основанием стенам комплекса служил фундамент из мелкого бутового камня, небрежно набросанного в специально открытые траншеи. Толщина фундамента достигает 1,6—1,8 м, высота его в северной части 1,4—1,75 м, в южной — 0,6—0,8 м. Пространство между камнями заполнено уплотненной глиной и землей.

Для этого комплекса дворцовых сооружений наиболее характерными являются два типа полов, вскрытые в различных помещениях. Полы, выявленные в помещениях, выполнены из уплотненной глины с светложелтой поверхностной обмазкой и из крупных хорошо обработанных каменных плит размером 0,40,6×0,4—0,6×0,1—0,12 м²⁷.

Стены помещений были покрыты гипсовой штукатуркой, а в отдельных случаях, видимо, штуковой резьбой. Среди находок в большом количестве встречаются резные архитектурные детали из камня, что дает основание полагать о широком их применении в строительстве. Вероятно, широко применялись в архитектуре дворцового сооружения клинчатые перемиčky и стрельчатые арки, о чем свидетельствуют находки отдельных деталей и фрагменты этих конструкций. Двери укреплялись в проеме с помощью специальных пяточных камней, а верхний их конец крепился в специальном гнезде. Находки многочисленных каменных баз колонн круглого, квадратного, многоугольного сечений, позволяют полагать, что в архитектуре дворца применялись деревянные колонны (значительные фрагменты деревянных опор были обнаружены при раскопках). Возможно, деревянные колонны применялись в айванах, оформляющих внутренний двор.

Второй (снизу) северо-западный дворцовый комплекс представлял собой большое многокомнатное сооружение, планировка которого в основном повторяет планировку нижележащего комплекса, послужившего для него основанием. Подобное сходство планировки послужило первоначально даже поводом считать стены первого сооружения не отдельными постройками, а фундаментом дворцового сооружения XII—XIII вв. Однако дальнейшие исследования показали, что в отличие от нижележащего комплекса верхний имел не сплошную линию стен, а выложенную отдельными участками. Расстояние между отдельными участками достигает 3—4 м, в то же время подобные промежутки в стенах первого

²⁷ Кудряцев А. А. Ук. отчет за 1975 г., с. 29.

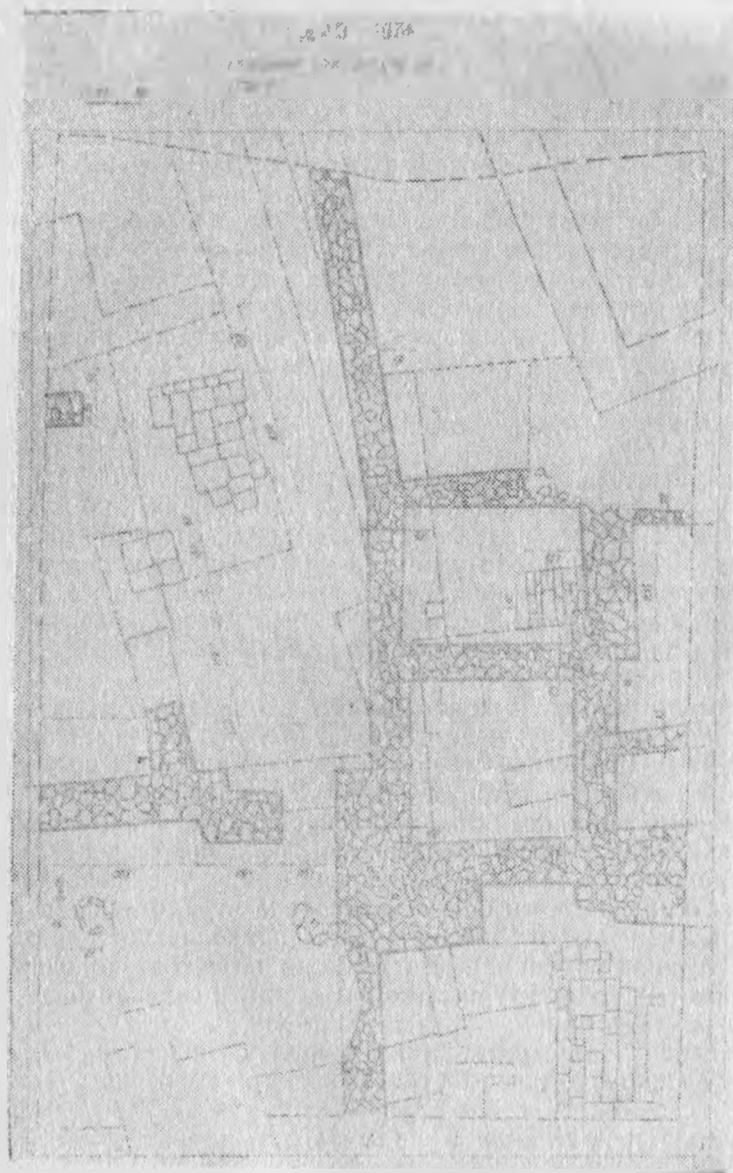

Рис. 6. Планировка дворцовых комплексов
цитадели Дербента X—XVII вв.

комплекса отсутствуют²⁸. Стены сооружения были возведены из жженого кирпича размером $0,2 \times 0,2 \times 0,045$ м, уложенного на известняковом растворе высокого качества²⁹. (следует отметить, что прочность раствора больше прочности кирпича, чем, видимо, и объясняется хорошая сохранность стен). Ширина контурных стен сооружения достигает 1,4 м, ширина отдельных внутренних стен равна 0,8 м, длина угловых участков стен равна 2,5—3 м, а в других местах сооружения участки стен имеют протяженность 1,4—2 м³⁰. Кладка сооружения сохранилась в высоту 1,5—2 м. Сейчас трудно сказать чем вызвана подобная конструкция стен западных помещений дворца и каково их назначение, но, возможно, это связано с культовым или научным использованием этих комнат. Подобную версию подтверждает и весьма своеобразный пол (он значительно отличается от полов из плит и кирпича других помещений). обнаруженный в юго-западном помещении комплекса на отметке — 3,53—2,55 м. Он состоял из тщательно уложенных больших каменных плит размерами: $1,05 \times 0,6 \times 0,2—0,35$ м, $1 \times 0,6 \times 0,25$ м, $0,9 \times 0,6 \times 0,3$ м, $0,5 \times 0,6 \times 0,3$ м³¹ и др. Северный и центральный участки пола сильно обожжены, а в южной части помещения в двух плитах имелось пять круглых углублений диаметром 5—6 см, вытянувшихся по прямой линии строго с востока на запад. Расстояние между отверстиями 30—35 см, глубина их 5 см, причем, в одном случае отверстие устроено прямо на стыке двух плит. Не исключено, что эти отверстия могли служить для установки каких-то средневековых астрономических приборов, что объясняет, при подобной постановке вопроса, своеобразную конструкцию стен.

Монуументальность и внушительные размеры вскрытых в цитадели сооружений, их конструктивные особенности и планировка, богатство обнаруженных здесь предметов быта и украшений, среди которых в большом количестве встречается парадная поливная посуда, сосуды с сложнейшим штампованным и гравированным орнаментом, высококачественные стеклянные изделия, многочисленные предметы вооружения и украшения, а также дорогостоящий импорт, включающий редкие сосуды из селадона, фарфора, фаянса, алебаstra, отдельные экземпляры которых отсутствуют даже в крупнейших коллекциях средневековых собраний лучших музеев нашей страны, не оставляют сомнений в назначении вскрытых архитектурных комплексов и в социальной принадлежности их обитателей.

Изменение месторасположения дворца в конце X в. было связано, видимо, с военно-политической обстановкой в этот период. В конце X в.,

²⁸ Кудрявцев А. А. Ук. отчет за 1975 г., с. 19—21; *его же*. Исследования в древнем Дербенте, с. 133.

²⁹ Кудрявцев А. А. Ук. отчет за 1975 год, с. 20—24.

³⁰ Там же, с. 19—20.

³¹ Кудрявцев А. А. Ук. отчет за 1975 г., с. 21—22; *его же*. Исследования... с. 133—134.

в связи с разгромом Хазарского каганата, исчезла постоянная военная угроза с севера, что сделало эту часть цитадели безопасной для обживания. В то же время обострение ширвано-дербентских отношений, значительно повысивших опасность с юга и бесконечные столкновения эмира с феодальной верхушкой города, сделали южную и восточную части крепости более опасными. Этим, по-нашему, мнению, и было вызвано перенесение комплекса из восточной части цитадели в северо-западную.

Второй составной частью средневекового города являлись верхние районы шахристана Дербента, включавшие территорию от подножья холма, на вершине которого была сооружена цитадель, до Джума-мечети. Эта, четко выделенная часть исторической топографии Дербента была ограничена поперечными стенами, отделявшими ее от цитадели и остального города. Она включала в себя наиболее древние районы города, планировка которых сложилась еще в раннесредневековый период, и сохранивших поэтому основные черты кварталов Дербента сасанидского времени.

Эти районы города в нач. VIII в. были заселены первыми арабскими переселенцами, составлявших наиболее привилегированную часть населения средневекового Дербента, представители родо-племенной верхушки которых превратились в IX—X вв. в крупных городских аристократов-раисов, игравших ведущую роль в торгово-экономической и политической жизни города.

Здесь формируется ядро дербентского шахристана и влияние его на развитие города этой поры становится преобладающим.

Вся общественно-политическая жизнь города перемещается в шахристан, где происходит сложение торгово-экономического и культурного центра Дербента. Во многих городах Средней Азии и Ближнего Востока в IX—X вв. шахристаны в значительной мере теряли свое значение и центр городской жизни смещался в рабады, которые обносились стенами и превращались во внешний город. В Дербенте эти процессы происходили внутри шахристана. Здесь складывались торговые и ремесленные части города, формировались его жилые кварталы, появились площади и базары, общественные здания и культовые сооружения. Центрами общественной жизни города становятся базарные площади, вокруг которых группируются торговые ряды, караван-сарай, мечети, общественные здания и дома городской знати. Археологические раскопки, данные письменных источников и изучение исторической топографии позднесредневекового города дают основания полагать, что подобным торгово-экономическим и культурным ядром средневекового Дербента являлись базарные площади в районе Джума-мечети и Кильса-мечети. Так, автор X в. ал-Мукаддаси сообщает, что главная мечеть «стояла в середине базарных площадей», а рядом с ней находился фонтан»³².

³² Ал-Мукаддаси. Лучшее из делений познания климатов, с. 9.

В какой-то мере этот район становится и административным центром и сюда переносятся общественно-политические учреждения. В «Тарих Баб ал-аббаб» говорится о «правительственном здании»³³ в городе, куда был заключен уведенный из цитадели шестнадцатилетний эмир Маймун. Представляется вероятным, что появление подобного административного здания³⁴ в самом городе, где эмир принимал «клятвы на верность» от «знатных людей города», являлось показателем сильно возросшего политического влияния рансов.

Некоторое представление об общественно-экономическом центре средневекового Дербента дают величественные постройки, общественного, культового и бытового назначения, сохранившиеся здесь до наших дней и исследованные в ходе археологических раскопок в этом районе.

Наиболее крупным сооружением в архитектурном ансамбле дербентского центра являлась Джума-мечеть, стоявшая «в середине базарных площадей». В исторической литературе нет единого мнения о времени возникновения и первоначальном назначении этого сооружения³⁵. Однако не касаясь этого спорного вопроса, можно сказать главное, что уже в VIII в. это было крупнейшее культовое мусульманское строение не только в Дербенте, но и на всем Кавказе. Здание мечети представляет собой прямоугольное строение, вытянутое по оси восток—запад, внутреннее пространство которого состоит из трех нефов, разделенных опорными столбами. Длина мечети 68 м, ширина 28. Нижние части стен и столбы сложены из крупных обработанных плит на известковом растворе, а своды над нефами, верхняя часть северной стены и купола мечети выложены из жженого кирпича размером 20—29×20—29×5 см.

Существует мнение, что все части мечети, выполненные из кирпича, относятся к XIV в., когда мечеть была восстановлена после землетрясения³⁶. Однако сопоставление конструктивных особенностей кирпичной кладки мечети с кирпичной кладкой богатого здания VIII—XIII вв., исследованного при раскопках в этом же районе, указывает на их несомненное сходство (совпадают не только размеры кирпича и качество раствора, но и приемы укладки кирпича с толстым слоем раствора в 5 см между горизонтальными рядами). Это позволяет полагать, что определенные части сооружения, возведенные из жженого кирпича, при-

³³ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента. М., 1963, с. 68—69, 336, 73, § 40.

³⁴ Дословно «дар ал-имара», т. е. резиденция в нижнем городе. См. Минорский В. Ф. История..., с. 68, прим. 63.

³⁵ Артамонов М. И. отождествлял Джума-мечеть с христианским храмом, возведенным в V в. и приспособленным арабами под мечеть в первой пол. VIII в. См. Артамонов М. И. Древний Дербент. СА, VIII, 1946: с. 141—143; С. О. Хан-Магомедов полагает, что сооружение было возведено в VIII в. и сразу предназначалось для мечети. См. Хан-Магомедов С. О. Джума-мечеть в Дербенте. СА, 1970, № 1, с. 211—214, 220.

³⁶ Хан-Магомедов С. О. Дербент. М., 1958, с. 62—64.

веденных размеров³⁷, с широкими горизонтальными швами, были выложены еще в VIII в., а в XIV в., возможно, восстанавливались полуциркульные своды над нефами и другие разрушенные участки.

Стратиграфические исследования³⁸, проведенные на всем пространстве между северной и южной стенами города в районе Джума-мечети, позволили выявить здесь значительную незастроенную территорию, существовавшую в IX—XII вв. и примыкавшую к мечети с запада, юго-запада и северо-запада, т. е. удалось подтвердить сообщение ал-Мукаддаси о расположении главной мечети «в середине базарных площадей».

С запада и юга «базарные площади» окружали общественные сооружения, причем, с южной стороны сюда примыкали и жилые строения. С востока площадь примыкала к поперечной стене города, а с севера к незастроенному околостенному пространству. Среди общественных зданий особое положение занимали караван-сарай, складские помещения и водохранилища. Так, еще к первой пол. XVII в. в районе базарной площади сохранилось три караван-сарая, причем, один из них представлял собой внушительное квадратное в плане, сооружение размером около 50×50 м с большим внутренним двором. Представляется вероятным, что в VIII—XIII вв., т. е. в период расцвета морской и сухопутной торговли Дербента, здесь могло находиться большое количество подобных сооружений и они имели еще более внушительные размеры.

С восточной стороны к площади примыкало несколько зданий общественно-хозяйственного назначения, среди которых выделяются наиболее хорошо сохранившиеся складское помещение и водохранилище. Первое представляет собой длинное прямоугольное сооружение, вытянувшееся с севера на юг почти на 40 м. Массивные стены его сложены из крупных каменных плит, скрепленных известковым раствором. Возможно, что это сооружение является одним из складов, построенных, по сообщению арабских авторов, Масламой б. Абд ал-Меликом в первой пол. VIII в.

Рядом с ним было выявлено огромное водохранилище³⁹ прямоугольной формы, ориентированное продольной осью на восток—запад, что отличает его от большинства общественных и бытовых зданий, вытянутых по оси север—юг (исключение составляют некоторые культовые сооружения, например, Джума-мечеть). Вероятно, подобная ориентировка водохранилища была связана с существующей здесь системой водоснабжения. Цистерна имела массивные каменные стены и достигала

³⁷ Следует отметить, что жженный кирпич подобных размеров встречен только на памятнике, возведенном в VIII в.; для периода X—XIII вв. характерен кирпич, размером 20—24×20—24×4—4,5 см.

³⁸ Здесь на равном расстоянии между стенами города было заложено пять стратиграфических раскопов (шурфы №№ 1—5), см. *Кудрявцев А. А.* Отчет о работе Дербентского археологического отряда в 1971 году. РФ ИИЯЛ, №

³⁹ *Кудрявцев А. А.* Водоснабжение древнего Дербента. РФ ИИЯЛ, № 277, с. 10—11.

в длину 17,4 м, при ширине 7,4 м и высоте более 10 м. Подобно большинству монументальных сооружений города этого периода, она была перекрыта мощным стрельчатым сводом, укрепленным четырьмя стрельчатыми арками, опирающимися на массивные прямоугольные выступы. Помимо луков в своде водохранилища имелась каменная лестница в северной его стене, для спуска во внутрь. Здесь же были сосредоточены большие бани, типичные для подобных сооружений средневекового Востока, перекрытые купольными и стрельчатыми сводами. Три средневековые бани сохранились в этом районе и до наших дней.

В южной и юго-западной части этого района располагались жилые кварталы, заселенные в основном потомками первых арабских колонистов еще в VIII в. Представители родо-племенной верхушки этих арабских переселенцев, благодаря бурному развитию города IX—X вв., быстро превратились в крупную торгово-ремесленную знать Дербента, сохранившую за собой и значительные земельные владения и обладавшую большой политической и экономической силой. Исследованные здесь строения и особенно богатое кирпичное здание VIII—XIII вв.⁴⁰, позволяют составить представление о жилищах городской верхушки, именуемой в средневековых исторических хрониках «рансами».

Здание имело прямоугольную форму и было вытянуто с юга на север, длина его более 25 м, ширина 8,3 м. Стены возведены из жженого кирпича размером 27—29×27—29×5 см, скрепленного известковым раствором очень высокого качества. Основанием им служит фундамент из бутового камня, уложенного в специально открытые траншеи. Толщина стен достигает 1,2—1,3 м, при сохранности в высоту до 2,5—3 м. В здании было вскрыто четыре уровня известковых полов различной толщины, от 5—6 см до 20—25 см, связанных с четырьмя этапами обживания здания в VIII—XIII вв., причем, наиболее интенсивным был второй этап, совпадающий с периодом расцвета Дербента в IX—X вв.⁴¹

Первоначально здание представляло собой однокамерное помещение с хозяйственными пристройками с северной стороны, а на втором этапе была сооружена перегородка, разделившая его на два помещения жилого и хозяйственного назначения. Вход был с восточной стороны, здесь же, видимо, имелась открытая галерея типа айвана.

Стены здания выложены с большой тщательностью, толщина швов между кирпичами везде одинакова и достигает 4,5—5 см. Внутри здания они были покрыты прекрасным резным штукатуром. Это единственный случай оформления штукатуром стен жилого сооружения в шахристане (Дербент пока единственный на Кавказе памятник, где резной штукатур широко

⁴⁰ Кудрявцев А. А. Раскопки в Дербенте.—АО—1972 г. М., 1973, с. 132—133: *его же*. Раскопки богатого здания VIII—XIII вв., в жилом квартале средневекового Дербента. МАД, т. VII, Махачкала, 1977, с. 74—103.

⁴¹ Кудрявцев А. А. Раскопки богатого здания... с. 77—95.

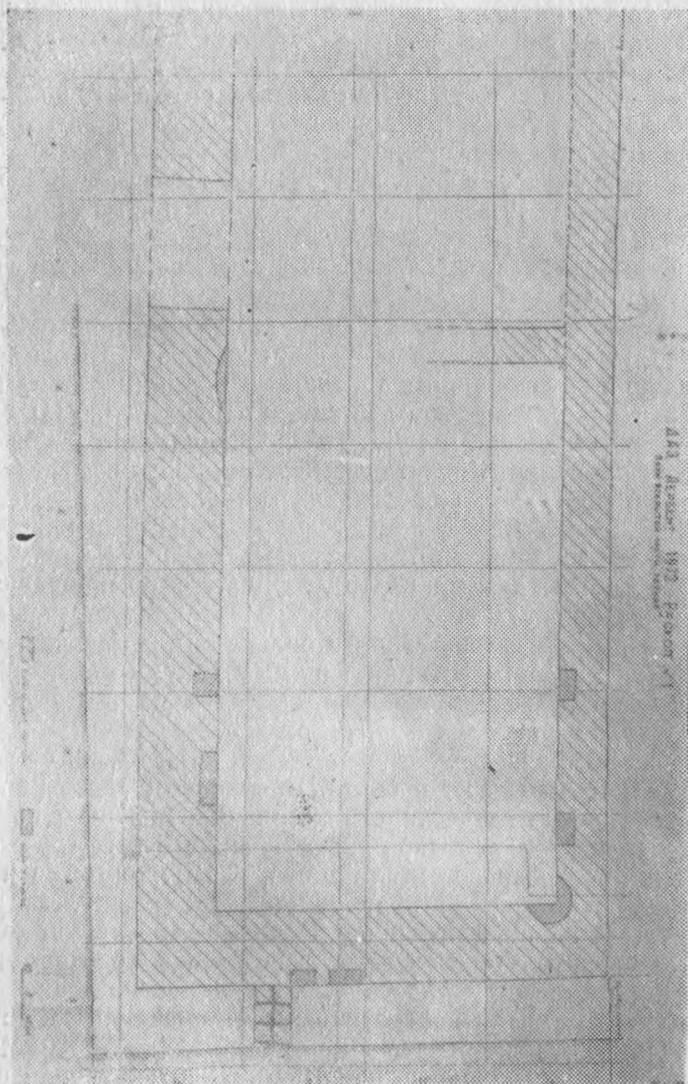

Рис. 7. Планировка богатого жилого здания в верхней привилегированной части шахристана Дербента.

применялся при оформлении бытовых сооружений). В жилой части здания широко применялись напольные и пристенные очаги, а в хозяйственной — тандиры.

Внушительные размеры здания и материал, из которого оно было возведено (жженный кирпич большая редкость в архитектуре Дербента и применялся он в основном в строениях ханских дворцов и крупнейших культовых сооружениях — Джума-мечеть), его внутренний интерьер и конструктивные особенности, богатство обнаруженного здесь инвентаря и предметов роскоши, среди которых можно назвать парадную поливную фарфоровую и фаянсовую посуду, высококачественные изделия из стекла, сосуды с росписью люстром, стеклянные браслеты, перстни, кольца, поделки из слоновой кости, предметы вооружения и украшения, позволяют говорить о очень высоком социальном положении обитателей этого здания в местном феодальном обществе. По местным преданиям, здесь жил «эмир» магала, видимо, представитель городской аристократии, именуемой в источниках «рансами».

Исследования показали, что торговый и культурный центр феодального Дербента начал складываться еще в первой пол. VIII века (Джума-мечеть, богатое здание и другие сооружения) и в основных чертах оформился к X веку, хотя некоторые перестройки и изменения происходили в нем на протяжении нескольких веков.

Изучение позднесредневековых планов Дербента и археологические исследования показали, что в период XVII—нач. XVIII вв. торгово-экономический и общественный центр города, сформировавшийся еще в VIII—X вв., располагался на этом же месте, хотя торговая его часть, торговые лавки, два караван-сарая и базарная площадь несколько сместились в район Кильса-мечети, а площадь у Джума-мечети в значительной мере застроилась.

Вся верхняя территория города от Джума-мечети и до подошвы холма, на котором расположена цитадель, в VIII—X вв. была наиболее привилегированной частью Дербента. В основном здесь располагались большие выстроенные из тесанного камня или жженого кирпича дома представителей старой арабской знати и зажиточных горожан (жилая площадь таких построек достигала 200—300 м²), торговые и административные сооружения, «правительственные здания», культовые и общественные постройки, фонтаны и водохранилища. Следует отметить наличие здесь развитой системы водоснабжения с многочисленными водоемами и фонтанами, украшенными, по сообщениям арабских источников IX—X вв., резными декоративными украшениями и скульптурными изображениями людей и зверей из камня.

Стены домов здесь нередко покрывались штукатуркой с росписью или резным шtukом (алебастр). Среди находок порой встречаются глазурованные керамические плитки и кирпичики, служившие, видимо, облицовочным материалом. Изучение памятников архитектуры и археологических находок из верхней части города позволяет говорить, что мно-

гие обитатели этого района средневекового Дербента занимали весьма высокое положение в социальной структуре городского общества.

Крутой восточный склон дербентского холма от подножья до цитадели в домонгольское время, как показали раскопки, не обжился и здесь уже в IX—X вв. существовала каменная поперечная стена, отделявшая город от цитадели⁴².

Территория от района Джума-мечети и до моря была застроена очень плотно и здесь дома в основном возведены из бутового камня на глиняном растворе.

В плане дома, в основной массе, представляют собой довольно небольшие однокамерные или двухкамерные строения, площадью от

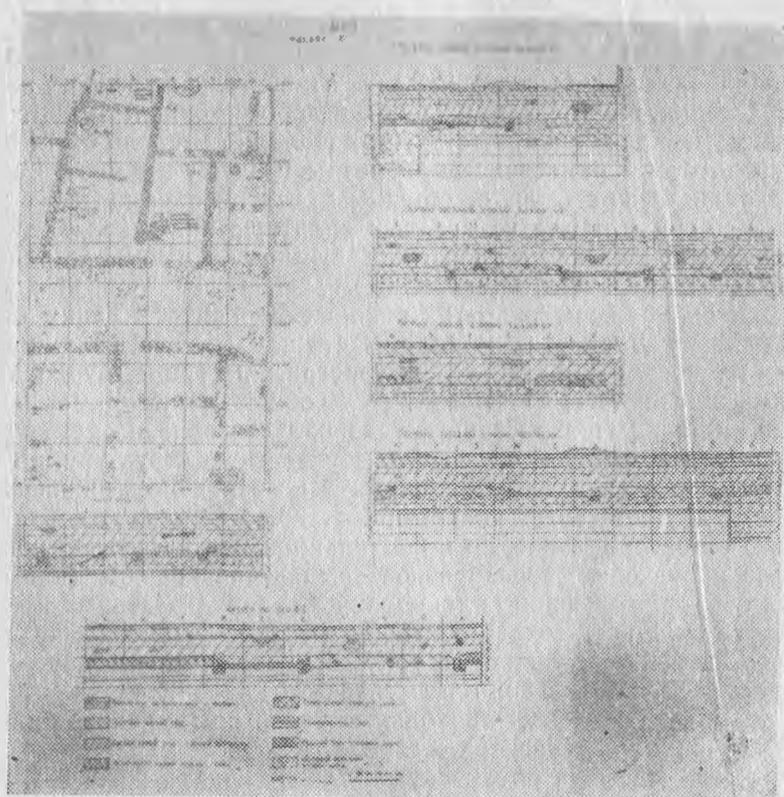

Рис. 8. Планировка жилых зданий в нижней части шахристана Дербента.

⁴² Кудрявцев А. А. Раскопки в Дербенте. — АО—1972 года. М., 1973, с. 133.

30—40 м² до 60—80 м² с небольшими внутренними двориками, а иногда без них⁴³.

Дома имели в большинстве своем прямоугольную форму и были вытянуты с севера на юг. Стены достигали толщины 0,4—0,8 м, фундаменты зачастую отсутствовали. Кровля большинства домов, вероятно, была плоская, с деревянным перекрытием. Находки при раскопках остатков кира (нефтепродукт) позволяют полагать, что ее, подобно современным домам магалов, покрывали уплотненной глиной, а сверху заливали киром. Очаги в основном ямного или пристенного типа, а также в виде тандиров. Однако следует отметить, что и в нижних районах шахристана порой, особенно в приморской части города, наряду с подобными домами, встречаются весьма значительные здания с довольно богатым инвентарем и предметами роскоши (так же, как и в верхней части города, отмечены довольно бедные дома). Обнаруженный в этих районах шахристана материал значительно беднее, чем в верхней части города, процент поливной посуды здесь относительно невелик, парадная керамика редка, предметы украшения и дорогостоящий импорт в большинстве случаев вообще отсутствует. В этой части города были в основном сосредоточены ремесленные кварталы и здесь, недалеко от южной стены и ниже базара были обнаружены остатки керамических мастерских⁴⁴, фундамент одной из которых вплотную примыкал к городской стене. Следы ремесленного производства, многочисленные шлаки, остатки обжигательных печей, бракованные изделия, предметы печного припаса были обнаружены в других районах Дербента⁴⁵. Таким образом, исследования в Дербенте показали, что в VIII—XIII вв. происходят большие изменения в исторической топографии города, бурно застраивается его шахристан и формируется общественно-торговый центр. Огромная площадь шахристана обусловила своеобразие развития феодального города, сохранившего свою двухчастную структуру, но фактически происходит разделение шахристана на верхнюю и нижнюю части, отделенные друг от друга поперечной стеной. Однако это разделение не только территориальное, но и социально-экономическое. В шахристане города происходит своеобразное выделение рабада (пригорода), который в силу специфики планировки Дербента развивается внутри городских стен. Город, сохраняя внешне в своей планировке двухчастную структуру, делится внутренне на три части, отделенные друг от друга поперечными стенами. На планах Дербента начала XVIII вв. показана мощная поперечная стена, проходящая точно по границе обживаемой территории раннесредневекового города. Она примыкает к восточному торцу Джума-мечети, а потом спускается несколько ниже ворот Орта-

⁴³ Кудрявцев А. А. Отчет за 1977 г., с. 75—83.

⁴⁴ Кудрявцев А. А., Гаджиев М. С., Гамзатов Г. Г., Салимов С. Б., Хазанов А. М. Новые данные..., с. 13—14; Кудрявцев А. А. Основные этапы развития ремесленного производства Дербента в VI—XIII вв.—IX Крупновские чтения. Элиста, 1979, с. 47.

⁴⁵ Там же.

капы. Представляется вероятным, что данная стена возникла еще в период VI--VIII вв. и защищала раннесредневековый Дербент со стороны моря, а когда город стал бурно расти, то этот район выделился в наиболее развитую и привилегированную его часть, заселенную в значительной мере первыми арабскими колонистами и местной знатью. Бурное развитие ремесла и торговли способствовало быстрому заселению новыми жителями нижних районов города, отделенных от верхних поперечной стеной и она превращается в своеобразный рабад, населенный в основном мелкими торговцами, ремесленниками и прочими горожанами.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Г. Г. Гамзатов

ДВОРЦОВЫЕ КОМПЛЕКСЫ XIV—XV и XVI—XVII вв. В ДЕРБЕНТЕ

В результате раскопок, проведенных в 70-х гг. в Дербенте Дербентской экспедицией под руководством А. А. Кудрявцева было вскрыто большое количество средневековых памятников бытовой архитектуры. Изучение этих памятников дает представление об этапах становления города, его исторической топографии, социальной структуре, быте и имущественной дифференциации населения. Удалось выделить три социальные разновидности бытовых построек в Дербенте: 1. дворцовые комплексы; 2. дома представителей городской знати; 3. жилища рядовых горожан.

В цитадели Дербента вскрыто пять дворцовых комплексов: один в ее восточной части, а четыре в северо-западной. Время бытования этих комплексов охватывает широкий период с XII—XVII вв.¹ (рис. 1).

Мы остановимся на описании двух позднесредневековых дворцовых сооружений: XIV—XV и XVI—XVII вв. Они расположены в северо-западной части цитадели и входят в состав второго дворцового комплекса.

Работы по вскрытию и изучению второго дворцового комплекса проводились в 1974—1976 гг. Общая раскопанная площадь его достигает 260 м².

После начала работ было обнаружено, что стратиграфически третий слой связан с остатками большого архитектурного комплекса, обозначенного как второй архитектурный комплекс (рис. 2). Он включал в себя систему небольших смежных комнат, объединенных общей планировкой. Все помещения комплекса сохранились в основном на уровне цокольной и фундаментальной частей, т. к. стены были разобраны для сооружения позднейших зданий.

Планировка всего комплекса, несмотря на большое количество

¹ Кудрявцев А. А. Отчет о работе Дербентской экспедиции в 1974 г. РФ ИИЯЛ, № 395, с. 1—2.

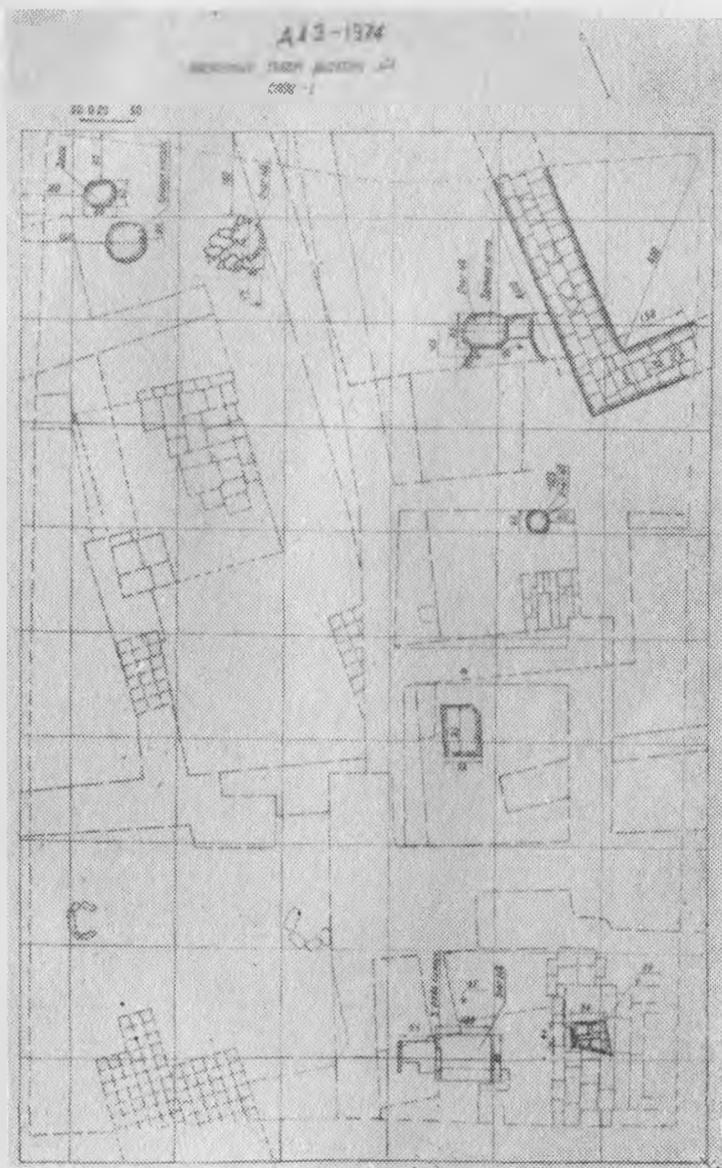

Рис. 1. Раскол № 4. План четырех архитектурных комплексов дворцовых сооружений.

Д 13 - 1974

ПРОЕКТИРОВАНИЕ ВОССТАНОВЛЕНИЯ
1970 - 3

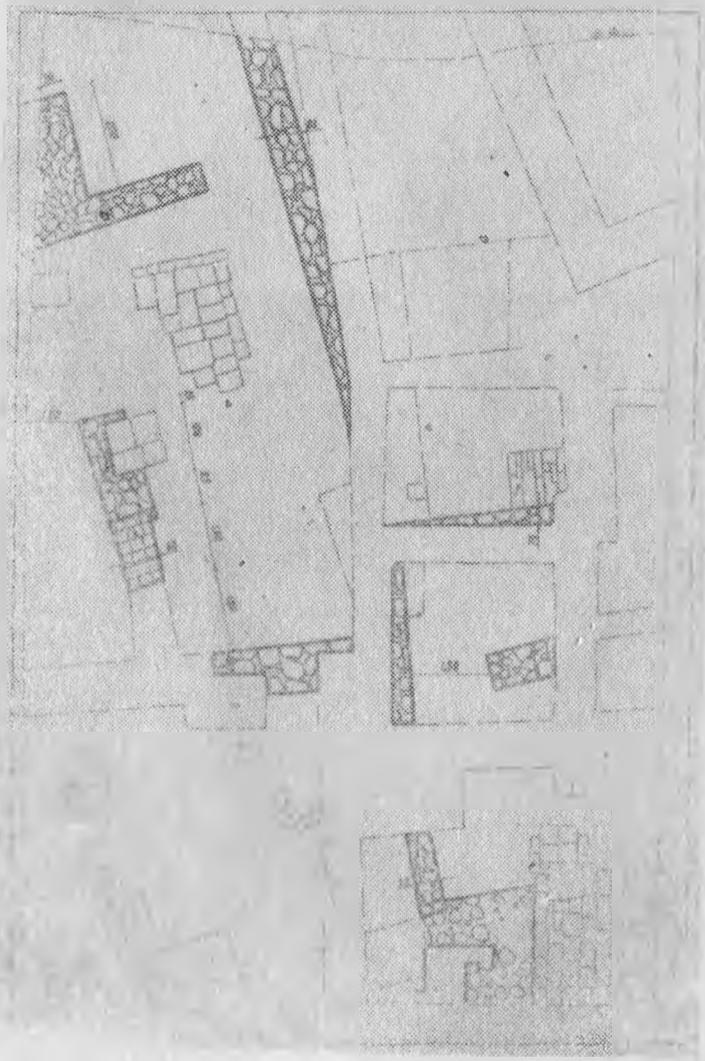

Рис. 2. Второй архитектурный комплекс дворцовых сооружений.

узких коридоров, непонятных прямоугольных выступов и ниш, довольно проста. Несколько длинных параллельных стен, продольно вытянутых довольно точно с севера на юг, разделены поперечными стенами на небольшие квадратные или более просторные прямоугольные комнаты. Стены помещений сложены из бутового и частично обработанного камня, довольно небрежно уложенного на глиняном растворе.

В помещении № 1 полностью вскрыты южная и западная стены помещения, сложенные из бутового камня на глиняном растворе. Размеры помещения между стенами с севера на юг 2 м, с запада на восток 3,5 м. В северо-западном углу помещения № 1 был вскрыт завал из бутового и обработанного камня, а с наружной стороны северной стены довольно большой очаг овальной формы, сложенный из крупных обработанных плит. Диаметр очага 0,85 м, глубина 0,2 м. Дно его было устлано слоем золы².

Южнее помещения № 1, по оси продольных стен, направленных с севера на юг, было вскрыто помещение № 2. Северная стена его является одновременно южной стеной помещения № 1, южная стена аналогична северной, но более равномерно сложена. Размеры помещения между стенами с севера на юг 2,6 м, с запада на восток 3,4 м. Стены сложены из бутового и частично обработанного камня среднего размера, уложенного на глиняном растворе.

В северо-восточном углу помещения № 2 был обнаружен круглый напольный очаг. Диаметр очага 0,44 м, глубина 0,21 м. В очаге были обнаружены зола и уголь.

В юго-восточной части помещения была вскрыта каменная лестница из 5 ступеней. Она служила, видимо, для спуска в подвальное помещение.

Рядом с помещением № 2, к югу от него было вскрыто помещение № 3, западная и восточная стены которого также были образованы продольными стенами, общими для помещений № 1 и № 2. Размеры помещения между стенами с севера на юг 3,2 м, с запада на восток 3,25 м. Стены сложены из бутового камня, среднего размера, уложенного на глиняном растворе.

В северо-западном углу помещения была обнаружена прямоугольная каменная плита, а чуть восточнее на том же уровне ещё одна, лежали они плашмя. Возможно, это остатки вымостки пола. Подобные полы из саманных плит были встречены в других помещениях комплекса³.

Помещение № 4 располагалось южнее помещения № 3. Это помещение вскрыто не полностью, но в отличие от помещений №№ 1, 2, 3 имеет более значительные размеры. В юго-восточной части помещения был вскрыт пол из хорошо отесанных каменных плит. Общие размеры пола

² Кудрявцев А. А. Отчет за 1974 г., с. 7.

³ Кудрявцев А. А. Отчет за 1974, с. 10.

с севера на юг 3,4 м, с запада на восток 2,16 м. Всего плит 35 штук. Пол покрыт не полностью и выходит на юг и на восток за пределы раскопа. Плиты очень хорошо подогнаны друг к другу и, видимо, покрывали весь пол.

Помещение № 5 было вскрыто не полностью, на запад и юг оно выходит за пределы раскопа. В отличие от помещений №№ 1—4, составляющих восточную часть комплекса, помещение № 5, расположено в его западной части. Западной стеной помещения могла служить оборонительная стена цитадели.

В помещении № 5 было вскрыто два больших очага, устроенных из больших, хорошо обработанных камней. Первый очаг располагался у восточной стены помещения, имел полуовальную форму и был сооружен из больших прямоугольных, хорошо обработанных камней, поставленных на торец. Ширина его 0,55 м, высота 0,57—0,6 м. Второй очаг был расположен в северо-западной части помещения, имел полуовальную форму и был устроен из 4 прямоугольных, хорошо обработанных камней. Ширина его 0,55 м, высота 0,48 м. Внутренняя поверхность плит была обработана гораздо лучше наружной.

К северу от помещения № 5 в западной части раскопа было вскрыто помещение № 6. С помещением № 5 его соединяет проем шириной в 1 м. В помещении был вскрыт участок пола из каменных плит. Пол был прослежен в северо-западной части помещения и сохранился двумя участками, один из которых имел 15 плит, а другой — 6. Общая площадь пола около 7 м².⁴

К северу от помещения № 6 в северо-западной части раскопа было частично вскрыто помещение № 7. В восточной части помещения был вскрыт очаг полукруглой формы из обработанного и бутового камня. Диаметр очага 0,74 м, отметка дна — 0,75 м. Отмечено сильное зольное пятно диаметром около 1 м.

Значительный интерес представляет выкладка из жженных кирпичей, обнаруженная в северо-западной части помещения. Эта выкладка имеет круглую правильную форму, диаметром 0,75 м., в высоту прослежено 3 ряда кирпичей. Назначение ее пока неизвестно.

Помимо упомянутых помещений данного комплекса были вскрыты частично еще 3 помещения, большая часть которых осталась за пределами раскопа.

Остановившись на характеристике второго архитектурного комплекса в целом, следует отметить довольно низкий уровень строительства его. Кладка стен весьма слабая, так как для скрепления камней применялся глиняный раствор низкого качества, не везде применялись правила перевязки швов и выкладки углов, что приводило к довольно быстрому разрушению конструкций. Следует отметить весьма небрежную планировку всего комплекса и асимметричность его. Однако, внушитель-

⁴ Кудрявцев А. А. Отчет за 1974 г., с. 15.

ные размеры его, превышающие все известные сейчас бытовые постройки средневекового Дербента, применение для его строительства наряду с бутовым и обработанного камня, богатство внутреннего интерьера: наличие значительного количества хорошо сделанных очагов, высокое качество полов из обработанных плит, большое количество разнообразных архитектурных деталей из камня, многочисленные фрагменты каменной с арабоязычными надписями, не оставляют сомнения, что данный комплекс не мог принадлежать рядовому гражданину Дербента. Данный вывод подтверждается и местонахождением этого архитектурного комплекса. Он располагался в наиболее возвышенной и благоприятной для застройки северо-западной части цитадели. Именно эта часть, наиболее неприступная, являлась самым безопасным местом в средневековое время, когда основная опасность для Дербента передвинулась на юг.

Археологические находки, представленные в основном керамическим материалом, обнаруженные в культурных напластованиях, связанных с периодом бытования этого комплекса подтверждают высказанные предположения.

Далее, говоря об этом комплексе, хотелось бы отметить некоторые особенности распределения находок в нем. Так, в помещениях №№ 1, 2, 3, 4 почти не встречаются предметы кухонного назначения, хозяйственная посуда, бытовые изделия из камня (ступки, жернова и т. д.), однако, здесь в большом количестве обнаружены дорогостоящие импортные изделия из фаянса, фарфора, кашина с подглазурной высококачественной росписью (рис. 3). В помещениях № 5 и частично № 6, наоборот, подобная посуда почти не встречается, зато здесь много хозяйственной неполивной керамики, здесь сосредоточены очаги, зольники, кости, хозяйственные поделки из камня.

Подобные наблюдения позволяют сделать вывод, что помещения восточной части комплекса были, видимо, жилые, а западной, скорее всего, бытового назначения.

Подобное расположение помещений (когда хозяйственные комнаты расположены вплотную к крепостной стене) было отмечено и во вскрытом в прошлые годы комплексе ханского дворца у восточной стены цитадели⁵.

Керамический материал, как местный, так и импортный, особенности написания и техника вырезания букв в обнаруженных в слоях второго комплекса надписях на камнях, различные бытовые предметы и стеклянные изделия позволяют определить время бытования этого комплекса XVI—XVII веками⁶.

⁵ Кудрявцев А. А. Раскопки средневековых ханских дворцов в Дербенте. Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1973—1975 гг. (тезисы докладов). Махачкала, 1976, с. 12—13.

⁶ Там же.

Под остатками второго архитектурного комплекса обнаружены остатки большого архитектурного комплекса из крупного бутового камня, названного третьим комплексом.

То обстоятельство, что большая часть архитектурных остатков третьего комплекса перекрыта вышележащим вторым комплексом в значительной мере затрудняло раскопки его и не позволило достаточно четко определить его планировку и архитектурные особенности.

Наиболее четко остатки третьего комплекса прослеживаются в западной части раскопа, где помещения второго комплекса значительно по величине, чем на востоке.

Удалось выявить значительную длинную стену, сложенную из природного бутового камня на глиняном растворе. Стена располагается строго по оси север—юг, толщина ее 0,6—0,65 м, прослеженная длина 18 м.

В юго-западной части раскопа перпендикулярно этой стене расположена другая стена. Она довольно хорошо сложена из крупного бута на известковом растворе. Прослеживаемая часть стены равна 3,2 м, ширина ее 0,8 м. Эти две стены образуют юго-восточный угол какого-то помещения и являются его восточной и южной стенами. Западная стена помещения почти полностью скрыта остатками западной стены помещения № 6 второго комплекса. Длина прослеживаемой части западной стены этого помещения равна 2,25 м, ширина 0,8 м.

Северная стена этого помещения не доходит до восточной стены, оставляя проем 1,35 м. Толщина стены 0,6 м, прослеживаемая длина 3,65 м, стена выходит на запад за пределы раскопа⁷.

Севернее этого помещения 3-го архитектурного комплекса располагалось другое смежное с ним помещение, вскрытое лишь частично. К сожалению в остальных частях раскопа архитектурные остатки третьего комплекса вскрыты отдельными участками, не позволяющими судить о их планировке. Так, в юго-восточной части были вскрыты участки стены и мощный завал из крупного бутового камня, относящегося к этому комплексу. Отдельные участки стены были вскрыты в восточной части раскопа. В площади помещения № 2, второго архитектурного комплекса была прослежена стена третьего комплекса. Эта стена подходила перпендикулярно к описанной самой длинной стене третьего комплекса и являлась, видимо, одной из стен помещений, примыкающих к ней с востока.

Другой участок стены третьего комплекса был вскрыт в площади помещения № 3. Толщина ее 0,75 м, прослеживаемая длина 1,4 м.

Судя по сохранившимся архитектурным остаткам третьего комплекса уместно предположить, что планировка его была сходна с планировкой второго комплекса.

Коротко останавливаясь на характеристике находок 4 слоя, дати-

⁷ Кудряцев А. А. Отчет за 1974 г., с. 42.

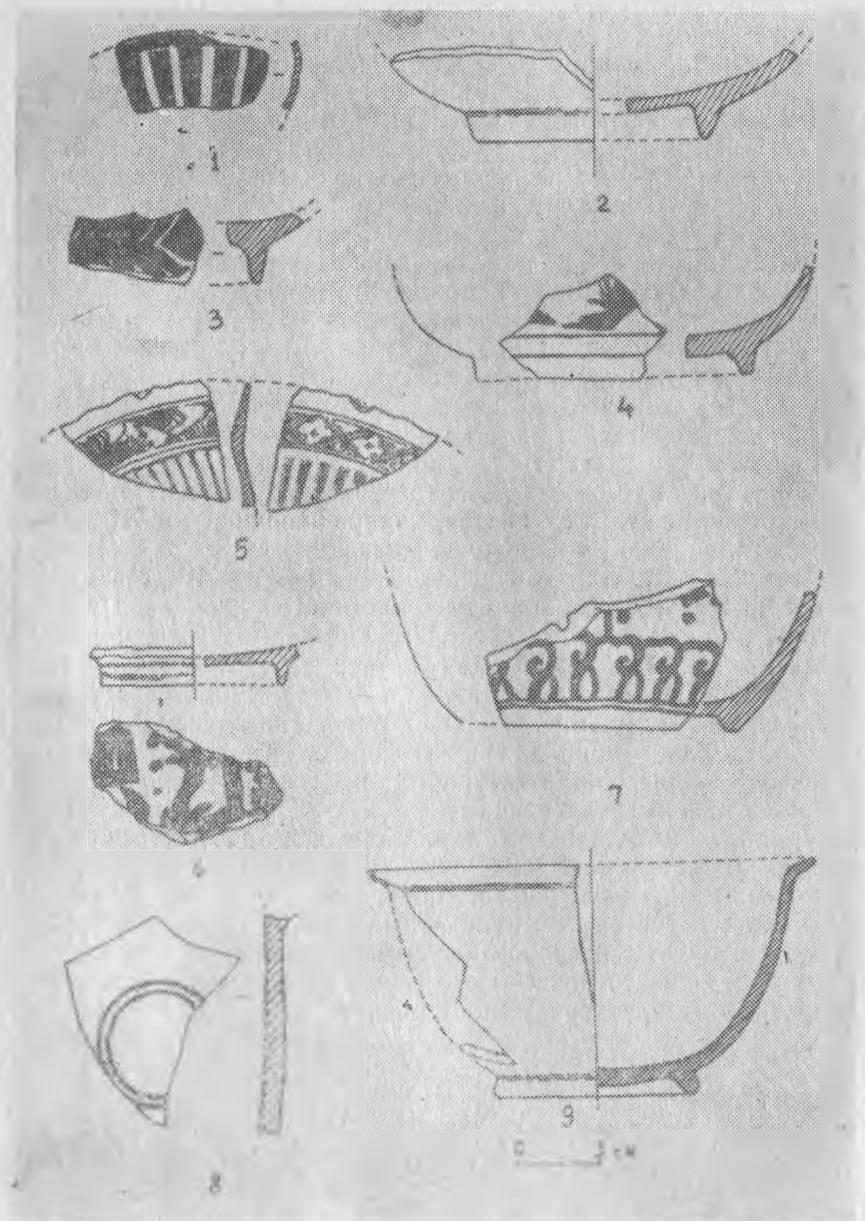

Рис. 3. Керамика второго архитектурного комплекса.

руемых XIV—XV вв., который связывается с временем бытования третьего архитектурного комплекса, надо отметить, что несмотря на общее ухудшение керамических изделий, связанное с общим упадком Дербента в XIV—XV вв., материалы из этого комплекса выглядят значительно богаче, чем из рядовых бытовых памятников Дербента этого периода (рис. 4). Привилегированное местоположение этого комплекса, занимающего наиболее возвышенную часть цитадели, капитальность обнаруженных строений его, разнообразие и богатство керамического материала, среди которого есть дорогостоящая импортная посуда, многочисленные стеклянные и металлические изделия, позволяют говорить, что данный комплекс не являлся рядовой бытовой постройкой, а скорее всего принадлежал к дворцовой застройке. Отметим, что это здание имело внушительные размеры, несовместимые с рядовым бытовым назначением и функционировало по всей вероятности в XIV—XV вв.

Надо отметить важность и большую историческую ценность вскрытых в цитадели архитектурных комплексов. Особый интерес представляет выявленный в третьем слое архитектурный комплекс, представляющий остатки ханского позднесредневекового дворца.

Свидетельства русских послов, направляющихся в Персию через Дербент, купцов, офицеров, сопровождающих Петра I в Персидском походе (1722 г.), говорят о существовании в XVI—XVII вв. в северо-западной части цитадели большого ханского дворца. Проведенные в этой части города работы позволили связать с этим дворцом второй архитектурный комплекс.

Не меньший интерес представляют архитектурные остатки третьего комплекса раскопа, местоположение которого позволяет смело говорить о высоком социальном положении его обитателей. Пока трудно судить о назначении третьего архитектурного комплекса, но вероятнее всего он входил в постройки средневековых ханских дворцов Дербента.

Вскрытие в цитадели комплексов средневековых ханских дворцов, дают богатейший исторический материал о жизни города в этот период, о его исторической топографии, об уровне развития средневекового Дербента, о его торговых и культурных связях. Особый интерес представляют результаты раскопок в плане исследования социально-экономического развития средневекового города, в плане политической и административной характеристики Дербента.

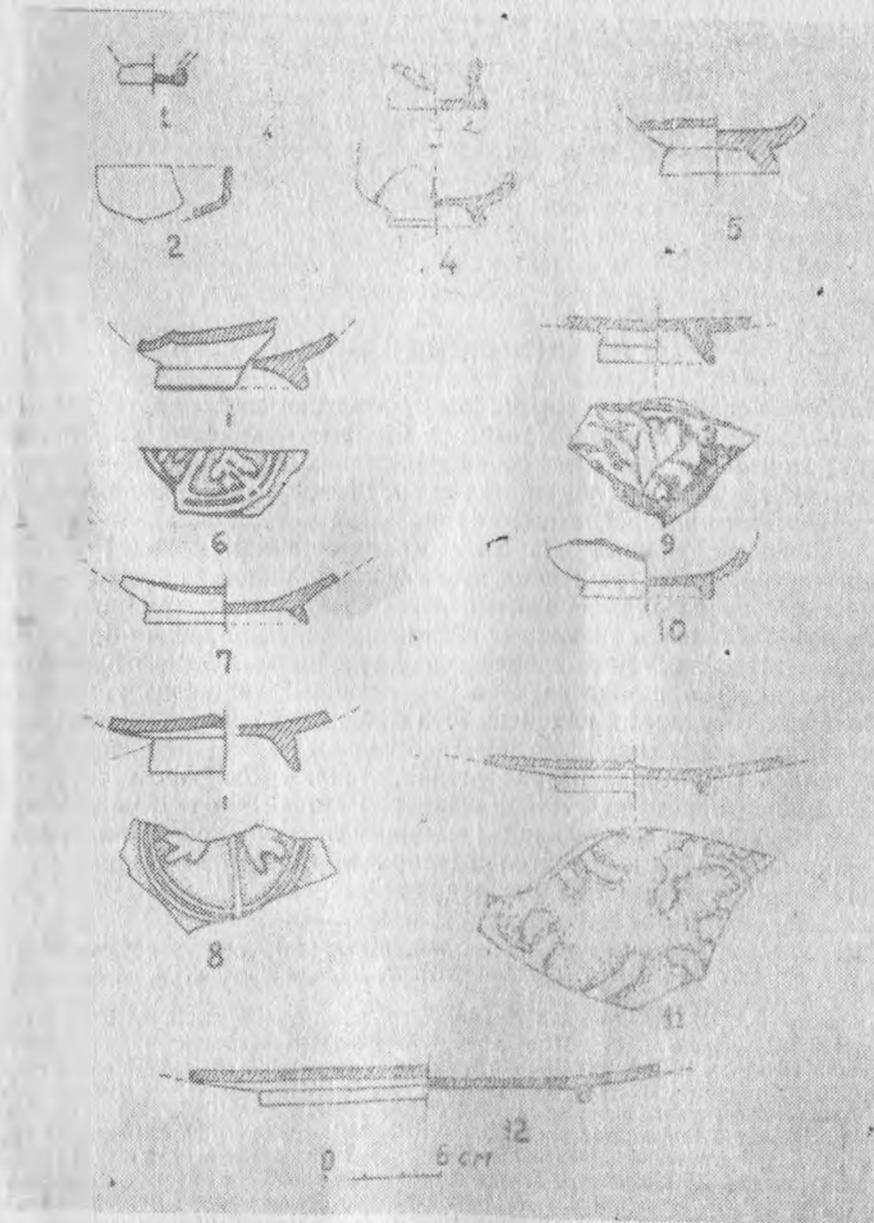

Рис. 4. Керамика третьего архитектурного комплекса.

АНАДИНСКИЙ ЗАМОК

Средневековый период в горном Дагестане все еще таит в себе множество загадок. Причиной тому — не только скудость и противоречивость дошедших до нас сообщений письменных источников, но и чрезвычайно слабая изученность средневековых археологических памятников этого интереснейшего края.

Особенно мало внимания уделялось памятникам конца I—начала II тысячелетий, хотя этот период имел весьма важное значение в истории местного населения. Как отмечают специалисты, именно в этот период возобновился и заметно активизировался прерванный было арабскими завоеваниями процесс феодализации местного общества, сопровождавшийся в ряде случаев укреплением феодальных владений и небольших государств, наконец, тогда же в основном сложились все существующие ныне народности Дагестана и более или менее четко определились территории их расселения, также в основном сохранившиеся до нового времени¹. Наши знания об этом периоде основываются главным образом на сообщениях письменных источников и эпиграфических данных. Крайне незначительные археологические материалы происходят преимущественно из могильников².

¹ Магомедов Р. М. История Дагестана. Махачкала, 1961, с. 84—99; История Дагестана, т. I. М., 1967, с. 176—190; Шихсаидов А. Р. Дагестан в X—XIV вв. Махачкала, 1975, с. 109—140.

² Башкиров А. С. Петрографика Аварии.— Тр. секции археологии РАНИОН, 1930, т. V, с. 129; Артамонов М. И. Отчет о работах Северо-Кавказской археологической экспедиции ИИМК в 1938 г. РФ ИИЯЛ, д. № 1602; Лавров Л. И. Раннесредневековый могильник в нагорном Дагестане.— Сб. МАЭ, 1951, т. XIII, с. 304—308; Пиккуль М. И. Отчет по археологическим работам за 1952 г. РФ ИИЯЛ, д. № 1988; Марковин В. И., Твердохлебов А. М. Акушинский могильник.— КСИИМК, 1955, № 60, с. 150—154; Мунчаев Р. М. Археологические исследования и Нагорном Дагестане в 1954 г.— КСИИМК, 1958, № 71, с. 49—51; Котович В. Г. Археологические работы в горном Дагестане.— МАД, 1961, т. II, с. 38—67; Атаев Д. М. Некоторые средневековые могильники Аварии.— Там же, с. 223—247; *его же*. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963, с. 89—214; *его же*. Археологические исследования в Дагестане осенью 1962 г.— МАД, 1973, т. III, с. 52—56; Магомедов М. Г. Отчет о работе II-го разведочного отряда ДАЭ в 1965 г. РФ ИИЯЛ, д. 3512.

Бытовые памятники этого периода раскопкам почти не подвергались, хотя к настоящему времени усилиями археологов, этнографов и историков они выявлены в разных частях горного Дагестана в довольно большом числе. В преобладающем большинстве своем это небольшие селища, получившие в этнографической литературе название «гухумных» поселений. Принято считать, что они существовали в рассматриваемый период, а с XIV в. большинство их оказывается заброшенными в связи с начавшимся в горном Дагестане процессом образования крупных поселений³. Наряду с такими поселениями в горных районах выявлены также немногочисленные пока остатки укрепленных городищ этого же времени, а также феодальных замков⁴.

Предлагаемая статья посвящена одному из таких замков, расположенному неподалеку от ругуджинского хутора Анада (Гунибский район). Он был обследован в 1969 г. археологической экспедицией Института ИЯЛ⁵.

Анадинский замок находился в естественно укрепленном труднодоступном месте, на длинном узком мысу, образовавшимся при слиянии реки Кара-Койсу и ее небольшого, но бурного левого притока — реки Бец-ор. Коньнообразные русла обеих рек глубоко прорезали здесь многоярусные толщи коренных пород, обнажения которых крутыми ступенями ограничивают мыс с трех сторон. Единственный подход к нему с южной стороны был затруднен сильно пересеченным рельефом. Края мыса окантованы древними речными террасами. Посредине него проходит невысокий, сильно разрушенный горный кряж протяженностью 0,7—0,8 км. Особенно сильно подвергся выветриванию его гребень, от которого осталось несколько останцов причудливой формы, напоминающих своими очертаниями фигуры фантастических существ. На одном таком совершенно неприступном столбообразном останце, образующем господствующую высоту на мысу при впадении реки Бец-ор и Кара-Койсу, и находятся развалины небольшого замка (рис. 1, 1).

Добраться до руин очень трудно. С трех сторон — юга, востока и запада замок надежно прикрывают вертикальные скальные обрывы высотой 45—50 м, а с севера — крутой травянистый склон, угол падения которого превышает 60°.

У мыса при слиянии двух рек и сейчас еще сходятся несколько дорог, связывающих отдаленные селения и хутора с долиной Койсу

³ Котович В. Г. Археологические работы..., с. 55—56; Атаев Д. М. Нагорный Дагестан..., с. 248—249; Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967, с. 115—116; Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967, с. 84—85; История Дагестана, т. I, с. 179; Исламгаomedов А. И. Поселения и жилища цахуров.— ДАЭ, 1974, вып. I, с. 80; Агулы. Махачкала, 1975; с. 73—74.

⁴ Атаев Д. М. Археологические исследования..., с. 51; Котович В. Г. Отчет о работе 3-го разведочного отряда ДАЭ в 1965 г. РФ ИИЯЛ, д. № 3724; его же. Отчет о работе 1-го горного отряда ДАЭ в 1967 г. РФ ИИЯЛ, д. № 3777.

⁵ Котович В. М. Отчет о работе горного отряда ДАЭ в 1969 г. РФ ИИЯЛ, д. 273.

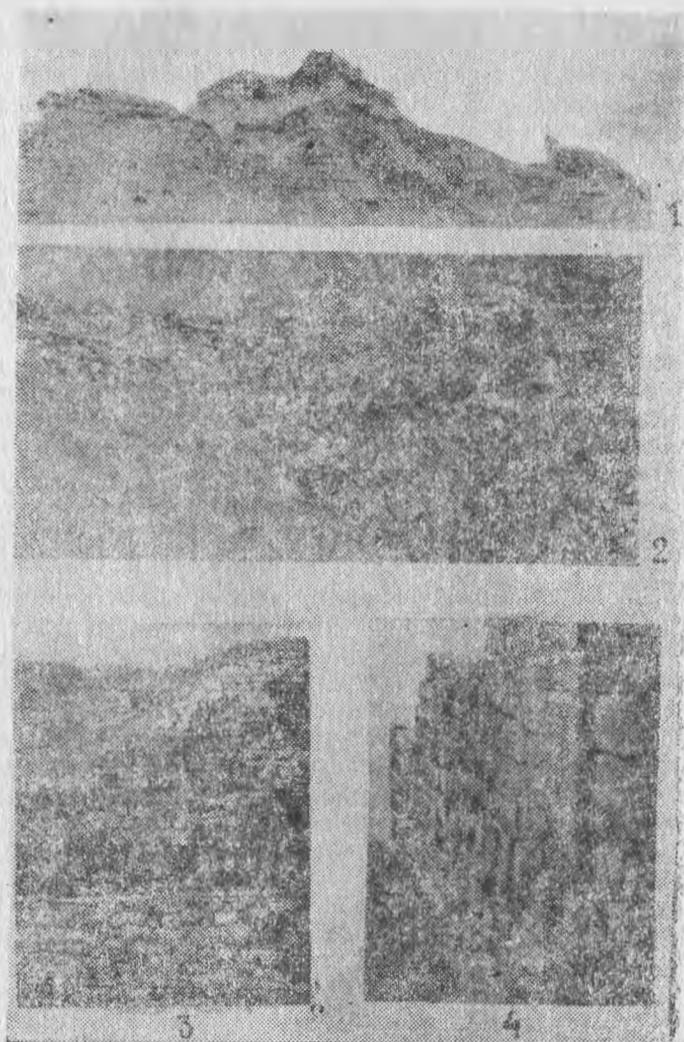

Рис. 1. Анадинский замок. 1 — общий вид; 2 — руины замка; 3 — развалы построек; 4 — основание внешнего панциря северной стены.

и шоссейной дорогой. Но раньше их несомненно было больше. Помимо нескольких старых дорог, превратившихся теперь в тропы, внимание привлекают хорошо заметные остатки большой дороги, проходившей некогда по правому берегу реки Бец-ор и дальше на Ведено. Полотно этой дороги прорубленное в отвесном обнажении скалы и, местами темного укрепленное по краю кладкой, нависало над глубокой и узкой речной тесниной. Этот участок дороги и сам по себе был очень трудным и опасным для путников, но именно над ним и возвышался Анадинский замок. Владелец замка был и «господином» дороги.

Совершенно очевидно, что выбор места для замка был отнюдь не случаен. Отсюда не только просматривалась вся долина Кара-Койсу, но и контролировался узел дорог, шедших из различных районов горного Дагестана в сторону Чечни и Северокавказских степей.

Небольшая узкая выровненная площадка, венчающая столбообразную высоту, почти полностью занята руинами замка (рис. 1, 2). Развалы построек густо заросли травой и колючим кустарником держидерева (рис. 1, 3). И только по восточной и северной стороне хорошо видны основания внешних панцирей стен, выложенных из крупных тесаных каменных блоков по самой кромке скалистого обрыва (рис. 1, 4).

Строительные остатки представляют собой фундаменты и части стен шести прямоугольных камер, располагавшихся, повторяя особенности очертаний площадки, анфиладой с запада на восток (рис. 3). Общая длина построек около 40 м, при ширине 4,5—5 м, площадь всех помещений замка около 200 м². Наибольшая высота сохранившейся части стен около 2 м. Толщина внешних стен замка достигает 1 метра, внутренних — 0,7—0,8 м. Внешние стены построены панцирной кладкой с забутовкой внутреннего пространства дробленным камнем, перемешанным с землей. Очень тщательно отделаны большие прямоугольные плиты, образующие внешний панцирь. Внутренний панцирь южной и северной стен сделан так же как и внешний, из таких же плит, а внутренний панцирь восточной стены сложен из сравнительно небольших плит, уложенных плашмя (рис. 2, 2). Очевидно, этот факт объясняется совершенной неприступностью замка с восточной стороны, благодаря которой строители могли позволить себе некоторое облегчение своей работы, не рискуя нанести ущерб оборонительным достоинствам замка. Углы внешних стен «перевязаны» «замковой» кладкой очень четко и надежно, а во внутренних помещениях они образованы путем постановки стен-перегородок «впритык» к внешней стене.

Все помещения связаны между собой дверями, располагавшимися во внутренних стенах, ближе к южному краю. От дверей сохранились только вертикальные обрезы дверных проемов, ширина которых колеблется в пределах 1 м. Около проемов найдены так называемые «пяточные» камни, служившие для закрепления деревянного полотна самой двери и обеспечивающие ее вращение. Подобный способ крепления

дверей, применявшийся горцами с глубокой древности⁶, еще и поныне можно встретить в хозяйственных постройках высокогорных дагестанских хуторов, лежащих далеко от дорог.

В северной внешней стене обнаружено два «оконных» проема — прямоугольных отверстия высотой 40, и шириной 30 см. Тимпан одного из этих окон-бойниц украшен линейным арочным рельефом (рис. 2, 4). Подобные окна-бойницы, прорезанные в нижних ярусах крепостных стен известны и в закавказских замках-крепостях, где, как полагают исследователи, их могли использовать для наблюдения или в качестве амбразур⁷.

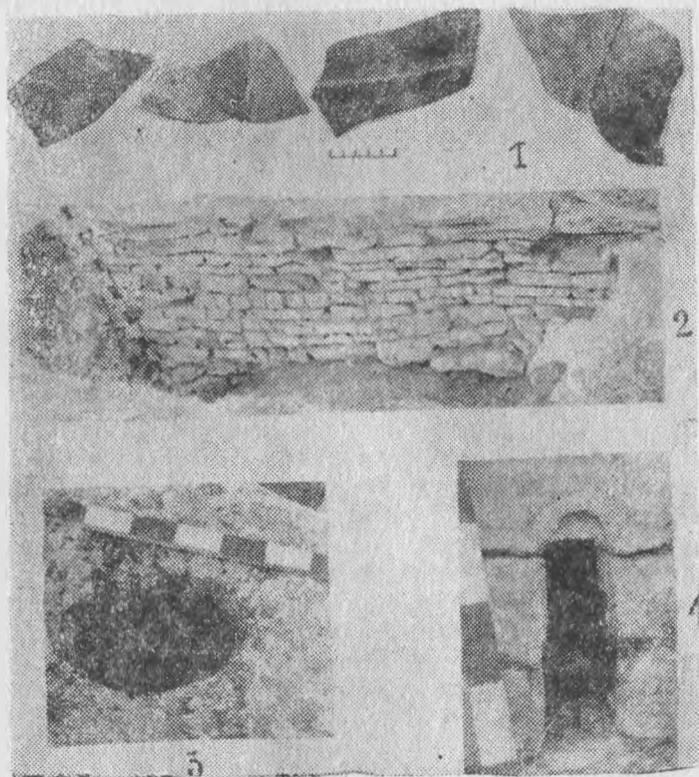

Рис. 2. Ападинский замок. 1 — фрагменты керамики; 2 — внутренний панцирь восточной стены; 3 — полусферическая «чаша», выдолбленная в скальной породе; 4 — «оконный проем» в северной стене.

⁶ Котович В. М. Верхнегунибское поселение — памятник эпохи бронзы горного Дагестана. Махачкала, 1965, с. 74.

⁷ Закарая П. Древние крепости Грузии. Тбилиси, 1969, с. 78.

Небольшие раскопки, проведенные в восточной камере замка показали, что глубина культурного слоя достигает здесь 0,8 м. При его расчистке были обнаружены керамика, кости животных, остатки кровли и каменной вымостки пола.

В верхнем горизонте культурного слоя, образующий его серый рыхлый суглинок местами прокален до красноватого оттенка и насыщен углем, что очевидно является следами бывшего здесь пожара. По всей площади траншеи вдоль восточной стены замка были прослежены тонкие каменные плиты, лежащие горизонтально примерно на одном уровне; под ними находились скопления угля и обгоревших кусков дерева. Можно полагать, что это остатки кровли, рухнувшей вместе с обгоревшими балочными перекрытиями. Вероятно, все помещения замка были перекрыты плоской земляной кровлей, традиционной для горских построек.

В самых нижних горизонтах слоя находились более крупные, массивные плиты. Они лежали на одном горизонтальном уровне и, вероятно все всего, служили каменной вымосткой пола. А местами под плитами вымостки здесь удалось проследить забутовку естественных впадин на скальном основании, делавшуюся для выравнивания горизонтальной поверхности под каменную вымостку пола.

Обнаруженные в слое кости животных принадлежали крупному и мелкому рогатому скоту. Немногочисленная керамическая коллекция представлена здесь преимущественно фрагментами сравнительно тонкостенных красноглиняных сосудов с характерной «штрихованной» внешней поверхностью (рис. 2, 1).

За южной стеной замка, на очень узкой горизонтальной кромке скального обнажения, обрывающегося вниз глубоким обрывом, находятся на равном расстоянии друг от друга три глубокие полусферические «чашки», выдолбленные прямо в скальной породе (рис. 2, 3). На дне и по краям чаш заметны следы закопченности такого рода, которая может возникнуть только в результате долговременного воздействия огня в процессе сжигания жидкого топлива, вероятнее всего жира. Можно полагать, что эти «чашки» служили для разжигания сигнальных огней. Подобная находка дает основание думать, что в замке была хорошо налаженная «сигнальная служба», входившая, очевидно, в общую систему сигнализации определенного района и позволявшая очень быстро оповещать о надвигающейся опасности все окрестное население. Да иначе и быть не могло, если вспомнить расположение замка, дающее возможность держать под наблюдением и контролем всю огромную котловину долины Кара-Койсу и все ее коммуникации.

При всем исключительном удобстве расположения замка для целей обороны и контроля над окружающей местностью, оно имело и один весьма существенный недостаток. Нигде на вершине столбообразного останца, занимаемой замком, нет естественных источников воды. А при обследовании среди руин замка не было найдено никаких приспособле-

ний для сбора воды, типа вырубавшихся в скале колодцев-водосборников, нередко встречаемых в других древних крепостях Дагестана и Кавказа и обеспечивающих водой их защитников во время вражеской осады. Очевидно Анадинский замок постоянно снабжался водой извне и осуществить это можно было только устройством довольно сложной системы подачи воды снизу, от источника в районе пынешнего хутора Анада или реки Бец-ор. Строительство такого водопровода навряд ли представляло серьезные трудности для горцев, больших мастеров такого рода сооружений. Важнее было так построить и укрыть этот водопровод, чтоб его не могли заметить и разрушить враги. Но ни в самом замке, ни за его пределами нам не удалось обнаружить никаких следов существования подобного сооружения. Правда, местные старожилы уверяют, что когда сажались Анадинские сады и сооружалась их оросительная система, широко применялись древние керамические трубы, собранные в окрестностях замка, преимущественно по северному склону, т. е. как раз со стороны ближайшего к замку источника, действующего и поныне.

Современные строители оросительной системы весьма тщательно собрали остатки этих труб, поэтому археологи лишились очень интересного исторического материала, а вопрос о водоснабжении Анадинского замка остался пока открытым, т. к. высказанное здесь предположение при всей своей кажущейся очевидности, всё же нуждается в подтверждении достоверным материалом.

Тщательное обследование руин привело к мысли, что вход в замок, вероятно, был не с северной стороны, откуда можно проникнуть в него сейчас, а с южной совершенно неприступной стороны, защищенной высоким вертикальным обрывом скального обнажения. Помимо уже отмеченных по этой стороне чаш для разжигания сигнальных огней, здесь же была обнаружена небольшая горизонтальная площадка, нависающая балконом над пропастью (рис. 1, 2). А сбоку, на выровненной вертикальной поверхности, ограничивающей «балкон» скалы можно заметить следы стертости от долгого воздействия какого-то механизма. Вероятно, на этой площадке и находился подъемный механизм, облегчающий доставку наверх, в замок, тяжелых грузов.

Немного дальше, к западу, за этой же стеной, удалось найти остатки довольно широкого дверного проема и три вырубленные в скале ступени перед ним, ведущие из двери «в никуда», т. е. обрывающиеся в пропасть. Такая находка уже определенно подсказывала, что где-то здесь, на вертикальной стене карниза находилась по крайней мере пешеходная тропка, подводящая к ступеням перед входом. А значительно позже удалось найти на самой кромке гребня следы вырубленной в скале тропы, отлично замаскированной в слонстой плиточной структуре обнажения. Между тем, непосредственно на участке обнажения под южной стеной замка и поблизости от найденных развалин входа продолжения этой тропы четко не прослеживается. Можно полагать, что

она вислась по отвесному карнизу скального обнажения, держась на вбитых в расщелины длинных деревянных костылях. Подобное устройство пешеходных тропинок и поныне встречается в труднодоступных высокогорных районах Дагестана. Известны случаи использования этого принципа и в строительстве автомобильных дорог в горах, например, знаменитый «балкон» дороги на Цуриб, повисший на вбитых в скалу стальных рельсах над многометровой пропастью ущелья Кара-Койсу. Конечно, такие дороги требуют к себе особенного внимания и постоянного ремонта и не удивительно, что с течением времени тропа перед замком разрушилась, не оставив следа.

Итак, собранный при обследовании Анадинского замка материал и, прежде всего, взятая в культурном слое характерная «штрихованная» керамика позволяет датировать этот интересный памятник эпохой средневековья, точнее предмонгольским временем. Подобная датировка подтверждается также как характером самого памятника — замка-крепости, так и особенностями некоторых его архитектурных деталей.

Появление замков-крепостей связано повсеместно с эпохой раннего средневековья, оно явилось одним из следствий распада больших государственных образований и начала феодальной раздробленности. Замки возникают прежде всего как укрепленные жилища феодалов. Характерной чертой феодальных замков эпохи раннего средневековья на Кавказе считается их неприступность, определяемая как расположением на труднодоступных, естественно укрепленных горах и возвышенностях, так и крепостным характером самих построек⁸. Жизненно важным условием расположения таких замков было и обеспечение возможности господства над основными местными коммуникациями. Замки же были и одним из основных звеньев системы сигнализации, приобретавшей исключительное значение при вторжении врагов⁹. Описанные выше особенности расположения и планировки Анадинского замка показывают, что они как нельзя больше отвечали требованиям своего времени, насыщенного бурными боевыми событиями, связанными и с постоянной опасностью нашествия внешних врагов и с частыми походами феодалов на владения соседей.

Исследованием остатков Анадинского замка положено начало изучению укрепленных феодальных «гнезд» в горном Дагестане. Изучение таких памятников очень важно для средневековой истории Дагестана. Полученные в процессе его факты дадут возможность глубже и полнее охарактеризовать особенности социального устройства местного общества того времени, выявить конкретные формы горского феодализма.

⁸ Закарая П. Указ. соч., с. 13—16.

⁹ Там же, с. 18—19.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ОЧАГ МЕТАЛЛУРГИИ В БАССЕЙНЕ КАРАКОЙСУ

На следы выплавки железа (железные металлургические шлаки) в районе Ругуджа—Куяда впервые в археологической литературе указал Д. М. Атаев¹. Он же предположительно отнес их к средневековой эпохе.

Позже многие местонахождения подобных шлаков были выявлены и уточнены краеведом А. Кичевым из с. Согратль. В 1971 и 1973 гг. он обследовал территорию между с. Согратль и р. Каракойсу, пересек ущелье ее западного притока — речки Бецл-Гюр и поднялся вверх по Хидибскому притоку последней, пройдя в общем около 150 км. На этом маршруте Кичевым были обнаружены железные шлаки («мукъур», «къаркъуш» на местном диалекте) — от россыпей до «холмов высотой в несколько метров» (с. Унти, с. Кула, хут. Ахнада, местности Хъархъиль, Сулела КікІал, Росониб, Оцол Милгбахъ); выходы железной руды (местности Тюгьохъ, ГадигІала, Сеседа КікІал, хут. Хидиб); то и другое вместе (с. Наказух, с. Бацада, местности Къебельул КікІал и ДибиргІамал). Он же обратил внимание на характерную топонимию: Махх бахъулеб къуру — «Скала, где добывают железо», Пирн речІулеб къуру — «Скала, в которую бьет молния» (обе у с. Наказух), Къаркъушалгъул гохІ — «холм шлака» (у с. Кула), Маххул нохъо — «Железная пещера», Къебельул кікІал — «Ущелье кузнеца» (по Хидибскому притоку) и т. п. названия². Позже А. Кичев обнаружил скопление металлургического шлака в местности Лъогоб у с. Согратль.

В августе 1974 года автор настоящей статьи вместе с А. Ахдухано-

¹ Атаев Д. М. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963, с. 225—226.

² Весьма содержательную статью — отчет об этих разведках А. Кичев опубликовал в газете «БагІараб байрахъ», № 61 (8874) за 28 марта 1974 года (см. ГІ. Кичев. Къиматаб хІалІи). Ниже мы не раз обратимся к этой статье. Выражаю искреннюю признательность выпускнику ДГУ М. Газичилову за перевод последней на русский язык.

вым, М. Газичиловым, А. Махмудовым, пройдя от с. Кула в ущелье БецI-гIор, поднялись по правому берегу ее основного русла до заимки охотинспектора М. Ибрагимова, находящейся примерно в 2—3 км от хутора Чохолда, на левом берегу БецI-гIор. Основной нашей целью были поиски материала, датирующего следы местной металлургии (рис. 1).

Рис. 1. Следы средневекового железоделательного производства в бассейне р. Кара-Койсу.

а — выходы железных руд; б — находки железных шлаков; в — маршрут археологической разведки. 1 — хут. Ахнада; 2 — Хьархиль; 3 — Сулела КIкIал; 4 — Росониб; 5 — Тогьохъ; 6 — ГадигIала; 7 — Сеседа-Кал (Сеседа-КIкIал); 8 — хут. Хидиб; 9 — Къебельул КIкIал; 10 — ДибиргIамал; 11 — дом охотинспектора.

В с. Кула россыпь обломков шлака и железной руды была обнаружена прямо на улицах. Хотя существует предание, что в Корода, Кула и Наказухе выплавляли железо еще при Шамиле³, однако старожилы⁴

³ Информатор Г. Кичев (отец А. Кичева) — 73 л. Запись 1973 г. в с. Согратль.

⁴ Информаторы Магомедов У. — 92 л., Гаджиев И. — 74 л., Аминов И. — 80 л., Муртазалиева З. — более 90 л. Запись 1974 г. с. Кула.

Кула твердо заявили, что о времени образования шлаков они ничего сообщить не могут. Они же указали выход рудной жилы (на месте нынешнего склада детских яслей) и сообщили о наличии шлаков на хуторе Гьорода, в местностях Гордаль (у лесхоза) и Тамарил-хоб.

В свою очередь, в ущелье р. БецI-ГIор, ниже заимки охотинспектора, нами было обнаружено значительное скопление шлаков.

Итак, следы былой железной металлургии прослеживаются по обшим сторонам р. Каракойсу в ее среднем течении, на территории, ограниченной ее притоками — Согратлинской речкой на востоке и пределами бассейна БецI-ГIор на западе. Достаточно твердо установлены лишь восточная и южная границы этого металлургического района по линии Ругуджа—Унти—Согратль—Наказух. Распросные и иные сведения дают основание предполагать, что этот район уходит далее на северо-запад.

Рудной базой здешней металлургии были местные залежи железных руд. Геолог Ч. М. Халифа-задэ, производивший съемку в этом районе в 1959 г., обнаружил значительные залежи сидеритовых руд к западу от с. Ругуджа⁵. Рудные образцы, собранные нами, были переданы в Институт нефти и химии (Баку) и определены как гидрогетиты и лимониты⁶. Все названные выше минералы относятся к группе бурых железняков. Несмотря на невысокую концентрацию железа (20—25%)⁷, бурые железняки являлись обычным сырьем для древней и средневековой металлургии.

Обнаруженный материал дает некоторое представление и о технологии выплавки железа. Металлургический шлак насыщен включениями породы, древесных угольков, а также частиц руды, криц (нередко даже отклоняет стрелку компаса). По утверждению А. Кичева, этот шлак значительно тяжелее, чем современный кузнечный шлак⁸. Относительная тяжесть железных шлаков считается характерной для сыродутного способа выплавки железа⁹. О последнем непреложно свидетельствуют многочисленные обломки глиняных сопел, находимые вместе со шлаками (внутренний диаметр канала 3,5—4 см, тесто сильно отощено обильной примесью мелкого кварцевого песка, очевидно, для повышения жароупорности)¹⁰. Анализ шлаков не производился. Остатков горнов или домниц не найдено.

Следует принять к сведению записанное А. Кичевым сообщение

⁵ Ч. М. Халифа-задэ, С. М. Аббасова. Сидеритовые залежи Дагестана. М., 1963, с. 14, 61. Судя по их схеме, залежь локализуется к северу от бассейна БецI-ГIор, охватывая всю территорию Уралинского сельсовета (Куяда).

⁶ Приношу свою глубокую благодарность проф. А. З. Везир-задэ, определившему образцы, и аспиранту В. М. Харитонову.

⁷ Ч. М. Халифа-задэ, С. М. Аббасова. Указ. соч., с. 90.

⁸ А. Кичев. Указ. статья.

⁹ Д. М. Атаев. Указ. соч., с. 226, сноска 36.

¹⁰ Два почти целых сопла из с. Наказух хранятся в краеведческом музее СШ с. Согратль.

жителя с. Кула Ахмедова Магомеда (из потомственных кузнецов) о способе выплавки железа по рассказам его предков: «...железную руду, смешанную с древесным углем, засыпали в сильно разогретую яму и через глиняные сопла с помощью мехов вдували воздух и поддерживали там нужный жар. В результате такой трудоемкой работы получали кусок железа, достаточный для изготовления одного молотка или 3—4 подков»¹¹.

Некоторое представление о масштабах и продолжительности выплавки железа в многочисленных пунктах металлургии среднего течения Каракойсу дает обследованное нами на южном склоне ущелья Бецл-Гор скопление шлаков. Оно представляет собою осыпь, начинающуюся несколько ниже бровки естественной террасы, вниз от сеновала охотинспектора. Примерно 15 м ниже своего верхнего края осыпь пересекается горизонтально проходящей дорогой, имея на этом уровне ширину около 20—25 м. Далее вниз она ниспадает по склону более чем на 300 м, постепенно расширяясь и приобретая в плане очертания треугольника (замеры шагами производил М. Ахдуханов, преподаватель истории Согратлинской СШ).

Шлаковая осыпь слабо задернована и покрыта густым мелкоколесьем. Ниже дороги нами была сделана попытка прорыть этот слой сплошного шлака до основного грунта, дабы определить мощность слоя, однако на глубине около 1 м (по вертикали) все еще шел сплошной шлак, и работа была прекращена.

Было совершенно очевидно, что сбрасывавшие шлак вниз плавильные сооружения функционировали довольно долго и располагались на террасе, а потому она была обследована.

Естественная терраса находится приблизительно на 700 м выше речки Бецл-Гор на южном склоне ущелья, полого ниспадая к востоку. На поверхности террасы, непосредственно над шлаковой осыпью, различимо обширное неровное пологое возвышение. В размывах склонов последнего наблюдались угольки, обломки костей крупного и мелкого рогатого скота, шлака и были собраны обломки керамики — светлой красноглиняной, ровного и сильного обжига, со следами светлого ангобирования, иногда с полосами малинового ангоба; один фрагмент принадлежал крупному толстостенному штрихованному сосуду. Весь этот подъемный материал, очевидно, соответствует верхнему слою возвышения.

Было очевидно, что это возвышение сформировалось из культурных оглозений в период бытования на террасе как плавильных, так и связанных с ними сооружений. Видимо, строительный камень последних был отчасти использован для строительства (на этом же возвышении) дома и хозяйственных построек усадьбы охотинспектора, но прежние строительные остатки кое-где прослеживаются доныне.

¹¹ А. Кичев. Указ. статья.

Заметив обнаженную размывом верхнюю часть кладки (ряд грубо обработанных камней протяженностью около 1 м), обреченную на разрушение последующими ливнями, мы заложили рядом шурф 1×1 м так, чтобы одновременно была обнажена кладка, верх которой служил для нас репером.

Материк (светлый суглинок со щебнем) был достигнут на глубине 1,6 м, основание кладки — на глубине 1,8 м. Культурная толща четко распадалась на два слоя. Нижний (глубина от 1,6 м до 1,2 м) состоял из местами обожженного суглинка со щебнем с крупными кусками железа. Сходство грунта данного с материковым, его слабая гумусированность заставляют предполагать, что указанный слой сформировался за относительно короткий срок. Уровень 1,2 м был, очевидно, некоторое время дневной поверхностью. На нем в шурфе были обнаружены три крупных обломка керамики, по-видимому, тарной: 1) красноглиняный, слоистый, грубо заглаженный черепок лениного сосуда; 2) красноглиняный, с серой прослойкой в изломе; 3) сероглиняный, с полосчатым лощением поверхности и врезным линейным орнаментом.

Верхний слой шурфа (до глубины 1,2 м) представлял собой завал крупных, едва обработанных камней и их обломков вместе с кусочками шлака, грунт сильно гумусирован. Последнее обстоятельство заставляют предполагать, что верхний слой складывался в течение продолжительного времени. Этому слою соответствует упоминавшийся подъемный керамический материал, собранный в размывах.

Нижний слой шурфа хронологически безусловно соответствует началу выплавки железа на террасе. Конец образования этого слоя приблизительно датируется найденными в шурфе на границе верхнего и нижнего слоя тремя обломками керамики (см. выше) — то есть концом I—началом II тыс. н. э., но не позже XIII в.

О продолжении выплавки железа в период складывания верхнего слоя шурфа можно говорить лишь предположительно, несмотря на содержание в нем шлака, ибо не исключена возможность, что последний был постепенно нанесен с вышележащих участков террасы. Но соответствующий верхнему слою подъемный керамический материал, датируемый XIV—XV вв. (причем датировку можно расширить до позднего средневековья, т. е. до XVI—XVII вв.)¹², в любом случае свидетельствует об обитаемости террасы в указанный период. Сопоставление с этим фактом незаурядной мощи шлаковой осыпи при слабой ее задренованности дает основание предполагать, что выплавка железа на террасе продолжалась и в отмеченный период.

Итак, начало выплавки железа на исследованных памятниках

¹² Приношу свою глубокую благодарность археологам ИИЯЛ А. И. Абакарову, М. Г. Гаджиеву, М. Г. Магомедову за консультацию в датировке керамического материала.

в ущелье БецI-Гор следует искать в интервале: конец I тыс. н. э.— XIII в.

Пытаясь датировать конец существования описанного очага металлургии, уместно вспомнить мнение Д. М. Атаева, заметившего, что поскольку о металлургическом производстве в данном районе нет упоминаний в письменных источниках, то прекращение его должно было произойти до начала непрерывной фиксации в них событий истории Дагестана (последнее надо, по-видимому, отнести к рубежу XVI—XVII вв.)¹³. Таким образом, верхним пределом выплавки здесь железа следует считать XVI в.— это, кстати, с очевидностью согласуется и с наиболее поздним керамическим материалом из культурных отложений на террасе БецI-Гор.

Любопытно сопоставить с такой датировкой собранные А. Кичевым¹⁴ в сс. Наказух, Бацада, Кула и прилегающих к ним хуторах предания, согласно которым железо выплавлялось здесь 15 поколений тому назад. Если принять одно поколение за 25—30 лет, то окажется, что и предания относят верхний предел местной металлургии к XVI в.

Есть основания считать, что угасание металлургического очага не означало исчезновения связанных с ним ремесел в среднем течении Каракойсу. Лежащие по ее правому притоку сс. Согратль¹⁵, Чох, Гамсутль¹⁶ издавна являлись центрами металлообработки и оружейного дела.

Расположенная в северо-западной части описанного района Куяда¹⁷ также издавна и до самого последнего времени¹⁸ была центром выделки холодного оружия и металлообработки вообще, удовлетворявшим нужды жителей сопредельных территорий во всевозможных видах железных изделий¹⁹.

Уместно отметить, что Б. Малачиханов прослеживал участок «великого пути через горы» от Чоха до Чечни именно через Куяда (далее

¹³ Атаев Д. М. Указ. соч., с. 226.

¹⁴ Кичев А. Указ. статья.

¹⁵ Асиягилов С. Место художественных промыслов и ремесел в хозяйстве аварцев в прошлом и настоящем. УЗ ИИЯЛ (серия общественных наук) XVII, Махачкала, 1967, с. 185. Кроме того, информатор Г. Кичев сообщил об изготовлении в Согратле в прошлом не только холодного оружия, но и ружейных стволов. Запись 1973 г.

¹⁶ Кильчевская Э. Аварское ювелирное искусство.— В сб.: Искусство Дагестана. Махачкала, 1965, с. 104—105.

¹⁷ Куяда — совокупность около 40 хуторов на площади 3×8 км с сельсоветом в хут. Урала — см. Исламмагомедов А. Из истории материальной культуры аварцев (канд. дисс.). Махачкала, 1965, с. 67.

¹⁸ Атаев Д. М. Нагорные средневековые могильники Аварии. МАД II, Махачкала, 1961, с. 239, сноски 32 — приводится предание о расцвете металлообработки в Куяде в период перехода куядинцев в ислам, т. е., по-видимому, в XIV—XV вв.

¹⁹ Асиягилов С. Указ. раб.

²⁰ Малачиханов Б. К вопросу о хазарском Семендере в Дагестане. УЗ ИИЯЛ (серия историческая) XIV, Махачкала, 1965, стр. 185—187.

Гидатль—Ассаб—Карата—Ичичали)²⁰, то есть гораздо западнее современного маршрута (Карадах—Хунзах—Тлох). Наличие в Куяда крупного центра металлообработки (предполагающего и соответствующие рыночные связи) делает более понятным описанное направление «пути народов», далеко превосходявшего по своему значению местные масштабы.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ДО — Археологические открытия
БАУ — Вопросы археологии Урала
ВДИ — Вестник древней истории
ВМГ — Вестник Гос. музея Грузии
ГИМ — Государственный исторический музей
ДС — Дагестанский сборник
ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения
ИА — Институт археологии АН СССР
ИАК — Известия Археологической Комиссии
ИАН Аз. ССР — Известия Академии наук Азербайджанской ССР
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИЖ — Исторический журнал
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полезных исследованиях института археологии АН СССР
МАД — Материалы по археологии Дагестана
МАДИСО — Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МГАИМК — Материалы Государственной Академии истории материальной культуры
МКА — Материальная культура Азербайджана
РФ ИИЯЛ — Рукописный фонд Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагестанского филиала АН СССР
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СМОПК — Сборник материалов для описания племен и местностей Кавказа
ТЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции
УЗ ИИЯЛ — Ученые записки Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР
УЗ КБНИИ — Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института
ЧтМОИДР — Чтения Московского общества истории и древностей российских
ЧИННИИ — Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт
ААН — *Asta archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*
АН — *Archaeologia Hungarica*
E.SA — *Eurasia Septentrionalis antiqua*

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
	3
М. Г. Гаджиев.	5
В. М. Котович.	28
С. Н. Корневский.	37
А. Р. Магомедов.	46
О. М. Давудов.	62
<u>В. Г. Котович.</u>	78
А. И. Абакаров, М. Г. Гаджиев.	94
М. П. Абрамова.	115
М. С. Гаджиев.	144
Л. Б. Гмыря.	152
М. Г. Магомедов.	170
А. А. Кудрявцев.	190
Г. Г. Гамзатов.	211
В. М. Котович.	221
А. Криштопа.	230
	237

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Древние и средневековые археологические памятники Дагестана

(Тематический сборник)

Редактор *Е. И. Чернигова.*

Художник *Р. Гаджиханова.*

Технический редактор *В. С. Ваврешук.*

Сдано в набор 20.03.1981 г. Подписано к печати 31.12.1980 г. Формат 70×90¹/₁₆

Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая.

Услов. печ. л. 18,75. Уч.-изд. 17,1 п. л. Зак. 226. Тираж 500 экз.

Цена 1 руб. 15 коп. С00585.

Типография Дагестанского филиала АН СССР.
Махачкала, 5-й жилгородок, корпус 10.